

КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Под редакцией **А.Н. ЧУМАКОВА**

МОНОГРАФИЯ

BOOK.ru
ЭЛЕКТРОННО-БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
KNORUS • МОСКВА • 2017

К90 **Культура в условиях глобализации взгляд из России** : монография / коллектив авторов ; под ред. А.Н. Чумакова. — Москва : КНОРУС, 2017. — 372 с.

ISBN 978-5-406-05795-7
DOI 10.15216/978-5-406-05795-7

В коллективной монографии рассматриваются актуальные проблемы культуры современной России и Китая. Особое внимание уделено сравнительному анализу культурной политики двух стран в контексте нарастающих процессов глобализации. Представленные тексты написаны членами творческого коллектива, осуществляющими совместную работу при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период» (проект № 15-23-21002). В сборник также включены работы известных ученых, которые исследовали региональные аспекты культурной политики России в сфере образования. Книга адресована специалистам, преподавателям, студентам и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами современной культуры, а также российской и китайской культурной политикой в условиях глобальной взаимозависимости.

Для широкого круга читателей.

УДК 008
ББК 71.0

КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Сертификат соответствия № РОСС RU.АГ51.Н03820 от 08.09.2015.

Изд. № 13976. Подписано в печать 07.09.2016. Формат 60×90/16.

Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 19,5. Тираж 500 экз.

ООО «Издательство «КноРус».

117218, г. Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2.

Тел.: 8-495-741-46-28.

E-mail: office@knorus.ru http://www.knorus.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии».

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5.

Тел.: 8-495-221-89-80.

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

**Раздел I. КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
И КИТАЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ** 7

**Культурный код общественного развития:
глобальные и локальные аспекты
(А.Н. Чумаков)** 8

**Перед лицом глобализации: китайская
культурная политика на рубеже веков
(Ли Хэй)** 33

**Политика и влияние китайской культурной
индустрии в контексте глобализации
(Цзя Сюйдун)** 101

**Проблемы культурной политики, или Почему культура
развивается самостоятельно в постсоветской России
(Р.П. Трофимова)** 121

**Культурное наследие и культурная
политика постсоветской России
(Д.А. Силичев)** 135

**Культурная политика России в свете
современных геополитических проблем
(Е.И. Замараева)** 164

**Ценностные основания культурной
политики современности
(Т.Н. Серегина)** 175

**Социокультурный мир постсоветской
России как проект и реальность
(Н.О. Хазиева)** 186

**Русская культура и современная глобализация
(Ань Цинянь)** 199

**Цензура как актуальная проблема государственной
культурной политики в сфере кино
(Н.А. Хренов)** 203

От советского к постсоветскому кино и обратно (С.А. Просеков)	224
Инварианты и универсалии культуры (Т.С. Лапина)	230
Навстречу 13-й пятилетке: совершенствование системы государственного управления культурой (Цзу Чуньмин)	250
Языковые аспекты культурной политики постсоветской России сквозь призму глобализации (М.С. Стычинский)	273
Раздел II. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	289
Особенности национально-региональной системы образования (Е.М. Махаров)	290
Традиции и тенденции дагестанского образования (М.И. Биалов)	303
Образовательная политика в республике Саха (Якутия): принятые концепции и их результаты (Н.Н. Кожевников, В.С. Данилова)	321
Специфика образования в Республике Бурятия: от национально-локального к ноосферно-глобальному (В.В. Мантатов, И.С. Болдонова)	329
Актуальные проблемы становления системы образования Республики Башкортостан в начале XXI в. (Б.С. Галимов, Г.Г. Салихов, Р.М. Валиахметов, А.М. Багаутдинов)	338
Образование и культурная политика в Чувашии (Э.В. Никитина, В.П. Станьял, Г.Ф. Трифонов)	348
АВТОРЫ	369

Вопросы культурного развития как отдельных стран, так и мирового сообщества в целом сегодня, в условиях многоаспектной глобализации, обретают особую значимость. И дело не только в том, что успехи в области экономики, а в конечном счете и конкурентоспособность различных стран на мировой арене зависят как от культуры производства, так и цивилизованных отношений с партнерами. Не менее важным является общий культурный потенциал страны, образованность и цивилизованность всего ее населения, что выражается емким понятием — «человеческий капитал», хорошо передающим смысл сказанного. В этой связи особую роль играет культурная политика, проводимая в той или иной стране, а исследование данного феномена позволяет наиболее оптимально задействовать имеющиеся ресурсы и правильно выстраивать стратегию и тактику действий такой политики. Именно это обстоятельство и лежало в основе инициативы российских и китайских ученых, обратившихся в Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) с предложением поддержать их совместные усилия, направленные на теоретическое осмысление данной проблемы. При этом изначально предполагалось взять за основу Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период и в сопоставлении с культурной политикой Китая исследовать как сильные, так и слабые ее стороны.

В результате проведенной работы за отчетный период 2016 г. авторский коллектив, состоящий из российских и китайских участников данного проекта, а также другие специалисты, занимающиеся культурной политикой России, подготовили материалы, которые легли в основу настоящего сборника. Его структура соответствует двум основным направлениям, по которым велась исследовательская работа. Так, в первый раздел вошли работы, посвященные тому, как осуществляется культурная по-

литика России и Китая с учетом вызовов современной глобализации. Здесь нашли отражение как философско-методологические и теоретические проблемы данной темы, так и ее прикладные аспекты, связанные с искусством, проблемами управления, системой ценностей и т.п. Во втором разделе книги рассматриваются региональные аспекты культурной политики России в сфере образования. Здесь ведущие специалисты в данной области из различных регионов России анализируют конкретную ситуацию того, как обстоят дела с образованием в национальных республиках, в частности, таких как Дагестан, Республика Саха (Якутия), Бурятия, Башкортостан, Чувашия. Данные регионы отбирались таким образом, чтобы можно было составить наиболее полную картину образовательной культурной политики страны с учетом географических и этнических особенностей многочисленных народов, населяющих Россию.

Насколько членам авторского коллектива данной книги удалось реализовать изложенные выше замыслы, судить специалистам, практическим работникам, политическим, государственным и общественным деятелям, а также широкому кругу читателей, которым и посвящается данная работа.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И КИТАЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

КУЛЬТУРНЫЙ КОД ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ¹

В осмыслении современных глобальных изменений, пожалуй, нет иной сферы общественной жизни помимо культуры, которая обсуждалась бы так активно и вызывала бы так много дискуссий и разногласий. Причин тому много, но среди главных, несомненно, универсальный характер культуры, являющейся главной характеристикой как самого человека, так и всех общественных структур, которые неизменно оказываются в центре событий, когда дело касается современной глобализации и ее всевозможных последствий. Иными словами, поскольку общественное бытие немислимо вне культурного контекста, то и процессы глобализации не могут не затрагивать культуру в первую очередь и непосредственным образом. В то же время культура охватывает и, более того, буквально пронизывает все сферы духовной и материальной жизни общества, а потому оказывается со всех сторон так или иначе вовлеченной в процесс глобализации. При этом духовность, сознательная деятельность людей становятся приоритетными. Как справедливо отмечает руководитель исследовательского проекта Института философии РАН «Проблемы сохранения многообразия культурных традиций России в эпоху глобализации» И.К. Лисеев: «Проблема сознания, национальной самоидентификации в сложном многоуровневом нелинейном мире всегда была острой проблемой бытия человеческого социума. Однако ныне в условиях стремительно глобализирующегося мира она приобретает еще большую остроту»².

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период»), проект № 15-23-21002.

² Лисеев И.К. Диалог и взаимопроникновение культур в процессе глобализации // Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия. М. : ИФ РАН, 2010. С. 4.

В связи с этим возникает множество связанных с культурой проблем, которые все больше обретают международный и даже глобальный характер, примером чего могут служить трудности и противоречия, порождаемые усилением влияния и широким распространением «массовой культуры», периодически возникающие кризисы духовности, нарастание апатии, чувства потерянности, незащищенности, рецидивы проявления бездуховности и т.п. В таких условиях все большее значение приобретают взаимодействие, диалог и взаимопонимание различных культур, где особую роль играют непростые отношения современной западной культуры и традиционных культур развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки, а также отношения, складывающиеся между различными религиями, ценностные ориентации которых значительно разнятся и являются одним из факторов противодействия процессам глобализации культуры.

Исследуя культуру, ее роль, значение и трансформации в глобализирующемся мире, обратимся к этимологии слова. Первое упоминание термина «культура» можно обнаружить уже в Древнем Риме, а этимология этого слова восходит к латинскому *cultura* (возделывание, обрабатывание, уход, воспитание, образование), которое было введено первоначально для обозначения изменений, привнесенных человеком в сфере сельского хозяйства: *обработка земли, выращивания новых сортов растений, разведение и селекция животных* и т.п. Именно в этом смысле в литературе античного Рима данный термин изначально и употреблялся. Появление термина было закономерным явлением, так как к тому времени появилась настоятельная потребность отразить в языке фундаментальные изменения, привнесенные человеком в естественную природу, окружавшую его в качестве среды обитания, и которую он не только физически изменял, творчески преобразовывал, но и постоянно стремился осмыслить, понять по мере накопления теоретического знания и практического опыта. Со временем термин дополнился множеством новых смыслов и теперь в самом общем плане *культуру можно определить как творческую деятельность людей во всех сферах бытия, направленную на осмысление и преобразование действительности, а также результаты такой деятельности, которые находят всевозможное выражение в обычаях, традициях, вероисповеданиях, в философии, науке, искусстве, в быту, производстве, технологиях и т.п.*

Понимаемая таким образом культура никак не может оставаться в стороне от реальных перемен в обществе, и потому так

важно выяснить, что же происходит с нею в процессе глобализации? Что в культуре, соединяющей в себе единичное, частное и общее, личностное и коллективное начала, этническое и национальное, духовное и материальное, имеет универсальное, общечеловеческое значение, составляющее сущность глобализации, а что противостоит, сопротивляется ей? С какими другими понятиями, отражающими наиболее важные характеристики общественного устройства и развития, соотносится, пересекается понятие «культура»? Существуют ли культуры как целостности с четкими, достаточно определенными границами и в какой мере можно говорить о единой, общечеловеческой культуре? Является ли задача исследования проблем культуры делом только специальной дисциплины — культурологии, а также философии или и другие дисциплины, в частности, глобалистика, могут привнести что-то новое в понимание столь сложного явления? Наконец, можно ли, используя уже имеющиеся наработки в области культурологии и философии культуры, более эффективно решать проблемы глобального мира, и если да, то как это сделать?

Здесь следует заметить, что во всех общественных системах, а в наиболее крупных в особенности, существует множество подгрупп, имеющих различные мировоззренческие установки и предпочтения, ценности и традиции, отличные от общепринятых культурных норм. Систему таких норм и ценностей принято называть *субкультурой*, которая формируется, как правило, под влиянием множества факторов, среди которых выделим этническое происхождение, социальный статус, род занятий, религию, место жительства, идеологические установки, политические предпочтения и т.п. В общественном мнении нередко бытует негативное отношение к субкультурам; порой к ним относятся с недоверием или недоверием, хотя это вовсе не означает, что если та или иная группа, является выразителем какой-то конкретной субкультуры, то она обязательно выступает против культуры, господствующей в обществе. Например, субкультура ученых, писателей, врачей или военных, как правило, «мирно» сосуществует с общепринятой культурной традицией. Но иногда та или иная социальная группа формулирует и активно проводит в жизнь нормы и ценности, которые противоречат основным положениям господствующей культуры. На этой основе возникает так называемая *контркультура*, ценности которой могут быть причиной серьезных дискуссий, а также длительных и достаточно острых

конфликтов в обществе. Нередко новые взгляды и идеи, порожденные контркультурой и выступающие, как правило, в различных формах социального протеста, проникают и в самую господствующую культуру, порождая в ней определенные подвиги и трансформации¹.

Наиболее значительный всплеск подобных форм социального протеста пришелся на конец 60-х гг. XX в., когда сначала в европейских, а затем и во многих других странах поднялась волна молодежного движения, выступившего против «культуры отцов», «тотального конформизма» и навязываемого образа жизни, основанного на «лицемерных ценностях» старшего поколения. Именно тогда американский ученый Т. Росзак предложил для обозначения такого типа протестующего мироощущения термин *«контркультура»*, получивший в последующем широкое распространение для обозначения всевозможных альтернативных движений: «новых левых», хиппи, битников, металлистов, панков, скинхедов и т.п. В определенной мере в них нашли отражение острейшие общекультурные и общецивилизационные противоречия современного мира, а также стремление молодых людей переосмыслить смысл жизни, понимание человеком самого себя и окружающего его мира, что само по себе может рассматриваться как явление позитивное.

Однако протестные движения могут иметь и деструктивный характер, если они приводят не к развитию, а к деградации человека, окружающей его среды или уже созданных материальных ценностей. Такие действия, как и вызываемые ими явления, принято называть *антикультурой*, которая не просто отрицает культуру, а разрушает, варварски уничтожает ее. Примерами по-

¹ *Чумаков А.Н.* Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. Монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2017 г.; Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия. М.: ИФ РАН, 2010; Россия: многообразие культур и глобализация. М.: ИФ РАН, 2010; Феномен глобализации в контексте диалога культур. М.: Канон+, 2010; Roland Rodertson, Globalization: Social Theory and Global Culture, London: Sage 1999; Featherstone M. (ed.). Global Culture. Nationalism, Globalization and Modernity. L. 1990; Proceedings of International Conference (I) Traditions and Contemporary World — toward Multi-Culture? Idea and Value Dialogue and Communication. Beijing Normal University, 2009; World Cultural Forum (Taihu, China). The First Conference: Dialog and Cooperation for the World Harmony and Common Development. A Collection of Paper Abstracts by Experts and Scholars from China and Abroad. Suzhou, China, May, 2011; Global Studies Encyclopedia / Edited by I.I. Mazour, A.N. Chumakov, W.C. Gay; TsNPP «Dialog». М.: Raduga Publishers, 2003; Between Global Violence and the Ethics of Peace: Philosophical Perspectives. Oxford, UK, 2009.

добного рода антикультуры являются: фашизм, геноцид, преступность, загрязнение окружающей среды, разрушение исторических памятников, уничтожение уникальных природных объектов и др. С такими проявлениями социальной активности в отличие от тех, которые порождены контркультурой и не носят деструктивный характер, любое общество, защищающее традиционные ценности и нормы общечеловеческой культуры, ведет, как правило, непримиримую борьбу.

Итак, в большинстве стран и прежде всего европейских к началу XX в. сложилось несколько форм культуры; в ней не только выделились такие новообразования, как *контркультура* и *антикультура*, но и произошло как бы расслоение всего культурного пространства на несколько уровней. Наиболее выраженными из них стали: «высокая», или *элитарная культура*, создававшаяся и воспринимавшаяся элитой (изящное искусство, классическая музыка, литература), и *народная культура*, включавшая в себя сказки, фольклор, песни, мифы и выражавшая мировоззрение и умонастроения бедных слоев населения. Каждая из этих культур была ориентирована на определенную публику, и эта традиция редко нарушалась. Однако с появлением средств массовой информации: радио, кино, телевидения, массовых печатных изданий, аудио- и видеозаписи, Интернета, электронной почты и радиотелефонов — ситуация изменилась коренным образом — границы между высокой и народной культурой стали практически неразличимы. Так возникла массовая культура, которая, преодолевая социальные, этнические, религиозные, классовые и другие различия, стала характерной особенностью современного глобализирующегося мира. При этом средства массовой информации и массовая культура оказались в этих новых условиях настолько тесно связанными между собой, что теперь уже всегда одно из них непременно является спутником другого.

С середины XX в. в специальной литературе можно отметить нарастающую тенденцию во взглядах на мировую историю, когда она все чаще рассматривается как история становления и развития культуры. При этом отдельные страны и народы, а точнее, населяющие их люди, нередко воспринимаются в качестве представителей различных отрядов единой общечеловеческой культуры. Однако среди культурологов найдется немало и тех, кто отрицает существование общечеловеческой, характерной для всех людей культуры, кто видит только разнообразие и специфические особенности различных типов отдельных культур, но не

признает единые, общечеловеческие основания, на которых все они базируются.

Отметим в этой связи, что общечеловеческая культура, как универсальная и одинаковая для всех народов, которая бы заменила собою все национальные, локальные культуры, конечно же, невозможна. Об этом немало было сказано у Ф.М. Достоевского, Н.С. Трубецкого, Л.Н. Гумилева и многих других мыслителей различных эпох и народов. Но важно подчеркнуть, что, отрицая общие основания и особенности в культурном развитии тех или иных народов, сторонники такого подхода рассматривают обычно всю историю человечества как последовательную смену событий, как круговорот замкнутых в собственных границах, не способных к взаимодействию и обмену локальных культур, которые рождаются, живут и развиваются независимо друг от друга и в конечном счете гибнут в силу своих же внутренних причин.

Наиболее яркими представителями отмеченных взглядов являются О. Шпенглер, А. Тойнби и их последователи, которых, следует отметить, становится все меньше под влиянием растущей глобализации, стирающей не только временные и пространственные барьеры, но и последние препятствия к распространению новейших технологий, информации, идей и много из того, что составляет содержание массовой культуры. Все это создает необходимые условия для межкультурного обмена и становится мощным импульсом к тому, чтобы региональные, национальные, этнические и другие культуры вступали во взаимодействие и заимствовали многое друг от друга в процессе наложения, пересечения, сращения различных культурных потоков, традиций, научно-технических достижений и т.п. Пожалуй, в этом и состоит основное решение проблемы, которая становится теперь, быть может, одной из самых главных — как обеспечить, с одной стороны, культурное единство, без которого человечеству попросту не выжить во взаимозависимом мире, а с другой — разнообразие мира, без чего человечество попросту утратит свою идентичность?

Не имея возможности хотя бы вкратце рассмотреть все многообразие культуры в различных ее аспектах, остановимся лишь на тех ее отраслях, которые составляют относительно замкнутую область в составе целого и в то же время являются самостоятельными составными частями культуры как единого организма; которые в то же время в наибольшей степени вовлечены в процесс

глобализации и сами в свою очередь оказывают на нее заметное влияние. Таковыми, несомненно, являются духовная и *материальная, элитарная* и *массовая* культуры.

Принимая во внимание, что вся деятельность человека осуществляется в двух основных формах: духовно-преобразующей, направленной на преобразование и формирование духовного мира человека, и материально-преобразующей, направленной на создание и преобразование объектов окружающей среды и предметов материального мира, вполне правомерно говорить и о двух типах или разновидностях культуры — *духовной* и *материальной*. Разумеется, что такое деление, осуществляемое с целью более детального исследования сложнейшего социального явления, носит условный характер и не должно абсолютизироваться.

Духовная культура (ее еще называют нематериальная) представляет собой творческую активность, целенаправленную деятельность людей по производству и воспроизведению нематериальных ценностей, а также деятельность по овладению этими ценностями. В основе ее функционирования всегда так или иначе лежит воспитание определенного типа личности, что, по мнению многих исследователей, является главной целью и первостепенной задачей духовной культуры. Помимо этого она выступает также основным средством внедрения в общественную жизнь идей и знаний, характерных для каждой эпохи, и включает в себя все виды, формы и уровни общественного сознания. Вместе с тем духовную культуру нельзя сводить только к сознанию или творчеству, ибо она существует, функционирует в обществе не только посредством продуцирования и реализации всевозможных творческих замыслов и идей, но и посредством усвоения уже готовых результатов такой деятельности, именуемых артефактами. Последние существуют в самых разнообразных формах и выступают в виде обычаев, норм, ценностей, образцов поведения человека, сложившихся в тех или иных конкретно-исторических условиях, а также в виде политических, религиозных, нравственных, эстетических идеалов, различных творческих идей и научных знаний.

Отметим, что все это является продуктом интеллектуальной, духовной деятельности людей и направлено на удовлетворение их нематериальных потребностей, которые, собственно, и отличают человека от мира животных. К тому же важным показателем развития духовной культуры любого общества выступает доступность ее продуктов широкому кругу людей, что в свою очередь зависит от количества конечного результата духовной деятельности чело-

века, от наличия соответствующих учреждений культуры, обеспечивающих распространение и потребление духовных ценностей, наконец, от стоимости услуг в этой сфере и возможности ими пользоваться. Таким образом, духовность сама по себе, если можно так выразиться «в чистом виде», если и может существовать, то уж функционировать, пожалуй, нет, ибо, с одной стороны, возможности духовного развития человека сопряжены с соответствующим материально-техническим обеспечением, а с другой стороны, и само такое обеспечение в свою очередь непосредственно зависит от уровня развития духовного потенциала общества.

В исследовании различных аспектов культуры большинство авторов, как правило, отдает приоритет анализу ее духовной сущности, а некоторые специалисты и вовсе считают, что культурой является лишь ее духовная составляющая. На самом же деле духовное всегда, так или иначе, связано с материальным, а потому в любой культуре всегда присутствует и ее другая составная часть — предметная, вещественная, что дает основание с определенной долей условности наряду с духовной выделять и материальную культуру.

Материальная культура характеризует процесс деятельности людей в сфере материального производства и помимо этого включает в себя также прикладное искусство, ремесло, ваение, материальную сферу быта, а также в определенном смысле физическую культуру, направленную на совершенствование физической формы и улучшение здоровья человека. Следует отметить, что различие между материальной и духовной культурой имеет относительный характер, ибо «чистой» материальной или духовной культуры практически не бывает. Материальная культура — это духовность человека, воплощенная в конкретных вещах, это его душа, раскрывшаяся в тексте, рисунке, скульптуре, архитектуре, наконец, это «материализовавшийся и опредметившийся дух человечества». Материальная культура, таким образом, всегда имеет духовную подоплеку, ибо ни один процесс в материальной культуре не происходит без активного участия сознания и творчества людей, тогда как духовная культура всегда так или иначе имеет материальную составляющую — то, что именуется материальными элементами духовного производства. Так, без музыкальных инструментов невозможна музыка, без кисти и красок — живопись, без костюмов и декорации — театральная постановка, без соответствующей аппаратуры — кино, радио, телевидение и т.п.

Являясь продолжением культуры духовной, материальная культура возникает и развивается на основе отношения человека с природой, его приспособления к ней путем преобразования окружающей среды и создания на основе природных материалов «второй природы» — искусственной среды обитания. Все чаще мы говорим об экологии среды и природы, заметит В.В. Колесов и добавляет: «Среда же, созданная самим человеком, не природа, это его культура. Можно даже сказать, что природа современного человека во многом объясняется его средой, его культурой»¹. Таким образом, вполне правомерно утверждать, что материальная культура — это не только сооружения и предметы, созданные человеком для обеспечения своей жизнедеятельности, но и труд, который он сюда вкладывает. Отсюда очевидно, что разделение культуры на материальную и духовную не только относительно, но и условно, и производить такое деление можно разве что в целях упрощения теоретического исследования и удобства анализа, понимая, что дело касается целостного сплава двух сторон общественного бытия — материальной и духовной. При этом импульсом, двигателем перемен в духовной сфере служат в первую очередь материальные, естественные потребности людей, их стремление жить в лучшем, стабильном и предсказуемом мире, тогда как духовная культура, будучи основным регулятором поведения и общения людей, оказывает колоссальное обратное влияние на развитие материальной культуры и всей системы общественных отношений, замедляя или ускоряя их развитие, а в конечном счете укрепляя или разрушая основы социальной жизни.

Итак, культура является одной из самых важных сфер общественной жизни, в которой процессы глобализации проявились не только в первую очередь, но и самым непосредственным образом. Уже первые симптомы глобализации, тесно связанной с мировоззренческими трансформациями, начавшимися в эпоху Возрождения, и с научно-техническими достижениями, идущими от выделившейся из философии в Новое время науки, затронули самым непосредственным образом не только сферу материального производства, но и мировоззрение людей, в котором произошли кардинальные перемены во взглядах на религию, устройство мира и место в нем человека.

В области духа первые наиболее важные изменения вызвала эпоха Реформации — широкое общественное движение, развер-

нувшееся в Западной и Центральной Европе в XVI в. против католической церкви. Затем, в эпоху Просвещения, поднялась новая волна социальной активности, связанная с широким распространением знания и направленная на установление «царства разума», основанного на «естественном равенстве» всех людей, независимо от их происхождения. Просветители выступали также за гражданские права и политическую свободу, резко критиковали религию и феодальные отношения, подготовив тем самым идеологическую почву для свершения ряда буржуазных революций, в особенности Великой французской революции. Развитие и распространение таких идей сказалось самым непосредственным образом и на кардинальных переменах в сфере материального производства, где во многом благодаря зарождавшемуся тогда научно-техническому прогрессу началась промышленная революция. Все это подготавливало почву и способствовало, с одной стороны, укрупнению материального производства, формированию массовых общественных организаций и идей коллективизма, составивших впоследствии основу массового общества, а с другой стороны, укрепляло принципы свободы и независимости личности, индивидуальное начало в человеке, что не могло не сказаться на росте элитаризма. В итоге культура низов и высших, наиболее образованных слоев общества стала расслаиваться.

К началу XX в. массовое общество и мировая элита, как и соответствующие им массовая и элитарная культуры, обрели уже достаточно четкие очертания, а к середине этого века и вовсе стали уже реальностью.

Элитарная, или как ее еще именуют высокая, культура получила такое название потому, что она изначально ориентирована на достаточно узкий, хорошо образованный круг людей, именуемых элитой и способных оценить утонченные, новаторские формы и содержание тех или иных образцов творчества, а также неординарность как создателей такой культуры, так и предлагаемых ими решений. Высокая культура в отличие от массовой, выражающей интересы и запросы низов, обозначает пристрастия, привычки и потребности богатых, аристократических кругов, политической и деловой элиты и предполагает, как правило, высокую степень компетентности. Нередко она выступает с позиции авангардизма и носит обычно экспериментальный характер, в результате чего отрабатываются те художественные приемы и творческие новации, которые в случае их закрепления

¹ Колесов В.В. Культура речи — культура поведения. Л., 1988. С. 4.

затем могут быть восприняты и признаны широкой публикой порой лишь спустя десятилетия.

Практически во всех как национальных и этнических культурах, так и в мировой культуре в целом, объективно возникает проблема разделенности ее на элитарную, о чем уже говорилось выше, и массовую. Термин «массовая культура», выступающий в широком общественном сознании зачастую синонимом таких понятий, как «общедоступная», «популярная», «народная», «повсеместно распространенная», «незамысловатая», «усредненная», «безымянная» и т.п. культура, происходит от соединения слов культура и масса, где последнее означает «однородность», «бесформенность», «безликость», «однотипность», «пластичность», «податливость». Он, с одной стороны, фиксирует новое качество культуры, а с другой, выражает сложный комплекс общественных отношений, в которых личностные свойства и индивидуальные начала человека, а также оригинальные решения в процессе производства вещей, машин, сооружений не имеют принципиального значения и, как правило, нивелируются, затушевываются, в то время как на первый план выступают стереотипы мышления и поведения, конвейерное производство, массовое тиражирование общепринятых образцов материальной и духовной культуры и т.п.

Массовая культура как явление имеет свою непростую и достаточно долгую историю, а ее осознание так же, как и осмысление других сложных процессов, рождающихся в лоне социальных структур и вырастающих изнутри общественных отношений, произошло далеко не сразу, — вначале в форме догадок и озбоченности новыми веяниями и непривычными тенденциями, и только потом, спустя определенное время, в виде специальных исследований и теоретических реконструкций этого феномена.

Характерные черты массовости, по мнению ряда специалистов, можно обнаружить уже в античности, другие полагают, что она является порождением научно-технической революции; однако на самом деле и действительно на прочных основаниях «омассовление» культуры начинается в Новое время — в эпоху буржуазных преобразований и расширения до планетарных масштабов экономических, социально-политических и культурных связей. Тогда же появляются и первые попытки осмыслить нарождавшиеся необычные тенденции, которые проистекали из освобождавшегося времени для досуга и все увеличивавшихся возможностей для его проведения. Не только новые географические открытия, предоставившие неведомые прежде возможности

к перемене мест и путешествиям, но и изобретение соответствующих технических средств, позволивших выпускать книги массовыми тиражами и обеспечивших появление первых периодических изданий: газет, еженедельников, журналов, принципиально изменили быт людей и впервые вполне ощутимо поставили проблему свободного времени. При этом, как часто и происходит в таких случаях, практически сразу проявились два принципиально разных подхода в оценке свободного времени и роли культуры в решении этой проблемы. Полемика и острые дискуссии, возникающие на этой почве, с тех пор практически не прекращались; сохраняются они и теперь, время от времени то разгораясь, то затухая.

Однако все новые научно-технические достижения, не только позволявшие осуществлять производство товаров и услуг в массовых масштабах, но сами ставшие в XVIII в. массовыми в условиях быстро развивавшегося капиталистического производства и расширения товарно-денежных отношений, открывали все новые и новые возможности для коммерциализации культуры и формирования принципиально новой индустрии, ориентированной на потребление, и прежде всего в среде порождаемого рынком среднего класса. Во второй половине XIX в. средний класс, составлявший основу «массового общества» уже занимал главенствующее положение в Европе и Северной Америке, а индустрия массового производства и нивелирование образцов «высокой культуры» под интересы и потребности широкой публики набирали обороты, порождая консюмеризм (неумную жажду потребления) уже не только у богатых, но и менее состоятельных слоев населения.

Именно эта активно возрастающая часть населения стала основным потребителем таких образцов массовой культуры, как выпускаемые большими тиражами романы и другие произведения «модных» профессиональных писателей. Такие издания для максимального удобства читателей с конца XVIII в. стали выпускаться в виде иллюстрированных карманных книжечек, а также печататься на страницах газет и журналов с продолжением. Все это увеличивало аудиторию и доходы предпринимателей, отодвигая на задний план содержание и художественные достоинства таких произведений, снижая уровень прежде элитарной культуры до уровня, понятного среднему читателю, потребителю невзыскательному, без особых претензий и запросов. На этой волне часть деятелей искусства в знак протеста против подобного упрощения подлинной культуры выступила с лозун-

гом «искусство ради искусства», признавая за творческими личностями и их творениями право быть понятыми лишь немногими специалистами и избранными ценителями высокой культуры. В свою очередь это породило не закончившуюся и теперь дискуссию о критериях различения культуры «высокой» и «низкой». Последняя, т.е. массовая культура, в силу своей всепроницаемости и количественного превосходства все больше теснит культуру элитарную, в особенности в молодежной среде.

Одним из первых, кто дал детальный анализ «массы» и «массовой культуры», был известный испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, который, исследовав в первой половине XX в. феномен толпы, пришел к выводу, что массового человека характеризуют две черты: беспрепятственный рост жизненных запросов и врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь. Уже в 1922 г., когда был опубликован его очерк «Безвольная Испания», а затем в статье «Массы», опубликованной в журнале «Эль соль» в 1926 г., в лекциях, прочитанных в Буэнос-Айресе в 1928 г. и, наконец, в его знаменитой книге «Восстание масс», вышедшей в 1930 г., он подверг основательному анализу феномен толпы, процесс обезличивания «человека массы», вытеснение общим частного, замещение коллективным индивидуального, и в этой связи с грустью заметил — «герои исчезли, остался хор». При этом он одним из первых обратил внимание на то, что подобные явления уже имели место в истории, однако в XX в. они приобрели другое содержание и принципиально иной характер. Еще не ведая о процессах глобализации (тогда не только термина такого не было, но и сами процессы еще не стали предметом теоретического осмысления), он тем не менее достаточно точно провел исторические параллели и показал, что данное явление является следствием более фундаментальных причин, лежащих в основе становления человечества в качестве целостной системы. «История Римской Империи, — писал он, — есть, в сущности, история ее гибели, история восстания и господства масс, которые поглотили и уничтожили ведущее меньшинство, чтобы самим занять его место. В ту эпоху наблюдалось то же скопление масс и переполнение ими всех общественных мест. Этим объясняются — как правильно заметил Шпенглер — и колоссальные постройки римлян, точь-в-точь как в наши дни. Эпоха масс — эпоха массивного»¹. Рассматривая культуру и уро-

вень ее развития в тесной связи с развитием гуманитарного образования, Ортега-и-Гассет полагал, что ее омассовление обусловлено развитием и специализацией точных наук, вытеснивших гуманитарное знание.

Однако сколь сильно ни влияли бы точные науки, литература и пресса на формирование и распространение массовой культуры, они составляют лишь часть тех средств, которые появились в XX в. и принципиально изменили масштабы и формы воздействия на общественное сознание. Важнейшими из них помимо прессы стали: радио, кино, телевидение и как особая форма манипуляции сознанием людей, общественным мнением — реклама, буквально заполонившая все средства массовой информации. К тому же все эти средства массовой коммуникации действуют одновременно, взаимодополняя и взаимоусиливая друг друга, а потому их следует рассматривать не по отдельности, а в тесной взаимосвязи.

Как признает большинство исследователей, своим возникновением, но еще больше своим широким охватом массовая культура во многом, и даже прежде всего, обязана художественной и популярной литературе, средствам массовой информации (газеты, журналы, радио, телевидение, кино, аудиовидеозапись и т.п.), а также техническим средствам коммуникации (авиация, железнодорожный, автомобильный, водный транспорт), которые к началу XX в. позволили людям в считанные дни (а позже и часы) оказаться в любой точке планеты, соприкоснуться с совершенно иными типами культуры. При этом важно отметить, что если в начале века позволить себе такие поездки могли в основном достаточно состоятельные люди, государственные деятели или дипломаты, то уже с середины века явление стало действительно массовым, когда помимо сугубо деловых поездок все большее число людей, измеряемое теперь сотнями миллионов в год, стало отправляться в путешествие по всему свету, породив, таким образом, совершенно новое явление — индустрию туризма. К этому следует добавить также интернационализацию экономических отношений, с их постоянно растущим количеством деловых контактов и отношений, резко возросшие потоки студентов, выезжающих на учебу в другие страны, наконец, неизменно расширяющиеся научные и культурные связи, которые многократно увеличили число перемещаемых по планете людей.

Все это не могло не сказаться на устоях, традициях, ценностях, которые исторически, естественным путем сформирова-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 123.

лись в тех или иных конкретных условиях, но, оказавшись под влиянием других культур, стали трансформироваться и видоизменяться, способствуя в то же время быстрому и широкому распространению по всему миру наиболее упрощенных образцов культуры, которые ориентированы и первую очередь на доступность и свободное восприятие, легко тиражируемы и лишены глубокого содержания. Незамысловатые, достаточно просто и без особых усилий усваиваемые «штампы», «клише», «образцы» поведения и исполнительского мастерства, художественных и дизайнерских решений, организации отдыха и досуга стали, таким образом, отличительной чертой и сущностной характеристикой массовой культуры.

В итоге и само явление, и термин, его обозначающий, вполне укоренились уже в первой половине XX в. прежде всего за счет усилившейся к тому времени фундаментальной глобализации. И все-таки в полной мере массовая культура заявила о себе несколько позже, когда глобализация, охватив все сферы деятельности человека, стала многоаспектной, а общественные отношения, в том числе и в масштабах всей планеты, практически потеряли былую зависимость от национальных границ, технических ограничений или культурных барьеров.

В этой связи заслуживает внимания и то обстоятельство, что с момента обнаружения своих первых признаков к устойчивому росту массовая культура на протяжении почти трехсот лет все больше распространялась на различные сферы общественной жизни и к началу XXI в. обрела еще одно, принципиально новое для себя качество — она стала мощным ресурсом политического воздействия в международных отношениях, оказавшись в одном ряду с такими составляющими могущества и влияния национальных государств, как их военная сила, экономический потенциал и способность к производству технологических новаций. Наиболее убедительно это показал З. Бжезинский, который в своей очередной работе, посвященной анализу роли США в современном мире, так и написал: «На заре XXI в. американская мощь достигла беспрецедентного уровня, о чем свидетельствуют глобальный охват военных возможностей Америки и ключевое значение ее экономической жизнеспособности для благополучия мирового хозяйства, инновационный эффект технологического детерминизма США и ощущаемая во всем мире притягательность многоликой и часто незатейливой американской массовой культуры. Все это придает Америке не имеющий аналогов по-

литический вес глобального масштаба»¹. Массовая культура становится, таким образом, уже не только средством распространения тех или иных образцов культуры, проводником каких-то конкретных идей, но и реальным оружием в острейшей политической борьбе на мировой арене, которая никогда не прекращалась, а с усилением глобализации становится еще более ожесточенной.

Именно поэтому на уровне обыденного сознания массовая культура зачастую воспринимается как явление, порожденное Западом, а ее корни нередко связывают исключительно с Америкой, которая будто бы одна только и продуцирует такую культуру, планомерно и целенаправленно навязывая ее всему миру. И даже в среде специалистов массовая культура нередко оценивается как сугубо негативное явление, нивелирующее специфику, уникальность и своеобразие традиционных, самобытных культур, а то и вовсе заменяющее собою их фундаментальные основы и национальную принадлежность. Так, один из наиболее ярких сторонников такой позиции А.С. Панарин пишет: «Под влиянием американоцентричного либерализма статус древних культур на всех континентах непрерывно занижается, и все они становятся под подозрение в качестве помехи наступающей экономической и политической революции, которую несет миру американский авангард»².

Конечно, для подобного беспокойства имеется немало причин и достаточных оснований, в особенности если принять во внимание, что массовая культура не только нуждается в соответствующем типе личности (даже точнее было бы сказать не личности, а типаже, в котором личностные начала слабо выражены, нивелированы, сглажены), но и сама продуцирует, формирует людей именно такого типа. Именно в такой культуре формируются новые образы и представления о мире, в котором проще и легче жить, если поступать и думать «как все», «плыть по течению» и даже кичиться своей одинаковостью с другими. И не секрет, что такие качества «усредненного» человека, как и его сознание, не обремененное личными сомнениями и поисками собственной идентичности, являются хорошим материалом для политических, идеологических, потребительских и иных ма-

¹ Бжезинский З. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2005. С. 7.

² Панарин А.С. Искусшение глобализмом. М. : Русский Национальный Фонд, 2000. С. 101.

нипуляций, чем, конечно же, в полной мере пользуются и общественные деятели, и предприимчивые персонажи всех мастей: от политиков и чиновников до шоуменов и рекламодателей.

Однако это был бы односторонний взгляд на весьма сложное явление. Массовая культура — уникальный социальный феномен, никогда ранее не встречавшийся в человеческой истории вплоть до конца XX в. К тому же она не является чьим-то изобретением или выдумкой, происками каких-то заинтересованных сил или результатом определенных целенаправленных усилий. Массовая культура — порождение прежде всего объективных причин и тенденций, которые заключены в универсальных чертах самой культуры, как общечеловеческого, присущего всем странам и народам явления, а также в объективной логике ее развития в условиях становления целостных структур, которые складываются в процессе разворачивающейся многоаспектной глобализации, охватившей теперь уже все без исключения сферы общественной жизни.

Таким образом, массовую культуру не следует воспринимать как неприменную утрату духовности, творчества или уничтожение культуры в целом. В ней наиболее ярко проявляется специфика глобализирующегося мира, его унификация, что нередко и не без основания связывается с «техногенной» культурой, культурой «потока», «конвейера», «штампа». Это может рассматриваться, с одной стороны, как негативное явление, а с другой стороны, как явление вполне закономерное и даже позитивное, если рассматривать его в качестве адекватной реакции на усложняющийся и становящийся целостным мир.

В этой связи уместно привести одно весьма примечательное суждение, показывающее, быть может, скорее позитивный, чем негативный аспект роли массовой культуры в деле адаптации человека в условиях многоаспектной глобализации. «Чтобы соответствовать культурным требованиям нашего времени, нужно было очень много работать. Но большинство людей много работать не хочет, поэтому они не соответствуют сегодняшнему уровню развития культуры и ничуть этим не опечалены, — не без доли сожаления пишет В.Д. Губин и тут же добавляет, пожалуй, сам того не замечая, что дает вполне ясный и весьма прагматичный ответ на вопрос, почему так происходит: — Они прекрасно приспособились ко времени благодаря наличию массовой культуры»¹.

¹ Губин В.Д. *Философия культуры* // Философия : учебник / под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной. М., 2003. С. 604.

И это действительно так. Вот только причины здесь носят скорее не столько субъективный, сколько объективный характер.

В повседневной жизни «средний человек», «человек толпы» или, как его чаще всего называют, «массовый человек» не потому не хочет тратить дополнительные усилия и время на усвоение образцов «высокой культуры», что он стал ленивым, ничем не интересующимся и апатичным, а потому, что в его динамичной, наполненной многими событиями жизни такой багаж знаний и умений, приобретенный значительными усилиями, нередко оказывается попросту невостребованным, а усилия, затраченные на его приобретение, становятся в таком случае непомерно высокой ценой. Глобальный мир, раскрывающий перед человеком поистине глобальные возможности, буквально загоняет его в условия постоянного выбора, когда из множества вариантов решений в самых различных областях своей жизни он должен отдать предпочтение какому-то одному; причем решение это должно быть не только оперативным, эффективным, но и конкурентоспособным. В таких обстоятельствах приобретенные упорным трудом и с большими временными затратами знания нередко оказываются слишком дорогим удовольствием, так как не обязательно оказываются полезными и дающими преимущество их владельцу. А в выигрыше зачастую оказывается тот, кто научился учиться и своевременно переучиваться, когда усвоенные знания и полученные навыки, например, пользования той или иной техникой, быстро устаревают, что в условиях информационной революции и стремительно развивающегося технического прогресса происходит сплошь и рядом. Глобализация только усиливает эти процессы, делая их повсеместными и касающимися практически каждого, независимо от рода занятия и уровня образования людей.

У специалистов не вызывает сомнения то обстоятельство, что массовая культура является естественным и вполне закономерным спутником глобализации; это такое же следствие и даже необходимое порождение глобализации, как, например, массовое скопление проживающих в одном месте людей, являющееся результатом объективного процесса урбанизации, характерного в особенности для XX в. Поэтому в массовом обществе массовым становится практически все — от стандартного набора средств личной гигиены до, казалось бы, далеких от стандартизации сфер общественной жизни, таких как сценическое искусство или спортивные состязания, по природе своей призванные

выявлять личностные качества и индивидуальность выступающих перед аудиторией или противоборствующих сторон. Например, современный профессиональный спорт — это уже не просто состязания и развлечения, а большой и прибыльный бизнес, где игроки теперь такой же рыночный товар, как и спортивный инвентарь или спортивные сооружения; их продают и покупают, как спортивных лошадей или спортивные машины. И если не забывать о том, что за всем этим стоят не просто живые существа, а весьма оригинальные люди, одаренные в том или ном виде спорта, то современная практика продавать и покупать игроков представляется не чем иным, как неорабовладением, за которым стоят большие деньги и большая политика.

Итак, массовая культура — понятие, характеризующее особенность производства материальных и духовных ценностей в современном обществе. Такая культура рассчитана на широкое и постоянно возобновляемое потребление. Массовой она является также и потому, что в перманентном режиме каждодневно воспроизводится и вполне доступно представляется широкой аудитории всевозможными средствами информации и неимоверно развившимися современными методами торговли (от оптовых рынков до супермаркетов, гипермаркетов, интернет-магазинов и т.п.), непременно сопровождаемыми вездесущей рекламой. Другими словами, культура становится «массовой», когда ее продукты стандартизируются и беспрепятственно распространяются среди широкой аудитории в таком количестве, что ценность их, по сравнению с образцами-оригиналами, если таковые вообще оказываются в наличии, становится ничтожной. И в то же время образцы высокой, элитарной культуры, оцениваемые порой и без того достаточно высоко, со временем только увеличиваются в цене, а спрос на них неизменно возрастает.

Окончательно преодолеть возникающие в этой связи проблемы и противоречия, пожалуй, не представляется возможным, однако в какой-то мере можно говорить о том, что глобализация, а также сопутствующие ей высокие технологии позволяют сблизить «массовую» и «высокую» культуры, до известной степени стирая различия между ними. Например, концерт фортепьянной музыки или классические произведения в исполнении симфонического оркестра, передаваемые по радио в режиме стереозвучания и на весьма высоком качественном уровне, могут одновременно слушать миллионы человек в разных концах планеты. А телевидение в состоянии донести до миллионов и даже мил-

лиардов зрителей еще и видеоизображение не только шедевров живописи, зодчества, архитектуры, но и лучшие образцы оперного и балетного искусства, достижений науки, спорта и т.п. В таком симбиозе элитарного и массового аспектов культуры, когда элитарная культура не выхолащивается и не опускается до банального упрощения, а стремится поднять до своего уровня широкое общественное сознание, многие исследователи видят путь к преодолению указанных противоречий и «встраивания» всего многообразия культурного наследия в современные процессы глобализации.

Принимая во внимание данное обстоятельство, следует иметь в виду, однако, что первые признаки влияния глобализации на культуру обнаруживаются уже в эпоху Великих географических открытий, когда культурные связи и коммуникации впервые за всю историю человечества получили по существу планетарный простор, хотя и были на первых порах фрагментарными, ограниченными лишь контактами с мореплавателями, торговцами, завоевателями. Именно с этой поры обнаруживаются первые признаки если не унификации, то, во всяком случае, заимствования и распространения в глобальном измерении материальных и духовных ценностей, а также культурных достижений, которые в результате экспансионистских устремлений европейцев и посредством набравшей обороты мировой торговли распространялись по всему свету. Наряду с предметами материальной культуры широкие возможности для распространения по всему свету получили и различные элементы духовной, в основном европейской культуры, такие, например, как язык, прежде всего испанский, португальский, английский, французский, а также религии — христианская, исламская, буддистская, миссионеры которых стали проникать в неведомые прежде регионы и уголки планеты. Так, в результате начавшейся глобализации, открывшей принципиально новые возможности для коммуникации и обеспечившей возможность распространения различных идей по всему свету, упомянутые религии обрели свое в полном смысле этого слова всемирное значение и стали именоваться мировыми.

Еще большие возможности для широкого распространения материальных и духовных ценностей появились с конца XIX — начала XX вв., когда получили бурное развитие новые средства транспорта: железные дороги, автомобили, авиация, а также были изобретены современные средства массовой коммуникации: телефон, кино, радио, телевидение. В итоге взаимопроникновение

и взаимоассимиляция различных культур, будучи объективным и необходимым следствием глобализации, в особенности на современном этапе, когда она стала многоаспектной, охватившей все сферы общественной жизни, привели в XX в. к формированию общечеловеческой, планетарной культуры, контуры которой сегодня уже достаточно хорошо просматриваются практически во всех странах и континентах, когда наряду со сложившимся укладом жизни, традициями и бытовыми особенностями соседствуют по принципу дополнительности новейшая бытовая техника и товары массового потребления, произведенные порой на другом конце планеты. Глобализация культуры проявляется не только в пользовании различными народами одними и теми же мобильными телефонами, радио, телевидением, транспортными средствами и т.п., но и в практически неразличимом от культуры к культуре дизайне автомобильной, авиационной или бытовой техники, которые по своему оформлению и исполнению, как правило, уже не несут на себе печати национальной культуры их производителей и отличаются от аналогичных образцов разве только что наклейкой с указанием страны-производителя. К тому же и эта особенность произведенных товаров и характерная для них хотя и слабовыраженная, но все еще имеющая место дифференциация становятся все менее значимыми, когда дело касается продукции, произведенной транснациональными корпорациями, имеющими свои филиалы во многих странах мира, где на одних предприятиях изготавливаются комплектующие детали, а сборка готовой продукции производится совсем в другом месте.

Упомянутые проявления глобализации культуры в области материального производства в полной мере относятся и к духовной сфере, где для распространения и взаимовлияния различных идей, учений, верований и т.п. теперь практически не существует никаких границ. Все наиболее значимые научные открытия и выдающиеся произведения литературы практически сразу переводятся на многие языки мира, популярные песни и мелодии, лучшие образцы моды или сценического искусства с феноменальной скоростью распространяются по планете и по большей части легко вписываются в контекст традиционных культур, которые воспринимают, ассимилируют такие элементы мировой культуры, и в то же время сами дают ей все новые импульсы.

Также можно указать и на все большее укоренение в мировом сообществе *единых норм поведения*, которые свободны от религиозных и других мировоззренческих обоснований.

Отмеченные процессы и особенности культуры, будучи явлением прежде всего объективным, являются, с одной стороны, порождением глобализации, а с другой стороны, они же и обуславливают ее, оказывая интегрирующее воздействие на мировоззрение людей, независимо от их национальной, культурной или расовой принадлежности. При этом наилучшей средой для распространения глобальной культуры является молодежь, которая в меньшей степени, чем старшее поколение, подвержена влиянию традиционной культуры и сформировавшихся в том или ином сообществе стереотипов мышления и поведения. Она же по этой причине становится и основным объектом манипуляции со стороны средств массовой информации, политических, религиозных, криминальных и других сил, которые в условиях глобализации получают дополнительные возможности для воздействия как на отдельные группы людей, так и на массовое сознание в целом.

Теперь в условиях тотальной глобализации проблема управляемости мировыми процессами, как и всемирной культурой, мировым общественным мнением оказывается одной из важнейших задач человечества. На примере турецких эмигрантов, наводнивших Германию, или африканцев и мусульман, ставших составной частью французского общества, хорошо видно, насколько актуальной становится задача нахождения общего в отдельных национальных культурах и определения граней взаимодействия их там, где слияние и взаимоассимиляция оказываются невозможными. Проблема состоит еще и в том, что новые волны иммигрантов, хотя и стараются придерживаться сложившихся норм и принципов поведения, принятых в том обществе, куда они попали, тем не менее в быту и своих привычках обнаруживают и воспроизводят, как правило, традиции и стереотипы образа жизни, усвоенные с детства в прежних культурах. И хотя на стыке этих разных культур возникают определенные возможности для взаимопонимания и взаимодействия, прежде всего благодаря глобализации и унификации культуры, тем не менее состояние конфликтности и противоречия нарастает, на что в последнее время обращают внимание специалисты как в западных, так и в развивающихся странах.

Другая проблема, вызываемая глобализацией культуры, заключается в том, что люди все больше отрываются от естественной, породившей их природы, создавая искусственную среду обитания и заключая себя в сконструированный, малоприспо-

ный для нормальной и полноценной жизни мир. Они уже не только работают, но и все больше живут в таких же высотных, многоэтажных домах-офисах, в каких проводят основную часть рабочего времени, что является противоестественным по самой природе человека. Это абсолютно ненормальная ситуация, а эйфория по поводу того, что человек может создать искусственные условия для жизни, которые были бы лучше естественных, или даже хотя бы не хуже, — большая иллюзия, ибо человек — дитя природы и буквально запрограммирован ею на постоянное общение с миром флоры и фауны. Создавая и приумножая до глобальных размеров искусственную, «вторую» природу, он все больше отдаляется от природы естественной, нарушая тем самым не только естественный природный баланс, но фактически подрывая и жизненные основы собственного бытия. В итоге человек все больше теряет и свою собственную естественную природу, «автоматизируется», становится функцией, приближаясь к черте, за которой начинается деградация уже и самого человека.

В этой связи следует отметить, что, хотя глобализация имеет на первый взгляд экономические формы и политические последствия, на самом деле она все больше обнаруживает первичность культуры на глобальном уровне. Именно поэтому воздействие культуры на глобализацию и глобализации на культуру, а также соотношение глобального и локального становится предметом особого внимания для многих ученых. В последнее время появился даже специальный термин «глокализация», который образовался путем совмещения слов «глобализация» и «локализация» и получил распространение в трудах ряда известных исследователей феномена глобализации (Р. Робертсон, У. Бек, М. Эпштейн и др.) в качестве слова, отражающего сложный процесс переплетения местных, локальных особенностей культурного развития отдельных народов и глобальных тенденций в развитии мирового сообщества. *Глобализация* в этом контексте воспринимается как нечто громадное, внешнее, надвигающееся и в конечном счете подавляющее все остальное (локальное), которое в свою очередь воспринимается дискретно, как выступающее в конкретных мелких проявлениях, на местном, житейском уровне. Вместе с тем локальное и глобальное с этой точки зрения не исключают друг друга. Напротив, локальное рассматривается как аспект глобального. При этом глобализация помимо прочего означает также стягивание, столкновение локальных культур, которые должны получить новое определение в этом «столкно-

вании локальностей», как считают сторонники данного подхода. Они также полагают, что культурная глобализация перечеркивает отождествление национального государства с национально-государственным обществом, производя и сталкивая друг с другом транскультурные формы коммуникации и жизни, представления об ответственности и этнической принадлежности, о том, какими видят себя и других отдельные группы и индивиды.

Итак, глобализация культуры, как и процессы глокализации, оказывая все возрастающее влияние на мировоззрение людей, вызывают серьезное беспокойство и прежде всего у представителей слаборазвитых и развивающихся государств, которые полагают, что результатом глобализации является растворение их самобытных культур в новых экономических и торговых процессах, которые они по этой причине отвергают, считая их опасными для себя. Воспринимая такие явления и тенденции по большей части как «американизацию культуры», как насаждение западных стандартов и образцов поведения, а в конечном счете как современную форму культурного колониализма, они видят в этом средство трансформации и уничтожения традиционных ценностей, изменения привычного образа жизни и, как следствие, угрозу национальной идентичности и культурному разнообразию. Иначе говоря, поскольку глобализация осуществляется неравномерно, то большинство традиционно сформировавшихся обществ имеет против нее защитную реакцию в виде противодействия процессам интеграции, а также проведения политики локализации и всемерного поддержания локальных культур. Но как справедливо пишет М.И. Билалов: «Нельзя предпочитать ценности и традиции лишь потому, что они свои; надо находить им опору в поглощающих их родственных и исторически более перспективных народах»¹. Конечно, это не единственное и не окончательное решение проблемы, но здесь важно определить общие для всех основания культурного развития, без чего единства действий в глобальном мире не добиться.

Культура — феномен социальный, а потому изначально, уже с первых моментов своего появления она заключала в себе общечеловеческую компоненту. Вместе с тем в последние десятилетия в свете активных дискуссий вокруг глобализации обострились и споры относительно общечеловеческих ценностей. При этом

¹ Билалов М.И. Регионализация как альтернатива негативам глобализации // Россия: многообразие культур и глобализация. М. : Канон+, 2010. С. 341.

разброс мнений по поводу их существования варьирует от полного неприятия и отрицания таковых до утверждения, что все страны и народы являются носителями определенного набора безусловных ценностей, список которых у разных специалистов оказывается, как правило, разным. В целом же, хотя большинство ученых и широкое общественное мнение во всем мире признает наличие общечеловеческих ценностей или, во всяком случае, не выступает против них, а данный термин активно используется не только в обыденном языке, но и в научной литературе и официальных документах, тем не менее существует значительная трудность в установлении перечня таких ценностей. Главная же проблема в том, что в разных культурах и сам человек, и его предназначение, как и его основные права, трактуются по-разному.

И все-таки не только специалисты по проблемам глобализации, но и более широкие круги научного сообщества приходят к пониманию того, что глобальный мир, который активно формируется на наших глазах, уже в скором времени потребует как новых отношений, так и, что принципиально важно, эффективного управления. Однако без соответствующих мировоззренческих трансформаций, прежде всего без глобально ориентированного образования и укоренения общезначимых для всех норм и ценностей невозможно «появление человека нового типа — ноосферной личности, подготовленного к реализации идеи глобального выживания человечества»¹. Вот почему так важен общий итог сказанного — чем больше проясняется объективная суть глобализации, тем более наглядно раскрывается весь комплекс проблем, с которыми столкнулось человечество на пороге XXI в., где субъективный фактор, фактор культуры оказывается в центре внимания. Все это в значительной степени проистекает не только из закономерного хода событий, но и из соответствующих действий людей, обусловленных их моралью и ценностными установками. Таким образом, одной из наиболее важных задач современной науки и философии становятся разработка ценностных оснований и формулирование моральных принципов будущего мирового общества, а также формирование гуманистического, глобально ориентированного мировоззрения, которое адекватно отражало бы реальности современной эпохи и тенденции развития мировой культуры.

¹ Ильин И.В., Урсул А.Д. Перспективы глобального образования: эволюционный подход // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 318.

ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение последних лет реформ и открытости Китай, бесспорно, стал одной из стран с самым быстрым ростом экономики, с самым длительным по времени устойчивым высоким ростом экономики на нашей планете. Общий объем ВВП из 365 млрд юаней в 1978 г. вырос до 63,61 трлн юаней в 2014 г., увеличившись в 174 раза; объем ВВП на душу населения из 220 дол. в 1978 г. вырос до 7485 дол. в 2014 г. В крупных городах восточных районов страны, таких как Пекин, Шанхай, Шэньчжэнь, Гуанчжоу и др. объем ВВП на душу населения составил свыше 15 тыс. дол.² Если мы определим в качестве «высокого роста» годовой прирост ВВП более 7%, то устойчивый высокий рост Китая продолжается уже более 35 лет³. Несмотря на то что в последнее время в экономике наблюдается значительный спад, урбанизация составляет только 55%, поскольку страна в настоящее время находится на последнем этапе индустриализации. Мы верим, что в ближайшие несколько лет китайская экономика будет продолжать быстро развиваться.

Китайское экономическое чудо получило всеобщее признание, более того, Китай за последние 40 лет превратился в одну

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период»), проект № 15-23-21002.

² Данные предоставлены государственным статистическим управлением Китая.

³ Определение «высокий рост» заимствовано из статьи «Здоровье наций: почему китайская экономика растет так быстро?» Майкла Спенсера, старшего научного сотрудника в исследовательском центре Гувера Стэнфордского университета, опубликованной в 2007 г. Согласно сравнительной таблице роста китайского ВВП и ВВП за последние 40 лет, годовой прирост ВВП китайской экономики составил менее 7% только три раза, а именно 5,2% в 1981 г., 4,1% в 1989 г. и 3,8% в 1990 г.

из самых открытых культурных систем в мире. В действительности, провозглашенный в 1978 г. курс политики реформ и открытости, в первую очередь, это великое дело идеологии и дело культуры. С тех пор китайский народ из скованной системой плановой экономики закрытого народа превратился в самый открытый народ на свете и стал самым большим по количеству населения «обучающимся народом». Беспрецедентный рост уровня культуры потребления и культурного благосостояния китайцев. Тема данной статьи — это исследование о китайской культурной политике на рубеже веков¹.

Под так называемой культурной политикой часто подразумевается «зависимость неких социальных сообществ от решения ценностей, принципов и тактики культурных вопросов»². Субъектами политики могут выступать не только правительство или партии и фракции, но и общественные организации или частные компании, и даже частное лицо — он (она) в решении культурных вопросов часто строго придерживаются такой или иной «фактической политики» (*de facto cultural policy*)³. В данной статье основное внимание уделяется официальной культурной политике, прибегающей к официальным документам. В политической терминологии развитых стран «официальная культурная политика» часто называется «общественная культурная политика». Слово «общественный» здесь употребляется с целью подчеркнуть, что субъектом политики выступает правительство современного типа, представители партий которого учитывают общественные интересы⁴. Данное толкование слова «общественный» не может быть полностью заимствовано развивающимися странами, такими как Китай. В языковой среде Китая на правящую партию смотрят как на самого главного представителя обще-

¹ Автором данной статьи были проведены исследования вопроса о современной культурной политике Китая вплоть до 2012 г.

² Цитируется из интернет-сайта Webster World of Cultural Policy. В соответствии с книгой «Английская культура» (издательство «Культура и искусство», 2003): «Культурная политика указывает на операционные (дело культуры) принципы, управление и имеющие отношение к бюджету практику и процесс», подробнее смотрите на стр. 27. А также можно посмотреть 4 главу книги «Культурные индустрии» Дэвида Хезмондалша (перевод Чжан Фейна, издательство Китайского народного университета, 2007): «Политика: изменение законов и правил».

³ Хезмондали Д. Культурные индустрии. Издательство Китайского народного университета, 2007. С. 123.

⁴ Ма Шаобао. Теория и практика общественной культурной политики. Глава 1, раздел 2. Хайтянь, 2008.

ственных интересов, поэтому здесь приоритетным направлением так называемой официальной культурной политики являются доклады прежних съездов КПК. Кроме того, она включает также государственные пятилетние планы и правительственные рабочие доклады ВСНП, касающиеся культурной части¹. Эти документы вначале своего выхода очень часто еще не определены конкретными юридическими законами и нормативами, еще не определены четкие критерии, но они все равно остаются «политикой номер один среди политик» для этой страны (*the policy of all policies*).

В данной статье мы уделяем внимание периоду быстрого урегулирования китайской культурной политики на протяжении более 10 лет на рубеже веков. Здесь так называемое политическое урегулирование содержит два значения: первое — это изменения в содержании конкретной культурной политики, а именно: культурные менеджеры вносят изменения в политику в соответствии с конкретными проектами в таких областях, как образование, наука, литература и искусство, новости и издательское дело, радио- и телевидение, Интернет, библиотеки, музеи, культурные индустрии, сохранение культурного наследия и т.д. Эти изменения включают следующие вопросы: нужно ли оказывать в первую очередь политическую поддержку для смежных сфер? Нужно ли изменять соответствующие доли или пропорции выделяемых средств? и др. Второе значение — это изменение культурной концепции, а именно: посредством сравнения культуры с экономической, обществом и политикой и др. сферами развития установить, какие изменения произошли в понимании культуры или развития культуры в этой стране, а также как проявились эти изменения в макростратегии страны. В общем говоря, изменение культурной политики определяет структуру и направление конкретных изменений в содержании культурной политики, изменение конкретного содержания культурной политики олицетворяет определенную культурную концепцию. На наш взгляд, в китайской культурной политике на рубеже веков заслуживают внимания, в первую очередь, огромные трансформации культурной концепции.

С точки зрения всего хода реформ и открытости, мы считаем, что временной отрезок длиной более 10 лет на рубеже веков является новым этапом в реформировании китайской культурной

¹ Механизмы принятия решений в китайской культурной политике. Раздел 2.

системы и современной трансформации культуры. Данный этап имеет две противоположные особенности.

Во-первых, сфера развития культуры вобрала в себя идею «роста», первоначально относившуюся к сфере экономики, сделав «рост (культурного ВВП)» одним из главных индикаторов для измерения степени развития культуры. Символическим началом этих изменений можно считать признание законности политики на тему «культурная индустрия» на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва в 2000 г. Пользуясь этим шансом, новый этап реформ системы культуры позволил найти зацепку для разрешения задачи, активизировать процесс воссоздания всей культурной сферы, превратив культуру вслед за сферой экономики в другую горячую зону проведения структурных реформ.

Во-вторых, почти вопреки направлению понятия «роста», заимствованного сферой культуры, в новом столетии Китай начинает глубоко осознавать, что способ развития «теории материального роста (ВВП)» привел к негативным последствиям. На уровне макростратегии сформировалась новая концепция развития, получившая название «концепция научного развития». Главное содержание данной концепции развития — это использование роста культуры в качестве важного и руководящего показателя для измерения степени экономического и социального развития. В сфере культуры соответственно сформировалась «новая концепция развития культуры».

В этом контексте культурную политику на рубеже веков проносят следующие три важных темы: в 2000 г. государственная авторитетная культурная политика признала «культурную индустрию»; в 2003 г. правительство запустило эксперимент по реформированию культурной системы с целью реализации воссоздания всей сферы; в 2005 г. правительство выступило с инициативой о строительстве сферы общественных культурных услуг с учетом культурных прав народа. 2000, 2003, 2005 годы, «культурная индустрия», «реформа системы культуры», «общественные культурные услуги», три даты и три соответствующие важные темы образовали «дорожную карту» культурной политики в современном Китае.

Необходимо объяснить, что описанные выше три важные темы появились еще в прошлом столетии. В том числе некоторые темы уже существовали в начале реформы системы рыночной экономики, они, пройдя сравнительно долгий процесс

«борьбы за признание»¹, получили «одобрение» (endorsement) на уровне государственной культурной политики. Такое одобрение придало этим темам свежее или даже совершенно новое значение.

Очевидно, что если мы хотим правильно обобщить значение периодичного характера культурной политики на протяжении более десяти лет, если мы хотим разглядеть, сконцентрировав внимание на главном, значение современных трансформаций реформы китайской системы культуры, то нельзя не переосмыслить весь процесс реформ и открытости, нельзя не упомянуть о тенденции развития нового цикла глобализации. В последнее время в Китае во многих сферах один за другим появляются памятные документы о реформах и открытости. Если сравнить, то документов, полностью раскрывающих ход развития культуры этого периода, не очень много. В данной статье мы попробуем восполнить этот недостаток. Но по сравнению с экономической, социальной и другими сферами, вспомнить и дать оценку развитию культуры крайне трудно. Это не только из-за того, что культура — это абстрактный предмет, который трудно контролировать, не только из-за того, что этот предмет касается многих болезненных идеологических вопросов, но еще из-за того, что у нас недостает теоретических координат, подходящих для наблюдения и описания развития культуры, недостает системы для измерения развития культуры и единой системы показателей, недостает сложившейся системы государственной политики, которая соответствовала бы общеполитической ситуации в Китае, недостает независимого языка, который мог бы раскрыть логику современной трансформации китайской культуры. Мы глубоко чувствуем, что, для того чтобы сделать полный обзор развития культуры на протяжении эпохи реформ и открытости, нужны не только экономическая терминология и социологические стандарты, но и точка зрения культуры и философское мышление. В связи с этим в данной статье мы ввели или даже придумали

¹ Понятие «борьба за признание» впервые было введено Гегелем, одним из творцов немецкой классической философии. Затем оно было всесторонне раскрыто известным немецким философом Акселем Хоннетом, представителем современного поколения Франкфуртской школы, в своей научной работе на соискание квалификации преподавателя «Борьба за признание» (Kampf um Anerkennung) 1985 г., что привело к его превращению в современное понятие, имеющее влияние. Это понятие подчеркивает, что главным мотивом существования человека или цивилизации является борьба за признание. Также этому понятию уделен внимание современный американский ученый Фрэнсис Фукуяма в своей книге «Конец истории».

несколько новых понятий, включая следующие: «борьба за признание», «запасное изложение и дополнительное изложение», «от объединения сфер к отделению сфер», «наука толкования о системных преобразованиях» и т.д.

Словом, мы надеемся показать в этой статье, что всесторонние и последовательные преобразования системы за последние 40 лет эпохи реформ и открытости сформировали основной фон коренных изменений китайской культурной политики на протяжении более десяти лет. С другой стороны, коренные перемены в современной культурной политике Китая сыграли важную роль двигателя в процессе трансформации страны из старой системы в новую систему. В данной статье мы попытаемся ответить на следующие шесть вопросов:

- во-первых, мировая языковая ситуация и китайская культурная политика: глобализация и зарубежная культурная политика;
- во-вторых, механизмы принятия решений в китайской культурной политике, документы и толкование;
- в-третьих, 2000 г.: признание законности культурной индустрии;
- в-четвертых, 2003 г.: новая концепция культурного развития и реформы нового этапа в системе культуры;
- в-пятых, 2005 г.: строительство системы общественных культурных услуг посредством нового способа;
- в-шестых, послесловие: задачи и пути решения в развитии современной китайской культуры.

МИРОВАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Китайская культурная политика полна независимости. Но чтобы провести политическое исследование, мы считаем необходимым ориентироваться на развитие современной культурной политики за рубежом. Это поможет нам расшифровать, существуют ли непосредственные отклики или косвенные связи между мыслями и поступками развития китайской культуры и международным обществом, поможет провести сравнение между моделью выбора китайской культуры и политическим выбором других стран, тем самым предоставит нам богатые материалы для исследова-

ований сопоставительной политологии. Но самое главное, это поможет нам проникнуться атмосферой нового цикла глобализации.

«Глобализация» — понятие многогранное и многостороннее, люди могут только излагать каждый по-своему. Экономисты неизменно подчеркивают его экономическое значение, например, Дэни Родрик в своей книге «Не слишком ли далеко зашла глобализация?» дал следующее определение глобализации: «международная интеграция различных товаров, услуг и рынка капитала»; это определение, которое будет ходовым в мире. Напротив, Фрэнсис Фукуяма с точки зрения политологии и истории философии, используя следующие формулировки «конец истории», «универсальная мировая история», а также «однородность» или «однородное» общество, описывает явление глобализации. Томас Фридман в «Предисловии» своей книги «Плоский мир», взяв за отправную точку падение Берлинской стены, разделявшей восточную и западную части, провозгласил, что «миру исполнилось 10 лет», «эпохе глобализации исполнилось 10 лет», «Все мы плывем на одной лодке»¹. Кроме того, есть еще видение «глобализации» социологами и «глобализация» в культурном значении. В культурном смысле Робин Коуэн и Пол Кеннеди в книге «Глобальная социология», опубликованной в 2000 г., пишут, что: «Глобализация — это не только экономическая глобализация... Глобализация — это один из видов связи, образы, мысли, туристы, мигранты, системы ценностей, мода, музыка и др. все непрерывно движутся по пути глобализации»².

Необходимо объяснить, что сколько ни было бы разных значений в западной языковой среде слово «глобальный» (global) и близкое ему по значению слово «международный» (international) имеют важное отличие в философском плане: слово «международный» можно буквально перевести как «между народами», это «наднациональное» значение существует издавна. Но слово «глобальный» содержит не только «наднациональное», но и «надгеополитическое» понятие, из этой точки зрения вытекает целый ряд обязательств, как например: «современный», «прогресс» или «общие ценности» и др. Стоит заметить, что надгеополитическое значение составило основную конструкцию разума, науч-

¹ Фридман Т. Плоский мир: точка зрения от «лексуса» и «оливкового дерева» / перевод Чжао Шаоли и др. Восток, 2006.

² Коуэн Р. Глобальная социология / пер. Веня Цзюнь и др. Издательство литературы по социальным наукам, 2001. С. 15.

ных технологий и рыночной экономики. Поэтому Иммануил Валлерстайн подчеркивает, что хотя характер современного капитализма является геополитическим, а также в начале своего возникновения «еще не охватил весь мир», но он с самого начала является «мировой системой»¹. Именно поэтому такие явления «надгеополитического характера», как капитал и ресурсы, современность и традиция, всеобщий разум и геополитическая цивилизация и др., с самого начала сформировали богатое силой натяжения толкование «глобализации».

Процесс глобализации, отражающей характер современной рыночной экономики, существует сотни лет. Но начиная с 70-х гг. прошлого века, развитые страны полностью вступили в новую эпоху. В целом ряде знаковых работ этой эпохи давали различные названия, например, «постиндустриальная эпоха», «третья волна» (или «мегатренд»), «цифровая эпоха», «производство символов и эпоха потребления», «постсовременность» и т.д., но все эти названия можно объединить в одно — «новый этап глобализации». Стоит подчеркнуть, что так называемое значение «новый» в понятии новый этап глобализации содержит в себе тесную связь с развитием культуры. Очевидная тенденция: начиная со второй половины XX в., при поддержке технической революции СМИ современные «интеллектуальная экономика» и «культурная экономика» (так называемые экономизация культуры и культуризация экономики) стремительно развиваются, с каждым днем культура признается международным обществом как индикатор для определения экономического и социального уровня цивилизации. Хотя люди еще не уверены, производственные возможности культуры небывало высоки, основные элементы культуры распространяются через государственные границы, проникновение культуры в экономическую и социальную жизнь — это главная особенность, чем отличается новый этап глобализации от прошлого. Но как минимум можно сказать, что «развитие культуры» является главной величиной нового этапа глобализации, тем самым вызванные споры о общечеловеческих ценностях/множественных ценностях, моде/традициях, культурном соперничестве/культурной безопасности, состоянии экономики/симуляции производства и т.д. получили новое содержание.

¹ Валлерстайн И. Мир-системный анализ. Выпуск 1 / пер. Йоу Лайинь. Издательство высшего образования, 1998. С. 12.

Почти сорок лет назад глобализация для Китая все еще была далекой. Но не прошло и десяти лет после начала реформ и открытости, Китай запустил переговоры о Генеральном соглашении о тарифах и торговле (ГАТТ) (1987); в 2001 г. Китай официально вступил в ВТО. Политика реформ и открытости позволила Китаю продемонстрировать скачкообразное развитие в экономической и социальной областях. Начиная с 90-х гг. прошлого века, вопрос «Как понять новый этап глобализации?» стал злободневной темой в ученой и политической среде Китая. Он также стал главной темой культурной политики Китая в течение более десяти лет. В 2000 году в коммюнике 5-го пленума ЦК КПК 15-го созыва было указано, что «нужно активно противостоять усилению тенденции экономической глобализации, бурному развитию технической революции, ускорению темпов урегулирования производственной структуры, новой обстановке ужесточения международной конкуренции». Это мнение получило более четкое выражение в принятых на съезде «Предложениях по составлению десятого пятилетнего плана экономического и социального развития»: «В современном мире информатизация является важной тенденцией в развитии экономики и общества... Необходимо соответствовать развитию информационных технологий, содействовать сопряжению информационной индустрии и соответствующей культурной индустрии». А в 2002 г. в докладе 16 Всекитайского съезда КПК в части, касающейся культуры, было более подробно указано, что «в современном мире культура тесно переплетается с экономикой и политикой, ее место и роль все более заметны в борьбе объединения государственной мощи. Сила культуры глубоко укоренилась в жизнеспособности, творчестве и единстве народа»¹.

Приведенные документы имеют несколько весьма примечательных моментов. Во-первых, документ 5-го пленума ЦК КПК 15-го созыва свидетельствует, что появление современной «культурной индустрии» имеет тесную связь с современной революцией информационных технологий; во-вторых, суждение о «тесном переплетении культуры с экономикой и политикой» на 16 съезде КПК выразило правильное понимание особенностей нового этапа глобализации в современном мире; в-третьих, отрывок из доклада на 16 съезде о том, что «место и роль культуры все более заметны в борьбе объединения государственной мощи» обобщил

¹ Валлерстайн И. Мир-системный анализ. Выпуск 1. Йоу Лайинь. Издательство высшего образования, 1998. С. 12.

основные мотивы многих государств в уделении большого внимания разработке культурной политики; в-четвертых, официально выдвинутое слово «творчество» из доклада 16 съезда как раз стало ключевым словом в следующих рассуждениях о современной культурной политике отдельных стран Евросоюза.

Перед рассмотрением культурной политики развитых государств, в качестве темы выбравших «творчество», необходимо кратко изложить историю западной культурной политики. Выше мы указывали, что культурная политика означает «ценности и принципы, которыми руководствуется некое общество при решении культурных вопросов». В этом широком смысле культурная политика, воплощающая волю государства, существовала давно. В прологе «Культурная политика Франции» указано, что ее истоки можно найти, оглянувшись в прошлое, в покровительственной политике культурных мероприятий царствующим домом более 200 лет назад. Аналогичная история у стран с сравнительно древней историей, таких как Англия, Россия и Швеция. И даже у молодых стран, таких как США, можно проследить историю основных норм управления культурой до появления первой поправки к конституции в конце XVIII в. Однако вопрос превращения культуры на Западе в общественную политику, широко освещаемую, — явление сравнительно последнего времени, потому что концепция «общественный», с целью которой было подчеркивание надпартийной общественной выгоды и обеспечения основных прав народа, также созрела в довольно позднее время. Некоторые ученые полагают, что, начиная с 50-х гг. и до 80-х гг. XX в. — это «период образования современной системы управления культурой»; а после 80-х гг. это «период урегулирования способов управления культурой и реформ»¹. Это время как раз параллельно времени реформ и открытости в Китае.

¹ В 1999 году в Китае правительство провинции Чжэцзян первым выдвинуло проект строительства «большой культурной провинции», предложив следующее толкование: «Бурное развитие культурной индустрии, расширение рынка, огромные возможности превратились в главные признаки экономического и социального развития в современном мире. Развитие культурной индустрии стало важной частью в культурном соперничестве, экономическом соперничестве и конкуренции государств. Всякий раз, как экономическое развитие достигало страны и региона на определенном этапе, то всегда культурная экономика намечалась в качестве стратегической цели, культурная индустрия определялась как самая важная индустрия замещающего типа, переход культурных ресурсов регионов, стран или даже всего мира приносил общую выгоду для экономики и общества». См. Опыт провинции Чжэцзян и развитие Китая (серия культура) / отв. ред. Ли Цзинюань и др., Издательство сочинений по социальным наукам, 2007. С. 29.

После 80-х гг. прошлого века наблюдаются два явления, на которые стоит обратить внимание: одно — это усилия международного общества в продвижении культурной политики, второе — это высокая волна в создании культурной политики, направляемая развитыми государствами.

С точки зрения международного общества, в 1982 г. в Мехико ООН ЮНЕСКО проводит Всемирную конференцию по политике в области культуры. На конференции гуманитарное и культурное развитие было включено в процесс интеграции мировой экономики, политики и общества, а также правительства разных стран включили в список своих обязательств продвижение культурного развития перед новым столетием.

1988—1997 годы ЮНЕСКО провозглашает Всемирным десятилетием развития культуры и указывает, что необходимо защищать гуманитарные науки и культуру мирового сообщества, способствовать дальнейшему слиянию экономики, политики и культуры. В марте 1998 г. Комитет по делам культуры и развития ООН организовал в Стокгольме Межправительственную конференцию по политике в области культуры в целях развития (Cultural Policy for Development), кроме того одновременно опубликовал «Доклад о развитии мировой культуры», выходящий раз в два года. В план действий совещания в Стокгольме входит настойчивое требование от всех стран «разработки и проведения культурной политики или обновления уже имеющейся культурной политики, чтобы эти вопросы стали одним из главных пунктов в стратегии устойчивого развития»¹.

В этом контексте, начиная с 90-х гг. XX в., развитые страны вызвали высокую волну в создании официальной культурной политики. Началось все с Англии. В 1990 году Совет по делам искусства Великобритании по поручению правительства совместно с Союзом кинематографии, Комитетом по прикладным искусствам и др. начинает подготовительные работы по разработке стратегии развития культуры Великобритании. Затем спустя два года исследований, наблюдений и доказательств в 1992 г. составляют черновой вариант «Государственной стратегии развития культуры и искусства». А в 1993 г. официально публикуют под названием «Творческое будущее». «Это было впервые за долгую историю, когда Англия провозгласила государственную культур-

¹ *Мао Шаоун*. Теория и практика общественной культурной политики. Хайтянь, 2006. С. 15.

ную политику через официальный документ»¹. Использованное здесь слово «творческий» (creativity, или можно перевести как «креативный») заменяет понятие «интеллектуальная экономика» или «производство культуры».

После Англии подход к разработке культурной политики в «творческом» духе развивается по двум направлениям.

Во-первых, слово «творческий» становится ключевым в определении собственной культурной политики в странах Британского содружества. В 1994 году Австралия также «впервые в истории» выдвигает свою культурную политику, под названием «Творческое государство: культурная политика Австралийского союза». В том же году канадское правительство и несколько штатов публикуют свои программные документы по культурной политике в концепции «творческий».

Кроме того, в других странах тема «творческий» в полной мере раскрывается в 1998 г. В том же году Руководящий комитет по культуре Совета Европейского союза (The Steering Committee for Culture of the Council of Europe) утвердил, что строительство «творческой Европы» (Creative Europe) является стратегической целью. В связи с этим при научной поддержке Центра сравнительного изучения европейской культурной политики комитет предложил рамочную модель культурной политики Евросоюза. Данная модель состоит из восьми больших тем, каждая из которых также включает в себя определенное количество подтем. Эти восемь больших частей подразделяются:

- 1) на исторический ракурс: культурная политика и методы;
- 2) законодательство, принятие решений и административные механизмы;
- 3) разработку общих целей и принципов культурной политики;
- 4) дискуссию по вопросу о развитии культурной политики;
- 5) основные юридические положения в области культуры;
- 6) финансирование культуры;
- 7) структуру культуры и новые отношения сотрудничества;
- 8) оказание поддержки творческому и активному началу.

В начале нового столетия европейских стран, внедряющих эту рамочную модель по культурной политике, было уже более 30, включая не только такие развитые страны, как Англия, Фран-

¹ Культура и ЮНЕСКО: Ресурсы культурной политики. URL : <http://www.unesco.org/culture/policy>

ция, Германия, но также и Россию, Польшу, Венгрию, балтийские страны бывшего СССР и др.

Стоит отметить, что, возможно, только одна развитая страна осталась в стороне от вышеописанной нами тенденции создания официальной культурной политики — это США. США не имеют себе равных в производстве культуры и по своему влиянию, даже в разработке культурной политики, они уникальны, до сих пор в США нет ни одного официального документа по культурной политике¹. В этом находит отражение особая общеполитическая обстановка в стране. В действительности, общепризнанный факт, что США первыми стали устанавливать законы в области культуры. Первая поправка к конституции США от 1791 г. гласит: «Конгресс не может принимать законы, отнимающие у народа свободу слова и печати».

Очевидно, что это принцип, максимально ограничивающий правительственные полномочия и максимально открывающий сферу культурного производства, и он привел к тому, что административные и законодательные органы стали очень осторожно вмешиваться в культурную политику. Американские ученые счи-

¹ Необходимо разъяснить, что, хотя нет официальных документов, мы все же можем посмотреть доклад рабочей группы по культурной политике: «Инвестирование в культуру: инновация в политике штатов» (Investing in Culture — Innovation of States' Policy), опубликованный в 2002 г. в США на Законодательном собрании всех штатов. Так называемое Законодательное собрание всех штатов — это постоянно действующий консультативный орган, состоящий из более десяти конгрессменов — представителей обеих партий, целью которого является исследование вопросов, представляющих интерес для политиков всех американских штатов. В 2002 году данное законодательное собрание поручило рабочей группе разработать проект вышеизложенного доклада по культурной политике. Данный доклад не является официальным руководящим документом по культурной политике, как в странах Евросоюза. Но с точки зрения содержания, главная установка данного доклада одинакова с документами Евросоюза, в нем также подчеркивается необходимость всемерного развития творческих способностей людей, поддержки творческих отраслей. В этом докладе серьезно рекомендуются методы по развитию творческих индустрий в самом развитом районе США — Новой Англии: «В 2002 году Совет Новой Англии опубликовал предварительный отчет о творческой экономике, в котором исследуется место искусства и культуры в экономической жизни района Новой Англии. В данном докладе сделана попытка рассматривать творческую экономику как целое, а также уделяется особое внимание следующим трем ключевым пунктам: 1) группа предприятий творческого типа, в частности, предприятия или частные лица, которые прямо или косвенно производят культурные продукты; 2) творческие рабочие, а именно теоретики и практики, получившие специальное образование в области культуры и искусства; 3) творческие сообщества, а именно места скопления творческих рабочих, предприятий и культурных учреждений».

тают, что «постоянная» (always, already) культурная политика федеральных органов — это «бездействие» (non-activity/non-regulation). Эта традиция резко контрастирует с традицией европейских государств. Франция, Германия и другие страны всегда имели традицию государственной поддержки развития культуры. Но некоторые американские ученые подчеркивают, что такая традиция, которая чрезмерно акцентирует «передовой или избранный» характер культуры, оказывает неблагоприятное воздействие на ее естественное формирование в обществе и укрепление на рынке¹.

Как было указано выше, в основном культурная политика уделяет повышенное внимание к возникшей во второй половине прошлого века тенденции экономизации культуры, а также соответственно друг другу выдвигает приоритетные меры политики с целью продвижения «культурной индустрии» данной страны. Одновременно с этим, после 90-х гг. прошлого века в развитых странах один за другим появились культурные политики, которые хотя и не имели строгого значения, но имели тесные связи с культурой, в центре внимания этих политик находилась другая тенденция, а именно так называемая культуризация экономики. В этом плане классическими примерами являются годовые отчеты «Экономика, в основе которой лежит знание» и «Творческая система государства», опубликованные Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 1996 и 1997 гг. соответственно.

В первом отчете было написано, что объем производства наукоемких отраслей в сфере высоких технологий уже превысил 50% ВВП в 24 странах участниц того времени, это символизирует о том, что развитые страны на данный момент вступают в эпоху интеллектуальной экономики². Особенность «культуризации экономики» этой эпохи проявляется в том, что процесс исследования и проектирования, упаковка товаров, разработка брендов и рекламы, персонализация маркетинга и услуг и т.д.

¹ См. сайт Принстонского университета, Центр исследований культурной политики; см. *Дуаньму Йошиката*. Медиакультура США. Издательство Пекинского университета, 2001. С. 56.

² Экономика, в основе которой лежат знания / пер. Ян Хунцин и др. Издательство машиностроительной промышленности, 1997: «По статистике сейчас свыше 50% от ВВП главных стран-участниц ОЭСР уже приходится на долю интеллектуальных отраслей», С. 4; «Ситуация в странах-участницах ОЭСР подтверждает, что на данный момент наблюдается переход от индустриальной экономики к постиндустриальной интеллектуальной экономике», С. 18.

в сфере экономики уже широко соприкасается со словом «творческий» в узком смысле, относящимся к культуре. На данный момент мы наблюдаем изменение ориентации экономики с «главное — это предметы» на «главное — это человек».

Автор данной статьи в результате своих многолетних исследований в области западной культурной политики или политических курсов, имеющих отношение к культуре, приходит к следующим выводам.

Во-первых, сопровождая современную техническую революцию, первоначально далекие от рынка культурные подлинники или мероприятия, распространяющие производство культуры в полной мере, вступили в сферу рынка. Интеллектуальная экономика/культурная экономика, культуризация экономики/экономизация культуры стали главными темами в культурной политике развитых стран в 90-е гг. В этом контексте целый ряд политических терминов, таких как «культурная индустрия», «содержательная индустрия» или «креативная индустрия» и т.д., возникает один за другим. После 90-х гг. прошлого века эти соответствующие политические документы входят в большом количестве в Китай, они оказывают глубокое воздействие на авторитарную культурную политику этой страны.

Это стало основным политическим фоном для принятия решения на 16 Всекитайском съезде КПК о «Слиянии культуры с экономикой».

Во-вторых, несмотря на то, что новый этап глобализации демонстрирует одинаковые особенности, но в выборе модели развития культуры политические курсы во всех странах различаются либо немного, либо сильно. Между американской моделью радио и телевидения чистой коммерциализации и английской моделью BBC существует разительный контраст, французская политическая ориентация покровительственного типа резко отличается от ориентации «горизонтальное разделение» и «вертикальное разделение», обозначенной в конце прошлого века в Финляндии, Германии и др. странах. В целом можно сказать, что изложенная Валлерстайном современная мир-система в сфере мировой культуры по-прежнему существует. Борьба между «центром и периферией», противоречие между «империализмом и зависимыми»¹ сформировали основные условия существования

¹ *Теотониу дус Сантос*. Империализм и зависимость / пер. Мао Цзиньли и др. Издательство литературы социальных наук, 1992.

и содержание существования этой системы. Сложность заключается в том, что в «центре» этой культурной мир-системы также находится «периферия центра»¹. А если говорить конкретно, то в культурном развитии всесторонне рыночно ориентированные США являются «центром в центре», а Европа, Канада, Австралия, Япония, Южная Корея и др. образуют так называемую вторую группу.

После окончания холодной войны в странах этой группы важнейшим оборонным объектом культуры часто являлись не развивающиеся страны, а США². Это наблюдение дает разработчикам культурной политики Китая следующее наставление: нужно не только соответствовать тенденции развития глобализации, но и в мире реализма отстаивать свою автономность, в частности, автономность в выборе модели и мер развития. Это крайне важно для развивающихся стран, находящихся на периферии в современной мир-системе.

«Адаптация» и «реагирование» образовали основной облик китайской культурной политики переходного времени.

МЕХАНИЗМЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ, СТРУКТУРА ТЕКСТОВ И МЕТОДЫ РАСШИФРОВКИ

Противоположно ситуации расхождения мнений ученых по вопросу определения «культуры», так называемая культура в культурной политике является определенным объектом в отношении закона. Этот закон также сильно отличается в Китае от западного мира. Выше мы упоминали о том, что тема второй части рамочного документа по культурной политике Евросоюза — это «Законо-

¹ Американский ученый Уолтер Мигноло в своей статье «Повторное определение места процессов глобализации, цивилизации и языковой культуры»

² В документе 2003 г. «Культурная политика Канады» во время обсуждения положения в стране не только упоминается «низкая плотность населения, но и соседство с США — самой большой культурной сверхдержавой в современном мире». Существование Америки представляет большую угрозу для Канады в деле сохранения своей культурной самобытности и культурного многообразия. Вот почему Канада идентифицирует себя с европейскими странами, не столько из-за исторических связей, но и потому, что Европа также испытывает чувство подавленности. На самом деле скрытый мотив культурной политики европейских стран заключается в противодействии сильному давлению США в области производства культуры и экспорта.

дательство, принятие решений и административные механизмы». В этих странах принятие решений и механизмы функционирования, касающиеся культуры, часто формируются правительством, парламентом и различными квази- (неправительственными) организациями, учрежденными согласно принципу «интервал длиной в одну руку» (как, например, Комитет по искусству системы Британского Содружества)¹. Такая ситуация сильно отличается от ситуации в Китае.

В настоящее время в принятии решений, консультировании и административной системе китайской культуры в основном продолжает применяться механизм, образованный в период системы плановой экономики, который состоит из четырех подсистем. Первая — это система принятия решений правящей партии, правящая партия является высшим уровнем в принятии решений в китайской культурной политике. Самой главной площадкой для обнародования ее политического курса являются постоянные съезды КПК, а механизмом осуществления ее макрополитики является отдел пропаганды и агитации. Вторая — это исполнительная система государственного административного управления. В частности, это правительственные компетентные органы по культуре под руководством партийных организаций различного уровня. На уровне центрального правительства Министерство культуры КНР, Главное государственное управление по радиовещанию, кинематографии и телевидению, Главное государственное управление по делам печати и издательств, добавим к этому Государственный комитет по охране культурного наследия, который контролируется Министерством культуры по поручению Госсовета, Государственное бюро по делам авторских прав, который одновременно совмещается Главным управлением по делам печати и издательств, вместе образуют управленческую и исполнительную системы государства по вопросам культуры. В указанных выше органах, кроме Министерства культуры, которое с момента основания страны всегда состояло из правительств выше уезда, в 1978 г. политики реформ и открытости, вслед за развитием культурного дела, Отдел по радиовещанию, кинематографии и телевидению соответственно учредил компетентные органы на уровне уездов, Отдел по делам

¹ Ли Хэ. Обзор культурной политики развитых стран // Доклад о развитии китайской культурной индустрии за 2004 г. Издательство литературы в области социальных наук, 2005.

печати и издательств в некоторых местах также учредил малочисленные учреждения на уровне уездов. Органы управления по делам культуры на уровне регионального правительства в основном, отвечая требованиям учреждения организаций центрального правительства, учреждали свои системы управления. Тремя подсистемами этого механизма являются сообщества учреждений культуры, состоящие из Федерации китайской культуры и искусства, Союза китайских писателей и др. организаций в сфере культуры и искусства. Было проведено тщательное исследование положения иерархичной миросистемы в сфере естественного и научного языков¹. Этот механизм имеет еще одну последнюю подсистему — это государственная система принятия решений, консультирования и исследований в сфере культуры, образованная Китайской академией наук, Китайской академией социальных наук, Китайской академией искусств²:

- система принятия решений руководства (агитационно-пропагандистские органы культуры правящей партии);
- система консультаций в принятии решений;
- система общественных организаций в области литературы и искусства;
- административно-исполнительная система (соответствующие правительственные органы культуры).

В действительности, в описанной схеме доминирующую роль играют две системы: система принятия решений правящей партии и административно-исполнительная система, включающая Министерство культуры, Главное управление радио, кино и телевидения, Главное управление по делам печати и издательств и т.д. В текстовой структуре китайской культурной политики основной элемент этих двух систем соответственно проявляется в двух частях. В 1982 году в 12 Всекитайском съезде КПК эти две части четко разделены на «идеологическое строительство» и «культурное строительство». Первая часть включает в себя ведущую идеологию и ключевые ценности в области политики

¹ Перевод данной статьи на китайском языке опубликован в сборнике Фредрика Джеймсона «Культура глобализации», перевод Ма Дин, издательство Нанкинского университета, 2002.

² Касательно описания и схематического изображения системы принятия решений в системе китайской культуры особо придерживается содержание предварительного проекта исследовательской группы (2005) исследовательского центра Китайской академии общественных наук «Реформа бюджетных учреждений в сфере культуры», отправленный на рассмотрение в вышестоящую инстанцию.

и общества этой страны; вторая часть чаще подразумевает конкретные культурные области, включая «образование, науку, литературу и искусство, новости и печать, радио и телевидение, здравоохранение и спорт, библиотечное дело, музейное дело и т.д.», а также «повышение уровня знаний народных масс», «массовые развлекательные мероприятия здорового, веселого, живого, яркого характера» и т.д. До 2000 г. перечисленные конкретные культурные сферы целиком обобщали в одну категорию «культурное дело», кроме того в Китае бюджетные учреждения культуры представляли собой крайне обширную сеть учреждений. С провозглашения курса «содействовать развитию культурной индустрии» впервые на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва в 2000 г., начинается четкое разделение культурной сферы на две большие категории: «культурное дело» и «культурное предпринимательство». Это в свою очередь потребовало соответственно регулирования системы управления и механизмов функционирования в культуре. Именно по этой причине убираем слова в данном отчете в данном отчете мы рассматриваем доклад на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва в качестве символического начала современной культурной политики Китая.

Стоит обратить внимание на то, что у большинства людей, читающих про китайскую культурную политику, может сложиться такое представление, а именно в изложении национальной культурной политики не только с историко-временной точки зрения, но и с пространственной точки зрения (от центра до регионов или различных ведомств), всегда сохраняется сверхсильная преемственность. В такой языковой среде сверхсильной преемственности необходимо использовать особый метод политического толкования, чтобы распознать следы изменений и сформировать ход всей эволюции культурной политики, последовательно объединив следы изменений. Суть этого метода заключается в разделении «запасного изложения» и «дополнительного изложения». Позвольте нам сначала рассмотреть ниже три этапа изложения.

Основные требования строительства морали социализма — это любовь к родине, к народу, к труду, к науке и к социализму. Необходимо проявление «пяти видов любви» во всех аспектах общественной жизни, между народами всей страны, между рабочими, крестьянами и интеллигенцией, между военными, между работниками, между семьями и соседями и даже между отдельными людьми должна существовать взаимосвязь, нужно

устанавливать и развивать равноправие, солидарность, дружбу, взаимопомощь в социалистических отношениях нового типа. *(Отрывок из коммюнике 6-го пленума ЦК КПК 12-го созыва «Предложения ЦК КПК относительно руководящего курса в строительстве социалистической духовной культуры», 1986 г.)*

При строительстве социалистической морали необходимо сделать служение народу ключевым моментом, придерживаться принципа коллективизма, любовь к родине, народу, труду, науке и социализму сделать основными требованиями, развивать общественную мораль, профессиональную этику, семейную этику, способствовать формированию сплоченности, взаимопомощи, равноправия и дружбы в отношениях людей в обществе. *(Отрывок из коммюнике 6-го пленума ЦК КПК 14-го созыва «Постановление по некоторым важным вопросам усиления строительства социалистической духовной культуры», 1996 г.)*

План осуществления добросовестного и последовательного строительства гражданской морали, развивать дух патриотизма, служение народу должно стать основой, придерживаться принципов коллективизма, делать упор на честности и надежности, укреплять общественную мораль, воспитывать профессиональную этику и семейную мораль, особенно необходимо строительство идеологической нравственности молодого поколения, руководить людьми, основываясь на соблюдении базовых норм поведения, стремиться к более высоким целям идеологической морали. Усиливать и улучшать идейно-политическую работу, широкое развитие деятельности по созданию массовой духовной культуры. *(Из доклада 16 Всекитайского съезда КПК, 2002 г.)*

Очевидно, что если вычеркнуть указания об источнике и дате этих документов, то люди бы с трудом определили годы издания описанных выше трех отрывков, а также вопросы, которые они освещают. Они относятся к почти вневременному изложению, поэтому мы будем называть их «запасными изложениями».

Так называемое запасное изложение означает в течение длительного времени неменяющиеся последовательные выводы в многочисленных культурных политиках авторитарного типа. Это часто изложение, основывающееся на высших принципах, аналогичное «твердому изложению», упоминаемое в теоретической конструкции западной науки¹. Например, начиная с 8-го съезда КПК в 1956 г., «удовлетворение потребностей в ма-

¹ Термин предложил американский философ науки Томас Кун.

териальной культуре народных масс, увеличивающихся с каждым днем», стало твердым изложением во все времена и культурной политике на всех уровнях этой страны. Аналогичным образом с 80-х гг. прошлого века твердое изложение также включает в себя «усиление строительства материальной и духовной культур», «общественное благо всегда должно быть на первом месте при строительстве культуры» и т.д. Запасное изложение не только не меняется в течение длительного времени, но и часто может стать базовой описательной рамой для каждого нового правительственного документа, тем самым вызывая у людей, впервые читающих, в определенной степени трудности в распознавании.

Но китайская культурная политика в течение многих лет была сформирована не только из нескольких базовых запасных изложений начальной стадии. На самом деле огромное количество изложений запаса, из которых состоит современная культурная политика, раньше было добавлено в качестве так называемых дополнительных изложений. Что касается этой огромной страны, формально шаблонные изложения незаметно превратились в программу шифрования ее культурной политики, суть расшифровки заключается в уделении внимания к дополнительным изложениям.

Некоторые из этих дополнительных изложений выражены новыми оборотами речи, например, такими как «культурная индустрия» из доклада 5-го пленума ЦК КПК 15-го созыва, «освобождение производственных сил культуры» из 16 Всекитайского съезда КПК и т.д. В некоторых дополнительных изложениях новое содержание выражается старыми оборотами речи. Например, с 80-х гг. прошлого века в китайских документах по культурной политике различного уровня много раз упоминается сочетание «реформа культурной системы», но в «Экспериментальной программе по реформированию культурной системы», предложенной государством в 2003 г., внутреннее содержание понятия «реформа культурной системы» по своей широте и глубине уже сильно отличается от прежнего¹.

Следует особо отметить, что «дополнительное изложение» в культурной политике — это главный критерий для наших наблюдений и оценки эволюции китайской культурной политики.

¹ Термин «реформа культурной системы» можно было увидеть в правительственных документах органов управления в сфере культуры уже в 1979 г.

В действительности, каждое появление большой культурной политики обязательно содержит дополнительное изложение, привлекающее внимание людей, именно они приводят к тому, что само появление соответствующей политики становится важным культурным событием. В частности, если мы сделаем сравнительный обзор культурной политики этой страны на высшем уровне за последние 40 лет, то можем легко прийти к следующим двум выводам.

Во-первых, с точки зрения сопоставления типов изложения, область «идеологического строительства» в документах авторитарной культурной политики КПК является относительно централизованной областью запасного изложения. Эта особенность привела к длительному сохранению сверхстабильного внешнего вида преемственности в культурной политике этой страны. А напротив, «культурное строительство» в документах авторитарной культурной политики всегда относилось к сравнительно богатой области дополнительного изложения. Изложение культурной политики этой области более близко по типу выражения и установке к так называемой на Западе общественно-культурной политике.

Во-вторых, если мы сравним временные промежутки на рубеже веков длиной более 10 лет и первые 20 лет реформ и открытости, то мы можем заметить, что период длиной более 10 лет на рубеже веков является временем интенсивного появления культурных политик центрального и региональных правительств, относительного концентрирования дополнительных изложений культурной политики. Другими словами, за это период длиной более 10 лет Китай значительно ускорил темпы теоретической инновации в культурной политике.

В общем, на основании науки интерпретации чтения литературы, различающей запасное изложение и дополнительное изложение, мы заметили различие в области «идеологического строительства» и «культурного строительства» в культурной политике Китая. На рубеже столетий данное различие вытекает в следующее важное явление, а именно: государство уделяет внимание, растущее с каждым днем, современному состоянию, институциональной структуре, а также миссии развития области «культурного строительства». «Культурная индустрия» из следующего раздела — это понятие, появившееся из области «культурного строительства», и оно является одним из самых важных дополнительных изложений в культурной политике Китая в новом столетии.

2000-й ГОД: ПРИЗНАНИЕ ЗАКОННОСТИ «КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ»

В данной статье мы рассматриваем 2000 г. в качестве символического начала «культурной политики современного Китая», символическим письменным документом которого являются «Предложения по составлению десятого пятилетнего плана экономического и социального развития», принятые на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва. В них впервые была утверждена или признана тема «культурной индустрии», именно поэтому этот документ является символическим. В данном документе тема «культурной индустрии» затрагивается не менее 6 раз. Были выдвинуты предложения о том, что необходимо «совершенствовать политику культурной индустрии, усиливать строительство культурного рынка и его управление, способствовать развитию соответствующей культурной индустрии»; необходимо «способствовать сопряжению информационной индустрии и культурной индустрии». В марте 2001 г. эти предложения были приняты на 4-й сессии ВСНП 9-го созыва и затем официально включены в «Основные положения 15-летней программы».

В 2001 году в «Синей книге о культурной индустрии Китая» дается оценка: «С этих пор за последние годы многократно освещаемая в СМИ формулировка «культурная индустрия» впервые была официально включена в правительственные и законодательные документы, развитие культурной индустрии стало важной составной частью будущей стратегии Китая по экономическому и социальному развитию». С этих самых пор началось стремительное появление письменных документов различного уровня по государственной политике, касающейся культурной индустрии. В 2002 году в докладе 16-го Всекитайского съезда КПК под заголовком «Строительство культуры и реформа культурной индустрии» было выдвинуто предложение о том, что необходимо «активно развивать культурную деятельность и индустрию культуры». В докладе особенно подчеркивалось, что «развитая культурная индустрия является основным методом процветания культуры и удовлетворения потребностей в духовной культуре народных масс в условиях рыночной экономики. Необходимо улучшать политику культурной индустрии, поддерживать развитие культурной индустрии, усиливать мощь и конкурентоспособность китайской культурной индустрии». 14 октября 2003 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва в соответствующем

постановлении было потребовано своевременное урегулирование и последующая координация культурной политики с началом реформы. В октябре 2005 г. в «Предложениях по составлению одиннадцатого пятилетнего плана экономического и социального развития», принятых на 5-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва, вновь выдвинуты предложения о том, что необходимо «активно развивать культурную деятельность и индустрию культуры», кроме того даны указания во многих аспектах, таких как индустрия, деятельность, политика, управление рынком, внешние связи и т.д. А в 2007 г. на 17-м Всекитайском съезде КПК тема развития культурной индустрии была поднята до уровня «освобождения производительных сил культуры». После 1978 г. понятие «производительные силы» стало обладать самой большой нравственной силой в нашей стране. За последние 30 лет в нашей стране один за другим выдвинуты требования об «освобождении (материальных) производительных сил», «освобождении научных производительных сил», а также в настоящее время «освобождении культурных производительных сил».

В целях удовлетворения соответствующих требований Госсовет и соответствующие ведомства опубликовали целый ряд постановлений в поддержку реформы культурной системы, включая «Постановление, поддерживающее развитие культурной индустрии в экспериментальном проведении реформы системы культуры (в опытном порядке)», «Рамочную систему показателей культуры и соответствующих отраслей», вышедшую в первой половине 2005 г., а также «Ряд решений Госсовета о вложении частного капитала в индустрию культуры», изданный в августе 2005 г., и т.д.

«Борьба за признание» культурной индустрии

И в Китае, и на Западе важной чертой предыдущего современного общества является мнение о том, что на законодательном уровне культура должна быть отделена от рынка. В особенности это касалось культуры, связанной с искусством, считалось, что его производство и одобрение больше имеет отношение к «способности» и «власти», чем к «праву». Даже спустя длительное время роста рыночной экономики, процессы «маркетизации, или экономизации, культуры» и «утверждения прав культуры массового потребления» по-прежнему прилагают неустанные усилия в «борьбе за признание». Если искать корни так называ-

емой на Западе концепции «культурная индустрия» (cultural industry or cultural industries, или можно перевести как «культурная промышленность»), то их можно найти в концепции «производимости», предложенной Вальтером Беньямином в 30-х гг. прошлого века.

Однако в критической теории культуры Теодора Адорно и др. этому понятию придается сильный отрицательный оттенок, обозначающий, что культура и капиталистический бизнес вступили в заговор с целью уничтожить стремления людей к идеалам и свободе. Пусть даже в условиях, когда в настоящее время во многих странах индустрия культуры признается общественным мнением и соответствующими политическими курсами, по-прежнему не обходится без споров по вопросу сохранения творческого и превосходного (Excellency) начал в культуре. Но история такова, что на уровне правил зарождение современного рынка и современного общества часто начиналось с «признания» скромных прав, «отрицания ценностей» и критериев низкой морали. Сегодня «индустрия культуры» и связанный с ней ряд формулировок, таких как «производство символов и потребление», «содержательное производство», «критика СМИ в политэкономии» и др., в западном ученом мире давно превратились в слова ведущего направления¹.

В основном придерживаясь того же порядка, сопровождая весь процесс китайской политики реформ и открытости, в ходе которого были провозглашены развитие производительных сил (1978), развитие социалистического товарного хозяйства (1984) и строительство рыночной экономической системы с китайской спецификой (1992), процесс «маркетизации культуры» вступил в период «борьбы за признание». В самом начале проведения этого процесса использовались такие методы, как местные, полуподпольные, разумные нарушения правил и даже неразумные нарушения правил. В этом смысле вступление «культурной индустрии» в культурную политику в 2000 г. является признанием постфактума (subsequently endorsement) по отношению ко всему процессу «маркетизации культуры» за предыдущие более 20 лет,

¹ Американский ученый Дэвид Хезмондалш описал историю «борьбы за признание» на Западе «культурных индустрий». Кроме того, он особо упомянул о том, что современные французы весьма склонны к использованию этого термина во множественном числе (cultural industries) взамен термина в единственном числе, предложенного Теодором Адорно и др. См. его книгу «Культурные индустрии», перевод Чжан Фэйна, издательство Китайского народного университета, 2007. С. 18.

которое имеет глубокое переходное значение современного характера.

В Китае начало процесса «маркетизации культуры» в первую очередь было связано с тем, что система управления культурой, сформировавшаяся в период плановой экономики, не могла больше существовать. Согласно своему убеждению о том, что «культура вся равносильна идеологии», государство взяло под свой контроль все культурные объекты, государственные бюджетные учреждения в сфере культуры кормились за счет государственной финансовой системы «еда из общего котла». Даже сегодня, когда реформа в системе культуры уже вовсю разворачивается, мы можем увидеть, что масштабы бюджетных учреждений в сфере культуры довольно большие:

- система распределения бюджетных учреждений в сфере культуры;
- частные некоммерческие учреждения в сфере культуры;
- государственные административные органы и их подведомства;
- бюджетные учреждения в сфере культуры, подведомственные отделу по работе партии и масс;
- бюджетные учреждения в сфере культуры и культурного наследия, подчиняющиеся Министерству культуры;
- бюджетные учреждения в сфере культуры, подведомственные Главному управлению радио, кино и телевидения;
- бюджетные учреждения в сфере культуры, подведомственные Главному управлению по делам печати и издательств;
- система профсоюзов: дворцы культуры для рабочих, клубы профсоюзов и др.
- комсомольская система: дворцы молодежи и др.;
- культурные организации при Федерации женщин;
- учреждения культуры, подведомственные военной системе
- культурные учреждения, подведомственные Китайской федерации литературы и искусства;
- культурные организации, подведомственные Союзу китайских писателей.

Более существенным является вопрос не о том, что на государственных органах по финансам лежит огромная ответственность, а вопрос о том, что низка эффективность культурного производства и серьезная нехватка культурных товаров при такой системе правительственного субсидирования. Кроме того, в длительный период после реформ и открытости, когда бедные

страны, пытаясь максимально вложить ограниченные средства в сферу экономики, начали строительство инфраструктуры, культурные учреждения попали в безвыходное положение. Они были не только не в состоянии взять на себя задачу удовлетворения потребностей в культуре всего общества, но даже были не в состоянии удовлетворить свои собственные жизненные потребности. В этом контексте в начале реформ и открытости некоторые рыночно ориентированные преобразования, происходившие в местных и микроскопических областях, были на грани «борьбы за существование».

Тенденция «маркетизации культуры» в начале эпохи реформ и открытости в Китае имеет две особенности.

Во-первых, вслед за развитием рыночной экономики и постепенным процветанием сферы услуг, вслед за постепенным многообразием и разнообразием культурных функций индустриальное свойство культуры постепенно начинает проявляться, начинавшийся с коммерческих танцевальных клубов, музыкальных чайных домов и календарного рынка, культурный рынок оживает с каждым днем. В 1979 году в Гуанжоу открывается первый музыкальный чайный дом, а в 1980 г. в Шэньчжэне — первый ночной клуб. Несмотря на то что эти увеселительные заведения были дешевого и простонародного характера и даже в самом начале не соответствовали стандартам, они все-таки просуществовали благодаря трем особенностям: первая заключается в том, что они были частью инфраструктуры в экономически развитом регионе, и тем самым было нелегко запретить их только административным постановлением; вторая заключается в том, что они не только высвободили «товарное свойство» культурных продуктов, но еще более раскрыли существенные признаки так называемых понятий «товарное свойство», «культурная экономика», как, например, увеселительное свойство; третья заключается в том, что при таком культурном рынке осуществилось включение мощи частного предпринимательства в сферу производства культуры. Описанные выше преобразования, испытывая давление на всех уровнях многие годы, в конце концов все-таки получили признание и поддержку государственных органов управления. В 1987 году Министерство культуры, Министерство общественной безопасности, Главное управление промышленно-торговой администрации опубликовали «Сообщение об улучшении управления танцевальными мероприятиями», таким образом, было официально разрешено заниматься культур-

но-развлекательной деятельностью, такой как коммерческие танцевальные вечера и др. В 1988 году появилось «Сообщение об усилении работы по управлению рынком культуры», подготовленное Министерством культуры и Главным управлением промышленно-торговой администрации, тем самым была официально закреплена концепция культурного рынка и определены масштабы, задачи, принципы и общий курс управления рынком культуры. В 1989 году Госсовет КНР утвердил специальный орган — Управление культурным рынком при Министерстве культуры, что стало начальным моментом строительства всекитайской системы регулирования рыночных отношений в культуре. А потом вслед за появлением в большом количестве таких культурных явлений, как поп-музыка, караоке, народные театральные представления, развлекательные печатные издания, бестселлеры, а также популярные телесериалы и др., в 1998 г. Министерство культуры официально учредило Департамент производства культуры. Начинается искоренение явления «цветы зла», зародившееся в простонародном обществе, развитие культурной индустрии начинает регулироваться нормами органов административного управления страны.

Во-вторых, под давлением проблемы выживания, а также следуя примеру реформы рыночной экономики, внутри отрасли культурного производства, большей частью все еще сдерживаемой системой государственных бюджетных учреждений в сфере культуры, постепенно начинается проведение местной реформы, основным содержанием которой было «внедрение механизмов рыночной конкуренции». Данная реформа также получила одобрение и поддержку в нескольких правительственных документах головного департамента отрасли: на всекитайском заседании начальников управления культуры, созванном в феврале 1980 г., было решено, что «очень много проблем в области системы художественно-исполнительских коллективов и системы управления, ... необходимо решительно и последовательно преобразовать структуру культурной деятельности, преобразовать систему хозяйственного управления»; по требованию документа «Соображения о реформе художественно-исполнительских коллективов», изданном Министерством культуры в 1985 г., в культурных организациях стали внедрять реформу, основным содержанием которой было введение системы ответственности на основе подряда в целях устранения таких недостатков системы, как «осуществление жесткого контроля», «есть из общего котла» и др.

Были проведены следующие меры в области реформы: платные культурные мероприятия компенсируют бесплатные, помощь культуре других отраслей, чтобы решить экономические трудности культурных организаций. В документе Министерства культуры 1988 г. «Суждения об ускорении и углублении реформы системы художественно-исполнительских коллективов» и в документе ЦК КПК 1989 г. «Некоторые мнения о дальнейшем подъеме литературы и искусства» предлагалось проведение реформы по «двум колеям»: одна «колея» предназначалась для государственной поддержки малого количества коллективов, у которых сохранялась народная форма собственности, количество таких коллективов должно было сокращаться, но при этом повышалось их качество, они должны были представлять национальный художественный уровень; а другая — для творческих коллективов, которые базировались на разных формах собственности, они должны были поддерживаться общественностью. Все эти политические установки отраслевого характера получили наиболее полное выражение в «Решении по некоторым важным вопросам усиления строительства социалистической духовной культуры», принятом в 1996 г. 6-м пленумом ЦК КПК 14-го созыва: «необходимо следовать внутренним законам развития культуры, раскрыть позитивную роль рыночных механизмов, отрегулировать связи между государством, организациями и отдельными людьми, постепенно сформировать основные принципы государственных гарантий, поощрять общество в создании структур для развития дела культуры».

Можно видеть, что до 2000 г. формулировка «культурный рынок» уже была признана в культурной политике Китая, внутри государственных бюджетных учреждений в сфере культуры также было начато внедрение «механизма рыночной конкуренции». Но эти документы еще не расшатали старую систему управления культурой эпохи плановой экономики, характерным признаком которой было «не различая вести дело». Еще не произошли коренные изменения в способах повышения эффективности производства культуры и распределения культурных ресурсов. Более важным является то, что с течением времени в системе двойного управления «бюджетное учреждение, управление предприятием» с каждым днем наблюдается тенденция к увеличению в извлечении незаконной прибыли в политических и экономических ресурсах, став рассадником массовой политики и экономической коррупции, увеличивается себестоимость последующей реформы

в культуре. Именно в описанном выше контексте стали важным шагом «Предложения ЦК КПК о составлении десятого пятилетнего плана экономического и социального развития», опубликованные в 2000 г., в которых культура признана как «индустрия». Это признание может привести к целому ряду новых «признаний», которые могут расшатать в корне старую систему культуры.

Признание законности «культурной индустрии» в 2000 г. также имеет другие факторы влияния.

Во-первых, в Китае в 2000 г. ВВП на душу населения составил 1000 дол. США, а в восточных районах страны составил 3000 дол. США. С этих пор китайская экономика стремительно развивается: в 2002 г. ВВП на душу населения составил 1132 дол. США, в 2007 г. — 2460 дол. США. А в восточных районах страны в 2007 г. этот показатель колеблется от 7500 до 10 000 дол. США. Конечно, нам не следует придавать слишком большого значения или слишком высоко оценивать важность показателей объема ВВП или ВВП на душу населения. Но по большому счету в разумном обществе рост этих цифр одновременно может означать увеличение среднедушевых доходов, а также снижение коэффициента Энгеля в среднем доходе на душу населения, другими словами, увеличение доли населения в потреблении культуры. Если смотреть в глобальном аспекте, то можно заметить, что в странах с показателем ВВП на душу населения в 1000, 3000, 5000—6000 дол. США происходят большие изменения в масштабах культурного потребления в сфере туризма, развлечений и т.д. С точки зрения этой ситуации, в Китае наступила эпоха роста культурных потребностей, а в целом страна также вступила в эпоху «стратегической нехватки культурных продуктов», вызванной экономическим ростом¹. Более того, в настоящее время проблема нехватки культурных продуктов стремительно усугубляется. Очевидно, что, только позволив использование достижений реформирования экономической системы в сферах производства, распространения и потребления культуры, весьма эффективными мерами для решения проблемы нехватки являются применение рыночных инструментов в развитии культуры.

¹ Что касается масштабов проблемы нехватки методов учета и подсчета, некоторые полагают, что в 2005 г. в Китае культурные потребности населения были удовлетворены только на 1/4. Эта статистика вряд ли верна, но в общем и целом отражает современное состояние производства культуры.

Во-вторых, согласно описанию процесса глобализации в первом разделе, после 80-х гг. прошлого столетия сознание международным сообществом «новой концепции развития» получает отражение в некоторых международных организациях и на межгосударственном уровне культурной политики. В 90-е годы прошлого столетия международное сообщество и многие другие страны один за другим выдвигают свои культурные политики под концепцией «творчество». В то время все эти тенденции вызвали живые отклики в научной и политической среде Китая. Развернувшиеся дискуссии вокруг таких тем, как «породнение высоких технологий и высокой культуры» (high-tech and high-touching), интеллектуальная экономика и культурная индустрия («содержательное производство» или «творческая индустрия»), первый этап модернизации и второй этап модернизации и др., сформировали целый ряд результатов исследования¹. Переговоры о вступлении Китая в ВТО, которые было трудно вести на рубеже веков, привели к усилению вышеописанных факторов. Хотя в положении ВТО о торговле услугами удельный вес касательно торговли культурными услугами был невелик, но все же люди остро почувствовали, что над ними нависла угроза культурного соперничества между странами.

Благодаря вступлению в ВТО в кинематографии, издательском деле и в других культурных индустриях внутри Китая ускорился процесс маркетизации, рост демонстрирует ускорение тенденции. Согласно отчету Американской киноакадемии, в 2014 г. кассовые сборы фильмов по всему миру составили 37,5 млрд дол., в которых доля США составила 27%, а именно 10,1 млрд дол., это чуть больше, чем сумма кассовых сборов фильмов внутри США за 2000 г. (9,44 млрд дол.). Для сравнения, киноиндустрия в Китае развивается быстрее. В 2006 году сумма кассовых сборов фильмов внутри Китая составила всего лишь 3,2 млрд дол., в том числе кассовые сборы фильмов китайского производства составили 1,76 млрд дол. Однако за последние 10 лет китайская киноиндустрия стремитель-

¹ Формулировки «первый этап модернизации» и «второй этап модернизации» были впервые предложены на дискуссии по интеллектуальной экономике учеными Китайской академии общественных наук, посвятившими себя исследованию процесса модернизации в 90-х гг. прошлого века. В отличие от «первого этапа модернизации» «второй этап модернизации» ввел в обиход большое количество индикаторов развития знаний и культуры. В настоящее время исследовательским центром процессов модернизации Китайской академии наук уже разработана система статистических данных, согласно ежегодному отчету страна вступает во второй этап модернизации в мире.

но развивается, до 2015 г. в Китае кассовые сборы фильмов достигли суммы в 44 млрд юаней, или около 7 млрд дол. США, в том числе сборы фильмов отечественного производства составили 61,6%, а именно 4,3 млрд дол. США, став тем самым второй по величине кинодержавой в мире. Общее количество кинотеатров было 31 627, они действовали во всех районах, городах и уездах страны, а также во всех кинотеатрах страны были внедрены цифровые технологии. Кроме того, в издательской индустрии доходы книжного рынка Китая в 2014 г. достигли суммы в 18,7 млрд дол., составив 12% от объема общемирового книжного рынка, уступив лишь США, у которой 26%. В 2014 году Китай импортирует 16 321 вид продукции авторских прав (включая книги, периодические издания, аудио- и видеопродукцию, электронные издания, программное обеспечение, кинофильмы, ТВ-программы и др.), что было больше на 31,7% от показателя 2006 г. в 12 386 вид, а экспортирует 8733 вида продукции авторских прав, что в свою очередь было больше в 4,24 раза, чем показатель 2006 г. в 2057 видов. Соотношение ввоза : вывоза составило 1 : 1.87, намного превысив соотношение 1 : 6 2006 г. По прогнозам некоторых специалистов, в ближайшие 10 лет Китай может превратиться в страну с самым большим книжным рынком в мире, а также первой страной по объему авторской продукции. В США, Англии, Франции, Германии объемы продажи книг занимают приблизительно 50% от общемирового, а доля экспорта книг составляет около 47% от общего числа в мире¹. С точки зрения общей ситуации, реагирование на международную культурную конкуренцию стало главным мотивом для уделения внимания культурной индустрии всех регионов и всех культурных отраслей Китая.

В-третьих, под действием многих исторических и зарубежных факторов «культурная индустрия» становится горячей темой в Китае в конце 90-х гг. прошлого столетия. Первые шаги в этом направлении были сделаны Китайской академией общественных наук, ею были проведены исследования в области зарубежной культурной политики, также оказали огромное влияние ее критическая теория культуры, исследования в области культурной

¹ Приведенные здесь цифры о количестве авторских прав по книгам и изданиям взяты из «Отчета по новостям, издательскому делу, радио, кино и телевидению Китая». Эти цифры свидетельствуют о том, что хотя Китай относительно внешней торговли — страна с положительным торговым балансом, но в настоящее время в торговле культурными продуктами по-прежнему является страной с пассивным торговым балансом.

политики и исследования в области стратегического консалтинга в культурной индустрии. В ноябре 2000 г. был официально учрежден культурный центр при Китайской академии общественных наук. В следующем году центр выпустил первый том «Синей книги культурной индустрии Китая». В настоящее время данный сборник включает в себя 7 опубликованных томов, превратившись в главную справочную литературу по культурной индустрии для правительств всех уровней, образовательных и научно-исследовательских учреждений. Наряду с этим в стране один за другим появляются многочисленные исследовательские центры по культурной индустрии.

Что касается места, в 1996 г. Пекин выступает с требованием «усиленного развития культурной индустрии». В 1999 и 2000 годах правительства Юньнань, Чжэцзян, Цзянсу и др. провинций один за другим выступают с инициативой строительства «культурного региона». За короткое время тема «культурного региона» становится главной для правительств многих провинций. Например, в декабре 2000 г. в провинции Чжэцзян были опубликованы «Основные положения о строительстве культурного региона в провинции Чжэцзян», в которых характер «культурной индустрии», смысл экономики и культуры получили полное раскрытие.

Стоит отметить, что несмотря на то что «культурная индустрия» получила признание на уровне государственной политики, однако ее «культурное» содержание еще не получило достаточного признания в научной среде в области традиционных гуманитарных наук, а ее «экономическое» содержание также не получило всеобщего одобрения в научной среде в области экономики. В то время как концепция «культурной индустрии» получила политическое подтверждение, внутри страны и за рубежом относительно концепции и классификации «культурной индустрии» еще не были разработаны единые стандарты. Ввиду этого сравнительное изучение статистических данных и состояния развития культурной индустрии до сих пор является неясной областью. В целях реализации «культурной индустрии» на оперативном уровне в 2004 г. Государственное статистическое управление Китая опубликовало документ «Классификация культуры и смежных отраслей», в котором было проведено четкое разделение между «центральным уровнем», «периферийным уровнем» и «смежными уровнями» культурной индустрии. Эти уровни подразделяются на 9 больших классов и сотни подклассов.

сов. Данная классификация имеет важное руководящее значение для разработки политики в области культурной индустрии всех регионов и изучения результатов статистики:

- центральный уровень культурной индустрии: новости, книги и периодические издания, аудио- и видеопродукция, электронные издания, радио, телевидение, кинофильмы, художественные представления, арены культурных представлений, охрана культуры и культурных объектов, музеи, библиотеки, архивы, услуги массовой культуры, исследования в области культуры, культурные сообщества, другие культуры и т.д.;
- периферийный уровень культурной индустрии: Интернет, услуги турфирм, экскурсии по достопримечательностям, домашние развлечения, парки аттракционов, оздоровительно-спортивные развлечения, интернет-кафе, посредники и агенты в сфере культуры, аренда и аукцион культурных продуктов, реклама, выставки и т.д.;
- смежный уровень культурной индустрии: письменные принадлежности, фотопринадлежности, музыкальные инструменты, игрушки, эстрадная аппаратура, бумага, фотопленка, магнитофонная пленка, компакт-диски, полиграфоборудование, радио- и телеоборудование, кинооборудование, домашняя аудио- и видеоаппаратура, производство и сбыт художественных изделий и т.д.

Несмотря на то что многие критикуют данную классификацию, тем не менее она действительно послужила основой для составления статистических данных по культурной индустрии для всех регионов Китая.

Слияние, отделение и воссоздание сфер: утверждение «культурной индустрии» с точки зрения современной трансформации

В аспекте истории развития китайской культуры признание «культурной индустрии» на уровне государственной культурной политики в 2000 г. стало важным историческим событием, потому что это признание неизбежно привело к целому ряду других, как например: признание производства культуры и рыночных отношений; признание товарного свойства и даже развлекательного свойства культурных продуктов; признание того, что отдел производства культуры относится к отрасли экономического роста; признание права вложения частного капитала в производство

культуры, а также права культуры массового потребления. С точки зрения системы культуры, данное признание может привести к признанию различия между культурной деятельностью и культурным предпринимательством; к признанию принципа «раздельного ведения дела»; к признанию мягких и терпимых принципов управления и т.д. В целом этот ряд признаний говорит о том, что с признанием «культурной индустрии» были расшатаны основы старой системы управления культурой, сформировавшейся в период плановой экономики, что предоставило возможность для всестороннего проведения реформы системы культуры. В четвертом разделе мы еще вернемся к этой теме.

Стоит отметить, что с точки зрения перехода к современности признание «культурной индустрии» в политическом аспекте также является важным событием, значение которого можно сравнить с движением освобождения от идеологических предрассудков 1978 г. Чтобы согласиться с этим мнением, необходимо дать краткое описание этапа развития китайской культуры за последние 30 лет.

Мы заметили, что в большей части письменных документов за последние 30 лет, независимо от экономического, политического или культурного направления, история политики реформ и открытости делится на три периода:

- 1) с 1978 г. (3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва) до 1992 г.;
- 2) с 1992 г. (14-й съезд КПК) до 2002 г.;
- 3) с 2002 г. (16-й съезд КПК) до настоящего времени.

В качестве основы для этих трех периодов послужил важный политический выбор в ходе реформы экономической системы. Господин У Цзинлянь в своей статье «Рыночная реформа в Китае: откуда пришла? куда идет?» вспомнил про три больших спора, ставших предпосылками для трех периодов политики реформ и открытости. Первый раз это была дискуссия об освобождении от идеологических предрассудков после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, которая активизировала процесс реформ от деревни до города, от побережья до внутренних районов. Учитывая вопросы о недостаточности теоретической основы реформы того периода и снижении затрат по трансформации, в этот период сформировалась «стратегия дополнительной реформы», основной характерной особенностью которой стала двухколейная реформа. На основании этого стратегического сознания в 1984 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва было принято постановление «О строительстве социалистического и планового товар-

ного хозяйства». Товарное хозяйство под именем старой системы громко вступило на сцену¹. Второй раз большой спор возник в середине 80-х и в начале 90-х гг. прошлого века, суть спора заключалась в определении «цели реформы рыночной экономики с китайской спецификой», в особенности волновал вопрос о том, как выбрать конкретную модель экономической реформы². Все политические решения, сделанные на основании этого спора, были предложениями о «строительстве социалистической экономической системы», выдвинутые на 14-м съезде КПК в 1992 г. и на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва в 1993 г. Третий большой спор возник в 2004 и 2006 гг., суть спора заключалась в том, как отнестись к негативным последствиям, вызванным реформой за последние 30 лет, стоит ли возвращаться к дореформенному времени? Или должны способствовать всестороннему углублению реформы, чтобы оживить мертвое пространство, оставленное прошлой двухколейной реформой, и чтобы построить «правовую рыночную экономику» и справедливое общество?

В настоящее время многие специалисты в сфере культуры также согласны с изложенным выше политическим и экономическим разделением на три периода. Хань Юнцзинь в статье «Реформа культурной системы в нашей стране: ретроспектива и наставления» подробно и убедительно рассуждает об этих периодах с точки зрения реформы культурной системы. Он полагает, что первый этап развития современной китайской культуры охватывает период с 1978 по 1992 гг., главная особенность которого заключается в общей неизменности системы культуры, сформировавшейся в период плановой экономики, в внедрении в местных масштабах некоторого опыта реформы экономической системы

¹ По этой причине многие ученые склоняются к тому, чтобы к первому этапу реформ и открытости отнести период с 1978 по 1984 гг.

² Согласно статье У Цзинлянь, модель экономического развития подразделяется на 4 вида: модель плановой экономики позднего сталинского периода (или по-другому «улучшенная советская модель»), модель рыночного социализма (или «восточно-европейская модель»), руководимая правительством модель рыночной экономики (или «восточно-азиатская модель») и модель свободной рыночной экономики (или «европейско-американская модель»). Господин У в интерпретации политики весьма проницателен, он заметил, что: «после 1984 г. в документах партийных и административных руководящих органов можно увидеть, что при разъяснении теоретической основы целей реформы в основном применяется терминология четвертой модели; а при определении конкретных мер больше применяется терминология третьей модели».

с помощью системы двойного управления, в предварительном утверждении законности рынка культуры. Второй этап охватывает период с 1992 по 2002 гг., особенность которого заключается в комбинировании процесса реформирования системы рыночной экономики с китайской спецификой, в более четкой постановке важности реформы культурной системы и базовых принципов, кроме того, в конце этого периода впервые была выдвинута концепция «развития культурной индустрии» (на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва). Третий этап начинается с 16-го съезда КПК в 2002 г., главной приметой которого стало «разделение культуры впервые на культурное дело и культурную индустрию». Мы можем заметить, что большинство исследователей склоняются к классификации на три этапа¹, другие классификации на четыре или пять периодов недостаточно основательны².

Без сомнения, во всеобщем одобрении классификации на три этапа действительно есть положительный момент — это согласованность между собой процессов реформирования системы культуры и экономико-политической системы в Китае. Эта согласованность особенно проявляется в следующих двух моментах: во-первых, политика реформ и открытости означает осуществленные в различных областях институциональные преобразования, которые освободились от оков системы плановой экономики, это одинаково соответствует области культуры. Во-вторых, всесторонние институциональные преобразования в различных областях с самого начала сформировали основную стратегию с китайской спецификой, а именно «стратегию дополнительных реформ»³.

Эта стратегия имеет многочисленные названия, как, например, прогрессирующие реформы, поэтапные реформы, реформы системы двойного управления и т.д. «Отпустить объем прироста,

¹ Можно посмотреть статью Лу Цзюнь «Обзор пути реформирования системы культуры», в котором также использована классификация на три этапа. Первый этап (1978—1992): процесс маркетизации рынка и преобразования форм собственности в системе культуры; второй этап (1992—2002): индустриализация культуры и преобразования механизмов финансовых вложений; третий этап (2002 — по наст. вр.): всеобъемлющая система инноваций и развитие производительных сил культуры.

² Вань Дзянь и др. в статье «История развития китайской культурной индустрии» развитие культурной индустрии подразделяют на четыре периода: кроме общепризнанного всеми периода с 1978 по 1992 гг., они также добавили временной отрезок 1984 г.

³ Термин «стратегия дополнительных реформ» стала основой для упомянутых во втором разделе понятий «запасное чтение (дополнительное чтение)».

стимулировать возобновление резервов, ступенчатое содействие, придерживаться принципа постепенности» составили главное содержание данной стратегии, все это также используется в реформировании культурной системы на протяжении 30 лет¹.

Но если мы полностью ограничимся лишь описанной выше классификацией, то это может привести к проблеме, а именно к игнорированию своеобразия самой реформы системы культуры. Совсем несложно охарактеризовать это своеобразие. До рубежа веков область экономики всегда была горячей зоной проведения структурных реформ в Китае. Несмотря на то что эффект этих реформ непрерывно оказывал воздействие на область культуры, но в целом реформы в данной области были местного, медленно прогрессирующего и даже «безмолвного» характера. Пусть уже в 1980 г. в начале реформ и открытости было сформулировано предложение о «решительном и последовательном проведении реформ в системе культурных учреждений, в системе хозяйственного управления», пусть в 1996 г. в принятом 6-м пленумом ЦК КПК 14-го созыва «Решении по некоторым важным вопросам усиления строительства социалистической духовной

¹ В начале 90-х гг. прошлого века в контексте китайской политики реформ и открытости, а также крутых перемен в СССР, в мире появилась такая наука, как «переходная экономика», или «транзитная экономика», с целью изучения того, как осуществить переход от плановой экономики к рыночной экономике. Ключевым вопросом, которым занимается эта наука, является «Что лучше в переходном процессе замещения старой системы новой: радикальная реформа или постепенная реформа?» Касательно этого вопроса Дж. Стиглиц, Макмиллан, Б. Нотон, а также китайские экономисты, в числе которых Линь Ифу, Мао Юйши и др., выступают за проведение постепенной реформы. А Дж. Сакс, М. Бруно, Т. Ву, Керней и др. напротив предлагают радикальную реформу. Этот спор продолжается до сих пор. Мы непреднамеренно были вовлечены в вышеуказанную дискуссию. Но история подтверждает, что китайские реформы на протяжении 30 лет следуют по пути реформ постепенного перехода, придерживаются так называемой дополнительной стратегии развития. В последнее время в многочисленных статьях эта стратегия получила различные формулировки, основной элемент которых можно обобщить в следующий тезис: «отпустить объем прироста, стимулировать возобновление резервов, ступенчатое содействие, придерживаться принципа постепенности». По мнению Дж. Стиглица, эта стратегия продолжает соответствовать переходному плану оптимальности по Парето. Стоит обратить внимание, что в этом плане мягкого перехода, в котором проступает традиционная восточная мудрость, сохранение непрерывности старой системы для поддержания баланса и стабильности имеет такое же важное значение, как и инновации экспериментальной новой системы. Его основной оперативной стратегией ни в коем случае не является начало деконструкции в самой большой области фондовых ресурсов. Это способствовало формированию важнейших суждений науки толкования о трансформации общества, которая обрелась в Китае на протяжении 30 лет.

культуры» уже в довольно зрелой форме провозглашены «задачи и ряд направлений по дальнейшему реформированию культурной системы», но в целом тогдашнее реформирование культурной системы все еще было ограничено рамками «хозяйственной системы». Этот факт свидетельствует о том, что хотя реформирование культурной системы тесно связано с реформированием экономической системы, но ритм обоих процессов отнюдь не был синхронным, по своей глубине и масштабу реформирование культурной системы уступало реформированию экономической системы.

Однако сравнительное отставание реформы культурной системы не является конечной моделью описания культуры, которую мы ищем в данном докладе. Чтобы найти эту модель, необходимо подобрать такую точку зрения, в которой история развития китайской культуры рассматривается в современном аспекте. Основываясь на этой точке зрения, в последние годы некоторые исследователи преодолели инерционное мышление о теории классификации на три этапа развития культуры. Они указывают на то, что политика реформ и открытости позволила китайской культуре осуществить переход с тенденции «слияние сфер» к тенденции «отделение сфер».

Так называемая тенденция слияние сфер подразумевает провозглашенный курс «к соединению воедино в значительной степени функций трех больших областей деятельности, таких как политика, экономика и культура, в котором центральное место отводится политике» в период плановой экономики, а также в начале реформ и открытости. Здесь политика была «универсальной областью», занимающей главенствующее положение, а культура, в особенности как целое, была определена как производное от политического сознания. «Основным способом идеологизации деятельности духовной культуры является определение направления культурной деятельности согласно интересам политической деятельности, сознательное вступление культурной деятельности на путь содействия политической деятельности в формировании общественного порядка, чтобы посредством культурной деятельности, обладающей исключительной силой воздействия на духовное состояние людей, оказывать поддержку политической деятельности». Тем не менее вслед за выдвинутым на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г. курсом по изменению направления работы с классовой борьбой на экономическое строительство, вслед за снятием ограничений в товарном

хозяйстве и углублением реформы системы рыночной экономики постепенно наблюдается тенденция к относительному отделению культуры, в прошлом целиком захваченной политической идеологией, от универсальной сферы политики.

Можно сказать, что относительное отделение культуры от универсальной сферы политики является важным показателем освобождения сферы культуры от системы плановой экономики. Благодаря этому отделению сфера культуры приобрела в определенной степени автономию, а автономия является началом осуществления перехода к современному состоянию в сфере культуры. В качестве опорной иллюстрации «относительного отделения» эти исследователи считают, что «бум стратегии развития культуры», возникший в середине 80-х гг. прошлого века в Шанхае и в других местах, является символом приобретения независимости культуры.

Мы считаем, что концепции «слияние сфер» и «отделение сфер» действительно точно передали особый смысл современной трансформации современной китайской культуры.

Но одновременно мы полагаем, что, только используя концепцию «отделение сфер», делать выводы по отношению ко всему переходному процессу недостаточно. Потому что «отделение» — это отрицательное понятие, которое, безусловно, правильно описывает постепенное разрушение системных элементов плановой экономики в сфере культуры, но недостаточное для описания обратной стороны процесса современной трансформации культуры, а именно «реконструкцию» системного и целостного характера. Здесь «реконструкция» означает, что кроме дальнейшего завершения процесса относительного отделения культуры от политики и др. областей, также необходимо способствовать формированию тесных связей культуры с другими областями в новых условиях. В 2000 году на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва впервые было выдвинуто предложение о «содействии развитию культурной индустрии», которое означало, что в системе плановой экономики окончательно устранены барьеры между культурой и экономикой, культурой и рынком, культурой и потребительскими правами широких масс, а также означало признание того, что производство культуры может стать сектором экономики, тем самым культура тоже может содержать в себе огромную «область увеличения». Все это с точки зрения подведения итогов является утверждением рыночно ориентированной реформы культурной системы в местных микрорегионах в первые 20 лет реформ и открытости. С точки зрения будущего раз-

вития, формулировка «содействие развитию культурной индустрии» стало поводом для «полной реконструкции области культуры», тем самым способствовал последовательному проведению разрыва дела и предпринимательства, разрыва управления и выполнения, освобождения производительных сил культуры, реализации основных культурных прав общественности и ряда других структурных реформ, а также способствовал превращению культуры в горячую зону проведения структурных реформ вслед за областью экономики.

Естественно, кроме такой периодичной характеристики, как слияние сфер — отделение сфер — реконструкция сфер, мы считаем, что концепция «культурная индустрия» активизировала процесс «разочарования» (disenchantment) в понимании культуры современных китайцев. В традиционном сознании «культура» — это важное государственное дело, культура целиком равнозначна идеологии, так называемые формулировки «бессмертные сочинения», «одно слово спасет страну, одно слово погубит страну» все без исключения придают культуре мистический колорит. Общественное свойство культуры часто проявляется в характере государственной монополии и полного замещения. В настоящее время культура связана с индустрией, рынком, технологиями воспроизведения и массовыми потребительскими правами, что окончательно подрывает и разрушает основы традиционного понимания культуры.

Именно с точки зрения реформирования культурной системы и современной трансформации Китая, мы считаем, что 2000 г. является знаменательным периодом в китайской культурной политике.

2003-й ГОД: НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ И РЕФОРМЫ НОВОГО ЭТАПА В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ

После официального включения в 2000 г. концепции «культурная индустрия» в государственную культурную политику, в конце 2002 г. в докладе 16-го съезда КПК вновь была поднята тема «реформирования культурной системы», но в этот раз на беспрецедентном уровне, она стала главной темой в части, касающейся культуры данного доклада: «культурное строительство и реформирование культурной системы». По сравнению с прежним периодом реформ культурной системы, главной темой нового периода,

которая одновременно касается общего положения культурной системы, стало разграничение культурного дела и культурной индустрии, вокруг этого разграничения пробуют проводить другие комплексные реформы в системе управления. В 2003 году в стране официально начались экспериментальные работы по реформированию соответствующей культурной системы.

Также в 2003 г. в китайской макростратегии развития наметилась другая важная тенденция. В 2003 году на 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва новая концепция, обозначенная как «концепция научного развития», впервые получила авторитетное изложение: «твердо придерживаться курса реформ социалистической рыночной экономики, ... придерживаться единого планирования и всестороннего учета, придерживаться принципа «человек превыше всего», формирование всесторонней, гармоничной, устойчивой концепции развития, способствовать всестороннему развитию экономики, общества и частных лиц». Самое интересное заключается в том, что, когда реформы культурной системы нового периода только определили «рост (культурного ВВП)» как один из главных показателей культурного развития, концепция научного развития выступила с инициативой отказа от концепции развития «только теории роста (ВВП)». Как мы знаем, в прежней концепции развития понятие «развитие — это твердая истина» часто означает «рост (ВВП) — это твердая истина». В этом контексте культурное строительство является всего лишь придатком экономического роста.

Как относиться к этим двум изложенным выше тенденциям, которые, казалось бы, противоречат друг другу? Разумный ответ — в 2003 г. в Китае уже наступила эпоха полного и всестороннего переосмысления внутреннего содержания, функций и положения культурного развития, эпоха становления новой культурной концепции, которая соответствует рыночной экономике с китайской спецификой, новой концепции социального развития. Как раз в это время, в июне 2003 г., появляется «новая концепция культурного развития», в которой обобщены общие положения реформирования культурной системы нового периода.

Новая концепция развития: «первая политика» китайской культуры на стыке столетий

Еще раз отметим, что для современной трансформации китайской культуры признание законности «культурной индустрии» на стыке столетий имеет историческое значение. Парал-

лельно с этим случилось другое важное событие, а именно так же на стыке столетий, когда в Китае уже наблюдается стремительный рост экономики и общества, страна начинает сосредотачивать все больше внимания на вопросах о пути развития, отсюда сформировался метод диагноза и лечения «концепции научного развития», официально выдвинутый на 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва в 2003 г.

Мы даем столь высокую оценку концепции научного развития в качестве государственной макростратегии развития не только потому, что она была выдвинута и усовершенствована по инициативе правящей верхушки, но еще и потому, что концепция научного развития по сравнению с прежней программной концепцией содержит в себе элементы мирового сознания и будущего сознания, а также в способах выражения своего содержания более близка к самому прогрессивному языку современного мира¹. По вопросам глобального и регионального развития и др. важным вопросам она позволила Китаю вести с внешним миром более широкий диалог. Это говорит о том, что хотя китайское развитие характеризуется большим своеобразием, но развитие приведет к углублению процесса глобализации внутри страны, а также Китай будет уделять все больше внимания универсальным вопросам глобального характера, в своей политике будет все более придерживаться принципа «общечеловеческие ценности», в изложении своей политики будет все более учитывать такой фактор, как принимающая среда внешнего мира².

Актуальным вопросом является вопрос: «Какое воздействие концепция научного развития оказала на развитие современной китайской культуры, в особенности на культурную политику

¹ «Проблема развития» — один из важнейших вопросов, занимающих международное сообщество с 70-х гг. прошлого века. По просьбе совещания экспертов «Исследование комплексной концепции развития» ЮНЕСКО в городе Кито французский экономист и социолог Франсуа Перру в 1983 г. опубликовал книгу «Новая концепция развития». В данной книге автор системно раскрывает такие особенности новой концепции развития, как «целостность», «внутренность», «комплексность», «в центре человек», «уделение внимания культурным ценностям». Если сравнить китайскую концепцию научного развития и эту «новую концепцию развития», то несложно заметить их тесную связь.

² Несмотря на то что в Китае многие полностью противопоставляют друг другу понятия «особенность» и «общечеловеческие ценности», мы хотим подчеркнуть, что Китай, который с каждым днем все более обретает независимость, одновременно все более склоняется к тому, чтобы рассматривать ценности бытия и пути развития с общемировой точки зрения. Понятия «независимость» и «глобальность» в корне не могут слепо противопоставляться друг другу.

на стыке столетий?» По этому поводу у нас есть два мнения: во-первых, концепция научного развития, безусловно, не является в узком смысле культурной политикой, но тем не менее для развития культуры является политикой, имеющей огромное значение. Во-вторых, вслед за появлением концепции научного развития в области китайской культуры была выдвинута «новая концепция культурного развития», которая сформировала «первую политику» современной китайской культуры.

Главное воздействие концепции научного развития на развитие современной китайской культуры заключается в том, что была подвергнута критике старая концепция развития «теория только роста (ВВП)», а подчеркнута необходимость гармоничного развития экономики, политики, культуры и общества «четыре в одном», подчеркнута необходимость того, что культура должна стать главным критерием для оценки культурного уровня экономики и общества, кроме того концепция научного развития позволила развитию культуры сделать большой шаг вперед в восстановлении независимости. Если говорить о том, что за первые 20 лет реформ и открытости реформа системы рыночной экономики способствовала относительному отделению культуры от «универсальной политической сферы», то концепция научного развития напротив способствовала относительному отделению культуры от «универсальной экономической сферы». Благодаря этому прорыву развитие культуры оказалось во все более благоприятной политической обстановке.

Однако мы должны понять, что как относительное отделение культуры от «универсальной политики» отнюдь не означает полного разрыва связей между культурой и политикой, так и отделение культуры от так называемой универсальной экономики подразумевает лишь то, что ее развитие больше не зависит от концепции развития с упором на рост ВВП, и не означает, что развитие культуры может идти совершенно по другому пути, чем реформа системы рыночной экономики. В действительности, «становление культурной концепции, соответствующей системе рыночной экономики с китайской спецификой», чтобы направлять реформы, ориентированные на рыночную экономику, и все реформы внутри культурной сферы — это как раз является неуклонной руководящей мыслью в китайской культурной политике на стыке столетий. Эта руководящая мысль образовала суть так называемой новой концепции культурного развития (или коротко — новая культурная концепция). Новая культурная кон-

цепция — это воплощение в сфере культуры концепции научного развития, она может рассматриваться в качестве «первой политики» современной китайской культуры.

Должны отметить, что новая концепция культурного развития была выдвинута на высшем уровне КПК на «Совещании по вопросам экспериментальной работы реформирования культурной системы» в июне 2003 г.: «необходимо освободиться от традиционной концепции культуры развития, сформировавшейся в условиях плановой экономической системы, необходимо сформировать новую концепцию культурного развития, соответствующую системе социалистической рыночной экономике».

В январе 2006 г. ЦК КПК и Госсовет КНР в документе «Некоторые мнения по углублению реформы культурной системы» указали, что необходимо «сформировать новую концепцию культурного развития, ... развитие должно стать главной темой, реформы должны стать главной движущей силой, инновации в структурных механизмах должны стать ключевым пунктом, ... необходимо сформировать совершенную инновационную культурную систему». В этом контексте новая концепция культурного развития превратилась в важную тему в области исследований китайской культуры. В июне 2006 г. некоторые исследователи опубликовали сборник статей на тему новой культурной концепции. Китайская академия общественных наук в крупном научном докладе исследователей по культурному развитию провинции Чжэцзян «Опыт провинции Чжэцзян и развитие Китая» (серия «Культура») провела всесторонние исследования вопроса о внутреннем содержании «новой концепции культурного развития»¹. Согласно этому исследованию, новая культурная концепция является важной составной частью концепции научного развития, суть которой заключается в объединении темы культуры с темой развития, рассмотрение положения, функций и задач регионального культурного развития с точки зрения главной темы политики реформ и открытости «развитие». Благодаря этому объединению новая концепция культурного развития позволяет рассмотреть ее с «двух точек зрения»: а именно с точки зрения культуры на развитие и с точки зрения развития на культуру.

¹ См. сборник статей Хань Юнцзинь «Новая культурная концепция», опубликованный в июне 2006 г.; а также см. введение доклада Китайской академии общественных наук «Опыт провинции Чжэцзянь и развитие Китая» (серия «Культура»).

С точки зрения культуры на развитие — здесь слово «развитие» означает объявленное в коммюнике на 16-м пленуме ЦК КПК 3-го созыва «всестороннее развитие экономики, общества и человека», так называемое единое развитие всех четырех аспектов: экономики, политики, культуры и общества, или, одним словом, целостное развитие. В этой концепции развития культура получила такие свойства, как «мягкая сила культуры», «поддержка культуры», «конкурентоспособность культуры» и др., получила значение индикатора для оценки уровня целостного развития регионов. Вне всякого сомнения, такая концепция развития в корне отличается от старой концепции развития, которая слепо стремилась лишь к росту ВВП. В 80-х годах прошлого столетия генеральный директор ЮНЕСКО Ф.М. Сарагоса в предисловии книги «Новая концепция развития» указывает на то, что основная идея старой концепции заключалась в следующем вопросе: «Как мы можем изменить современное общество и культуры, чтобы они адаптировались к процессу индустриализации?» Именно направление данного вопроса привело к тому, что в течение века в нашем обществе слово «развитие» заменено понятием «рост». Как мы знаем, как минимум до 2000 г. в Китае «рост ВВП» был синонимом слова «развитие». Изречение «развитие — это твердая истина» в течение очень длительного времени означало «рост ВВП — это твердая истина». В этом контексте, с точки зрения культуры на развитие, рост ВВП действительно стал ключевым фактором, который позволил китайской концепции развития подняться на новый уровень.

С точки зрения развития на культуру — здесь слово «развитие» указывает на технологическую революцию в современном мире, а также на общее положение процесса интеграции экономики, политики, общества и культуры, указывает на изменение обстоятельств развития китайской экономики и общества. Как мы знаем, пройдя 20-летний период стремительного развития, в конце прошлого века система китайской рыночной экономики в основном сформировалась, объем ВВП превысил триллион дол. США (2000), показатель ВВП на душу населения составил 850 дол. США (2000). В это время увеличивается спрос потребителей на продукцию духовной культуры и продукцию с культурной добавленной стоимостью, актуальность трансформации экономики и общества вызывает необходимость в повышении уровня развития культуры. Кроме этого, в финансовом отношении государство и регионы оказались в беспрецедентно благопри-

ятных условиях, все это требует полного понимания тенденции изменения современных культурных продуктов от производства до способов поставки, понимания основного значения реализации прав массовой культуры, а также реформирования соответствующей культурной системы. В этом заключается коренное отличие новой культурной концепции от прежней, оторванной от экономики и общества, ограниченной культурной концепции, игнорирующей необходимость массовой культуры.

Ранее мы упоминали о том, что благодаря найденной зацепке «культурная индустрия», реформа культурной системы нового периода непосредственно привела к реконструкции всей культурной сферы. В новой культурной концепции выделяются следующие три большие темы этого процесса реконструкции:

1) формирование идеологической концепции и моральных обязательств, адаптированных под рыночную экономическую систему с китайской спецификой, приводит к тому, что мягкая сила культуры способствует всестороннему развитию экономики, общества и человека;

2) сосредоточив внимание на развитии тенденции «культуризация экономики — экономизация культуры» в современном мире, сосредоточив внимание на историческом требовании освобождения и развития производительных сил культуры в Китае, позаимствовав успешный опыт реформирования экономической системы, необходимо реформировать соответствующую культурную систему, чтобы производство культуры также превратилось в «растущую» отрасль экономики, в «жесткую силу», которую можно измерить с помощью твердых критериев;

3) чтобы стимулировать творческие способности общества, в особенности подлинные возможности культуры, чтобы реализовать основные культурные права всех слоев общества, чтобы координировать процесс урбанизации в Китае, усиливающийся с каждым днем, а также процесс интеграции города и деревни и создания новой модели деревни, необходимо реформировать соответствующую культурную систему, кроме того с помощью нового метода необходимо реконструировать систему общественных культурных услуг, этим способствуя трансформации функций китайского правительства и реформированию соответствующей политической системы.

Приведенные три темы составили центральную задачу реформирования китайской культурной системы на стыке столетий. Необходимо объяснить, что, сопоставив ранее упомянутую тек-

стовую структуру китайской культурной политики, мы можем видеть, что вышеописанная первая тема новой культурной концепции соответствует так называемой части «идеологическое строительство», а последние две темы, в частности, развитие культурной индустрии и строительство системы общественных культурных услуг, как раз соответствуют основному содержанию части о «культурном строительстве» в ряде государственных документов по культурной политике за последние годы. С этой точки зрения, новая культурная концепция и ее три большие темы определили стратегию и основные задачи зонального развития культуры от центра до периферии в Китае на стыке столетий, определили ключевой пункт нового этапа реформирования культурной системы. Новая культурная концепция является общей программой нового этапа реформирования культурной системы.

Вступление в экспериментальную стадию нового этапа реформирования культурной системы

За последние 40 лет в Китае часто встречающемуся в современной теории слову «трансформация» (transformation) эквивалентом является слово «реформа» (reform). Более того, это слово подразумевает под собой «реформу системы». В языковой среде Китая значение слова «система» слабее так называемых «основных социальных систем» (как, например, «социализма» и «капитализма»), но сильнее устава и образа действия некоторых конкретных учреждений. В Китае структурные реформы в экономике, обществе, политике, культуре и др. областях имеют одинаковый объект — это система плановой экономики; а также структурные реформы имеют одинаковую цель — это рыночная экономическая система с китайской спецификой или соответствующие ей другие системы.

Благодаря этой причине уже в 1978 г. Китай начинает освобождаться от оков плановой рыночной системы, в сфере культуры проводятся структурные реформы, кроме того эти реформы являются «рыночно ориентированными». А на созванном в феврале 1980 г. Всекитайском совещании начальников управления по делам культуры призвали к «решительному и последовательному реформированию системы культурных учреждений, реформированию системы хозяйственного управления». Затем на таких авторитетных важных собраниях по вопросам развития

культуры, как 6-й пленум ЦК КПК 12-го созыва (1982), 6-й пленум ЦК КПК 14-го созыва (1996) и др., обсуждалась тема «Реформа культурной системы». Однако все эти структурные реформы по своему содержанию не идут ни в какое сравнение с выдвинутой в 2003 г. реформой культурной системы. Мы ранее уже указывали на то, что новый этап реформирования культурной системы имеет две большие особенности: во-первых, понятие «развитие» было включено в сферу культуры; во-вторых, его целью стало отделение культурного дела и культурного предпринимательства, администрации и службы, управления и дела, а также не был ограничен прежними микрореформами внутри государственных бюджетных учреждений. Главной целью этой реформы является «создание новой культурной системы, адаптированной под рыночную экономику с китайской спецификой»; адаптированной под трансформацию пути развития Китая. Следовательно, этот этап неизбежно включает в себя процесс «восстановления всей культурной сферы».

Но китайская стратегия постепенных реформ имеет еще одну важную особенность, а именно развертывание от единичного к общему так же, как и в реформировании культурной системы. В июне 2003 г. Китай запускает эксперимент по реформированию культурной системы. Этот эксперимент охватывает 9 городов и провинций, 9 комплексных районов и 35 учреждений в Пекине, Чунцине, Гуандуне, Чжэцзяне, Шэньчжэне, Луояне, Хиане, Лицзяне. В настоящее время еще нет результатов оценки этого эксперимента, но уже можно сделать общие выводы в рамках этой реформы:

1. Содержание реформы «затрагивает многочисленные острые и сложные вопросы, такие как идеологическая концепция, система руководства, устройство структуры, регулирование интересов, координирование политического курса и т.д.»; масштаб реформы затрагивает такие сферы, как средства массовой информации, издания и печать, реклама, театры и творческие коллективы, кинотеатры и т.д., а ее задачей является продвижение на рынок отраслей, имеющих признаки маркетизации, в тех бюджетных организациях, которые первоначально «управлялись» государством. Макроцелью реформирования является «строительство умеренно контролирующей, упорядоченно работающей, стимулирующей развитие грандиозной системы управления культурой, предварительное формирование структуры государственного управления, саморегулирования, предприятий и уч-

реждений, действующих на основании законов, которая затрагивает систему управления культурой» на основании принципа отделения правительства и предприятий, администрации и службы, управления и дела; а микроцелью реформирования является создание ряда рыночных субъектов, которые «ведут законную коммерческую деятельность, адаптируются к рыночной экономике, обладают жизнеспособностью».

2. Отделение государственных бюджетных учреждений культуры и производственных объединений можно охарактеризовать как «перемещение ряда субъектов, передвижение ряда других субъектов». Такое преобразование главным образом можно разделить на три вида: во-первых, отделение, когда отделяются отделы по производству обычных продуктов, как реклама, печать, издания, телесериалы и др., преобразуясь в предприятия, они также ориентированы на рынок, чтобы наладить управление хозяйством, принимают условия объединенного руководства и надзора. Как, например, группа компаний «Чжэцзян жибао» (газета, провинция Чжэцзян) выбрала в качестве места проведения испытаний центр печатных услуг, чтобы построить современную систему предприятий со множественными имущественными правами; группа компаний «Ханчжоу жибао» (газета, город Ханчжоу) в качестве центра создания рекламы выбрала систему акционирования, объединение владеет контрольным пакетом акций, одновременно позволяя активам хозяйственной деятельности участвовать в акционерном капитале. Во-вторых, целиком преобразование в предприятие. Как, например, преобразование в китайскую группу компаний по внешней культурной деятельности китайской компании по художественным выступлениям за рубежом и китайской компании по выставкам за рубежом, издательская группа провинции Гуандун целиком преобразовалась из просто деятельности в предприятие, кинокомпания провинций Чжэцзян, Гуандун, Сиань, Луоян и др. также полностью преобразовались в предприятия. Еще примеры: «Английская газета шанхайских студентов» группы компаний «Цзефан жибао» (шанхайская газета), «Шанхайская среда» объединенной группы компаний «Вэньхуй синьминь» и др. печатные издания также были преобразованы в предприятия. В-третьих, одним движением непосредственное создание акционерной системы. Например, Пекинский детский художественный театр напрямую осуществляет создание акционерной системы, а также поставила спектакль «Лабиринт». Пекинский театр оперы и балета за короткое

время был преобразован в предприятие, была основана новая пекинская оперная и балетная компания с ограниченной ответственностью, контрольный пакет акций которой принадлежит столичной группе компаний по туризму, а инвестируется группой компаний «Гэ Хуа», Пекинской телевизионной станцией, Пекинской рекламной компанией с ограниченной ответственностью «Сань Ци». Газеты «Чжунго Чжэньцюань бао» и «Компьютеры» и др. печатные издания в настоящий момент занимаются разработкой создания современного предприятия, придерживаются принципов независимого ведения хозяйства, самокупаемости, саморазвития, самодисциплины.

3. В Китае в прошлом финансирование культуры целиком зависело от правительства, инвестирование субъектов было единым, поток частного капитала и иностранных инвестиций был затруднен, все это отразилось на вступлении социального капитала в культурную индустрию. После 16-го и 17-го Всекитайского съезда КПК преимущество отдела управления культурой проявляется в быстром развитии китайской негосударственной экономики, в сравнительном достатке частного капитала, в активном подъеме народом культурной индустрии и дела. Придерживаться принципа «активно направлять, а не запрещать», дальнейшее появление разнообразных политических мер, устранить ограничения, способствовать инвестированию культурной сферы частными компаниями, посредством долевого участия создавать акционерную систему государственных культурных предприятий, а также следуя принципу «освобождение ряда субъектов, помогать другому ряду субъектов», важно развивать ведущие частные компании в культурной сфере, которые должны быть «специализированными, совершенными, уникальными, инновационными». В настоящее время частные кино- и телекомпании уже превратились в основную силу китайской кино- и телеиндустрии. Вслед за углублением реформы культурной системы некоторые культурные предприятия начинают создавать акционерные системы, осуществили финансирование на рынке капитала. Вплоть до настоящего времени более 50 компаний, которые котируются на рынках капитала в городах Шэньчжэнь и Шанхай, имеют отношение к культурной индустрии, предварительно формируются акции компаний в культурном секторе.

Таким образом, интересный эксперимент «реформы культурной системы» может ассоциироваться у людей с «реформой системы рыночной экономики» в прошлом веке, а также с «реформой

политической системы» на 2-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва. Эти реформы демонстрируют одну особенность, а именно китайская «реформа» близка к понятию «инновация» (innovation), которое было введено Й. Шумпетером, т.е. согласно принципу рационального строительства, претворять в жизнь инновации в структурном и политическом уровнях.

«Рациональное строительство» требует, чтобы один структурный механизм превратился в систему программирования, которая имеет непрерывные внутренние движущие силы, измеряется объективными критериями, обладает высокой эффективностью и низкими потерями. Самым простым способом анализа этой системы является сопоставление импорта и экспорта. Если у некой системы объем импорта небольшой, а объем экспорта сравнительно большой, то такая система является эффективной.

Китайская реформа экономической системы за последние 40 лет в основном следует вышеуказанному принципу «рационального строительства». Независимо от того, что это — макро-система или микромеханизм, — главной целью выбрана оптимальная система, чтобы перенять опыт или самостоятельно создать. Целью реформирования культурной системы также является создание оптимальной системы, которая требует, чтобы создание культуры превратилось в сознательное побуждение соответствующих сотрудников, чтобы так называемое «большое развитие и большое процветание» культуры стало внутренней силой объективного процесса. В сфере культуры важной темой «рационального строительства» структурных механизмов является: каким образом можно добиться того, чтобы соответствующий структурный механизм способствовал полному раскрытию творческого потенциала людей.

Можно ли способствовать полному раскрытию творческих способностей людей, посвятивших себя культуре, что является жизненно важным не только для развития собственно культуры в узком смысле, но и для судьбы целого народа. Культурное творчество является ядром развития государства. Мы ранее упоминали о том, что начиная с 90-х гг. прошлого века тема «творчества» стала главной в культурной политике стран Британского Содружества и Евросоюза. В рамках этой темы поощрение элитарности культуры, применение политики «культурное преимущество» по отношению к уникальной творческой деятельности, всеми силами продвижение правового строительства, связанного с сохранением культурного творчества, в сфере государствен-

ных финансов оказывать поддержку, в первую очередь, культурным проектам и т.д., стали важными темами в культурной политике или соответствующих действующих проектах. Все это для того, чтобы сформировать среду, в которой творческий потенциал людей раскрывается в полной мере.

Основной предпосылкой формирования «процесса изменений системы завлекающего характера» стало признание прав человека. Современная рыночная экономическая система привела к всеобщему формированию личных интересов, выход «закона об имущественном праве» в конце 2007 г. также стал подтверждением этого. В настоящее время реформа китайской культурной системы уже находится на этапе повсеместного осуществления культурных прав. На данном этапе результаты всех мер реформирования, на самом деле, зависят от того, определили ли они направление для работников культуры, а также благоприятны ли они для вдохновляющей роли культурного творчества. Но теперь повсеместная ситуация такова, что в науке, образовании и творческой сфере в узком смысле отрицательная сторона «системы завлекающего характера» оказала большое влияние: приоритет власти в управлении, пиратская деятельность получили огромную прибыль, творческая деятельность подверглась большим рискам, все это привело к тому, что большое количество работников культуры выбрало нетворческую деятельность. Истощение творческих сил может превратить страну «в страну скачивающего народа», а не «в страну загружающего народа», данный вопрос должна решить реформа китайской культурной системы.

В сфере культуры процесс рационального строительства структурных механизмов затрагивает еще один важный вопрос, а именно: каким образом построить запрограммированную систему контроля над культурой, которая в долгосрочной перспективе благоприятна для развития культуры.

Если смотреть с точки зрения долгосрочного развития, то самой благоприятной для развития культуры является модель контроля, когда контроль после лучше, чем контроль перед, нормативный контроль сильнее, чем содержательный контроль, процедурное вмешательство предпочтительнее, чем ненормальное вмешательство. Такой контроль в основе своей является законодательным, его суть заключается в том, чтобы максимально защитить право людей на творчество и самовыражение, более того, он позволяет в процессе развития культуры пробовать и совершать ошибки в рамках закона и морали. Чтобы осуществить

подлинное рациональное строительство с помощью метода контроля над культурой, необходимо, чтобы «защита культурных прав людей» стала главной целью. Поэтому нужно в соответствии с требованиями развития рыночной экономики заново изучить формы осуществления культурных прав людей. Мы должны знать, что когда культура станет универсальным объектом производства и потребления отдельного человека, то способы осуществления культурных прав общественности все более и более будут менять направление от «посреднических» и «представительского типа» к «непосредственным» и «непредставительского типа». Никакая общественная власть или мнение специалистов не могут заменить права людей в приобретении, наслаждении и оценки культурных продуктов. В этом контексте после 2003 г. лица, принимающие решения, особо предлагают так называемый принцип «трех близких» на правительственном уровне. Другим последствием этого изменения стало предъявление нового требования к общественной власти современного правительства: она должна максимально защищать, а не замещать «непосредственное» (т.е. нельзя представлять) культурное право частного лица, которым пользуется народ. Даже если иногда требуется представлять, то это действие должно быть максимально упорядочено и контролируемо.

Необходимо объяснить, что итоги всесторонней оценки эксперимента по реформированию китайской культурной системы официально еще не были опубликованы, выше были затронуты некоторые соответствующие темы для обсуждения. Как бы то ни было, люди уже всюду осознали, что если растущие с каждым днем культурные потребности людей не будут удовлетворены внутри системы, то они будут искать способов их удовлетворения вне системы; если законный рынок не может предоставить условия для их удовлетворения, то люди будут находить их на черном или пиратском рынках; если их потребности не могут быть удовлетворены внутри страны, то они найдут способ их удовлетворения за рубежом. Следовательно, реформу культурной системы необходимо провести.

Однако экспериментальная реформа культурной системы также демонстрирует, что успех реформы системы управления культурой в значительной степени зависит от процесса реформирования всей административной системы страны. На 2-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва была поставлена задача «ускорения реформы китайской административной системы», в том числе была затронута тема

«реформы Госсовета КНР», которая непосредственно оказывает влияние на сферу развития культуры. В действительности, в экспериментальной работе провинций Чжэцзян, Гуандун и др. уже был проведен опыт по объединению трех сегментов «культура — радиовещание — новости». На этой основе вопрос о том, к каким последствиям может привести реформа Госсовета КНР, продвигаемая государством, еще находится на рассмотрении.

2005-й ГОД: СТРОИТЕЛЬСТВО СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ УСЛУГ ПОСРЕДСТВОМ НОВОГО СПОСОБА

В условиях плановой экономики развитие китайской культуры, производство культурных продуктов социального вида и культурная жизнь народа как будто полностью относятся к сфере общественной культуры. Культурные бюджетные организации являются синонимами органов общественной культуры и даже всех законных органов культуры. В 2000 году после утверждения законности «культурной индустрии» в китайской культурной политике «общественная культура» уже не является «универсальным понятием» в культуре, это именно результат «отделения сфер» культуры, о котором мы ранее упоминали. Но именно как раз по этой причине появилась тема «общественных культурных услуг», требующая переосмысления. Такое повторное определение тесно связано с рядом важных изменений как внутри страны, так и за рубежом, например, уделение повышенного внимания к вопросу о культурных правах народа¹; появление нового движения государственного управления в развитых странах в конце прошлого века, а также появление в современном Китае реформы административной системы с целью создания правительства, ориентированного на оказание услуг. Конечно, если еще дальше углубляться в это переосмысление, то обязательно будет затронут актуальный сейчас в Китае вопрос об «общественной сфере», вопрос о более широком вмешательстве Собрания народных представителей в системе принятия решений о «предоставлении общественных культурных услуг».

¹ В австралийском официальном документе по культурной политике «Креативное государство», опубликованном в 1994 г., было определено содержание «Свода законов о культурных правах народа». В самом определении было мало нового, но такой способ формулировки был необычным.

До 2005 г. полной формулировки «системы общественных культурных услуг» в государственной культурной политике еще не было. В периодическом «Рабочем докладе правительства» с 2002 по 2004 гг. была подчеркнута необходимость реформирования культурной системы, развития культурной индустрии, одновременно была затронута тема «общественных культурных услуг». Но в то время больше использовались следующие формулировки: «культурное дело», «общественно полезная культурная сфера» или «общеполезная культурная сфера», которые в целом имели «бесприбыльный» характер и отличались от «прибыльной» коммерческой культурной индустрии. В связи с этим они сформировали другую важную тему реформы системы современной китайской культуры.

В документе «Предложения по составлению 11-го пятилетнего плана экономического и социального развития», принятом на 5-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва в октябре 2005 г., была указана необходимость «увеличения правительственных инвестиций в культурное дело, постепенного формирования относительно совершенной системы общественных культурных услуг, охватывающей все общество». Таким образом, законченная концепция «системы общественных культурных услуг» стала известна общественности. В «Рабочем докладе правительства», озвученном на 4-й сессии ВСНП 10-го созыва в 2006 г., в части касательно культурного строительства есть следующее высказывание: «Углубление реформы культурной системы», развитие культурного дела и культурной индустрии. Усиление строительства инфраструктуры в сфере культуры, в особенности культурного строительства в сельской местности, усовершенствование системы общественных культурных услуг. Содействие процветанию литературы и искусства, радиовещания, кино и телевидения, СМИ и издательского дела». В «Рабочем докладе правительства» на 5-й сессии ВСНП 10-го созыва в 2007 г. были внесены конкретные предложения о том, чтобы «ускорить развитие культурного дела и культурной индустрии. Содействовать реформе культурной системы, усовершенствовать политику культурной индустрии. Способствовать процветанию СМИ, издательского дела, радиовещания, кино, телевидения, литературы и искусства. Способствовать дальнейшему развитию философии и социальных наук. Уделять внимание удовлетворению культурных потребностей народных масс, гарантировать культурные права народа, постепенно строить систему общественных культурных

услуг, охватывающей все общество. Сделать доступным радиовещание и телевидение в каждой деревне, организовать комплексные культурные станции в общинах и селах, дать доступ к информационным ресурсам в сфере культуры всей страны, организовать показ кинофильмов, книжных лавок в сельской местности. Продолжать осуществлять важный государственный проект в сфере культуры». Как мы видим, здесь цель «постепенного строительства системы общественных культурных услуг, охватывающей все общество» была изложена четко и ясно. В 2007 году 16 июня Политбюро ЦК КПК специально созвало собрание с целью изучения вопроса о строительстве системы общественных культурных услуг. На этом собрании пришли к выводу о том, что «усиление строительства системы общественных культурных услуг является необходимым условием для процветания социалистической передовой культуры, создания гармоничного социалистического общества; является главным способом для осуществления, защиты, развития основных культурных прав народных масс; имеет важное значение для стимулирования всестороннего развития человека, повышения нравственных, научных, культурных качеств всей нации, строительства сильного, демократического, цивилизованного, гармоничного и современного социалистического государства».

Основные предпосылки китайской инициативы о всестороннем строительстве «системы общественных культурных услуг».

Во-первых, культура изначально носит в себе «общественный характер». Но прежде ее «общественному характеру» придавалось значение «государственной монополии» или «замещения». Относительно избавления от этих значений можно сказать, что рыночная экономика играет роль освободителя. Рассуждения некоторых современных исследователей культурной индустрии касательно системы покровителей в культуре и рынка культуры позволяют нам понять, что когда культурный продукт имеет только одного покупателя (покровителя), то он неизбежно подчиняется власти¹. Но когда культурный продукт входит в специализированный рынок, то он будет тесно связан с правом. Такое право в сфере рыночной экономики означает культурное потре-

¹ См. раздел «С субсидирования до рынка, снова до культурной индустрии» во второй главе книги Дэвида Хезмондалша «Культурные индустрии», перевод Чжан Фэйна, издательство Китайского народного университета, 2007. Также см. Роберт Дарнтон. Просветительский бизнес: Энциклопедия. Историческая серия (1775—1800)», перевод Е Тун и др., Саньянь, 2005.

бительское право, в рыночной экономике неподходящее место означает, что народ близок к основным правам культуры, а некоторые исследователи называют его «культурным благосостоянием»¹. В этом смысле реформа системы рыночной экономики предоставила важные условия для предоставления общественных культурных услуг, обеспечения основных культурных прав народа или культурного благосостояния.

Во-вторых, в обществе с растущей день ото дня рыночной экономикой, в обществе, где рынок стал основным способом предоставления культурных продуктов, «общественная культура», эта «универсальная концепция» эпохи плановой экономики, получила особое содержание, отличающееся от рыночной экономики. Она является важной составной частью служебной функции современного правительства, а также под руководством правительства она меняется от методов оплаты или от способов направления других общественных организаций к обществу, предоставляющей услугу культурных продуктов или культурного благосостояния.

В-третьих, с точки зрения содержания, стремление Китая построить «систему общественных культурных услуг» является попыткой ответить на вопрос о том, как осуществить «всестороннее развитие человека» и «гармоничное общество» в контексте рыночной экономики. В частности, концепция общественных культурных услуг затрагивает вопрос «справедливой культуры», т.е. о том, как гарантировать основные культурные права народа, а также следующие вопросы: каким образом определить и кто может определить «формулировку общественных культурных потребностей», в процессе массового городского строительства и строительства современной деревни каким образом распределить общественные культурные сооружения и каким образом обеспечить длительную эксплуатацию.

В-четвертых, мы должны понять, что выдвинутая китайским правительством в последнее время инициатива развития общественных культурных услуг имеет отношение к коллективному воспоминанию об «эре процветания, когда совершенствовались литературные произведения», существующему с древних времен. В эпоху императора Чэн-ди династии Хань, в эпоху династии Тан в свое время существовало великое дело «эра процветания,

¹ Подробнее о «культурном благосостоянии» см. книгу Мао Шаобао «Теория и практика общественной культурной политики». Шэньчжэнь, 2008.

когда совершенствовались подношения». Кроме того, энциклопедия «Тайпин юлань» династии Сун, энциклопедия «Юнлэ» начала династии Мин, «Сыку Цюаньшу» (полное собрание книг по четырем разделам) династии Цин — все это оказало огромное влияние на современный Китай. С этой точки зрения, китайские Пекинский большой оперный театр, музейный комплекс «Памятник тысячелетия» повсюду являются так называемыми знаковыми сооружениями общественной культуры. Все это свидетельствует о том, что строительство китайской общественной культуры вступило в период стремительного развития¹.

Естественно, что в аспекте условий осуществимости главная причина того, что Китай будет в состоянии официально провозгласить о строительстве «системы общественных культурных услуг», заключается в том, что за последние годы ситуация в сфере поступлений государственных финансов в корне изменилась к лучшему, а в прежней задолженности развития культуры также наступил момент, когда необходимы изменения.

Что касается задолженности, как мы знаем, в период первых нескольких пятилеток эпохи плановой экономики годовая сумма выделяемых государством средств составляла всего лишь 300 млн юаней, включая финансирование бюджетных учреждений культуры в сфере памятников культуры и печати. Если считать по количеству населения, которое в тот момент было 600 млн человек, то в среднем в год на человека приходилось 0,5 юаней. В 1985 году, когда прошло около десяти лет после окончания «культурной революции», не включая финансирования бюджетных учреждений культуры в сфере памятников культуры и печати, сумма выделяемых средств достигла 932 млн юаней, т.е. если считать по количеству населения в 1 млрд человек, то получится, что

¹ «Период стремительного развития» также имеет другое название — период «крупномасштабного железного строительства». В это время многие местные власти, используя методы усиленного развития экономики, продвигают проект культурного железного строительства, поэтому во многих городах появляются различные роскошные культурные объекты. Более того, различные скульптуры появляются как грибы после дождя. Согласно неполным статистическим данным, по всей стране количество статуй Будды и огромных изваяний других местных богов достигло нескольких десятков. Высота недавно освященного Будды Весеннего Храма в провинции Хэнань вместе с фундаментом достигает 153 м, это самая высокая статуя Будды в мире. В целом можно сказать, что строительство культурных сооружений действительно необходимо в современном Китае, но методы этого строительства подвергаются сильной критике. Слепое стремление к строительству культурных объектов и сооружений, в основе которой стремление к росту ВВП, вселяет немалую тревогу.

в среднем в год на человека по-прежнему выходит не более 1,2 юаня. В этом контексте в то время крайне не хватало общественных культурных объектов. Мы не говорим уже о периоде плановой экономики, но и в начале реформы рыночной экономики из-за того, что государство должно было вкладывать те небольшие средства, в первую очередь, в строительство экономической инфраструктуры, при этом не велось финансирование строительства инфраструктуры общественной культуры. Вплоть до 2004 г. в Китае на каждые 460 тыс. человек приходилась всего лишь одна публичная библиотека (в то время согласно требованию Международной библиотечной федерации, на каждые 20 тыс. человек должна приходиться одна библиотека. В Германии, Финляндии, Австрии, Швейцарии в среднем на соответственно: 6600/5000/4000/3000 человек приходилась одна библиотека); средние расходы на покупку книг составляли 0,33 юаня. А самые низкие показатели были в уезде Хо Цю провинции Аньхуй — 0,0033 в среднем на человека (3,3 ли). Кроме того, в 2004 г. в стране всего было 2300 музеев, тогда как в Германии, которая по площади равна $\frac{1}{27}$ Китая, было более 3000 музеев.

Для изменения такого положения дел требуется за короткое время большая концентрация вложений для получения ощутимых результатов. А для этого поворот к лучшему в ситуации финансовых поступлений ЦК КПК и многочисленных регионов предоставил благоприятные материальные условия.

Многие годы в Китае скорость финансовых поступлений во много раз превосходила темпы роста ВВП и располагаемых доходов населения. В 1998 году впервые достигла суммы в 1 трлн юаней, в 2003 — 2 трлн юаней, в 2006 — 4 трлн юаней, в 2007 — 5 трлн 100 млрд юаней, что составило 20% от ВВП в том году, а в 2014 г. сумма финансовых поступлений достигла 14,04 трлн юаней (около 2,23 трлн дол. США), что составило 22,3% от ВВП в том году. Сегодня, когда объем доходов высок, правительству уже не требуется вкладывать все средства в строительство экономической инфраструктуры, как в начале политики реформ и открытости. Таким образом, вложение государственного бюджета в область общественной культуры становится неизбежным политическим выбором.

Как мы видим, с каждым годом сумма государственных вложений в сферу общественной культуры становится больше, результаты очевидны. В 2014 году расходы на сферы культуры, спорта и СМИ от общего государственного бюджета составили

275,3 млрд юаней, что больше показателя в 2011 г. на 86 млрд. Проводится дальнейшая стандартизация и стабилизация общественных культурных услуг. Вплоть до конца 2012 г. уже 30 художественных галерей провинциального значения открыли свои двери для широкой общественности на бесплатной основе, а также 2952 библиотеки, 3285 домов культуры, 34 139 комплексных культурных станций смогли обеспечить беспрепятственный вход посетителей, кроме того, был обеспечен бесплатный вход во все общественные культурные объекты. В 2014 году Китайским национальным художественным фондом были учреждены 394 стипендиальные программы. По всей стране были построены 4165 музеев, большую часть которых можно посещать бесплатно. Около 20 млрд дол. США были выделены на то, чтобы национальная театральная труппа давала представления по сниженным ценам за билеты. 30 библиотек провинциального значения и 200 библиотек городского значения были подключены к цифровой сети общественной культуры. По всей стране было завершено создание 53 603 публичных электронных читальных залов. 100 тыс. человек из обслуживающего персонала в сфере общественной культуры прошли профессиональную подготовку. Все эти цифры свидетельствуют о том, что вслед за увеличением в два раза общественных доходов, вложения в общественную культуру в широком и узком смыслах в среднем выросли в 2 раза.

Необходимо прояснить, что слово «система» в понятии системы общественных культурных услуг нового периода имеет три значения: во-первых, она подразумевает под собой культурные услуги полностью общественно полезного характера, сеть культурных учреждений, по-прежнему финансируемых главным образом из государственного бюджета. Во-вторых, означает строительство культурной инфраструктуры, как, например, строительство библиотек, музеев и художественных галерей на местном уровне; охват интернетом 99% телевидения; процесс проведения сети «Интернет» в деревнях восточных районов страны. В-третьих, вслед за культурным строительством китайских городов, ускорением процессов урбанизации и интеграции города и деревни, строительством современной деревни, объектами современной системы общественных услуг соответственно стали городское и деревенское общество, а также многомиллионное мигрирующее население (например, широко распространенные курсы подготовки для жизни в городе рабочих-мигрантов).

По отношению к большей части сельской местности в Китае радио- и телевидение (станции) являются самыми главными средствами предоставления общественных культурных услуг. В настоящее время в Китае аудитория радиовещания уже составляет 99%; а телеаудитория составляет 98%.

Мы должны понять, что вплоть до сегодняшнего дня вложения центральных и местных властей в сфере общественной культуры в целом не удовлетворяют требованиям социального развития, доля вложений по-прежнему не высока. Однако все это оказало активное воздействие на продвижение строительства современного города и современной деревни, на социальную гармонию, на повышение качества общественной культуры.

Также мы должны подчеркнуть, что в условиях новейшей истории строительство «системы общественных культурных услуг» соответствует «новому способу». Так называемый новый способ отличается от ситуации, когда государство полностью контролировало культуру в период плановой экономики. Различия между общественными услугами «нового способа» и государственными монополистическими способами эпохи плановой экономики заключаются в следующем.

Во-первых, строительство системы общественных культурных услуг посредством «нового способа», в первую очередь, означает, что необходимо полностью изучить обстановку рыночной экономики с китайской спецификой. Мы должны понять, что рынок играет важную роль не только в расширении масштабов производства культуры, но и в предоставлении общественных культурных услуг может играть маневрирующую и дополняющую роли. Необходимо покончить с такими представлениями, как «общественный = полностью не рыночный», «общественный = контролируемый правительством». Другими словами, хотя общественные услуги часто возникают при ситуациях «сбой в рыночном механизме», но еще недостаточных для понимания рыночного эффекта, поэтому нельзя говорить о «сбое в рыночном механизме»¹. Правительство провинции Чжэцзян в реформировании системы общественных культурных услуг твердо придерживается следующего принципа: «Во-первых, «при активном усилении строительства учреждений и кадров в сфере обще-

¹ «Общественные культурные услуги» часто являются спасительными средствами при сбоях в рыночном механизме. Но в Китае во многих местах рыночная экономика еще недостаточно развита, поэтому «общественные культурные услуги» многие считают административными мерами, это зависимое от прежнего представление.

ственной культуры», если имеющиеся ранее учреждения в состоянии перейти на хозрасчет, не нужно их причислять к объектам государственного финансирования, если они в состоянии внедрить управленческие механизмы на основе хозрасчета, то им не нужно следовать схемам и методам управления ранее существующих учреждений; затем в сфере вложений в общественную культуру, если они в состоянии привлечь частные капиталовложения, то могут больше не зависеть в одностороннем порядке от государства; далее в сфере управления многочисленными объектами общественной культуры, если они в состоянии внедрить методы управления частным предприятием, то могут быть свободны от непосредственного государственного управления; и последнее в сфере производства культурных продуктов и обеспечения ими, если они в состоянии привлечь частные культурные организации в обеспечении производства и обслуживания, то они могут частично освободить правительство от этой ноши»¹.

Во-вторых, строительство системы общественных культурных услуг посредством «нового способа» означает, что, хотя субъектом общественных культурных услуг является правительство, но оно уже не такое всемогущее, как прежде, более того, происходит трансформация его функций, с каждым днем превращается в современное правительство обслуживающего типа. В области предоставления общественной культуры необходимо попробовать модель, при которой «правительство руководит, общество участвует, рынок функционирует».

В-третьих, строительство системы общественных культурных услуг посредством «нового способа» также означает, что процесс принятия решений в области общественных культурных услуг должен быть процедурным, в ходе которого группа экспертов должна давать советы и оценки (таким образом, можно затронуть вопросы неправительственного третьего социального сектора), а также должны быть включены традиционное правительственное исследование и современные методы опроса общественного мнения, учитывающие культурные потребности общества. Иными словами, если мы хотим по-настоящему следовать принципу «быть ближе к действительности, быть ближе к жизни, быть ближе к народу», по-настоящему уважать культурные права людей, то

¹ Опыт провинции Чжэцзян и развитие Китая (серия «Литература») / отв. ред.: Ли Цзинюань и др. Издательство литературы по социальным наукам, 2007, С. 43.

должны покончить с ситуацией, когда выражение общественных культурных потребностей заменяется воображением правительственных чиновников.

В-четвертых, строительство системы общественных культурных услуг посредством «нового способа» означает, наконец, что реформа должна включать государственные вложения в сфере финансирования культуры. Вопрос о выделении государственных средств не должен решаться малочисленной группой правительственных чиновников. С этой точки зрения, усовершенствование современной китайской системы общественных культурных услуг не только зависит от преобразований собственно в культурной системе, но также зависит от реформы китайской административной системы и даже соответствующей реформы функций ВСНП. В этом смысле реформа культурной системы носит открытый характер, может ли она достигнуть своей стратегической цели, зависит еще и от идеологического раскрепощения и структурной реформы в других областях.

В целом можно сказать, что современная китайская система общественных культурных услуг является главным путем для развития китайской культуры. В условиях рыночной экономики правительство в строительстве системы общественных услуг должно пытаться следовать правилу «отступить, чтобы продвинуться вперед», только «отступив», можно «продвинуться вперед». Конечно, применение методов рыночной экономики в сфере общественных культурных услуг — это совершенно новое явление. Каким образом можно максимально раскрыть активную роль рынка, при этом не изменяя основной «общественной» цели? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо еще более заняться изучением структурных механизмов. Мы также считаем, что этот вопрос требует тщательного исследования и размышления.

ПОСЛЕСЛОВИЕ: ЗАДАЧИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В Китае при обсуждении трудностей, с которыми сталкивается культурная политика, чем выше уровень, тем становятся более осмотрительными. В связи с этим, только читая официальные документы по культурной политике, очень трудно сделать выводы о вызовах, стоящих в настоящее время перед китайской куль-

турой. За последние годы при исследовании проекта реформы культурной системы, при изучении регионального развития культуры данные вопросы оказали некоторое воздействие на трудности при реформировании культурной системы. Некоторые из этих вопросов являются несущественными, т.е. они могут самоликвидироваться вслед за углублением процесса реформирования; а некоторые вопросы касаются самой сути, т.е. если не решить эти вопросы, то реформа системы китайской культуры не будет доведена до конца, и даже может привести к «кажущейся реформе». Эти вопросы можно расположить следующим образом.

Во-первых, реформа культурной системы несет в себе тяжелое бремя. Из-за того, что в культурной концепции по-прежнему сохраняется идеологическая окраска, в развитии культуры необходимо удовлетворять требованиям отстаивания базовых принципов, требованиям поддержания стабильности и гармонии, требованиям защиты традиционной культуры, требованиям обеспечения государственной культурной безопасности и т.д.¹ Все эти требования могут усложнить проведение реформы в любой области культуры.

Во-вторых, в настоящее время ситуация в сфере китайской культуры неясна и неопределенна. Причина этого, в первую очередь, связана с методами учета статистических данных. В сфере культуры статистическая классификация не делает различия между деятельностью и индустрией, согласно экономической однородности статистические данные по национальной экономике не могут отразить истинное положение дел о ресурсах в сфере культуры, в особенности в сфере строительства системы общественных культурных услуг. Кроме того, отдел управления культурой подводит итоги главным образом для ежегодного отчета, который сильно отличается от бухгалтерских отчетов предприятий и учреждений и т.д.

Помимо этого другая причина, которая привела к неясности ситуации, кроется в системе. Вследствие того что система управления культурой оторвана от органов, находящихся на первой линии руководства, вопросы о ресурсах фактически функциони-

¹ Некоторые исследователи специально включают понятие «культурной безопасности» в так называемые рамки «нетрадиционной безопасности», более того, в качестве основного содержания понятия об обеспечении культурной безопасности предлагают «защиту основных интересов». См. Пан Ихэ. Культурная безопасность, Издательство университета Чжэцзян, 2007.

рующих учреждений, об эффективности использования, о качестве продукции остаются неясными. За последние годы органы управления культурой, используя различные способы, учредили массу культурных учреждений, некоммерческие общественные культурные организации также непрерывно появляются, и эту ситуацию весьма трудно разрушить. В дополнение к этому причина кроется в разных источниках финансирования центрального и местных бюджетов, каждая система в отдельности контролирует различные «работы», в результате чего наступила путаница в каналах инвестирования культуры из государственного бюджета, ситуация, когда трудно вести подсчеты и т.д. Все это может привести к тому, что культурная политика будет лишена актуальности и адекватности.

В-третьих, традиционные органы управления культурой потеряли почву под собой. Под так называемыми традиционными органами управления культурой подразумевают управления по охране культурных памятников, по делам прессы и печати, по делам радио, кино и телевидения. В период реформирования культурной системы имелись главным образом две точки зрения: первая заключалась в том, чтобы объединить, а вторая — разделить. В настоящее время многие провинции в качестве экспериментальных площадок для проведения реформы предлагают идею создания «Управления по делам культуры, телерадиовещания и печати», заменяющего прежние три органа. Но, как показывают исследования, такое простое по сути объединение может вызвать множество проблем. Очевидно, что простое объединение или попросту неизменное состояние не являются идеальными вариантами для решения проблемы.

В-четвертых, реформы внутри главных культурных учреждений были недостаточно активны. Система двойного управления, сформировавшаяся в 80-е и 90-е гг. прошлого века, привела к тому, что в большинстве важных государственных бюджетных учреждений культуры сложилась ситуация получения твердых гарантированных льгот, и которые надеялись сохранить эту ситуацию «получения прибыли с двух сторон». Такая система «двойного управления» взрастила особую группу заинтересованных сторон, часть государственных учреждений культуры на длительное время была отрезана от рынка культуры. Газеты, радиостанции, телеканалы новостного типа таких отраслей, как пресса и печать, радио и телевидение, переходили на хозяйственную систему, после формирования объединений внедряли бизнес-

систему функционирования на основе хозрасчета. А реклама стала одной из основных деятельностью, некоторые СМИ существовали только за счет рекламы, рекламное дело носит полностью рыночный характер. В самой бизнес-системе функционирования на основе хозрасчета существует множество недостатков, в хозяйственной и предпринимательской системах применяются различные системы бухучета, что в свою очередь вызвало многочисленные несовместимые проблемы, одновременно предоставило возможности для поисков ренты, также несовместимых для использования. Такая ситуация обращает наше внимание на то, что хотя урегулирование временных интересов может удовлетворить требования последовательного развития, но также может привести к «рискованным действиям, циркулирующим против часовой стрелки». Так как запросы непрерывно растут, становится все труднее их удовлетворять, тем самым беспрепятственно растет и себестоимость реформы.

В-пятых, «закрытая реформа» ограничивает творческие силы реформы культурной системы. Недостаточное изучение реформы культурной системы и теории культурного и экономического развития повлекло негативные последствия для развития реформы в культурной сфере. «Закрытая реформа» характеризуется большой нерациональностью: не хватало общения между теоретическими кругами и отделами, отвечающими за принятие решений, что привело к неполной теоретической подготовке к реформе, к множеству преамбульных догматов, к недостатку инноваций в теории и политическом курсе; не хватало сотрудничества между партийным и административным аппаратами, вялое участие в реформировании культурной системы общего управленческого аппарата в экономике, что привело к тому, что несколько неопытных и неосведомленных по части реформы экономической системы людей в одностороннем порядке разработали проект реформы, к оторванности культурной системы от действительности, к игнорированию особенностей сферы культуры; не хватало общения между экспериментальными площадками, где проводились реформы, и учреждениями, что не приносило пользы для быстрого распространения опыта реформы. Некоторые местные площадки, где проводились реформы, работали в специальном режиме, их опыт был слишком «своеобразным», не представляли ценность для продвижения реформы. Все эти вопросы оказали влияние на практические и теоретические исследования в области реформирования системы китайской

культуры. Реформа экономической системы прошла путь длиной более 20 лет, и поэтому сегодня, когда ее успешный опыт признается всеми, мы имеем все основания верить в реформу культурной системы, а также все основания, чтобы уйти от реформы закрытого типа.

Однако все эти вопросы еще раз подтверждают, что современная трансформация китайской культуры характеризуется большой сложностью. Единственный путь, при котором можно противостоять этим вызовам и решить эти проблемы, по-прежнему заключается в координировании трансформационного процесса в экономической, социальной и политической сферах, а в сфере культуры — в отстаивании непрерывного и всеобъемлющего реформирования системы. Действительно, «реформа» является основной темой в китайской культурной политике на стыке столетий и в будущем единственным политическим выбором в китайской культуре.

ПОЛИТИКА И ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

Глобализация — это логика, характерным признаком которой являются правила международной игры, а ядром являются стремление к общечеловеческим ценностям и нормы поведения. В этом смысле глобализация внешне представляет собой процесс формирования, распространения, ведения и непрерывного урегулирования, исправления, добавления, совершенствования правил международной игры. А внутри в действительности представляет собой процесс постепенного достижения соглашений на основе признания и уважения различий в ходе непрерывных столкновений, конфликтов и слияния различных человеческих ценностей и норм поведения. Сейчас логика глобализации полностью игнорирует субъективные желания своих противников, и уже проникла в сферу культуры, угрожая модели развития традиционной культуры человечества, и начала демонстрировать прототип новой модели. Эта новая модель развития человеческой культуры как минимум состоит из двух основных частей: первая — это маркетингизация производства культуры, вторая — это коммерциализация культурных обменов. Логика глобализации, которая повсеместно заставляет людей тревожиться, может привести к проблеме усреднения и сейчас посредством межправительственных совместных усилий по сохранению культурного многообразия превратилась в политическое мероприятие, в так называемое «творческое сосуществование культурного множества»². В то же время наблюдается беспреце-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период»), проект № 15-23-21002. Был опубликован в научном журнале «Вестник университета Тунцзи», серия «Социальные науки». Выпуск 20. № 3. 2009. июнь.

² Вопрос о сосуществовании культурного многообразия был выдвинут ЮНЕСКО в докладе о развитии мировой культуры в 2000 г., включая вопрос об активном и динамическом сосуществовании поликультурных групп; о соединении местной социальной среды и сферы общественных мероприятий, разрешив творчески соприкасаться и меняться. Подробнее смотрите: ООН ЮНЕСКО: «Доклад о развитии мировой культуры — культурное многообразие и сосуществование множества (2000)», Издательство Пекинского университета, 2002. С. 34—35.

дентная многократность и ожесточенность культурных конфликтов и соперничества, в борьбе за права и интересы культуры вступают в схватку даже такие страны, которые близки по идеологии.

По мере активного включения Китая в процесс глобализации логика глобализации и новая тенденция развития мировой культуры под ее влиянием также оказали сильное воздействие на путь развития китайской культуры. Можно сказать, что появление политики китайской культурной индустрии — это немедленная реакция на это воздействие, которая показывает и отражает позицию, политику и стратегию реагирования Китая. Некоторые ученые полагают, что «признание законности «индустрии культуры», во-первых, означает, что оно представляет собой «разочарование» (disenchantment) по отношению к прежней концепции современной культуры, глубокую деконструкцию старой культурной концепции периода плановой экономики, и это привело к тому, что современная культурная политика Китая получила совершенно новое начало»¹. В данной статье мы согласны с этим мнением, а также попробуем на этой основе более детально рассмотреть и всесторонне оценить политику и влияние индустрии.

Строго говоря, понятие политики китайской культурной индустрии имеет два значения. Первое значение можно сформулировать следующим образом: «политика» китайской культурной индустрии, в котором ключевое слово — это политика, т.е. речь идет о политике китайской культурной индустрии, или о политике культурной индустрии, которую нужно развивать Китаю. Второе значение можно сформулировать следующим образом: «производственная политика» китайской культуры, ключевые слова в котором — это производственная политика, т.е. речь идет о производственной политике китайской культуры, или о производственной политике культурной индустрии, которую Китай собирается развивать. Необходимо разграничивать эти два значения, так как перед ними стоят две разные задачи. Задача первого значения — это «будет или не будет» Китай развивать индустрию культуры. Действующая политика отвечает утвердительно, очевидно, что результат этого решения необратим именно из-за политики, которая, кажется, не может повернуть вспять, следовательно, это «политика стратегического характера». Задача второго

¹ Ли Хэ, Джан Сяолин. Политика современной китайской культуры за 10 лет // Вестник Академии общественных наук Китая. Выпуск 8. 8 мая 2008 г.

значения — каким образом Китай будет развивать индустрию культуры. Очевидно, что это задача функционального вида, соответствующая политика относится к категории экономической политики правительства. Результаты принимаемых решений относительно легко могут повернуть вспять, следовательно, это «политика функционального характера»¹. Тема данной статьи — это политика китайской культурной индустрии, имеется в виду не политика функционального характера, а политика стратегического характера. Будут обсуждаться именно такие вопросы, как предпосылки появления стратегической политики, теоретическое содержание и воздействие политики.

ФОРМИРОВАНИЕ И ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИКИ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ

Политика китайской культурной индустрии в качестве стратегической политики была официально выдвинута на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва в октябре 2000 г.; была официально утверждена на 4-й сессии ВСНП 9-го созыва в марте 2001 г.; и, наконец, официально сформирована на 16-м Всекитайском съезде КПК в октябре 2002 г.

В октябре 2000 г. на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва были рассмотрены «Рекомендации ЦК КПК по разработке десятого пятилетнего плана экономического и социального развития», в которых четко выдвинуты предложения о том, что нужно «способствовать сопряжению информационной индустрии и соответствующей культурной индустрии», необходимо «совершенствовать политику индустрии культуры, укреплять создание и управление культурного рынка, способствовать развитию соответствующей индустрии культуры»². Концепция «культурная индустрия» и «политика культурной индустрии» впервые появилась в официальном правительственном документе, что символизирует об официальном провозглашении политики китайской культурной индустрии. В марте 2001 г. на 4-й сессии ВСНП

¹ О различиях стратегической и функциональной политики смотрите в «Введении в анализ государственной политики», издательство Китайского народного университета. С. 162—163.

² Рекомендации ЦК КПК по разработке десятого пятилетнего плана экономического и социального развития // Жэньминь жибао. 2000. 19 окт. № 1.

9-го созыва были утверждены «Основные положения десятого пятилетнего плана экономического и социального развития»¹, в которых были приняты предложения о культурной индустрии и политике культурной индустрии, сформулированные на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва. Вопрос о развитии культурной индустрии был официально включен в план экономического и социального развития, став важной составляющей генеральной стратегии по экономическому и социальному развитию, что является показателем признания и одобрения верховной властью страны политики культурной индустрии. В ноябре 2002 г. в докладе 16-го Всекитайского съезда КПК ясно указана «дихотомия» понятий «дело культуры» и «индустрия культуры», кроме того, была четко выдвинута важная идея о том, что «развитая индустрия культуры — это процветающая социалистическая культура в условиях рыночной экономики и главный путь удовлетворения потребностей в духовной культуре народных масс», и далее требования «о совершенствовании политики культурной индустрии, поддержке развития культурной индустрии, усилении мощи и конкурентоспособности всей индустрии культуры нашей страны»². Это символизирует то, что политика китайской культурной индустрии официально сформирована в качестве стратегической политики.

По мнению Дэвида Хезмондалша, «политика есть не только ответная реакция на социальную культуру, экономику и техническое состояние, но и результат»³. Появление стратегической политики китайской культурной индустрии — это неизбежный результат в культурной сфере в роли основного духа и общей стратегии политики реформ и открытости; объективное требование и сознательный выбор развития культуры в условиях новой истории общества. В контексте величественной истории общества эпохи реформ и открытости зарождению стратегической политики китайской культурной индустрии способствовали три внутренние движущие силы.

1. Движущая сила культурного рынка, порожденная объединением предпринимательства и потребности в массовых развлечениях,

¹ Основные положения десятого пятилетнего плана экономического и социального развития // Жэньминь жибао. 2001. 18 марта. № 1.

² Цзян Цзэминь. Всестороннее строительство общества малого достатка, открыть новые перспективы для дела социализма с китайской спецификой. Доклад на 16-м Всекитайском съезде КПК // Жэньминь жибао. 2002. 18 нояб. № 1.

³ Дэвид Хезмондалш. Культурные индустрии. Издательство Китайского народного университета. С. 133.

ях, освобожденных политикой реформ и открытости. В 1979 году открыт первый в стране музыкальный чайный дом в гостинице «Восток» в Гуанчжоу, который считается символом расцвета культурного рынка нашей страны. С тех пор один за другим начали открываться караоке-бары, танцевальные залы, видеосалоны и т.д., быстро распространившись по всей стране. Это стихийно сформировавшийся «культурный рынок», цель которого заключалась в получении прибыли, а содержание в удовлетворении потребностей в массовых развлечениях, которые подавлялись в течение многих лет, в 1987 г. получило законный статус¹. В феврале 1988 г. Министерство культуры и Главное управление промышленно-торговой администрации КНР совместно опубликовали «Сообщение об усилении работы по управлению рынком культуры», в котором он получил четкие юридические определение и нормы. Легализация культурного рынка побудила все больше предпринимателей начать бизнес, способствовала увеличению с каждым днем потребностей в массовых развлечениях и их непрерывному росту. Также в связи с этим культурный рынок вступил на новую ступень развития, открыл новую страницу в истории. Салоны видеоигр и издание печати получили второй канал, организация частных выступлений и организаторы частных выступлений и т.п. явления также начали появляться на культурном рынке. Нужно отметить, что в это время культурный рынок все еще был довольно первобытным, по своей основной форме это был рынок развлекательных услуг, в котором примитивные дома культуры предоставляли простые формы развлечения. Настоящие культурные продукты и рынок услуг еще не сформировались, существенная часть рынка находилась в состоянии зародыша, большое количество высококачественных культурных источников по-прежнему контролировалось государственными организациями в сфере культуры. Но именно появление этого первобытного и элементарного культурного рынка и затем его непрерывный рост открыли новый путь для развития китайского культурного рынка, стали движущей силой для появления стратегической политики китайской культурной индустрии.

¹ Танцевальные залы получили правовой статус, что символизировало начало процесса легализации культурного рынка. 9 февраля 1987 г. Министерство культуры, Министерство общественной безопасности, Главное управление промышленно-торговой администрации КНР совместно опубликовали «Сообщение об улучшении управления танцевальными мероприятиями», что означало официальное снятие запрета на проведение танцевальных вечеров, вызывавших многочисленные споры, и предоставление им правового статуса.

2. Инновационная движущая сила модели существования государственных бюджетных учреждений культуры, вызванная сравнением друг с другом показательного эффекта экономической реформы и проблемы выживания, с которой столкнулась культура. Реформы в Китае начались в области экономики, страна пошла по новому пути — «деревня окружает город». На сферу культуры, столкнувшейся с проблемой выживания, удачный опыт экономических реформ оказал мощный показательный эффект, затем реформы стремительно затронули сферу культуры, вызвав инновационный бум модели существования государственных бюджетных учреждений культуры. С 1978 года с возникновением разнообразных «платных услуг», когда в Гуандуне, Гуанси и др. провинциях и автономных районах начинают взимать оплату за некоторые мероприятия, организованные культурными станциями общин, и до 1981 г. с возникновением многообразной «системы подрядов», когда знаменитый исполнитель пекинской оперы Чжао Янься арендовал Столичный театр пекинской оперы, начинается инновационный бум модели существования массовых бюджетных учреждений культуры и стремительно распространяется среди театров, кинотеатров, библиотек, музеев, культурных центров и др. специализированных бюджетных учреждений культуры. По статистике в 1988 г. по всей стране сеть бюджетных учреждений культуры, предоставляющих платные услуги и мероприятий в форме «платные компенсируют бесплатные», достигла количества 11 458, чистый доход за весь год составил 1,8 млрд юаней, что было равнозначно около 12% из всех выделяемых государством средств на культуру в тот год¹. Жесткая структура и ограниченный бюджет одинаково привели к тому, что государственные бюджетные учреждения культуры были поставлены в безвыходное положение: чтобы выжить, они последовали примеру удачного опыта экономических реформ в создании инновационной модели существования. И прорвали закоснелую систему управления в сфере культуры, проложили путь для вхождения государственных культурных источников на культурный рынок. Инновационный метод модели существования государственных бюджетных учреждений культуры стал движущей силой появления стратегической политики китайской индустрии культуры вслед за культурным рынком.

¹ Ма Хун, Лю Гуогуан и др. Антология реформ в Китае (1978—1991). Серия «Реформа культурной системы». Издательство г. Далянь, 1992. С. 36.

3. Движущая сила объективной потребности в развитии культуры, созданная накладыванием друг на друга потребностей в регулировании структуры и в духовной культуре народа, растущей изо дня в день. В действительности, уже в 1992 г. концепция «индустрия культуры» находилась в поле зрения соответствующих правительственных органов¹, затем Министерство культуры в 1998 г. учредило компетентный орган — «Отдел индустрии культуры», отвечающий за культурную индустрию, с этих пор стратегическая политика китайской культурной индустрии должна была вскоре появиться. Если можно сказать, что потребность народа в массовых развлечениях приоткрыла плотно закрытую дверь в китайскую культурную индустрию того времени, то, возможно, именно потребность в стратегии развития страны в целом окончательно открыла эту дверь. Когда политика реформ и открытости вступила во второе последующее десятилетие, накопленные стремительным развитием Китая нерациональные конфликты в структуре экономики обострялись с каждым днем. В конце 1999 г. на Центральном рабочем совещании по вопросам экономики было четко указано, что «регулирование и оптимизация экономической структуры — это существенные мероприятия для стимулирования развития экономики, повышения качества и пользы экономического роста. Регулирование экономической структуры должно стать главной точкой приложения силы в экономической работе в следующем году и в последующий период». Кроме того, было особо отмечено, что «текущее регулирование структуры экономики, с которым мы имеем дело, не носит временный или локальный характер, а является регулированием стратегического характера»². Именно в этом контексте в 2000 г. на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва были предложены «Рекомендации ЦК КПК по разработке десятого пятилетнего плана экономического и социального развития». Во-первых, в части, касающейся развития сферы услуг, была поставлена задача развития культурной индустрии. В формулировке того времени: «Управление культурным досугом, ... и др. развитие отрасли, удовлетворение потребительского спроса, относящегося к сфере

¹ Впервые «Концепция индустрии культуры» была использована Общим отделом Канцелярии Госсовета, см. Ло Ган «Важное стратегическое решение — ускорить развитие третичного сектора экономики». Издательство Китайского университета политики и права, 1992.

² Центральное рабочее совещание проходит в Пекине // Жэньминь жибао. 1999. 18 нояб. № 1.

услуг». Затем в части, касающейся развития информационной индустрии, было указано «способствовать сопряжению информационной индустрии и соответствующей культурной индустрии»¹. С одной стороны, государственная монополистическая форма производства культуры того времени никак не могла удовлетворить спроса в духовной культуре народных масс, растущего с каждым днем, с другой стороны — актуальная необходимость в развитии культурной индустрии, возникшая в ходе регулирования экономической структуры. Именно эти потребности, наложенные друг на друга, стали последней движущей силой для появления стратегической политики китайской культурной индустрии.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ

Появление стратегической политики китайской культурной индустрии символизирует завершение эпохи в Китае, когда производство культуры было полностью монополизировано правительством, и наступление новой эпохи в производстве культуры. Так называемая новая эпоха в производстве культуры на самом деле состоит из двух видов механизма регулирования, образованных тремя разными способами производства культуры.

Первый вид — это «видимая рука», правительственный механизм регулирования, второй вид — это «невидимая рука», рыночный механизм регулирования. Способ производства под правительственным механизмом регулирования — это так называемые учреждения в общественно полезной культурной сфере, которые продолжают целиком субсидироваться правительством. Способ производства под рыночным механизмом регулирования — это регулируемая рынком «операционная культурная индустрия», которая включает два способа производства. Первый способ — это относительно простые виды производства культуры, организованные посредническими структурами или частными лицами, например: концерты, симфонические концерты, выставки произведений искусства, аукционы и т.д.; второй способ — это сравнительно сложные виды культурного производства, организованные

¹ Рекомендации ЦК КПК по разработке десятого пятилетнего плана экономического и социального развития // Жэньминь жибао. 2000. 19 окт. № 1.

различными компаниями, более высокие по уровню специализации и организации, например: производство кинофильмов, телесериалов, мультипликационных фильмов и т.д.

Кажется, что этот новый способ культурного производства в современном Китае и классификация культурного производства на три периода (era): материальной помощи (Patronage), профессионального рынка (Market Professional), профессиональных компаний (Corporate Professional), предложенная Реймондом Уильямсом, соответствуют друг другу¹. А также имеют некоторые общие признаки с начавшейся в 80—90-е гг. XX в. волной маркетизации культуры, захлестнувшей, кажется, весь мир². Это свидетельствует о том, что развитие человеческой культуры, возможно, следует некоторым схожим правилам, но по-настоящему управляет проявлениями собственного своеобразия в выборе пути развития культуры у разных стран и особенностей этих нескольких одинаковых правил. Чтобы понять появление стратегической политики китайской культурной индустрии или трансформацию способа производства современной китайской культуры, вероятно, необходимо дальнейшее глубокое изучение концепции развития культуры, которая сыграла решающую роль, оставаясь в тени, или изменений в теоретической основе.

Имеют ли народные массы право выбора в потреблении культуры? На этот вопрос долгое время ответ был отрицательным, компетентные органы в сфере культуры, а также патриархальные методы руководства в корне отменили право выбора народных масс в потреблении культуры. Что производить? Сколько производить? Для кого производить? Эти и др. основные вопросы решались компетентными органами и руководителями, более того, плюсы и минусы производимой продукции также оценивались ими. Что производили, то и смотрели. Или, другими словами, что разрешали смотреть, то и смотрели, а если не разрешали, то не могли посмотреть, даже если хотели бы посмотреть. После политики реформ и открытости эта ситуация начала меняться. «Развлекательное свойство» культуры, порожденное освобождением потребности в развлечениях, стало получать признание, на постепенно приобретающем законный характер культурном рынке доминирующее положение потребления народными мас-

¹ Хезмондали Д. Культурные индустрии. Издательство Китайского народного университета, 2007. С. 57—58, 130—154.

² Хезмондали Д. Культурные индустрии. Издательство Китайского народного университета, 2007. С. 57—58, 130—154.

сами продуктов культуры и услуг постепенно начинает упрочиваться. По мере постепенного углубления политики реформ и открытости зарубежные культурные продукты начали входить в большом количестве в Китай. Добавим к этому то, что культурные продукты и услуги, производимые государственными бюджетными учреждениями культуры, ведущими хозяйством по форме хозрасчет, мало-помалу стали разнообразнее. «Производственное свойство» культуры постепенно проявлялось и становилось с каждым днем отчетливее, а также постепенно получило признание де-факто. И это подтверждало упрочение и окончательное становление доминирующего положения потребления культуры народными массами. Признание доминирующего положения народной культуры потребления означало признание того, что народные массы имеют право выбора в потреблении культуры, другими словами, каждый человек мог свободно выбирать культурные продукты и услуги на культурном рынке в соответствии со своими предпочтениями, финансовыми и временными возможностями. Значение этих изменений можно назвать революционным, это означало, что производство культуры должно в корне изменить ту ситуацию, когда раньше полностью игнорировались потребности народа. Напротив, необходимо было с учетом народной культуры потребления организовать культурное производство и сделать ряд важных решений в производстве культуры. Позднее, в 2003 г., эти изменения были обобщены в концепцию «две ориентации», т.е. ориентация на рынок и ориентация на народ. Две ориентации — это единое целое, по сути дела, способ производства культуры, на который правительство имело монополию, должен будет целиком трансформироваться в способ производства, регулируемый рынком. Народные массы имеют право выбора в потреблении культуры, что стало теоретическим фундаментом в появлении стратегической политики китайской культурной индустрии.

Имеет ли правительство право монополизировать производство культуры? Из-за специфического характера культурных продуктов вмешательство правительства в производство культуры стало обычной практикой в мире, даже наиболее преклоняющиеся перед неолиберализмом США не стали исключением. Но Китай издавна выбирал самый жесткий способ вмешательства, т.е. правительственное производство, когда правительство сосредоточивает в своих руках всю власть над производством культуры. В Китае основным способом монополии правитель-

ства на производство культуры является основание правительством учреждений культуры со 100%-ным капиталом, затем предоставление полномочий по производству культуры этим учреждениям, чтобы они, в частности, организовали мероприятия по производству культуры. Правительство в своем праве на монополию производства культуры опирается на две теории: во-первых, культура обладает идеологическим свойством, во-вторых, всемогущая правительственная доктрина. Полуобщественный характер культурных продуктов обобщенно отражает то, что культура обладает идеологическим свойством. Однако по мере того, как мышление народа отчетливо становится более независимым, избирательным, переменчивым и разнообразным, то так называемая ситуация «одно слово спасет страну, одно слово погубит страну» прекратит свое существование. В особенности по мере утверждения права выбора народа в потреблении культуры идеологическое свойство культуры все более неотделимо от производственного свойства, а также функции идеологического свойства культуры все более зависят от функций производственного свойства. Только управляя рынком, можно управлять народными массами. Другими словами, если на рынке какой-нибудь культурный продукт не будет выбран потребителями, то его идеологическое свойство никак не может быть реализовано. Утверждение производственного свойства культуры, в особенности такие отношения, как идеологическое свойство и производственное свойство, в корне уничтожили возможность идеологического свойства стать теоретической основой для права правительства монополизировать производство культуры. Всемогущая правительственная доктрина — это другая теоретическая основа, на которую опирается правительство в своем праве на монополию производства культуры. Однако по мере установления системы социалистической рыночной экономики окончательно расшатались основы правительственной теории универсального типа, трансформация правительственной функции превратилась в важную задачу совершенствования системы социалистической рыночной экономики. В особенности утверждение установления правительственной цели типа социального обслуживания привело к недостатку теоретической основы для правительства, продолжавшего монополизировать производство культуры, а также к утрате достаточных оснований для получения обязательной государственной финансовой поддержки. Вышеописанное подтверждает то, что у правительства больше нет

оснований для права монополизировать производство культуры, правительство должно трансформироваться в функцию в сфере культуры и уступить ту власть производства культуры, которой не должна обладать. Правительство не должно иметь монополию на производство культуры, это стало важной теоретической основой для появления стратегической политики китайской культурной индустрии.

Необходима ли маркетизация культуры? Весьма очевидно, что точка зрения о том, что правительство не должно обладать правом монополизировать производство культуры, частично стала основой для теории, поддерживающей маркетизацию культуры. Однако суть проблемы заключается не в этом. С тех пор как Теодор Адорно (Theodor Adorno) и Макс Хоркхаймер (Max Horkheimer) впервые ввели понятие «индустрия культуры» (Cultural Industry), в западном мире не прекращается критика по поводу коммерциализации, или маркетизации, культуры. В Китае на протяжении периода реформ и открытости, начиная с маркетизации развлечений до маркетизации культуры, вызванной мероприятиями в форме «платные компенсируют бесплатные» государственных бюджетных учреждений культуры и управлением на основе перехода в хозрасчет, изменился способ производства культуры, созданы разнообразные культурно-развлекательные продукты и услуги. А также в определенной мере повернулась в лучшую сторону ситуация нехватки культурных продуктов периода реформ и открытости, и обогатилась духовно-культурная жизнь людей. Конечно, существует множество проблем, на первый план выступают различные проблемы, вызванные однобоким стремлением к экономической выгоде, например, такие как: платные новости, низкопробные печатные издания, торговля (библиотечными) шифрами и т.д. Существование этих проблем предоставило удобный предлог для противников маркетизации культуры, некоторые даже обобщили эти проблемы в понятие «Китайский юань стал главным редактором»¹. Но за этими поверхностными проблемами кроются два истинных довода, на которые опираются противники маркетизации культуры: во-первых, культурная ценность и экономическая ценность противоположны друг другу; во-вторых, культура носит элитарный характер, в производстве культуры решения должны приниматься избран-

ными, а не в угоду запросам масс. Относительно первого аргумента руководство предложило вариант решения согласно классификации на сильное или слабое общественно полезное значение, другими словами, не все отрасли культуры подвергнутся индустриализации или маркетизации, а только отрасли со слабым общественно полезным значением будут продвигаться на рынке. Вторым аргументом является элитарность культуры, но эта концепция с исторической точки зрения ошибочна, потому что именно народные массы являются творцами истории. И естественно, что народные массы имеют право на удовлетворение потребности в духовной культуре, кроме того, это их стремление также является целесообразным и законным. На самом деле цель маркетизации рынка вовсе не стремление исключительно к экономической выгоде, как представляют себе ее противники, а основные цели заключаются в том, чтобы изменить тот способ правительственной монополии на производство культуры в прошлом и позволить рынку сыграть фундаментальную роль в распределении культурных источников для стимулирования развития рынка. Маркетизация культуры необходима, это стало решающим фактором для появления стратегической политики китайской культурной индустрии.

ОСНОВНОЕ ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ

Появление стратегической политики китайской культурной индустрии — это знаковое событие в развитии современной китайской культуры, которое завершило процесс поисков модели развития китайской культуры и открыло новое направление для пути развития культуры с китайской спецификой. Для теории развития китайской культуры и осуществления развития китайской культуры в контексте глобализации и в условиях социалистической рыночной экономики оказало огромное влияние.

Всестороннее преобразование системы китайской культуры. Первое большое воздействие появления стратегической политики индустрии культуры Китая заключается в том, что было выдвинуто объективное требование всестороннего преобразования существующей системы культуры и практические задачи, что вызвало новые реформы в системе китайской культуры. Потому что существующая в Китае система культуры — это продукт эпо-

¹ Нельзя позволить китайскому юаню стать главным редактором // Гуанмин жибао. 1993. 6 авг.

хи плановой экономики, и макросистемы управления или микромеханизмы функционирования — все они не могли соответствовать объективным требованиям глобализации, в особенности развития культурной индустрии в условиях социалистической рыночной экономики.

Несмотря на то что реформирование системы культуры в Китае началось уже в 80-е гг. прошлого века¹ (в некотором смысле можно сказать, что появление стратегической политики китайской культурной индустрии — это результат реформы, но в этот раз реформа отличается от старой новой характерной особенностью). В связи с этим некоторые авторы считают, что нынешняя реформа отличается от предыдущей, «ее цель заключается не только в направлении государственных бюджетных учреждений культуры внутри системы, но и сделать основной целью «строительство новой системы культуры, которая будет соответствовать системе социалистической рыночной экономики»². Некоторые авторы комментируют, что нынешняя реформа системы культуры «осуществила ряд крупных прорывов в ускорении развития и всестороннего продвижения»³. А другие подчеркивают, что «реформа системы культуры к этому времени уже превратилась из пассивной реформы в активную, превратилась из главным образом имитирующей реформу экономической системы в управляющую собственными законами реформы культурной системы». Кроме того, нынешнюю реформу обобщают под названием «реформа системы распространяющего типа» и отличают от предыдущей «реформы системы реагирующего типа»⁴. Однако кроме глобального, всестороннего и активного характера, самая

¹ После политики реформ и открытости министерство культуры ранее всех выдвинуло предложение о преобразовании системы культуры. В феврале 1980 г. на общенациональном совещании начальников управления по культуре, созванном министерством культуры, было выдвинуто предложение о том, что нужно «решительно и последовательно преобразовать систему в сфере культуры, преобразовать систему хозяйственного управления». В июне 1983 г. в докладе первой сессии 6-го Всекитайского собрания народных представителей была поставлена задача о «необходимости целенаправленно и систематически проводить реформу в системе литературы и искусства».

² Ли Хэ, Джан Сяомин. Политика китайской культуры за последние 10 лет // Вестник Академии общественных наук Китая, 2008. 8 мая. № 8.

³ Цао Пу. Реформа системы китайской культуры с конца 70-х гг. XX в. // Изучение истории современного Китая. 2007. № 5.

⁴ Чэн Сысин. Пути развития и перемен в системе культуры нашей страны на протяжении 30 лет политики реформ и открытости // Пекин Дэйли. 2008. 9 окт.

главная характерная особенность нынешней реформы заключается в проведении полномасштабных преобразований, начиная с макросистем управления до микромеханизмов функционирования, в условиях базового формирования новой структуры производства культуры, тем самым способствовал тому, что система культуры нашей страны еще лучше соответствовала объективным требованиям развития культурной мощи.

Если мы посмотрим с точки зрения этой важной характерной особенности новой реформы системы культуры, то это позволит нам более всесторонне понять и ухватить суть и значение новой реформы системы культуры. Во-первых, необходимо объединить культурную и экономическую системы, чтобы в корне решить вопрос об «отрыве друг от друга» связанных между собой экономики и культуры, и осуществить интеграцию экономики и культуры. Главным пунктом является вхождение рыночных механизмов в сферу производства культуры, которые станут основной силой в распределении культурных источников, строительство «макросистем управления культурой, имеющих научный эффект, и микромеханизмов функционирования в сферах производства культуры и услуг, имеющих высокую эффективность», которые будут адаптироваться к системе социалистической рыночной экономики¹. Во-вторых, с точки зрения освобождения и развития мощи производства культуры или, иными словами, с точки зрения благоприятной для развития индустрии культуры, необходимо реконструировать культурную систему, чтобы очистить от идеологических и системных преград развитие культурной индустрии, и осуществить значительное усиление мощи и конкурентоспособности индустрии культуры в целом. Первый главный пункт — это воспитание субъекта культурного рынка нового типа, который станет основной силой развития культурной индустрии, станет субъектом инноваций в культуре; «формирование структуры культурной индустрии, субъектом которой станет система общественной собственности и в которой различные формы собственности будут развиваться вместе»². Вторым главным пунктом является воспитание современной системы культурного рынка, разрушение рыночной структуры, в которой присутствуют разъединение вертикальных и горизонтальных свя-

¹ ЦК КПК, Госсовет КНР: «Несколько идей по поводу углубления реформы культурной системы» // Жэньминь жибао. 2006. 13 янв. № 1.

² Там же..

зей, региональные преграды, разделение деревни и города, «формирование современной системы культурного рынка, которая будет единой, открытой, конкурентноспособной, упорядоченной», «строительство рыночного порядка, в котором управление будет вестись на основании законов, правонарушения будут расследоваться, соблюдаться принципы справедливой торговли, честности и надежности, создание среды рыночной конкуренции, в которой будут придерживаться принципов открытости, справедливости и беспристрастности»¹. В-третьих, необходимо четко разделить положение и роль правительства и рынка в развитии культуры, ускорить трансформацию правительственной задачи, чтобы разрешить вопрос о неправильном месте правительства, существующий длительное время. Главным пунктом является «управление над разделением», «разделение правительственных, казенных, центральных институтов управления культурной политикой», укрепление законодательной и политической системы культуры, строительство новой здоровой системы контроля и управления культурой.

Новое направление пути развития китайской культуры. На протяжении политики реформ и открытости одновременно с поисками пути развития экономики с китайской спецификой также никогда не прерывались поиски пути развития культуры с китайской спецификой. Можно сказать, что появление стратегической политики индустрии культуры Китая является самым важным и большим результатом этих поисков, который изменил базовую структуру производства китайской культуры, открыл новое направление пути развития китайской культуры.

Путь развития китайской культурной индустрии начинается из края, приближается к центральной зоне, и затем начинает углубляться в самый центр. Между ними существуют как инновационные методы управления культурой, так и первоначальные методы управления в развитии индустриализации. Но вне зависимости от формы, в общем, развитие идет по пути «прирост». Другими словами, кроме дела культуры, монополизированной правительством, появился новый путь развития культуры. Конечно, развитие китайской культурной индустрии сильно ударило по делу культуры, монополизированной правительством, и затем оно претерпело увядание начальной стадии, замешательство

¹ ЦК КПК, Госсовет КНР: «Несколько идей по поводу углубления реформы культурной системы» // Жэньминь жибао. 2006. 13 янв. № 1.

промежуточной стадии, и, в конце концов, болезненный мучительный процесс повторного определения места. В условиях социалистической рыночной экономики правительство предоставляет общественные культурные услуги, только исходя из целей обеспечения основных культурных прав народа, удовлетворения основных культурных потребностей народных масс, в остальном производство культурных продуктов и услуг полностью регулируется рыночными механизмами. Власть над производством культуры, которая в прошлом была полностью в руках правительства, уже передана рынку. Производство культуры вступило в новую эпоху, как выше было описано, в эпоху «двух систем регулирования» и «трех способов производства».

Появление стратегической политики китайской культурной индустрии предоставило широкое политическое пространство не только для укрепления этой новой структуры производства культуры, но и для ее упорядочивания. Долг правительства — это гарантировать прогрессивное направление передовой культуры, восстанавливать нарушение функций рынка, предоставлять общественные культурные услуги. Но предоставление общественных культурных услуг отнюдь не означает, что правительству обязательно нужно заниматься производством. Правительство также может не производить, а предоставлять услуги посредством купли. Другими словами, исходя из соображений об эффективности, в будущем в структуре производства китайской культуры правительственная часть производства культуры имеет вероятность и тенденцию к дальнейшему уменьшению. Но из-за необходимости обеспечения справедливого и беспристрастного распределения культурных продуктов и услуг, а также потребности в мягкой силе повышения уровня национальной культуры, интенсивность и сфера предоставления правительством общественных культурных услуг имеет вероятность и тенденцию к усилению и увеличению. «Дихотомия» культурного дела и индустрии культуры, выдвинутая в целях продвижения реформы согласно объективным законам развития культуры в будущем станет не нужной, так как разделение дела и индустрии не научно. Производство культуры должно следовать одинаковым законам развития культуры и рыночной экономики, а распределение культурных продуктов и услуг руководствуется другим принципом — через непрерывное регулирование. Путь развития культуры с китайской спецификой через непрерывное регулирование станет все более отчетливым.

Теоретическая задача развития культуры. Теория суха, а практика похожа на вечнозеленое дерево. Практика всегда ставит новые задачи для развития теории, в то же время готовит материалы для решения новой задачи. С углублением процесса глобализации человечество вступило в эру беспрецедентной культурной конкуренции; стремительное развитие и распространение высоких технологий изменило способ производства, хранения и потребления культуры; в особенности мультимедийный, многоканальный процессы, а также тенденция к слиянию коммуникации, Интернета и радио- и телевидения, вызванные стремительным развитием цифровых технологий и интернет-технологий, предоставили потенциальный спрос и широкое пространство для содержательного развития культуры. В условиях абсолютно новой экономики, технологий и международной обстановки, в которых проходило развитие культуры, появление стратегической политики китайской культурной индустрии, сформировавшейся на основе развития китайской культуры и осуществления на практике реформы системы культуры на протяжении более 20 лет, поставило перед нами множество теоретических задач о развитии культуры, требующих размышления и исследования. В теоретическом отношении изучение и решение этих задач — это объективная необходимость эффективного осуществления стратегической политики китайской культурной индустрии, а также это объективное требование реконструкции теоретической основы пути развития культуры с китайской спецификой.

Вопрос о современной ценности культуры и способ ее осуществления. Появление стратегической политики китайской культурной индустрии означает, что для культуры в современности это имеет огромную экономическую ценность, в особенности проявилось политическое обращение по поводу осуществления максимизации ее экономической ценности. Это неизбежно вызвало постановку такого важного теоретического вопроса, как вопрос о современной ценности культуры и способе ее осуществления. Данный вопрос включает в себя следующие несколько конкретных пунктов: кроме огромной экономической ценности, какие еще ценности имеет культура в современную эпоху? Какие отношения между этими разными ценностями? Существуют ли между ними конфликты? Если произойдет конфликт, то каким ценностям следует уделять первоочередное внимание? Каким образом осуществляются современные ценности культуры? Какими новыми особенностями они облада-

ют? и т.д. В действительности, этот вопрос затрагивает не только свойства культуры и их взаимосвязь, но и затрагивает взаимосвязь между общественным и экономическим эффектами культуры.

Вопрос о связи культуры с экономикой и политикой. В настоящее время с каждым днем усиливается слияние культуры с экономикой и политикой, культура все более превращается в источник единства и творческой силы народа, становится ключевым фактором синтеза мощи и преимуществ государства. В этом контексте развитие культуры, используя способы индустриализации и маркетинга, непременно приведет к новым изменениям в отношениях культуры с экономикой и политикой. Например, в прошлом в отношениях между культурой и экономикой культура часто находилась в зависимом положении. Но сейчас культура не только сама может создавать экономическую ценность, но и становится главной движущей силой развития экономики, и даже сама цель развития экономики может получить разумное объяснение только посредством культуры. Предоставление законного статуса индустрии культуры означает, что в сфере культуры происходит повторное распределение и перемещение полномочий, неизбежно может возникнуть новая структура культурных интересов. Какое воздействие для политики может иметь изменение в структуре культурных полномочий и интересов, какие новые ограничения может ввести политика для развития культурной индустрии — эти вопросы также требуют размышления и изучения.

Вопрос о сохранении элитарности культуры. Предоставление законного статуса индустрии культуры означает признание законности массовой культуры, однако такие особенности массовой культуры, как массовость, популярность, распространенность и изменчивость, определили то, что культура больше не стремится к элитарности. Но сохранение элитарности культуры является основным требованием для развития человеческой культуры, которая представляет уровень культурного духа, культурных вкусов и развития культуры отдельной страны. В новой структуре культурного производства кто возьмет на себя ответственность за сохранение элитарности культуры, посредством каких способов будут создавать элитарность, формирование позитивного взаимодействия элитарной культуры с массовой, в полной мере раскрытие ее руководящей и развивающей роли — все эти вопросы требуют серьезного размышления и изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Со времени появления стратегической политики китайской культурной индустрии прошло уже 6 лет. За прошедшие 6 лет следом за ней появляется функциональная политика культурной индустрии, и постепенно формируется ее система; реформа системы культуры также справилась со своей испытательной задачей и на данный момент разворачивается в полной мере; одновременно была выдвинута задача реконструкции системы общественно-культурных услуг, и уже получены первые результаты. Предварительно сформировалась основа пути развития культуры с китайской спецификой, китайская культурная индустрия совершила огромный прогресс, проявляется новый характер развития китайской культуры. Все это свидетельствует о том, что появление стратегической политики китайской культурной индустрии, действительно, знаковое событие в процессе развития современной китайской культуры, и, без сомнения, его глубокое влияние будет и дальше сказываться на историческом развитии будущей китайской культуры.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ, ИЛИ ПОЧЕМУ КУЛЬТУРА РАЗВИВАЕТСЯ САМОСТОЯТЕЛЬНО В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

Во все времена культурная составляющая была неотъемлемой частью России. Шли годы, столетия, менялись времена, люди и нравы, вместе с тем менялась и культура. Менялась, но не уходила. Она всюду следовала за народом, сопровождала собой каждое поколение, делая его особенным и неповторимым для потомков. Оставляла после себя то, что будет передаваться через века и бережно храниться, как зеница ока. Ведь какую культурную ценность представляют сегодня шедевры великих художников прошлых столетий, литературные произведения известных классических писателей и музыкальное творчество времен М.В. Глинки.

Все то, что составляет на сегодняшний день культурное наследие страны, отражает собой все ее исторические события. Как известно, многие деятели культуры и искусства создавали свои творения под влиянием личностных переживаний, и их творчество во многом было откликом на происходящие в России перемены. Не зря же в свое время власть всеми руками взялась за творческие личности, искореняя из газет неудобную информацию, запрещая к печати множество книг, не позволяя ставить те или иные постановки на сцене, заключая тем самым культуру и искусство в жесткие рамки, не позволяющие свободно мыслить и творить. Таким образом, культурная политика не всегда работала на поддержание и развитие культуры, как должна бы. В связи с этим культура была вынуждена, не полагаясь ни на кого, развиваться своими силами.

Сегодня, говоря о культурной политике российского государства в исторической ретроспективе, авторы национального доклада по культурной политике, подготовленного в рамках программы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период»), проект № 15-23-21002.

Совета Европы по анализу культурной политики в европейских странах, подчеркивают, что одной из главных особенностей взаимоотношений культурной жизни общества, развития и государственной политики в этой сфере Российской Империи, СССР и России являлось и является до сих пор довольно радикальное противоречие поставленных задач и основных векторов направленности реальных процессов. Культурная жизнь развивалась, таким образом, как бы сама по себе, а государственная политика тем временем ставила цели и задачи, противоположные веяниям культурного развития. Мало того, что они были невыполнимые, они приводили к состоянию кризиса. Например, Пролеткульт, организация, созданная в начале XX в. с целью развития культурно-просветительской и литературно-художественной деятельности. По мнению известного российского социолога Альберта Кравченко, данная организация наоборот способствовала культурному регрессу: «Пролеткульт сыграл негативную роль потому, что пытался методом кавалерийской атаки решить задачи там, где они, эти методы, никак не годились. Он являл собой не основу, а лишь крайнее выражение большевистского подхода к культуре, от которого вскоре РСДРП постаралась избавиться. Убедившись в непригодности экстремистских способов решения масштабных проблем, связанных с культурой, большевики перешли к постепенному и более скоординированному наступлению»¹, — пишет он. Пролеткультовской целью было вовсе не развитие культуры как таковой, а, скорее, ее разрушение. Разрушение существовавшей ранее дворянской культуры ради создания пролетарской. И надо заметить, что разрушения вполне удалось достигнуть.

С приходом к власти большевиков вся существовавшая до тех пор буржуазная культура стала считаться ненужным, ни к чему не годным пережитком прошлого. В то же время была образована Государственная комиссия по просвещению для руководства и контроля за культурой. Ключевым словом здесь является контроль. Контроль над культурой ставился в первоочередную задачу, а не ее развитие, процветание и прогресс. Все, что с таким трудом создавалось годами и десятилетиями, в одночасье подвергалось разрушению. Вслед за этим последовала ликвидация независимых изданий, творческих союзов, профсоюзных объединений. Все разрушалось ради воздвижения новой культурной политики, целью

которой являлась доступность для трудящегося народа всех сокровищ искусства. Все бы хорошо, если бы эти сокровища не создавались посредством эксплуатации труда самого народа. Но именно такие цели были провозглашены на VIII съезде РКП(б) относительно культурной политики. Этой цели было решено достичь путем всеобщей национализации, которая, конечно, способствовала в некоторой мере развитию культуры.

Считалось, что бесплатный и беспрепятственный доступ к культурным сокровищам откроет путь не только к просвещению избранных, а вообще к просвещению российского народа. За счет национализации планировалось сохранить и уберечь от разрушения культурные памятники, отреставрировать устаревшие, устроить новые музеи, планетарии и выставочные залы, концертные, музыкальные учреждения, наладить работу фотографической и кинематографической промышленности. Однако вместе со всеми благими концепциями национализация несла с собой и культурное варварство. В это время пропало ценное библиотечное наследие, были уничтожены архивы, а дворянские дома и церкви стали пристанищем не только для клубов и школ, но также для складов и мастерских. Несмотря на реставрацию некоторых культовых сооружений, многие из них оставались в первоначальном виде и в скором времени пришли в аварийное состояние, по этой же причине от тысячи монастырей и храмов и вовсе теперь осталось пустое место и лишь упоминание в каких-нибудь архивах. На местах же старых памятников воздвигались новые, в виде бюстов героев-революционеров, а площадям и улицам в один момент присваивались новые названия в их честь. Все эти моменты культурной истории Россия переживала довольно остро.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что в **обществе функционирует как культурно-стимулирующие, так и антикультурно-тормозящие силы, а культурные процессы относятся к результатам противоборства этих разнообразных сил, обладают внутренними противоречивыми характеристиками.** Сами по себе культурные процессы — это процессы, служащие для преодоления антикультурных тенденций, которые сдерживают, а также ограничивают развитие человека в обществе, победу тенденций его совершенствования и развития.

Сегодня Россия пытается вернуть ее общечеловеческие цивилизационные образцы, основанные на духе свободы, на плюрализме мнений, которые проявляются в высокой нравственной, эстетической, интеллектуальной и религиозной ориентации. Эта

¹ Кравченко А.И. Культурология : учеб. пособие. М. : Академический проект, 2001 С. 50.

цель достаточно ясна и понятна каждому, но не становится от этого более достижимой. В России сегодня существуют государственные документы о культурной политике, но в реальной жизни достаточно четкая и выверенная культурная политика не прослеживается, и культура развивается как бы сама по себе согласно своим внутренним закономерностям. Причем данная ситуация характерна не только для федерального, но и регионального уровня.

Анализируя осуществление культурной политики в нашей стране сегодня, хотелось бы оттолкнуться от тех задач, которые стоят сегодня перед нами. Культурная политика в этом контексте представляет собой сложную динамическую систему содействия государственной власти, общества и культуры (как объекта этой политики). А отношения между этими элементами системы должны создаваться на позициях гуманизма и толерантности, соблюдение которых — необходимое условие для благополучного культурного развития и обретения нового типа государственной культурной политики, который в свою очередь будет соответствовать состоянию современного общества и ожиданиям людей.

К основным задачам культурной политики сегодня можно отнести:

- разработку и внедрение в действие общегуманистических и общесоциальных идеалов, ценностей, критериев оценки происходящего;
- разработку нормативных целей развития культуры в соответствии с социальным идеалом;
- оценку фактических направлений и коррекций полученных разрешений на основе обратной связи;
- государственно-правовое и финансово-экономическое обеспечение системы производства, распространение и потребление культурных ценностей и благ;
- постановление социальных гарантий, широты выбора культурных ценностей и доступности их для всех социальных слоев;
- сохранение национальной особенности культуры и искусства;
- формирование госгарантий, служащих для сохранности культурной микросреды, а также единого культурного пространства.

Сегодня, исходя из опыта развития культуры России, представления о должном направлении культурной политики несколько

изменились. Осуществление и решение задач современной культурной политики происходит в иных социальных условиях постсоветской России. В первую очередь, это связано с изменением современного научного представления о культуре и ее актуальной роли в современном мире. Отныне культура является не отдельным сектором жизнедеятельности, идущим как дополнительный бонус к основным процессам, а полноценным явлением, распространяющимся на целое общество. Несмотря на это, пробелы в культурной политике все же еще существуют, что затрудняет определение социального и политического статуса культуры в общественной жизни.

Между тем на сегодняшний день приоритеты культурной политики довольно обогатились за счет такого важного и необходимого шага в любой сфере, как международный опыт и диалог с разными странами. В ходе данного диалога появляется возможность обсудить задачи, стоящие перед культурой и конечным итогом которых является ее развитие. Как бы радужно и перспективно ни звучали определенные нами задачи как приоритеты культурной политики сегодня, однако на практике современные принципы и цели российской культурной политики натываются на множество преград. Это заставляет задуматься о том, какую позицию занимает государство относительно регулирования культурных процессов, какими способами на это воздействует и какие пределы имеет. В идеальном варианте система культуры должна осуществляться в соответствии с ее самодвижением, культурная же политика должна быть лишь своего рода механизмом, который бы запускал положительные обратные связи, реализовывал многогранные культурные способности, направляя культуру на путь к развитию. Только тогда культурная политика будет наиболее эффективной.

Сегодня ее эффективность определить достаточно сложно, пожалуй, даже сам вопрос касательно того, насколько эффективно используются ресурсы в культурной сфере, не поднимается. Во всяком случае, мало заботясь или не заботясь вовсе о выявлении каких-либо новых областей культуры, привлечение внимания к которым может дать положительные результаты в ее развитии, эффективность проявляется хотя бы в том, что выделенные ресурсы попадают только в культурную сферу, не растрачивая себя не по назначению.

Естественно, само по себе общественное представление о культуре не могло измениться просто так ни с того ни с сего. Этому

во многом способствовали сами культурные перемены, которые происходили и с течением времени все больше дифференцировались под влиянием различных факторов, в том числе общественных. Значительную роль при этом, конечно же, сыграли новые технологии и телекоммуникация. С одной стороны, это перемены в сторону прогресса, потому как все это способствует постоянному и неисчерпаемому появлению новых тенденций для культурного саморазвития, но, с другой стороны, за этими тенденциями не успевает угнаться государство и, как следствие, культурная политика.

Как известно, государство прилагает все свои усилия к тому, чтобы сохранить наследие, высокий уровень культуры, не забывая при этом про народное творчество. Тем временем наибольшие перемены претерпевают сектора, связанные с культурной индустрией и распространением массовой культуры. При этом не последнюю роль здесь играют и иностранные образцы. Наверное, вполне ожидаемо, что наибольшее культурное развитие для самой разнообразной аудитории происходит в активно развивающихся областях страны. Таким образом, культуру отчасти можно считать одной из важнейших сфер и направлений в деятельности экономики, ее непосредственным фактором развития, что в свою очередь дает возможность в рамках различных национальных и международных программ перемещать на более значимое место вопросы о развитии индустрии культуры и ее взаимодействии с новыми технологиями.

Естественно, такие подвижки в деле учитываются и органами государства, но, несмотря на все, их деятельность остается прежней. По мнению зарубежных экспертов, структура деятельности одного из важнейших культурных субъектов, а именно Министерства культуры Российской Федерации, носит выборочный характер распространения своих полномочий. Например, отмечается, что наибольшее внимание данным органом уделяется деятельности художественного образования, также много сил направлено на охрану наследия, меньше ресурсов затрачивается на поддержку исполнительских искусств и на художественное творчество. Выбранное Министерством культуры направление в поддержке культуры свидетельствует о том, что тенденции движутся в сторону сохранения существующих ныне культурных ценностей, но не в сторону продвижения инноваций. Также и во многих регионах России усилия и внимание направляются на сохранение прежних систем культурных учреждений и на те их

функции, к которым они привыкли. Таким образом, что касается управления культурой, то все оно сводится лишь к поддержанию существующей деятельности данных учреждений, а также к ее годовому планированию.

В связи с тем, что развитие культуры происходит в стране не равномерно, проявляются некоторые минусы. Человеческий потенциал в небольшом городе или в сельских местностях формируется достаточно специфично, кардинальные перемены или хотя бы небольшие подвижки в культуре здесь очень часто бывают не просто желаемы и приемлемы, но необходимы. Это дает повод задуматься не о развитии культуры в мировом масштабе, а именно о ее развитии в конкретной местности. В этом случае может помочь поощрение любой инициативы и соблюдение баланса интересов разных субъектов среди культурной политики.

Внутренние процессы в РФ, повлиявшие на духовную жизнь, сказываются как на культуре отдельных граждан, так и на мировоззрении группы лиц, представляющих определенные слои населения. В результате можно увидеть, что на современную ситуацию большое влияние оказывают негативные тенденции. Они выражаются в низком уровне образованности людей, усложнении межличностных отношений, проблемах воспитания детей, появлении нежелательных образцов поведения и взаимодействия. При таком высоком уровне развития науки и техники, очень странно наблюдать такую высокую безграмотность среди общества.

Казалось бы, с развитием техники появилось больше возможностей черпать информацию, расширять свой кругозор, но увы... Современная молодежь довольствуется низкопробным массовым продуктом. «Россия — великая нация, потому что у нее были Достоевский, Толстой и Чехов», это лишь дымовая завеса. В действительности наше телевидение уже давно оккупировано низкопробной западной культурой развлечения и отвлечения, в основе которого всегда лежит насилие. Перевести на этот язык Чехова или Толстого просто невозможно, потому что в основе их произведений лежат совсем иные ценности. И наши телемагнаты уже не стесняются писать в титрах, что очередной боевик или триллер состряпан нашими продюсерами по западным лекалам. Причем речь идет не о подражании, а о покупке «модельных образцов», которые затем быстро переодеваются в русское платье и говорят (пока еще!) на русском языке.

Культу духовности, мышления, рефлексии сегодня противопоставлен культ тела, человеческой внешности, безграничных

возможностей манипулирования человеческим телом: от вездесущей рекламы косметических средств, которые за две недели обещают омолодить любого на 20 лет, и до растущего набора пластических манипуляций с вашим лицом и телом, опять же обещающих сделать из вас красавца. Для чего? Чтобы «и лицо, и одежда были красивы», как говорил А.П. Чехов? Отнюдь нет. Для того чтобы быть «товаром», востребованным на рынке сексуальных и брачных услуг. Впрочем, и брака как такового почти уже нет: есть так называемый гражданский брак, да к тому же часто однополых пар. А ведь брак, семейная жизнь всегда были сложнейшим кодексом семейной культуры. Естественно, не все ему подчинялись, но существовала социальная и культурная норма, которая отсутствует сегодня. Забавное, но, в сущности, трагическое превращение: теперь есть «ночь музеев», а днем, на свету, пожалуйста, хольте и лелейте свое обнаженное тело на виду у всех.

Говоря о низких нравах нашего общества, многие из нас ставят в пример современную эстраду. «Что за песни сегодня!» — вздыхают люди старой закалки, вспоминая талантливых композиторов и исполнителей прошлых лет. Действительно, по сравнению с ними большинство звезд нашего времени выглядят, по меньшей мере, вульгарно. Многие безгранично часто обвиняют государство, правительство, да кого угодно в том, что не пропускают талантливых людей на сцену, но так ли это на самом деле? Ведь виноваты только мы сами. Как творцы культуры давно ли мы были в театре? Какую книгу мы недавно прочитали? Кто ваш любимый поэт? Задавая эти вопросы, становится совершенно ясно, что раньше они не подразумевали никакой сложности, чем сейчас многие не задумываются над подобными вопросами. Вот и ответ... Многие сейчас знают об отношениях очередной «звезды», но не знают классики.

Почему-то многие современные эстрадные «звезды» с особым удовольствием говорят о том, как плохо они учились в школе. Кому-то объявляли выговоры за хулиганство, кого-то оставляли на второй год, кто-то доводил педагогов до обморочного состояния своими умопомрачительными прическами... Можно по-разному относиться к подобным откровениям наших «звезд»: одних эти рассказы об озорном детстве приводят в умиление, другие начинают ворчливо сетовать на то, что сегодня путь на сцену открыт во многом бездарям и невеждам. Отсюда и иронично-снисходительное отношение к образованности, и кокет-

ливое ерничанье: «Ученье — свет, а не ученье — приятный полумрак», и надменное самолюбование, которое мы встречаем повсеместно. Если искусство не зовет к свету, если оно, хихикая и лукаво подмигивая, тащит человека в «приятный полумрак», если оно ядовитой кислотой иронии уничтожает незабываемые ценности, тогда возникает резонный вопрос: а нужно ли такое «искусство» обществу, достойно ли оно того, чтобы стать частью национальной культуры?

Одним из источников культурных проблем является индустриализация и интенсивные миграционные процессы. В плане культурного саморазвития большие социальные группы (сельская местность, отдаленные города) лишены доступа к изменениям в культуре более развитых регионов.

На социально-культурный кризис значительно влияет этническое расслоение общества и национальная политика, которая в последние десятилетия ограничивала развитие и сохранение культурной самобытности отдельных регионов, включая историческую память, язык и народные традиции. Разделение наблюдается среди представителей различных этногрупп, проявляющих агрессию к другой вере, системе ценностей, другой точке зрения.

Наиболее существенной проблемой, повлиявшей на падение культуры, стал процесс уничтожения духовной самобытности россиян. Массовое тиражирование и реклама прозападного образа жизни в СМИ сформировали новую модель поведения, где нет места национально-культурной идентичности.

За последнее время резко снизились показатели духовного развития, а уровень художественного вкуса по сравнению с окончанием XX в. уменьшился в несколько раз. Отечественные музыка, художественное искусство, кино, театр, книги интересуют население гораздо меньше, чем информация из зарубежных источников. Расширение потока низкопробной литературы, музыки и кино деформировали эстетический вкус большей части населения.

В то же время в общественном сознании произошла замена духовных и гуманистических ценностей на ценности материального благополучия. Во многом утерян смысл таких понятий, как взаимопомощь, сострадание, милосердие, любовь к Родине, патриотизм. В какой-то мере на снижение культуры влияет позиция и изменение статуса прослойки интеллигенции, которая является показателем нравственного развития общества.

Огромное количество средств массовой информации и связи, Интернет и другие источники информации налагают свой «отпечаток» на процессы становления личности. При этом необходимо учитывать, что не все источники поставляют истинно достоверную информацию, как и то, что огромная часть этой информации носит чисто информационный, развлекательный и коммерческий характер. Немаловажным фактом является и то, что молодежь большую часть своего досуга проводит перед телевизором и в последнее время в сети «Интернет». К сожалению, о воспитательной и образовательной задачах телевидения сегодня говорить практически не приходится, поскольку в основном на экраны телевизоров попадают низкокачественные западные «мыльные оперы», пропаганда насилия и коммерческая реклама.

Испокон веку каждое поколение взрослых видит в новых технологиях их тенденцию разрушения. Платон предупреждал (и совершенно справедливо): «Письменность и чтение уничтожат ораторское искусство». Автомобиль отнял у нас способность к созерцательности. Телефон и Интернет привели в упадок эпистолярный жанр. Место ораторского искусства заняла литература. На смену созерцательности пришла драма. А эпистолярный жанр был возрожден в электронной почте.

Интернет выполняет сейчас многие функции: и информационную, и коммуникативную, и развлекательную, и воспитательную. Но истинные масштабы его влияния на общество нам только предстоит осознать в будущем, когда заявит о себе новое «информационное» поколение. Каким оно станет? Примитивным, варварским или цивилизованным и гуманным? Ответить на этот вопрос крайне сложно. Но одно можно сказать точно, что след от влияния Интернета отразится на нашем «завтра». И мы все в ответе за это.

Производство культурных норм и ценностей — фундаментальный и потому самый медленный общественный процесс, что бы ни говорили адепты постмодернизма и концепции «ситуативных ценностей».

Все попытки сконструировать на скорую руку культурные ценности неизбежно отмирали. Рынок — главный идеолог и спонсор массовой культуры. Но он одновременно есть механизм «отрицательной культурной селекции». Общественная жизнь, построенная только на рыночных принципах «купил — продал», «ты — мне, я — тебе», неизбежно деградирует, лишаясь культурных образцов высокой пробы, будь то этические нормы или произ-

ведения выдающихся индивидуальных создателей культурных образцов.

Несмотря на несколько пессимистическую картину духовного культурного развития постсоветской России, важно констатировать, что при этом не все так плохо. Молодежь тянется к искусству, пытается развиваться, вдохновляться в силу своих возможностей. Государство старается помочь всяческими способами. Например, выделяются бесплатные билеты в театры и музеи или ставшее уже традиционным мероприятие «Ночь искусств», на котором мне удалось побывать.

В этом году «Ночь искусств» проходила всего во второй раз, но с невероятным размахом: количество площадок увеличилось почти вдвое (со 150 до 250), а сам проект вышел за рамки вечера с продленным временем работы и бесплатным входом в учреждения культуры. У «Ночи искусств» появились принципиальные нововведения.

Центральным проектом стали «Ночные встречи» с деятелями культуры, которые ассоциируются с успехом и возможностью реализовать в Москве свой творческий потенциал. Этот формат оказался настолько востребован, что регистрация на некоторые мероприятия, например, на встречу в Планетарии с участником шоу «Голос» Антоном Беляевым и его группой TherrMaitz, заканчивалась почти моментально, за несколько дней до старта акции. В залах зрители размещались по принципу «в тесноте, да не в обиде». При этом в ходе встреч они могли не только послушать рассуждения Василия Бархатова о понимании оперы, разговор Ирины Антоновой с Антоном Беловым о современном искусстве, диалог Кирилла Серебренникова с Константином Богомоловым о том, как быть на «ты» со своим «я», но и задать собственные вопросы.

Более свободными для посещения москвичей стали государственные музеи. Например, в Государственную Третьяковскую галерею на Крымском валу совершенно бесплатно осуществлялись [экскурсии по постоянной экспозиции «Искусство XX в.»](#). Там же был проведен марафон по скоростному написанию портретов в различных техниках. Портретистам давалось всего 5 мин написание портрета, а моделями стали посетители музея. Неслыханный успех имели выставки картин В.А. Серова и И.К. Айвазовского.

Многие мероприятия прошли в библиотеках, захватив практически всю библиотечную сеть, от центра до окраин, и, как от-

метил руководитель Московского городского библиотечного центра Борис Куприянов, минимум 40 из них подготовили собственные программы без поддержки и кураторства «Ночи искусств». Для самих учреждений культуры это не менее важное событие, чем для горожан. Сотрудники тоже живут в этом городе, следят за его изменениями, и им важно найти новый язык общения со своими посетителями. Кроме того, это наполняет их чувством нужности городу и вовлеченности в культурную среду. Многие библиотекари с гордостью рассказывают про то, как они участвуют в «Библионочи» и «Ночи искусств», когда у них получается реализовать идеи, для которых не находится возможностей в обычное время.

Помимо этого, современная российская культура претерпевает сегодня **множество различных проблем**, большинство из которых в конечном итоге упирается в недостаточность средств. Кроме того, еще есть правовые и концептуальные трудности. Но не менее важно, даже находясь, казалось бы, в безвыходном положении, продолжать практиковаться, это способствует развитию идей, которые культуре необходимы. Все существующие проблемы порождают одни и те же вопросы, например, какие из социокультурных факторов могут оказать прямое воздействие на культурное развитие, какими являются те отрасли культуры, на которые в первую очередь нужно обратить внимание, каким образом можно определить единство политики культуры и какими являются самые важные принципы при принятии решений, касающихся культурного развития.

При ответе на все эти вопросы и решении поставленных задач необходимо приложить усилия и знать, куда их приложить, знать, где находятся те пункты, благодаря воздействию на которые станут возможными процессы культурного саморазвития и впоследствии развития человеческих потенциалов. Однако здесь вызывает парадокс тот факт, что некоторые из организаций, сфера деятельности которых напрямую связана с применением различных новшеств и нанотехнологий в культурной среде, те организации, которые имеют непосредственное отношение к направлениям, по которым движется основная масса продукции культуры, — это организации культурной индустрии, остающиеся практически вне государственной культурной политики. В то время как государство обязано быть тем субъектом, без учета позиции которого не принимается ни одно решение, которое касалось бы не одних только финансовых и организа-

ционных вопросов, благодаря которым культура и функционирует.

Важнейшей задачей российской культурной политики является ее доступность. Расширение ее потенциалов и перспективы дают возможность говорить о ней, как о глобальном процессе, протекающем в самых разных сферах общественной жизни. Достижение высоких показателей российской культурной политики потребует от нее действующего, энергичного призыва к культурному потенциалу, а также скорейшего развития некоторых культурных областей, которые выражают собой облик культуры как одного из равноправных участников процессов культуры в глобальном масштабе.

По всему вышеизложенному видно, что российская культурная политика и проблемы культуры сегодня одна из актуальных тем, требующих решения, ведь культура — одна из неотъемлемых частей нашей жизни, именно она делает ее ярче и организованнее. Она имеет неопределимые способности к производству, сохранению и транслированию духовных ценностей самых разных форм. Она является своего рода одним из способов понимания действительности. Культурную жизнь можно назвать цементом общества, потому как она соединяет людей разных возрастов вместе, передается из поколения в поколение, а кроме того способствует формированию такого чувства, как принадлежность к чему-то высокому и прекрасному. Для того чтобы иметь возможность не только сохранять, но и преумножать культурный мир, сегодня возникают самые разные институты культуры, которые необходимо развивать, дабы культура страны процветала и была многообразной.

Тем не менее в силу различных причин культурная политика не всегда может поддержать культуру, и тогда ей остается только один выход из сложившейся ситуации — путем саморазвития. Оно может осуществляться различными способами. Например, путем выхода людей из рамок привычного, традиционного образца деятельности, что зачастую происходит даже неосознанно, стихийным образом. Также большую роль для развития культуры играет сознательная деятельность, основанная на изменении как культуры, так и общества, и рассчитанная на то, чтобы разрабатывать все новые и новые проекты, искать новые подходы и инновации. Только таким образом культура станет полноценным звеном, прославляющим историю страны, сохраняющим старые традиции, приобретая новые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы культурной политики современной России / ред.-сост. Б.Ю. Сорочкин. М. : ЛЕНАНД, 2008.
2. Горлов И.И. Культурная политика в современной России: региональный аспект. Краснодар, 2002.
3. Есаков В.А. Характер, цели, задачи и методы управления отраслью культуры в современных условиях. М., 2005.
4. Жидков В.С., Соколов К.Б. Культурная политика России: теория и история. М., 2001.
5. Капустин М.К. Культура и власть. М., 2002.
6. Лендри Ч. Культура на перепутье. М., 2003.
7. Культурная политика России. Актуальные аспекты. М. : Проспект, 2015.
8. Оганов А.А., Хангельдиева И.Г. Культурная политика. Теория культуры. М., 2004.
9. Павлович А.А. Культурная политика современной России. М., 2004.
10. Хангельдиева И.Г. Рифы современной российской культурной политики. Культура и рынок: современные тенденции. М., 2009.
11. Человек — Культура — история. В честь семидесятилетия Л.М. Баткина / редколлегия: М.Л. Андреев, А.Я. Гуревич, Е.П. Шумилов. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2002.
12. Человек и общество: история, культура, политика, экономика (формирование самосознания и процессы идентификации в современном обществе): сборник научных трудов. М. : Изд-во Литературного института, 2009.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

Культура и природа составляют необходимую среду обитания человека, они выступают неперенными условиями его существования. Природа является фундаментом бытия человека, она обеспечивает его физическое существование, культура означает само здание бытия человека, она делает его существование собственно человеческим. Поэтому сохранение культуры столь же естественно и необходимо, как и сохранение природы. Экология природы и экология культуры неразрывно связаны между собой. Природа накапливает, сохраняет и передает генетическую память человека, культура делает то же самое с его социальной памятью. Нарушение экологии природы несет угрозу генетическому коду человека, ведет к его вырождению, нарушение экологии культуры ведет к его деградации.

Основной формой сохранения культуры является культурное наследие, которое во многом представляет собой главный способ существования культуры. Все, что не входит в культурное наследие, перестает быть культурой и в конечном счете прекращает свое существование. Поэтому сохранение культурного наследия в известной мере совпадает с сохранением культуры вообще. Следует отметить, культурное наследие включает не всю культуру, но, в первую очередь, высокие и высшие, ценностно значимые ее достижения, то, что определяется как культурное достояние. В то же время в культурное наследие входят не только уникальные архитектурные памятники, но и разного рода комплексы и ансамбли, населенные пункты, города, а также природные ландшафты и парки, достижения народной культуры — фольклор, художественные промыслы и ремесла. Однако строгое разграничение при этом провести трудно. Культурное наследие

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Проект № 15-23-21002. Тема: «Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период».

тесно связано с историей страны или общества, его прошлым. Отсюда выражение: историко-культурное наследие. Благодаря культурному наследию история наполняется содержанием и смыслом, усиливается плотность бытия. Культурное наследие имеют все страны, как только они становятся таковыми. Оно выступает в качестве общего достояния всех людей, всего человечества. Однако таковым оно может быть лишь при условии своего сохранения. Охрана культурного наследия является одной из главных составляющих культурной политики.

Как особая проблема охрана культурного наследия существует для всех обществ, однако более остро она встает перед западным обществом. В этом плане между Востоком и Западом имеются заметные различия.

История восточного мира была преимущественно эволюционной, без радикальных разрывов постепенности. Она покоилась на преемственности, веками освященных традициях и обычаях. Имевшие место при этом периоды и эпохи не слишком различались между собой. Восточное общество достаточно спокойно перешло от Древности к Средневековью, от язычества к монотеизму, сделав это еще в Древности.

Почти всю последующую его историю можно определить как «вечное средневековье». Положение религии как фундамента культуры оставалось неизменным. Восток продвигался вперед, как бы обратив свой взгляд назад, в свое прошлое. Ценность культурного наследия не ставилась под сомнение. Его сохранение выступало как нечто естественное, само собой разумеющееся.

История западного общества, напротив, была отмечена глубокими разрывами, она нередко забывала о преемственности. Переход Запада от Античности к Средневековью был бурным, он сопровождался значительными разрушениями, утратами многих достижений античности. Западный «христианский мир» утверждался на руинах античного, языческого иногда буквально: многие архитектурные памятники христианской культуры возводились из обломков разрушенных античных храмов. Средневековье в свою очередь отвергалось эпохой Возрождения. Новое время приобретало все более футуристский характер. Высшей ценностью для него выступало будущее, тогда как прошлое решительно отвергалось. Гегель заявлял, что современность отдает все свои долги прошлому и становится ничем ему не обязанной.

М. Фуко рассматривает западную культуру Нового времени с точки зрения радикальных сдвигов. Он выделяет в ней не-

сколько эпох, полагая, что их не объединяет какая-либо общая история. Каждая эпоха имеет свою историю, которая сразу и неожиданно «открывается» в ее начале и так же сразу и неожиданно «закрывается» в ее конце. Новая культурная эпоха ничем не обязана предыдущей эпохе и ничего не передает последующей. Историю, по его мнению, характеризует «радикальная прерывность».

Начиная с Возрождения, религия в западной культуре теряет свою прежнюю определяющую роль, она все больше отходит на задний план. Ее место занимает наука, роль которой все более усиливается. Науку интересует прежде всего новое и неизведанное, она обращена к будущему. К прошлому она часто равнодушна.

История русской культуры имеет больше сходств с западной, чем с восточной. В меньшей степени и не так часто, но она также сопровождалась крутыми поворотами и нарушениями преемственности. Отчасти ее эволюция объяснялась геополитическим положением России: оказавшись между Западом и Востоком, она разрывалась между западным и восточным путем развития, не без труда отыскивая и утверждая свою идентичность и самобытность. Так что проблема сохранения культурного наследия всегда существовала, порой становясь достаточно острой.

Одним из таких моментов стало время Петра Великого. Своими реформами он круто повернул Россию на Запад, обострив проблему отношения к ее прошлому. Однако при всем радикализме своих преобразований Петр вовсе не стремился к отказу от прошлого России, от ее культурного наследия. Разворачивая Россию на Запад, он не отрекался от отечественной культуры, от культурного достояния России и древних традиций. Его глубокое уважение к прошлому получало выражение в строительстве новых храмов. В равной мере оно проявилось в особом почитании дела Александра Невского, останки которого были перенесены в Петербург, в специально построенную для этого Невскую лавру.

Более того, именно при Петре Великом проблема охраны культурного наследия впервые предстает как вполне осознанная и крайне важная. Именно при нем принимаются конкретные практические меры по сохранению культурного наследия. Так, в конце XVII в. по указу Петра производятся обмеры и снимаются чертежи древних буддийских храмов в Сибири. Весьма примечательным является тот факт, что в годы, когда в России за-

прещалось — помимо Петербурга — каменное строительство, Петр издает специальное разрешение о таком строительстве в Тобольске. В своем указе он по этому поводу отмечает, что возведение Тобольского Кремля имеет целью не оборону и военные действия, а показ величия и красоты русского строительного дела, что создание дороги, ведущей через Тобольск в Китай, означает дорогу к народу, который является и должен оставаться навеки другом России.

Начатое Петром I находит продолжение и при Екатерине II. Она издает указы об обмерах, исследованиях и учете зданий, имеющих историко-художественную ценность, а также о составлении планов и описаний древних городов и о сохранении памятников археологии.

Активные попытки учета и охраны памятников старины и природы предпринимаются передовыми деятелями России уже в XVIII в. Некоторые из них достигают успеха.

В частности, архивные данные свидетельствуют о том, что в 1754 г. жители Москвы и ближайших сел и деревень обратились в Петербург в Берг-коллегию с жалобой и требованиями принять меры к защите их от бедствий, которые приносят железодобывательные заводы, построенные и строящиеся в Москве и вокруг нее. По словам авторов обращения, эти заводы приводят к уничтожению лесов, распугивают зверей, загрязняют реки и изводят рыбу. В ответ на это прошение был издан приказ о выводе и прекращении нового строительства железодобывательных заводов на 100 верст в окружности от Москвы. Срок для вывода был установлен в один год, а в случае невыполнения приказа заводское имущество подлежало конфискации в пользу государства.

Внимание к охране природного и культурного наследия значительно усиливается в XIX в. Наряду с частными решениями, которых было большинство, принимались и общие государственные постановления, регламентирующие строительную и иные виды деятельности. В этом плане можно указать на обязательный для исполнения Строительный устав, принятый в XIX в., который запрещал снос или ремонт, ведущие к искажению зданий, возведенных в XVIII в., а также на указ о награждении орденом Владимира I степени лиц, насадивших и вырастивших не менее 100 десятин леса.

Важную роль в деле охраны природного и культурного наследия играли общественные научные организации: Московское

археологического общества (1864), Русское историческое общество (1866), Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (1909) и др. На своих съездах эти организации обсуждали проблемы охраны историко-культурного наследия. Они занимались разработкой законодательства по охране памятников, ставили вопрос о создании государственных органов для охраны культурно-исторических ценностей. Среди них особого выделения заслуживает деятельность Московского археологического общества.

В это Общество входили не только археологи, но и архитекторы, художники, писатели, историки, искусствоведы. Главными задачами Общества стали изучение древних памятников русской старины и «охранение их не только от уничтожения и разрушения, но и от искажения починками, пристройками и перестройками».

Решая поставленные задачи, Общество создало 200 томов ученых трудов, которые способствовали глубокому осознанию исключительной ценности отечественного историко-культурного наследия и необходимости его сохранения.

Не менее впечатляющими были практические результаты деятельности Общества. Благодаря его усилиям удалось сохранить ансамбль Усадьбы на Берсеневской набережной и постройки Китай-города в Москве, крепостные сооружения в Коломне, Успенский собор в Звенигороде, храм Покрова на Нерли, церковь Лазаря Муромского в Кижях и многие другие.

Наряду с изучением и сохранением памятников Общество внесло значительный вклад в дело пропаганды достижений русской культуры. В частности, по его инициативе был сооружен памятник выдающемуся русскому просветителю, первопечатнику Ивану Федорову (автор — скульптор С. Волнухин), который и поныне украшает центр Москвы. Авторитет Московского археологического общества был настолько высоким, что без его ведома и согласия практически ничего не делалось. Если же что-то затевалось и угрожало какому-либо памятнику, то Общество решительно вмешивалось и наводило должный порядок.

В начале XX в. в России были разработаны основные законы об охране памятников искусства и старины, об охране природы и об организации природных и исторических заповедников. Были опубликованы «Проект закона об охране памятников старины в России» (1911) и пакт Н. Рериха о необходимости международного решения вопроса об охране культурных ценностей.

Следует подчеркнуть, что пакт Рериха явился первым в мировой практике документом, поднявшим данный вопрос до глобальной проблемы. Этот пакт был принят Лигой Наций только в 1934 г., получив не совсем справедливое наименование — «Вашингтонский пакт».

Принятию закона «Об охране памятников в России» помешала Первая мировая война, хотя его принятие могло оказаться проблематичным, поскольку он затрагивал права частной собственности, включая статью о «принудительном отчуждении недвижимых памятников старины, находящихся в частном владении».

После Октябрьской революции ситуация с сохранением культурного наследия резко обострилась. Последовавшая за революцией гражданская война имела следствием разрушение и разграбление огромного числа памятников внутри страны, а также бесконтрольный вывоз культурных ценностей за границу. Рабочие и крестьяне делали это из мести и ненависти к своим бывшим угнетателям. Другие социальные слои участвовали в этом из чисто корыстных целей. Спасение национального культурного достояния требовало от властей энергичных и решительных мер.

Уже в 1918 г. издаются имеющие законодательную силу декреты Советской власти о запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения, а также о регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины. Особое внимание уделяется охране памятников садово-паркового искусства и историко-художественного пейзажа. Заметим, что такого рода законодательные положения о памятниках садово-паркового и ландшафтного искусства в мировой практике были первыми. Одновременно создается специальный государственный орган по делам музеев и охране памятников.

Принятые меры дали положительные результаты. За четыре года только по Москве и Подмосковию зарегистрирована 431 частная коллекция, обследованы 64 антикварных магазина, 501 церковь и монастырь, 82 усадьбы.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. нанесла культурному наследию Советского Союза огромный ущерб. Немецко-фашистские захватчики сознательно и целенаправленно разрушали наиболее ценные памятники архитектуры, расхищали произведения искусства. Особенно сильно пострадали древние

русские города Псков, Новгород, Чернигов, Киев, а также дворцово-парковые ансамбли пригородов Ленинграда.

Их восстановление началось еще до окончания войны. Несмотря на тяжелые лишения и огромные трудности, общество находило в себе силы на возрождение историко-культурного достояния. Этому способствовало принятое в 1948 г. правительственное постановление, в соответствии с которым меры, направленные на улучшение охраны памятников культуры, значительно расширялись и углублялись. В частности, теперь к памятникам культуры относились не только отдельно стоящие здания и сооружения, но и города, населенные пункты или части их, имеющие историко-градостроительную ценность.

С 1960-х годов охрана памятников культуры осуществляется в тесном взаимодействии и сотрудничестве с международными организациями и мировым сообществом. Заметим, что наш опыт нашел широкое отражение в таком международном документе, как принятая в 1964 г. «Венецианская хартия», посвященная вопросам сохранения памятников культуры и искусства.

К началу 1970-х гг. охрана культурного и природного наследия уже в полной мере осознается мировым сообществом как одна из глобальных проблем современности. По инициативе Комитета всемирного культурного и природного наследия при ЮНЕСКО была принята Конвенция по охране культурного и природного наследия человечества (1972) и Рекомендация по сохранению исторических ансамблей (1976). Результатом стало создание системы международного культурного сотрудничества, которую возглавил упомянутый Комитет. В его обязанности входит составление известного списка выдающихся памятников мировой культуры и оказания государствам-участникам помощи в обеспечении сохранности соответствующих объектов.

От России в этот список внесены 27 объектов, среди которых: Московский и Новгородский Кремли; Троице-Сергиева лавра; Золотые ворота, Успенский и Дмитриевский соборы во Владимире; Церковь Покрова на Нерли и Лестничная башня палат Андрея Боголюбского в поселке Богомолоче; Спасо-Ефимиев и Покровский монастыри; Рождественский собор; Архиерейские палаты в Суздале; Церковь Бориса и Глеба в селе Кидекша; а также историко-архитектурный ансамбль на о. Кижи и центр Санкт-Петербурга и др.

Наряду с помощью по сохранению и защите памятников Комитет оказывает также помощь в их изучении, предоставляя сложное оборудование и экспертов.

Помимо названных, в тесном сотрудничестве с ЮНЕСКО работает также Международный совет по вопросам сохранения исторических мест и исторических памятников — ИКОМОС, основанный в 1965 г. и объединяющий специалистов из 88 стран, включая Россию. В его задачи входят охрана, реставрация и консервация памятников. По его инициативе в последнее время принят ряд важных документов, направленных на совершенствование охранного дела во всем мире. В их числе Флорентийская международная хартия по охране исторических садов (1981); Международная хартия по охране исторических мест (1987); Международная хартия по охране и использованию археологического наследия (1990).

Среди негосударственных организаций следует выделить Международный центр исследований в области консервации и реставрации культурных ценностей, известный под именем Римского центра — ИККРОМ, членами которого являются 80 стран, включая Россию.

В нашей стране в настоящее время ведущую роль в деле сохранения историко-культурного наследия играют две организации. Первая — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК): — основана в 1966 г., является добровольной и общественной, осуществляет программы «Русская усадьба», «Храмы и монастыри», «Русский некрополь», «Русское зарубежье». Общество издает с 1980 г. журнал «Памятники Отечества».

Вторая — Российский фонд культуры, созданный в 1991 г., финансирующий ряд программ и проектов, в том числе программу «Малые города России». Для усиления научной стороны охранных дел в 1992 г. создан Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. В его задачи входят выявление, изучение, сохранение, использование и популяризация культурного и природного наследия.

В 1992 году образована Комиссия по реституции культурных ценностей в целях урегулирования взаимных претензий России и иностранных государств.

К числу важных задач в деле сохранения культурного достояния относится возрождение религиозных корней, религиозного начала русской культуры, восстановление важной роли Православной Церкви.

В настоящее время взгляд на религию как на нечто совсем отжившее и устаревшее повсеместно пересматривается. Религия

и Церковь вновь занимают достойное место в жизни и культуре нашего общества. Человеку, особенно русскому, свойственно непреодолимое стремление к возвышенному и абсолютному, к тому, что превосходит его самого и пределы существования. Эту потребность успешно удовлетворяет религия. Отсюда ее удивительная живучесть и быстрое восстановление своего места и роли в жизни человека. Речь при этом идет не о том, что культура вновь становится в полном смысле религиозной. Это невозможно. Современная культура в целом по-прежнему остается светской и покоится в основном на науке и разуме. Однако религия вновь становится важной и неотъемлемой частью культуры, а культура восстанавливает свои исторические связи с религиозными истоками.

На Западе идея возрождения религиозных корней культуры становится актуальной в 1970-е гг. — вместе с появлением неоконсерватизма и постмодернизма. Позднее она все больше набирает силу. У России имеется гораздо больше оснований надеяться на возрождение религиозного начала в своей культуре.

Многие русские философы и мыслители не без основания говорят о «русской религиозности». По мнению Н. Данилевского, ее врожденность и глубина проявились в самом принятии и достаточно быстром распространении христианства по Руси. Все это произошло без всяких миссионеров и без всякого навязывания со стороны других государств посредством военных угроз или военных побед, как это имело место у других народов.

Принятие христианства произошло после долгой внутренней борьбы, от неудовлетворенности язычеством, от свободного искания истины и как потребность духа. Русский характер наиболее полно соответствует идеалам христианства: для него характерна чуждость насилию, мягкость, покорность, почтительность и т.д.

Религия составляла самое существенное, господствующее содержание древнерусской жизни, образуя и позднее преобладающий духовный интерес простых русских людей. Н. Данилевский говорит даже о богоизбранности русского народа, сближая его в этом отношении с народами Израиля и Византии.

Сходные мысли развивает Вл. Соловьев. К уже названным чертам русского характера он добавляет миролюбие, отказ от жестоких казней, заботу о бедных. Проявление русской религиозности Вл. Соловьев видит в особой форме выражения русским человеком чувств к своей родине. Француз в подобном случае говорит о «прекрасной Франции», о «французской славе». Англичанин

с любовью произносит: «старая Англия». Немец рассуждает о «немецкой верности». Русский человек, желая выразить свои лучшие чувства к родине, говорит только о «Святой Руси».

Высшим идеалом для него выступает не политический и не эстетический, но нравственно-религиозный. Однако это не означает полный аскетизм, полное отрешение от мира, напротив: «Святая Русь требует святого дела». Поэтому принятие христианства означало не простое заучивание новых молитв, но осуществление практической задачи: преобразование жизни на началах истиной религии.

Л. Карсавин указывает еще на одно свойство русского человека: «Ради идеала он готов отказаться от всего, пожертвовать всем». По мнению Л. Карсавина, русскому человеку присуще «ощущение святости и божественности всего сущего», как никому другому ему «нужно абсолютное».

Исторически русская религиозность находила самые разные проявления и подтверждения. Хан Батый, поставив Русь в вассальную зависимость, не решился поднять руку на веру русского народа, на Православие. Он, видимо, инстинктивно почувствовал пределы своей власти и ограничился взиманием материальной дани. Духовно Русь не покорилась монголо-татарскому нашествию, выстояла и благодаря этому вернула себе полную свободу.

В Отечественной войне 1812 г. русский дух сыграл решающую роль в достижении победы. В еще большей степени он проявил себя в Великой отечественной войне 1941—1945 гг. Только невиданная стойкость духа позволила русскому народу выдержать поистине смертельные испытания.

Русский народ принял идеалы коммунизма во многом благодаря тому, что воспринял их через призму идеалов христианства, христианского гуманизма. Об этом убедительно размышляет Н. Бердяев.

Конечно, Россия в своей истории не всегда строго следовала христианскому пути, допускала она и серьезные отклонения. Иногда в ней святость и злодейство оказывались рядом. Как отмечает Вл. Соловьев, были в ней и благочестивый изверг Иван IV, и истинный святой Сергей. Не всегда на высоте была Русская Православная Церковь. Ее часто упрекают в том, что она позволила подчинить себя светской власти, начиная с Петра I — царской, а затем коммунистической. Русское богословие упрекают в том, что оно в теоретическом плане уступает католической теологии.

Действительно, Русская Православная Церковь в течение столетий была лишена свободы, находилась под строгим контролем властей. Однако в этом не вина ее, а беда. Ради объединения Руси она сама всячески способствовала усилению ее государственности. Но получилось так, что государственная власть, став абсолютной, подчинила себе и власть абсолютного.

Русское богословие действительно не слишком преуспевало в теории, оно не предложило новых доказательств бытия Бога. Однако главная заслуга Русской Православной Церкви состоит в том, что она смогла сохранить православное христианство. Одно только это искупает все остальные ее грехи. Сохранение Православия как истинного христианства дало основание Москве претендовать на звание «Третьего Рима». И именно сохранение христианства позволяет надеяться на возрождение религиозного начала в русской культуре, на духовное выздоровление русского народа.

Этому способствует широкое восстановление и обновление храмов и монастырей в последние годы. Уже сегодня в большинстве населенных пунктов России имеются храм или церковь. Особое значение имеет восстановление Храма Христа Спасителя. Еще большее значение имеет принятие закона о свободе совести. Все это создает необходимые условия для того, чтобы каждый человек нашел свою дорогу к храму.

Весьма благоприятно складывается обстановка и для монастырей. Несмотря на имевшие место в прошлом разрушения и злоключения, более 1200 монастырей сохранились, из которых около 200 ныне действуют.

Начало монашеской жизни положили иноки Киево-Печерской лавры — преподобные Антоний и Феодосий. С XIV века центром православного монашества становится Троице-Сергиева лавра, основанная великим Сергием Радонежским. Среди всех монастырей и храмов она является главной Святыней Православия. Уже более пяти столетий Лавра выступает местом паломничества для русских христиан. Особого упоминания заслуживает также Свято-Данилов монастырь — первый монастырь на Москве, основанный князем Даниилом, сыном Александра Невского, являющийся сегодня официальной резиденцией патриарха.

Русские монастыри всегда были важными центрами духовной жизни. Они обладали особой притягательной силой. В качестве примера достаточно указать на монастырь Оптиная Пустынь, который посещали Н. Гоголь, Ф. Достоевский, Л. Толстой. Они

приходили туда, чтобы испытать из самого чистого духовного источника. Само существование монастырей и монахов помогает людям легче переносить тяготы жизни, ибо знают, что есть место, где они всегда найдут понимание и утешение.

Исключительно важное место в культурном наследии занимают русские усадьбы. Они складывались во второй половине XVIII и в XIX вв. Это были «родовые», «дворянские гнезда». Их были тысячи, осталось же десятки. Часть их была разрушена в годы революции и гражданской войны. Другая часть исчезла от времени и запустения. Многие из сохранившихся — Архангельское, Кусково, Марфино, Остафьево, Останкино, Шахматово — превращены в музеи, заповедники и санатории. Другим повезло меньше, и они нуждаются в экстренной помощи и заботе.

Роль русских усадеб в развитии русской культуры была огромной. В XVIII веке они составляли основу русского Просвещения. Во многом благодаря им XIX в. стал золотым веком русской культуры.

Уклад усадебной жизни был тесно связан с природой, земледелием, вековыми традициями и обычаями, жизнью крестьян и простого народа. Элементы высокой культуры — богатые библиотеки, прекрасные коллекции картин, домашние театры — органически переплетались с элементами народной культуры. Благодаря этому в значительной мере снимался раскол, разрыв между европеизированной культурой высшего слоя и традиционной культурой русского народа, возникший в результате петровских реформ и характерный для столиц и крупных городов. Русская культура вновь обретала свою целостность и единство.

Русские усадьбы были живыми родниками высокой и глубокой духовности. Они бережно хранили русские традиции и обычаи, национальную атмосферу, русскую самобытность и дух России. О каждой из них можно сказать словами поэта: «Там русский дух. Там Русью пахнет». Русские усадьбы сыграли важную роль в судьбе многих великих людей России. Русская усадьба оказала благотворное влияние на творчество А.С. Пушкина. В усадьбе Хмелите Смоленской области прошли юные годы А.С. Грибоедова, а позднее родился замысел «Горя от ума». Усадьба Введенское в Звенигороде имела большое значение для жизни и творчества П.И. Чайковского, А.П. Чехова.

Русские усадьбы открыли путь к вершинам искусства многим талантливым самородкам из глубин русского народа.

Оставшиеся русские усадьбы представляют собой зримое и осязаемое прошлое России. Они являются живыми островками подлинной русской духовности. Их восстановление и сохранение составляет важнейшую задачу в деле сохранения культурного достояния. Успешному ее решению будет способствовать воссоздаваемое «Общество изучения русской усадьбы», которое существовало в 20-е гг. (1923—1928).

К задаче сохранения русских усадеб тесно примыкает другая не менее важная задача — возрождение и развитие малых городов России.

В настоящее время их насчитывается более 3 тысяч с населением около 40 млн человек. Как и усадьбы, они воплощали истинно русский уклад жизни, выражали душу и красоту России. Каждый из них имел неповторимый, уникальный облик, свой стиль жизни. При всей своей скромности и непритязательности малые города были щедрыми на таланты. Из них вышли многие великие писатели, художники и композиторы России.

Вместе с тем в течение долгого времени малые города находились в забвении и запустении. В них угасла активная, созидательная и творческая жизнь, они все больше превращались в глухую провинцию и захолустье. Теперь ситуация постепенно меняется и малые города вновь оживают.

Разработаны комплексные программы возрождения историко-культурной среды таких древних русских городов, как Зарайск, Подольск, Рыбинск и Старая Русса. Из них наиболее благоприятные перспективы у Старой Руссы. В этом городе жил Ф.М. Достоевский и сохранился его собственный дом. В этом городе имеются также грязевый курорт и исторические памятники. Все это позволяет Старой Руссе стать притягательным туристическим, культурным и оздоровительным центром. Близость к Новгороду усилит ее культурную значимость.

Примерно то же самое ожидает и остальные упомянутые города. Накопленный на их возрождении опыт послужит основой для разработки проектов обновления других малых городов России.

Особое место в охране культурного наследия занимают народные художественные промыслы и ремесла. Вместе с фольклором они составляют народную культуру, которая, будучи важнейшей частью всей национальной культуры, с наибольшей силой выражает ее самобытность и неповторимость. Россия издревле славилась великолепными изделиями художественных промыслов и ремесел.

К числу древнейших из них относится русская деревянная игрушка, центром которой является Сергиев Посад. Именно здесь родилась известная во всем мире матрешка. Такой же древней является холмогорская резьба по кости. Используя технику низкого рельефа, холмогорские косторезы создают уникальные произведения декоративного искусства — гребни, кубки, ларцы, вазы. Не менее долгую историю имеет хохломская роспись. Она представляет собой декоративную роспись растительным узором на деревянных изделиях (посуда, мебель) красными и черными тонами и золотом.

Широкое распространение в России получила миниатюра. Один из известных ее центров находится в с. Федоскино Московской области. Федоскинская миниатюра — живопись маслом на лаковых изделиях из папье-маше. Рисунок выполняется в реалистической манере на черном лаковом фоне. С федоскинской перекликается палехская миниатюра, представляющая собой живопись темперой на лаковых изделиях из папье-маше (коробки, шкатулки, портсигары, украшения). Для нее характерны яркие краски, плавный рисунок, обилие золота.

Заслуженную известность в России и за рубежом получила гжельская керамика — изделия из фарфора и фаянса, покрытые синей росписью.

Упомянутые, а также другие художественные промыслы и ремесла в целом продолжают свою жизнь и деятельность, хотя и с разной степенью успеха и уверенности в будущем.

Вместе с тем все они нуждаются в серьезной помощи. Многие из них требуют существенной реконструкции, результатом которой должно стать создание современных условий труда для народных умельцев и творцов. Некоторые из них нуждаются в возрождении и восстановлении. Дело в том, что с течением времени эти промыслы и ремесла претерпели существенные изменения: они были слишком осовременены. Изменена была тематика и сюжеты, нарушена технология, искажена стилистика.

С наступлением 1990-х гг. ситуация с культурным наследием усложняется и ухудшается. Дело в том, что культурная политика постсоветской России претерпела существенные изменения. В прошлом культурная политика России (царской и советской) опиралась в основном на французскую модель, в которой главную роль играет государство. Культурная политика постсоветской России опирается преимущественно на американскую модель, которая отвергает вмешательство государства в культурную

жизнь. При таком подходе произошло значительное уменьшение расходов на культуру в целом и на сохранение культурного наследия в частности. По данным Министерства культуры, в 2007 г. «из федерального бюджета выделяется всего 15% средств, необходимых для содержания объектов культурного наследия»¹. К тому же и без того более чем скромные расходы имеют тенденцию к сокращению. В 2010 году Министерство культуры утвердило список поселений, имеющих статус «исторические», в котором количество поселений, по сравнению со списком 2002 г., сокращено более чем в 10 раз: теперь в нем всего 41 населенный пункт.

Резкое сокращение финансирования вызвало и обострило вопрос о приоритетах, решение которого было вполне ожидаемым: «превалирующими оказались политические приоритеты: стали поддерживать только то, что полезно для формирования либеральной государственности»². Такая культурная политика поставила в сложное положение все области культуры и культурное наследие. В наиболее сложном и трудном положении оказалось культурное наследие, связанное с советским периодом, особенно с советским архитектурным авангардом, судьба которого сложилась весьма драматично и даже трагично.

Советский авангард стал прямым продолжением русского авангарда, который во многом сформировался еще до Октябрьской революции (1910—1917), испытал влияние западного авангарда — французского кубизма и фовизма, итальянского футуризма и немецкого экспрессионизма, оказав в свою очередь огромное и даже определяющее влияние на весь западный авангард. Основными его течениями стали кубофутуризм и супрематизм. Первый наиболее ярко проявил себя в поэзии, главными его представителями были В. Маяковский и В. Хлебников.

В. Маяковский обрушился с резкой критикой на классическое искусство, выступил с решительной реформой поэтического языка. Предложенный им новый язык отличается яркой экспрессивностью, он наполнен глубоким драматизмом, мощным энергетизмом и острым динамизмом. Маяковский провозгласил диктатуру формы, хотя стремился наполнить свои произведения

¹ Государственная поддержка культуры в России : научный доклад / Т.В. Абакина, Е.В. Куштанова, В.В. Романова, Б.Л. Рудник. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 42.

² Селезнева Е.Н. Культурное наследие и культурная политика России 1990-х гг. (теоретико-методологические проблемы). М. : Рос. Ин-т культурологии, 2003. С. 5.

актуальным смыслом. Его творчество оказало большое влияние на отечественную и мировую поэзию.

В. Хлебников пошел еще дальше. Он стал одним из самых радикальных реформаторов поэтического языка. Хлебников выдвинул концепцию сверхрационального, «заумного сверхязыка», путь к которому предполагает разрушение классического стиха, отказ от рационального слова-понятия, максимальное сближение науки и поэзии, смелый эксперимент. Он далеко выходил за рамки поэзии и искусства, разрабатывал идею переустройства мира. Как и А. Блок, он рассматривал революцию как историческое возмездие за прошлое и прорыв к радикальному переустройству Вселенной на новых началах. В. Хлебников также оказал большое влияние на мировую поэзию.

К русскому авангарду принадлежали также В. Кандинский, М. Шагал, П. Филонов, представлявшие живопись. В. Кандинский развивает свой вариант нефигуративной, неклассической живописи, испытывая влияние экспрессионизма и называя ее абстрактной, которую также называют абстракционизмом. В своем творчестве он стремится найти «новые», «вечные» и «чистые формы», выявить «чистый язык» живописи. Вместе с тем он не решается полностью отказаться от предмета, полагая, что это обеднило бы выразительные средства живописи. Концепция Кандинского включает идею синтеза искусств (живописи, поэзии и музыки), примат духовности, а также поиск новых выразительных средств, среди которых особая роль принадлежит цветовому пятну, линии и декоративной орнаментальности. В. Кандинский приобрел широкую известность и влияние на мировое искусство.

М. Шагал также не решается на полный разрыв с традиционной живописью. В своем творчестве он соединяет ее с неопрimitивизмом и экспрессионизмом, испытывая влияние кубизма, футуризма и сюрреализма. В 1922 году М. Шагал уехал из России во Францию.

П. Филонов разрабатывает оригинальную концепцию «аналитического искусства», опираясь на столь же оригинальную теорию «органической формы». Он испытывает влияние экспрессионизма и кубофутуризма, использует язык геометрических форм, но при этом не отказывается от фигуративности. Новизна его метода состоит в том, что входящие в его картины элементы и формы органически зависимы между собой, они как бы «вырастают» друг из друга. Творчество П. Филонова также получило мировую известность.

Особого выделения в русском и советском авангарде заслуживает творчество К. Малевича, создавшего супрематизм, первым произведением которого стал знаменитый «Черный квадрат на белом фоне» (1915). К супрематизму примкнуло большинство кубофутуристов. Он имел общетеоретическое значение и стал поворотным пунктом для всего авангарда, включая зарубежный.

К. Малевич определяет супрематизм как «абсолютное», «чистое», «беспредметное творчество», «чисто живописное искусство красок», «творчество самоцельных живописных форм»¹. То, на что не решались кубофутуристы и Кандинский, он делает без колебания, избавляя живопись от предмета, сюжета, смысла и содержания. Малевич вполне понимает, что искусство отстает от стремительного прогресса науки и техники. Поэтому, полагает он, на данном этапе создание бессюжетных и беспредметных, чисто живописных пластических форм становится главной и единственной целью.

Современный художник должен изобретать абсолютно новые «знаки-формы», оставляя заботу о предметности и здравом смысле фотографии и кинематографу. Малевич провозглашает «первенство цвета над вещью». Самоценное в живописи заключается для него в цвете и фактуре. Вместе с тем, отвергая реализм старого мира, он называет супрематизм «новым живописным реализмом», или «реализмом живописности»².

Эволюция супрематизма продолжалась недолго — всего 4 года (1915—1919), сначала в рамках русского авангарда, а затем — советского. Практически все авангардисты, включая К. Малевича, с воодушевлением приняли идеи и саму Октябрьскую революцию. Сам он в последний период экспериментирует с исчезающими и возникающими живописными планами, исследуя сами пределы существования живописи, и, наконец, создает «Белый квадрат на белом фоне» (1918), свидетельствующий об абсолютном освобождении цвета и полном растворении формы.

В этом произведении К. Малевич достигает своей наивысшей точки, после которой следующий шаг был бы для живописи движением в «белую бездну», «бесконечное белое», в небытие. Он делает этот шаг, отказываясь от живописи в пользу философско-теоретических размышлений, считая, что на данной стадии супрематизма вопрос о живописи отпадает, что «живопись давно изжита, и сам художник — предрассудок прошлого».

¹ Малевич К. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. М.: Гилея, 1995. С. 50.

² Там же

Отход К. Малевича от живописи не был поддержан его последователями. Он оказывается в изоляции и уезжает из Москвы в Витебск, где организует группу «Уновис» (Утвердители нового искусства, 1920—1922 гг.). Эволюция прежнего супрематизма завершается, он становится утилитарным и трансформируется в два течения — конструктивизм и производственное искусство. Теперь главным течением в советском авангарде становится конструктивизм, который получает наибольшее свое развитие в архитектуре. Именно судьба советского архитектурного авангарда вызывает сегодня наибольшее беспокойство.

Как особое направление конструктивизм возник в начале 1921 г. Признанным его основателем считается В. Татлин, который первые шаги в этом направлении сделал гораздо раньше, когда заявил о себе серией рельефов и контррельефов (1914—1916). Он создал их под влиянием французского кубизма, но в них было существенное отличие: они были построены из чистых геометрических форм. Они уже несли в себе суть конструктивизма, в котором прежние понятия формы и содержания уступают место понятиям конструкции и материала. Форма остается, но она сближается и рассматривается через конструкцию. Точкой отсчета можно считать макет Памятника III Интернационала (1919—1920), или знаменитую Башню Татлина, которая органически объединяет архитектурные, скульптурные и живописные принципы.

Значительный вклад в становление конструктивизма внес К. Малевич, который в начале 1920-х гг. проводил формальные эксперименты с абстрактными геометрическими фигурами, разновидностью которых выступали так называемые архитектоны и планиты, представляющие собой первые в мировой практике архитектурные проекты с использованием геометрических объемно-пространственных композиций. В том же направлении шли поиски Л. Лисицкого, который в 1920 г. начал разрабатывать «Проуны» (проекты утверждения нового), означавшие композиции геометрических форм, способные трансформироваться в многомерные пространства.

Особая роль в становлении раннего конструктивизма принадлежит проектам братьев Весниных 1923—1925 гг. Первый из них — проект Дворца труда, во многом определил дальнейший путь развития советской архитектуры. Настоящим творческим открытием признан проект здания «Ленинградская правда». Успешными стали и последующие проекты, которых было шесть. Все они «за-

ложили основу архитектурного конструктивизма как самостоятельного художественного течения»¹.

Теория конструктивизма находилась главным образом в руках М. Гинзбурга, он изложил ее в книге «Стиль и эпоха» (1924). Проследив эволюцию стилей в мировой архитектуре, он останавливается на роли потребностей определенных слоев в становлении стиля, на соотношении конструкции и формы, отмечая при этом, что иногда форма становилась излишне декоративной, тогда как предпочтительней была бы гармония. Гинзбург определяет конструктивизм как «одну из граней современной эстетики», «одну из особенностей, входящих в характеристику нового стиля»².

В последней главе М. Гинзбург раскрывает пять характерных черт, которые проявляются во всех видах строительства — промышленном, жилом и общественном. Согласно первой из них, архитектор отказывается от «безудержных творческих фантазий», поскольку новый стиль направляет его внимание прежде всего «на использование и организацию житейски-утилитарного материала с наиболее сжатой выразительностью, с наименьшей затратой человеческой энергии»³. Примером в этом плане могут служить инженерные и промышленные сооружения.

Вторая черта как бы напоминает архитектору о том, что, «имея дело с прозаическими сторонами жизни, приближаясь к мастеру и конструктору, архитектор неизбежно должен заразиться от них их методом работы». И тогда он будет чувствовать себя «не декоратором жизни, а ее организатором»⁴.

Третья черта связана с тем, что под влиянием нового метода началось изживание старого классического архитектурного мышления. Так что «архитектурные памятники, оголенные, очищенные от блестящей и поверхностной одежды, предстали во всей прелести и неожиданной остроте художественного аскетизма»⁵.

Четвертая черта указывает на то, что рационализм и современная техника ведут к новым возможностям и серьезным последствиям. Речь идет «о стандартизации строительного произ-

¹ Хан-Магомедов С.О. Конструктивизм — концепция формообразования. М.: Стройиздат, 2003. С. 465.

² Гинзбург М.Я. Стиль и эпоха. Проблемы современной архитектуры. М.: Государственное издательство, 1924. С. 123.

³ Там же. С. 138—139.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Там же. 142—143.

водства, о массовом изготовлении машинным путем отдельных деталей архитектуры, отдельных составных частей ее»¹.

Наконец, пятая черта свидетельствует о том, что масштаб современного строительства с использованием стандартизации уже превосходит масштаб традиционной архитектуры. Достигнут другой масштаб — «масштаб градостроительства в своем самом широком пределе»².

Книга М. Гинзбурга дает всестороннее и глубокое представление о конструктивизме, она была названа «своеобразным теоретическим манифестом раннего архитектурного конструктивизма»³. В последующих работах М. Гинзбурга и других представителей направления концепция конструктивизма получила дальнейшее развитие.

Творчество К. Мельникова занимает исключительное место в эволюции конструктивизма. Вершиной новой, авангардной архитектуры стал павильон СССР на Международной выставке декоративных искусств в Париже в 1925 г., автором которого является К. Мельников. Советский павильон выделялся всем и притягивал всех. Другие страны вместо павильонов строили дворцы. У нас был именно павильон, и он получил Гран-при. С этого момента советский авангард в архитектуре получает широкое международное признание. Во всем мире к нему проявляют растущий интерес, в Советский Союз приезжают многие ведущие архитекторы мира. Отныне архитектура СССР является частью мирового движения за обновление архитектуры. На все последующие годы «советский авангард придаст международным выставкам определенный стиль, сочетающий динамизм, легкость, простоту и изящество форм»⁴.

Парижский павильон К. Мельникова становится точкой отсчета для новой архитектуры, свидетельствующей о том, что в современной архитектуре произошел решительный поворот. Почти все проекты К. Мельникова (их 14) были осуществлены. Среди них — дом культуры им. Русакова (1927); клуб завода «Каучук» (1927—1929); дом-мастерская Мельникова (1927—1929).

¹ Гинзбург М.Я. *Стиль и эпоха. Проблемы современной архитектуры*. М. : Государственное издательство, 1924. С. 146.

² Там же. С. 148.

³ Хан-Магомедов С.О. *Конструктивизм — концепция формобразования*. М. : Стройиздат, 2003. С. 478.

⁴ Копп А. *Ville et revolution: Architecture et urbanisme sovietiques des années vingt*. Deuxième édition. Paris : Anthropos, 1969. С. 70

Архитектора называли «русский Гауди», он остался «великим русским архитектором современности». Его столетний юбилей ЮНЕСКО отметила тем, что объявила 1990 г. — годом К. Мельникова.

Подтверждением того, что международное положение советского архитектурного авангарда коренным образом изменилось, стала Первая выставка современной архитектуры РСФСР (1927). Сначала эта выставка задумывалась и организовывалась как внутреннее мероприятие — в связи с 10-летием советской власти. Однако фактически она стала международной. В ней участвовали архитекторы многих стран — Франции, Германии, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Чехословакии, Польши. Несмотря на всевозможные пограничные кордоны и препоны, которые устроила послевоенная Европа, многие европейские архитекторы показали свою настоящую и глубокую верность идеям новой, современной архитектуры, проявили исключительный интерес и доброжелательность к новой Советской России, а также к ее архитекторам. Это сделали ведущие архитекторы. Таковых оказалось более 20. Среди них — А. Люрса (Франция), Г. Геврекиан (Франция), Р. Малле-Стевенс (Франция), В. Гропиус (Германия), М. Таут (Германия), Гофман (Германия), Л. Ван дер Флюгт (Голландия), Г. Ритвелд (Голландия), Я. Ауд (Голландия), М. Гаспар (Бельгия), Г. Людеке (Бельгия), Г. Майер (Швейцария), Я. Крейцар (Чехословакия), И. Крога (Чехословакия), П. Козинский (Польша), А. Каринский (Польша). Отдельно был представлен Баухауз.

После работы выставки и происходивших на ней контактов и дискуссий вполне можно было сделать вывод о том, что Советская Россия является не только полноправным участником международного движения за новую архитектуру авангарда: Россия, Франция, Германия, Голландия. Фактически Россия становится ведущим участником этого движения.

В 1925 году начинается второй, зрелый и последний период эволюции и развития советского архитектурного авангарда. Он продолжался недолго, примерно семь лет: 1925—1932 гг. На этот период приходится расцвет творчества еще одного гениального русского архитектора — И. Леонидова. Он был лучшим и любимым учеником А. Веснина, испытал влияние Мис ван дер Роэ, на которого затем в свою очередь оказал влияние. И. Леонидов сочетал в себе художника-архитектора, творца-изобретателя и мыслителя. Он был признанным творческим лидером кон-

структивизма. Ле Корбюзье в 1929 г. назвал его «поэтом и надеждой архитектурного конструктивизма».

Судьба по отношению к И. Леонидову была не слишком щедрой. В отличие от К. Мельникова и других влиятельных архитекторов И. Леонидов практически не смог осуществить ни одного из своих замыслов и проектов в полном виде. Более того, фактически все его проекты 1927—1930 гг. не сохранились ни в оригиналах, ни в фотографиях. Вместе с тем в те же годы он создал более десяти проектов, половина из которых были признаны шедеврами.

Уже дипломный проект Института Ленина в Москве (1927) отмечен новизной и оригинальностью. Главная аудитория института представлена в нем в виде большого шара, поднятого над землей на ажурных металлических конструкциях. Другие элементы образуют с ней единую объемно-пространственную композицию. В построении своей конструкции автор стремится выявить художественные свойства предельно лаконичной формы здания, обращается к простым геометрическим объемам.

Проект клуба нового социального типа (1928) входит в тему, которой И. Леонидов уделяет особое внимание. По его мнению, клуб должен предоставлять максимальные возможности для всестороннего развития человека. Поэтому он представляет собой крупный, многоцелевой культурно-парковый комплекс, включающий библиотеку, игровые комнаты, спортивный зал и спортивные площадки, парк и т.д. Место традиционного театрального зала занимает зал нового типа, который можно трансформировать для проведения любых действий. Все это позволяет сделать отдых активным и эффективным.

В проекте социалистического расселения Магнитогорска (1930) Леонидов выступает уже как градостроитель. Он разрабатывает свой вариант города-линии, располагая его вдоль магистралей, идущих от промышленной зоны. В нем не должно быть периметральной застройки, улиц-коридоров и дворов. Город как бы «врезается» в зеленый массив, контрастируя с ним геометричностью своей планировки, в которой ритмически чередуются разные зоны, включая рационально организованную сеть обслуживающих учреждений.

Одна из заслуг И. Леонидова состояла в том, что своими творческими поисками и открытиями он во многом отвел от конструктивизма опасность его канонизации, превращения в некий «конструктивный стиль», состоящий из набора приемов, кано-

нов и штампов, придавая «второе дыхание формообразующим и стилеобразующим потенциям конструктивизма»¹.

Проект Дворца культуры (1930) стал завершающим, поскольку Леонидов отошел от программы конкурсов. В нем он развивает идеи своего проекта «Клуба нового социального типа». Проект Дворца культуры стал предметом резкой критики со стороны «пролетарских архитекторов», недооценивающих экспериментальное проектирование. В конце 1930 г. был организован диспут о «леонидовщине», на котором работу Леонидова объявили проектерской, утопической и фантастической. Его положение стало сложным и даже критическим.

Примерно в таком же положении, особенно после объявления в 1932 г. конкурса на проект здания Дворца Советов, оказался весь советский авангард в архитектуре, хотя некоторое время он еще существовал. В 1937 году, когда были объявлены результаты конкурса на здание Дворца Советов, архитектурный авангард был официально осужден. Примерно на 20 лет (1935—1955) его вычеркнули из истории советской архитектуры. Он ушел в забвение.

История отвела советскому архитектурному авангарду короткий период: двадцатые годы XX в. Примечательно, что западный архитектурный авангард активно развивался в те же двадцатые годы. Поэтому их вполне можно сравнивать и сопоставлять, хотя условия у них были разные: в индустриальном и экономическом отношении Россия отставала. Тем не менее Хан-Магомедов С.О. насчитывает «27 приоритетов советского архитектурного авангарда»², которые охватывают все основные области: концепции формообразования; собственно, архитектура; градостроительство. Автор при этом уточняет, что «ограничил перечень приоритетов советского архитектурного авангарда только выдающимися творческими открытиями, ...хотя на самом деле таких приоритетов намного больше»³.

В этом теоретическом плане достижения европейского авангарда в архитектуре представляются более скромными. В той или иной мере зарубежные авторы признают такое соотношение. Так, французский исследователь А. Копп отмечает, что «все ис-

¹ Хан-Магомедов С.О. Конструктивизм — концепция формообразования. М.: Стройиздат, 2003. С. 526.

² Русский авангард 1910—1920-х гг. в современном контексте / отв. ред. Г.Ф. Коваленко. М.: Наука, 2000. С. 216.

³ Там же. С. 217.

следования советских архитекторов имели значительное влияние на Западе», что «Баухауз» и его формальная и концептуальная идеология, главные исследования Ле Корбюзье и итальянских футуристов, как и голландский «Стиль», — все они имели свои корни в нескольких страницах советских архитектурных журналов двадцатых-тридцатых годов»¹.

Такое же соотношение наблюдается и в практическом плане.

Отметим, что в рассматриваемый период в Европе новая, модернистская архитектура, основанная на использовании новой техники, новых материалов и технологий, остается далеко не ведущим направлением. Широкая публика ее не понимает и не воспринимает. Официальные органы и представители делового мира не проявляют к ней достаточного интереса, они смотрят на нее равнодушно или настороженно. Возникшие авангардные движения — «Новый дух» во Франции, группа «Стиль» в Голландии, «Баухауз» в Германии — выражали новые идеи, которые в архитектуре и других пластических искусствах ставили под вопрос все наследие прошлого. Однако в ведущих европейских странах эти движения наталкивались на сильное противодействие как со стороны правящих кругов, так и в академиях, архитектурных школах, среди многих архитекторов. Поэтому сторонники этих движений вынуждены были вести борьбу за то, чтобы достижения новой архитектуры могли увидеть свет. Следует также отметить, что эти достижения, чаще всего, оказывались результатом особых обстоятельств, а большинство проектов никогда не было осуществлено.

Дело в том, что в Западной Европе целью публичных властей и влиятельных кругов было не преобразование мира, но его сохранение в том же виде и в тех же структурах. Отсюда страх и даже враждебность по отношению к архитектуре, которую часто называли «большевистской архитектурой». Поэтому до Второй мировой войны у известных и ставших затем знаменитыми архитекторов постройки в духе новой архитектуры были единичными и исключительными. Только Э. Мэй в Германии и несколько голландских архитекторов смогли осуществить больше одного объекта новой архитектуры. Ле Корбюзье в этот период построил во Франции лишь несколько частных домов и вилл. Отчасти, видимо, поэтому он охотно — трижды (1928, 1929,

¹ Копп А. Ville et revolution: Architecture et urbanisme sovietiques des années vingt. Deuxième édition. Paris : Anthropos, 1969. С. 4.

1930) — приезжал в Москву с профессиональными целями, построив при участии архитектора Н. Колли известный дом Центросоюза (1928—1935).

Новые ожидания пробуждала Россия, где после Октябрьской революции ситуация стала совсем другой. Целью новой власти было построение нового, социалистического общества, которому нужны были новая архитектура и новый город. Для этого сразу были приняты фундаментальные меры, касающиеся отмены частной собственности на землю, воду и леса, а также на недвижимость. Так были созданы необходимые объективные условия, благоприятные для расцвета градостроительства.

Конечно, образ будущего города, который представляли себе архитекторы-авангардисты, во всем мире был более или менее похожим. Однако эти сходства в основном касались формы, используемых техник и технологий, тогда как в своей фундаментальной основе на Западе новый город оставался старым городом, поскольку порядок вещей по-прежнему оставался старым порядком. Хотя большинство новых западных архитекторов отмечало и подчеркивало значение социального аспекта архитектуры, ничего существенного это не меняло: их архитектура, чтобы перейти из области идей, замыслов и проектов в область реализации, должна была вписываться в существующее общество, оставляя его таким, каким оно было. Отчасти поэтому их будущий город в социальном и политическом плане оставался неопределенным. Сторонники новой архитектуры в Западной Европе ставили акцент на неадекватности новых техник формам прошлого, настаивали на абсурдности старого города, на его отсталости по отношению к возможностям современной науки и техники и т.д.

Действительно новое общество рождалось в России, где старый порядок был полностью разрушен. Но это была отсталая страна, в которой около 80% населения было занято в сельском хозяйстве. «Россия, в которой архитекторы готовились строить будущий город (а не мечтать о нем), не была дочерью техники и духа рационализма. Но она была прежде всего дочерью социалистической революции, которая смела старый порядок»¹.

Самое существенное состояло в том, что для авангарда советских архитекторов 1920-х гг. архитектура выступала сред-

¹ Копп А. Ville et revolution: Architecture et urbanisme sovietiques des années vingt. Deuxième édition. Paris : Anthropos, 1969. С. 20.

ством, рычагом, оружием в достижении высокой цели: нового общества и нового человека. Это новое общество и этот новый человек не могли формироваться в старых человеческих жилищах, построенных по образу старого общества. Для этого требовались особая среда обитания, новое жилище, которые задумывались не просто как отражение, как «перевод» нового общества в материальную конструкцию. Эту среду обитания и это жилище надо было создать сразу же, изначально, поскольку именно в них старый человек будет становиться новым человеком¹.

Так разрабатывалась и утверждалась новая концепция роли архитектуры и человеческого жилища: и отражение нового общества, и форма, в которой это общество формируется. Новое жилище, новая архитектура задумывается как некий «ортопедический аппарат, предназначенный для того, чтобы выправлять, преобразовывать, улучшать человека»². Эта новая архитектура получает наименование «социальный конденсатор», внутри которого должны происходить необходимые мутации. Главными его формами выступали рабочий клуб и жилище, которые дополнял новый город. Хотя неосуществленных проектов было больше, чем осуществленных, многое удалось сделать, причем сделать это в кратчайшие сроки, несмотря на экономическую, технологическую и культурную отсталость. В определенном смысле можно сказать: «то, что мировая авангардная архитектура прошла с войны 1914—1918 гг. до наших дней, советская архитектура прошла менее чем за восемь лет»³.

Вместе с тем допущенные ошибки и просчеты, такие как забегание вперед, переоценка активной роли архитектуры, недооценка социальной пассивности массы людей и возможностей противодействия сторонников традиционной архитектуры, которые доминировали, — все это привело к тому, что новое направление в архитектуре потерпело неудачу. Победу одержал неоклассицизм или «сталинский ампи́р». Перелом произошел в 1932 г. Примерно на два десятилетия советский архитектурный авангард оказался в забвении.

С середины 1950-х гг. наблюдается некоторое оживление интереса к советскому авангарду в архитектуре, которое имеет оча-

¹ *Kopp A.* Ville et revolution: Architecture et urbanisme sovietiques des années vingt. Deuxième édition. Paris : Anthropos, 1969. С. 20.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 26.

говый характер. В качестве примера можно указать на жилой комплекс 1960-х гг. в Химках — Ховрино, а также на проект дома «Лебедь» (1960—1970-е гг.) на Ленинградском проспекте, который относят к элитному советскому жилью. Интересным представляется так называемый Дом нового быта (ДНБ) конца 60-х гг. на улице Шверника в Москве, который включал два 17-этажных корпуса, предназначался для небольших семей и во многом перекликался с домом-коммуной 20-х гг. С 1971 года этот комплекс становится Домом аспиранта и стажера (ДАС) МГУ имени М.В. Ломоносова. Однако в общем возникшая тенденция не получила должного развития и в 80-е гг. фактически заглохла.

С наступлением 90-х гг. в связи с распадом СССР в культурной политике постсоветской России происходят существенные изменения, которые сказываются и на отношении к культурному наследию в целом, и к наследию архитектурного авангарда в особенности.

Отношение новой власти к наследию советского авангарда в архитектуре можно назвать прохладным, поскольку это наследие является прежде всего советским. «Тот ветер экспериментирования, который дул в начале коммунистической эпохи, уже не по вкусу новой русской элите»¹. Примером в этом плане может служить судьба водонапорной башни завода «Красный гвоздильщик» (1929—1931) в Ленинграде, построенной по проекту признанного архитектора Я.Г. Чернихова, которого называли «советским Пиранези». Сегодня эта башня находится в полуразрушенном состоянии, но даже в таком состоянии она поражает красотой формы, геометрией линий, внутренней силой и динамикой. Всем своим видом она как бы бросает вызов времени.

Еще более ярким примером является силовая станция трикотажной фабрики «Красное Знамя» (1926—1928) в Ленинграде, построенная по проекту немецкого архитектора Э. Мендельсона. Ле Корбюзье и Э. Мендельсон стали двумя самыми знаменитыми в мире архитекторами, участвовавшими в строительстве советского социализма. Концепция немецкого архитектора соединяла экспрессионизм, функционализм и конструктивизм. Впечатляющая силовая станция снабжала электричеством большой промышленный комплекс. Она предстает воплощением силы, мощи и энергии. Станция вызывает образ всемогущего корабля, который тянет

¹ *Malling J.* Les bijoux de l'architecture constructiviste sombrent dans l'oubli // Manière de voir. Numéro 138. Décembre 2014 — janvier 2015. С. 64.

за собой всю промышленность. В то же время она воспринимается неким храмом тяжелой промышленности. Творение является настоящим шедевром, хотя оно было признано не сразу. Однако потом его стали называть «классическим образцом новой архитектуры». Оно также стало одним из символов советской индустриализации. В настоящее время силовая станция давно бездействует, стоит пустой и полуразвалившейся. Войти в нее нельзя, поскольку станция может разрушиться. Она уже приватизирована. После этого обычно следует разрушение и ликвидация. С помощью бульдозеров очищается и подготавливается новая строительная площадка, на которой воздвигается жилищный комплекс из высотных зданий с культурно-развлекательным центром.

Особого выделения заслуживает Тракторная улица (1925—1927) — жилой массив для рабочих Нарвской заставы в Ленинграде, который построили архитекторы А. Гегелло, А. Никольский, Г. Симонов. При его создании изучался передовой зарубежный опыт, для чего в Германию и Швецию был командирован Г. Симонов. Это был первый опыт типизации жилого строительства на рабочей окраине города. Его стилистика отчасти была переходной, наряду с конструктивизмом она включала элементы неоклассицизма. Застройка имела удачную планировку и представляла собой целостный ансамбль. Она была разноэтажной, ее отличали четкость пространств и объемов, лаконичность и обобщенность форм, динамика композиции, пластическая экспрессия. Дома имели оригинальные балконы и элегантные полуарки между угловыми домами. Учитывался экологический аспект: максимальное солнечное освещение жилых помещений. Комплекс включал школу, дом культуры, стадион, большой магазин, рабочую столовую. Многие сохранились до наших дней, в домах живут люди, хотя изменений и обновлений могло бы быть больше. Вместе с тем от самой фабрики осталось совсем немного: кусок трубопровода, случайно и бесполезно висящий на кирпичной кладке с обвалившейся штукатуркой.

Интересным представляется эволюция города-сада (другое название «поселок художников») на Соколе в Москве (1923), который как город является небольшим, но значение имеет большое. Он стал первым жилищным кооперативом и первым воплощением авангардистской концепции города будущего. Для него характерны и другие важные черты такого города.

Он имеет свободную планировку, в нем нет улиц-коридоров, дома построены по индивидуальным проектам, благодаря высоко-

му уровню озеленения он действительно является садом. К началу 1930-х гг. поселок имеет детский сад, библиотеку, спортплощадку, два магазина, столовую. Позднее создается оригинальная детская площадка. В 1979 году поселок получает статус памятника градостроительства и ставится под защиту государства. С конца 1980-х гг. городок вступает в рыночные отношения, он переходит на самоуправление и самофинансирование. Вместе с тем общая ситуация ухудшается. В период 90-х и 2000-х гг. на территории поселка незаконно выросло около 30 особняков, и некоторые из них нарушают архитектурную целостность поселка. Возникли скандалы, проводились разного рода проверки и разбирательства, однако добиться сноса новоделов не удалось. Усиливаются попытки ликвидировать поселок художников в его прежнем качестве.

Вышесказанное дает основание сделать вывод, что в постсоветской России архитектура советского авангарда оказывается беспризорной, неприкаянной, чужой и ненужной. Фактически она поставлена вне культурного наследия. Она уже пережила уход в забвение, теперь над нею нависла опасность ухода в небытие. «Архитектура советского авангарда 1920-х гг., кажется, обречена на упадок и даже разрушение»¹. Сходную мысль выражает английский фотограф Р. Паре. В течение 10 лет (1992—2002) он совершил 8 поездок по России, сделал около 10 тыс. снимков объектов советского авангарда, отмечая, что многие из них находятся в плачевном состоянии, разрушаются. По результатам поездок он составил альбом из 80 фотографий, назвав его «Потерянный авангард: советская модернистская архитектура. 1922—1932».

В целом сохранение культурного достояния в современном мире становится все более сложным и острым. Эта проблема требует постоянного внимания. Без преувеличения можно сказать, что об уровне развития культуры того или иного народа следует судить по тому, как он относится к своему культурному наследию. Сохраняя прошлое, мы продлеваем будущее.

¹ *Malling J.* Les bijoux de l'architecture constructiviste sombrent dans l'oubli // *Manière de voir.* Numéro 138. Décembre 2014 — janvier 2015. С. 64.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ¹

Мировое геополитическое пространство в последнее десятилетие подвержено системным изменениям. Однополярный мир, который был выстроен в результате Холодной войны, стремительно меняется, что заставляет менять не только стратегии, но и ценностные основания внешней и внутренней политики. Эти процессы актуализируют значение культурной политики, которая в современной России может стать как фактором нестабильности, так и основой гармонизации и консолидации общества. Нет сомнений, что именно культура лежит в основе национальной идентичности и социального взаимодействия в обществе. Обычно сферу культуры связывают с прошлым, а экономику с будущим, однако в XXI в. именно культура определяет те парадигмы, которые формируют основу гражданского общества. Поэтому современной России необходима государственно-ориентированная культурная политика, учитывающая не только национальные и конфессиональные особенности, но и создающая основу консолидации страны на политико-культурном уровне, созданном геополитической конъюнктурой сегодняшнего дня.

Ни у кого не вызывает сомнений, что чувство национального единства формируется посредством создания единого культурного пространства (языка, религии, традиций, осмысления общей истории и судьбы). Следовательно, развитие и стабильность того или иного государства напрямую зависит от того, насколько государство готово взять на себя функции построения коллективной национальной идентичности, и главным инструментом в этом выступает именно культурная политика.

Культурная политика — это деятельность государственных структур, обеспечивающая планирование, реализацию и функци-

онирование культурной жизни общества. Сущность культурной политики обусловлена самой природой культуры, а именно многозначностью, многоуровневостью смыслов и многофакторностью содержания, что нельзя не учитывать, выстраивая культурную политику на государственном уровне. Советский Союз, а вслед за ним и Россия никогда не формировали свою политику по принципам мультикультурализма, так как изначально наша страна создавалась как многонациональная и многоконфессиональная, и народы, входящие в ее состав, строили государство и определяли культуру как равноправные и равноценные партнеры, что было задекларировано в основополагающих государственных документах. Геополитическая парадигма противостояния двух мировых держав диктовала необходимость формирования цельного, идейно сплоченного государства, и культурная политика определялась такими идеологическими концептами. И хотя культурная политика СССР характеризовалась излишней схематичностью, прямолинейностью, административно-командными методами, была построена на механизмах агитации и пропаганды и определялась Идеологическим отделом ЦК КПСС, однако в ней были понятные большинству граждан ориентиры: всеобщая грамотность, общедоступность и бесплатность образования, политика просвещения и ориентации на классическое искусство, государственная поддержка искусства и всей системы культурных учреждений.

Культурная политика России в постсоветский период, определяемая новыми либеральными лидерами, которые действовали в условиях новой геополитической конъюнктуры, отличается тотальным пересмотром базовых идеологических и ценностных ориентиров и поиском новых концепций развития. 90-е годы сопровождались полным хаосом и сломом основных принципов советской культурной политики и откровенно антисоциальными реформами, что вполне укладывалось в принципы построения нового мирового порядка. С начала 2000-х, с приходом к власти новой национально ориентированной элиты, несмотря на финансовые и правовые сложности, очень медленно, но все-таки начались процессы пересмотра культурной политики государства.

Для преодоления кризиса национального самосознания, который определял всю культурную стратегию 90-х гг., необходимым стало осознание того, что именно государство в условиях новой геополитической реальности несет ответственность за соз-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-23-21002 «Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период».

дание единого культурного пространства, необходимого для формирования не только национальной идентичности, чувства самоуважения и собственной национальной полноценности, но и национальной безопасности. Кроме того, принципиально важным стало осознание того, что современное российское государство — это пространство культурного многообразия, в котором культура каждого народа имеет свои права, поэтому необходимо выбирать модель культурной политики, учитывающую исторические, территориальные, национальные и конфессиональные особенности. Культурная политика, сформированная на государственном уровне, обязательно должна иметь поддержку СМИ и различных социальных институтов, трансформируясь в национальную идентичность.

С начала 2000-х гг. в российской элите формируется понимание необходимости наличия национальной идеи для возрождения страны. В 2000-е годы это оформляется в виде конкретных государственных программ: «Культура России (2001—2005 гг.)» и «Культура России (2006—2011 гг.)», благодаря которым удалось не только приостановить чудовищный спад в развитии культуры, но даже несколько увеличить участие государства и общества в поддержке культуры. В настоящее время успешно работает федеральная целевая программа «Культура России (2012—2018 гг.)», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 22.02.2012 № 209-р, в концепции которой говорится о необходимости программного подхода к развитию культуры, так как культура России представляет собой сложную многоуровневую систему, и решение проблем может быть только комплексным, учитывающим огромное количество множества смежных факторов.

В 2007 году был создан фонд «Русский мир» (Указ Президента РФ от 21.06.2007 № 796) — российская общественная организация, которая занимается популяризацией русского языка и культуры не только в нашей стране, но и за рубежом. Примечательно, что исполнительным директором фонда является В.А. Никонов — президент фонда «Единство во имя России». Важным событием в культурной политике последних лет стало создание в 2009 г. Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (Указ Президента РФ от 15.05.2009 № 549), которая существовала до 2012 г., в рамках этого направления был издан Указ Президента о создании единой концепции обучения истории России, ведь именно осознание величия отечественной

истории и общности исторической судьбы формирует единство общество и патриотизм. В 2012 году было организовано Российское военно-историческое общество (Указ Президента РФ от 29.12.2012 № 1710 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество»), которое возглавляет назначенный в 2012 г. министр культуры В. Мединский. Заметными инициативами этой организации стало проведение в 2014—2015 гг. военно-исторических лагерей «Я — гражданин и защитник великой страны».

Принципиально новые значения вопросы культурной политики приобрели в последние три года. К ним приковано внимание на самом высоком уровне. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 указывалось на необходимость защиты «традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации», «ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира». 2014 год был объявлен в России Годом Культуры, «истинного просветительства, обращения к нашим культурным корням, к вопросам патриотизма, нравственности и морали»¹.

И в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 вновь было заявлено, что Россия, устремляясь в будущее, опирается на «базовые консервативные ценности — патриотизм, уважение к истории, традициям, культуре своей страны»².

На протяжении 2014 г. рабочая группа во главе с С. Ивановым занималась подготовкой документа, который определяет цели, задачи и ключевые принципы государственной культурной политики. В мае 2014 г. документ был вынесен на широкое общественное обсуждение, после чего был существенно доработан с учетом тех замечаний, которые поступили. Помимо этого была создана рабочая группа, которая готовила материалы для совместного заседания Государственного Совета и Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. Основу составил Доклад «О государственной культурной политике», в приложениях к которому анализировалось состояние нормативно-правовой базы в области культуры, финансовое обеспечение, анализ ре-

¹ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> — Президент России.

² <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> — Президент России.

гиональных и зарубежных успешных практик в области культурной политики, социологические исследования и т.п. Доклад базировался на экспертных оценках и исследованиях, в частности, на исследовании, проведенном Институтом социологии РАН и Государственным институтом искусствознания «Цели и приоритеты культурной политики современной России: мнения экспертов и позиция населения»¹. Было выявлено центральное проблемное поле в области культуры: недооценка властными элитами стратегической значимости культуры и, как следствие, все остальные проблемы, с этим связанные. В результате были предложены новые подходы, сформулированные в «Основах государственной культурной политики». Этот документ был подписан Президентом РФ 24.12.2014. Уникальность этого текста состоит в том, что в нем заложены основы для разработки принципиально новых нормативно-правовых актов и программ в области культурного развития страны, выше этого стоит только Конституция страны. Беспрецедентность этого документа еще и в том, что впервые на государственном уровне культура рассматривается как важнейшая часть личностного, общественного и государственного развития. «Принимая настоящие Основы, государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России»². Именно культура как механизм аккумуляции способна сохранять и передавать поколениям духовный опыт нации и обеспечивать консолидацию многонационального народа России. Сегодня, в условиях обострения глобального идейно-информационного противостояния и современных геополитических коллизий, это свойство отечественной культуры становится определяющим для будущего страны. В документе декларируется, что государственная культурная политика России направлена на создание и развитие системы воспитания и просвещения в русле традиционных для нашей страны нравственных ценностей, воспитание гражданской позиции и патриотизма.

¹ Цели и приоритеты культурной политики современной России: мнения экспертов и позиция населения. Аналитическая записка по итогам экспертного опроса в рамках общероссийского социологического исследования. М., 2013.

² Основы государственной культурной политики. URL : <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a87768a8730eb.pdf>

Таким образом, становится очевидным, что государство ставит перед собой задачу не только сохранения культурных и нравственных ценностей, но и выступает в роли активного организатора социокультурной жизни общества, воспитывающего творчески активную личность с гражданской позицией, вовлеченную в общественное и культурное строительство. Впервые в постсоветской России признается на государственном уровне, что культура является основой не только национальной самоидентификации, но и гарантом сохранения национальной безопасности. «Государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны. Государственная культурная политика признается неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹. Подчеркивается, что сохранение культурной и национальной самобытности всех народов России обеспечивает ее единство, и это поддерживается политикой на государственном уровне. Государство не только утверждает уникальность культурного пространства нашей страны, ее многовековые традиции, но и призывает использовать этносоциальные особенности России как инструмент для сплочения общества.

В Основах государственной культурной политики впервые на государственном уровне культура возводится в ранг национальных приоритетов и трактуется как «совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т.д.)»². Следовательно, основным содержанием политики государства в сфере культуры заявляются традиционные ценности российского общества: их восприятие, общественная легитимация, преемственность в формировании, актуализация и передача новым поколениям (воспитание граждан), а также основанные на этих ценностях формальные и неформальные социальные нормы, и механизмы социального контроля.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2015 отмечается важность истинных патриотических чувств и нравственных качеств, убежденности граждан России

¹ Основы государственной культурной политики. URL : <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a87768a8730eb.pdf>

² Там же.

«в том, что национальные интересы, свою историю, традиции, наши ценности нужно защищать»¹. И ключевым инструментом в этом служит прежде всего культурная политика страны.

Приоритетным документом, аккумулирующим все достижения последних лет, стала, безусловно, Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 № 236-р «Об утверждении плана мероприятий („дорожной карты“) по созданию единой федеральной межведомственной системы учета контингента обучающихся по основным образовательным программам и дополнительным общеобразовательным программам», которая выступает как документ стратегического планирования и базируется на Основах государственной культурной политики. В этом тексте анализируется современное состояние и основные проблемы государственной культурной политики. К наиболее опасным для будущего страны проявлениям гуманитарного кризиса относят снижение интеллектуального и общего культурного уровня общества, девальвацию общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров, деформацию исторической памяти и фальсификацию российской истории, а также размывание традиционных для России духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа. Анализ ситуации в культурной политике позволил выявить ряд рисков, в частности сокращение присутствия и влияния русской культуры в мире и снижение экономической поддержки культуры, региональные диспропорции в культурной политике. А это, как известно, влечет за собой угрозу единству культурного пространства. В документе подчеркивается стратегическая значимость потенциала культуры для гармонизации отношений в обществе.

В Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. (далее — Стратегия), предлагается актуальная модель культурной политики, в которой государство по-прежнему будет играть ключевую роль. Однако подчеркивается, что подобного рода патернализм имеет свои минусы, поэтому «важнейшим условием обеспечения эффективной культурной политики является формирование условий для постепенного увеличения внебюджетных источников финансирования»². Существующий мировой

¹ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> — Президент России.

² Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. URL : http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/09_03_2016_01.pdf

опыт показывает, что многоканальные источники финансирования культуры, стимулирование как частной, так и корпоративной меценатской деятельности обеспечивают наибольший эффект в культурной политике.

В Стратегии предлагается три сценария реализации культурной политики. Первый вариант — это инерционный, предусматривающий сохранение основных тенденций в культурной сфере, что не позволит изменить ситуацию качественно. Второй — инновационный, предусматривающий достижение качественно иного статуса культуры, значительных инвестиций в человеческий капитал и систему профессионального образования, что позволит достичь прорывных результатов по всем ключевым направлениям. И, наконец, третий — базовый сценарий, который определяется развитием позитивных тенденций и преодолевает существующие проблемы, увеличивает расходы на культуру за счет всех источников, в которых будет возрастать доля внебюджетных поступлений. «При базовом сценарии не произойдет взрывного роста, но продвижение культуры как стратегического национального приоритета, концентрация имеющихся ресурсов и постепенное подключение элементов многоканальной системы финансирования культуры на приоритетных направлениях будут способствовать заметному улучшению положения культуры, повышению качества человеческого потенциала и модернизации материально-технической базы»¹.

В документе в числе приоритетных направлений указаны программы, направленные на усиление и расширение влияния русского языка и культуры в мире, сохранение единого культурного пространства как фактора национальной безопасности и территориальной целостности, активизация культурного потенциала и сглаживание региональных различий. Стратегию предлагается реализовать в два этапа. Первый этап (2016—2020), в течение которого утверждается план и приводятся в соответствие все нормативно-правовые документы, обеспечивается межведомственная и межуровневая координация. На втором этапе (2020—2030) предполагается повышение ресурсной обеспеченности за счет государственно-частного партнерства, а также определяются меры организационного и финансового характера, необходимые для достижения результатов. Реализация Стратегии позволит

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. URL : http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/09_03_2016_01.pdf

сформировать новую ценностно-ориентированную модель государственной культурной политики, увеличить финансирование, выровнять доступность получения культуры и, наконец, укрепить позиции русского языка и российской культуры в мире.

Таким образом, «государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны». Государственная культурная политика признается неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности Российской Федерации, а значит, служит важнейшим инструментом консолидации общества в условиях современной геополитической трансформации. В новых геополитических условиях готовность России ответить на глобальные вызовы во многом зависит от состояния общества, от его морального духа, сплоченности и устойчивости. И именно культура, парадигма которой формирует личность, является фундаментальным фактором укрепления целостности общества. Поэтому государству необходимо обеспечить системные и долгосрочные инвестиции в человеческий потенциал посредством культуры.

Успешная Зимняя Олимпиада в Сочи и так называемый посткрымский синдром стали знаковыми событиями, которые впервые после развала СССР позволили народу России почувствовать себя не аморфным организмом без будущего, а единым целым, ощутить гордость за принадлежность к великой стране. И не случайно шоу открытия и закрытия Олимпиады прошли под брендом великих достижений русской культуры. В следующем году эти тенденции нарастали. 2015 год в нашей стране прошел под знаком 70-летия Великой Победы. Было проведено множество мероприятий, но самым памятным, пожалуй, стала акция «Бессмертный полк», которая соединила, казалось, навсегда разобщенные поколения.

Помимо этого 2015 г. стал Годом литературы, основными целями которого было привлечение внимания общества к литературе и чтению, стимулирование интереса к печатному слову, книгам. В рамках Года литературы было проведено более ста мероприятий во всех регионах России, а также за рубежом. Большой общественный резонанс, в частности, получил уникальный просветительский проект, организованный Всероссийской государственной телерадиокомпанией: вслух в прямом эфире прочитали роман Л. Толстого «Война и мир».

Важнейшим событием 2015 г. стал IV Международный Санкт-Петербургский культурный форум, собравший наибольшее количество участников за все годы своего существования (более 11 тыс. участников).

Формирование новой ценностно-ориентированной модели государственной культурной политики является важнейшей и наиболее сложной задачей. Важность этого подтверждают положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537). В этом документе впервые определены угрозы национальной безопасности в области культуры: размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации. Приоритетной задачей при этом названо обеспечение культурного суверенитета нашей страны с помощью специальных мер по защите общества от внешней, исторически чуждой нам идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия, осуществление контроля в информационной сфере и недопущение распространения продукции экстремистского содержания, пропаганды насилия, национальной и религиозной нетерпимости.

Стратегические цели обеспечения национальной безопасности в области культуры, перечисленные в этом документе, коррелируют с основными положениями Стратегии государственной культурной политики. Среди них можно выделить наиболее значимые:

- сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, воспитание молодежи в духе гражданственности;
- сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны;
- повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве.

К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины.

Таким образом, мы видим, что культурная политика, проводимая государством, становится важнейшим инструментом консолидации общества и формирования национальной идентичности в условиях сложных геополитических вызовов, именно государственно-ориентированная, четко сформулированная, концептуально оформленная и стратегически продуманная культурная политика способна противостоять вызовам стремительно меняющегося многополярного мирового пространства. Предложенная стратегия культурной политики не только позволит сохранить духовное и этнокультурное единство страны, но и обеспечит национальную безопасность и сохранит территориальную целостность страны в условиях глобальной идейно-информационной конфронтации.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОСТИ¹

Культура — сложнейший феномен, включающий и личностные, и общественные, и политические аспекты, современная философия изучает культуру повседневности, национальные, локальные культуры, но общим для всех вариантов понимания феномена культуры является реализация ценностных характеристик культуры.

На современном этапе философия изучает культуру как целостный объект, такой подход позволяет выявить существенные характеристики культуры, показать не только общее, тенденции развития, но и особенное и уникальное в культуре.

На данный момент в науке существует не только множество определений культуры, но также и разнообразие теоретических подходов и концепций. Классическое понимание культуры основывалось на идеях рационального видения мира, где культура представлялась сложным, но строго иерархизированным объектом, в котором главную роль играют общественные институты. Культура выполняла гуманистические функции, функции реализации человека как части социального организма. XX век с его отказом от европоцентристской культурной картины мира рождает понимание культуры как носителя антигуманных ценностей, враждебных не только обществу в целом, но и конкретному человеку. В.С. Барулин пишет, что общество «порождает, производит не только культуру, но и антикультуру, оно человека не только возвышает, развивает, но и унижает, сдерживает. Культура и выступает как всемирно-исторический итог противоборства различных тенденций в обществе, когда, несмотря на все тернии и зигзаги человеческой истории, берут верх именно интересы развития человека, интересы культуры»².

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках проекта проведения научных исследований («Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период»), проект № 15-23-21002.

² Барулин В.С. Социальная философия. Ч. 2. М., 1993, С. 138.

Ядром культуры и культурных процессов в обществе являются ценности, которые формируются в ходе исторического процесса. Ценностные основания культуры — это способ коммуникации, идентификации, передачи традиционных кодов культуры, тип поведения, то, что придает неповторимость культурному типу.

В современной философии существует множество определений культуры, в основу каждого из них положены важнейшие факторы человеческого бытия: адаптивные, где культура понимается как способ реализации потребностей, исторические как результат развития общества, функциональные, семиотические, символические, герменевтические, идеационные, где культура, скорее, только духовный фактор жизни общества, в которой главным становится момент творчества, а культура по сути своей только хранитель исторической и социальной памяти. Также есть определения социологические, исторические, психологические, антропологические и даже дидактические, в которых культура — это результат обучения.

В XX веке в России доминировал деятельностный подход к проблеме культуры, но в современной литературе мы чаще встречаем исследования, посвященные ценностным основаниям культуры. М.С. Каган в работе «Философия культуры» пишет о культуре как особом виде бытия человека, наряду с бытием природы, человека, общества. Бытие культуры характеризуется четырьмя составляющими: сверхприродная, сформированная в ходе общественной жизни качествами человека; «вторая природа» — предметы, созданные деятельностью человека; способами человеческой деятельности, с помощью которой человек опредмечивает (воплощает) и распредмечивает (извлекает) содержание, содержание, заложенное в продуктах его деятельности и общением как способом реализации потребностей людей¹. По мнению Кагана, чтобы осмыслить культуру надо соединить гносеологический, аксиологический и проективный аспекты. Культура в таком случае предстает в двух онтологических планах: сущем и должном. Она становится «живым», развивающимся, изменяющимся организмом, в котором традиционное и модернистское взаимно обогащаются и творчески осмысливаются, тем самым снимая противоречия. В.М. Межуев считает, что особенность современных эталонов культур в том, что в них синтези-

руется опыт всей мировой цивилизации, а не только локальных или региональных культур, формируется «универсальная система оценок и связей»¹.

Таким образом, перспективным следует считать ценностно-деятельный подход к пониманию культуры, он точнее передаст особенности динамики общества, культура же сможет выступить критерием качества общественного развития. Л.Н. Коган определил культуру как человекотворческую деятельность². Культура станет основой для диалогического существования, что снимет жесткое противостояние по некоторым вопросам в современном мире.

Ядром современной культуры становятся гуманистические ценности. Их формирование — это исторически длительный процесс отбора ценностей как национальными, государственными общностями, так и отдельными людьми, сложный процесс преемственности, аккультурации и инкультурации. Новое мироустройство предполагает утверждение идей нового гуманизма. В настоящий момент обсуждается проблема дегуманизации мира, отмечается исчезновение духовного человека. Классический гуманизм в своей основе считал необходимым создать условия для саморазвития человека, для создания оптимальных условий деятельности человека, в результате акцент на нравственности были смещены к пониманию человеческой сущности как постоянно развивающейся, эволюционирующей. Человек стал измеряться в количественно-качественных характеристиках. Количественно-качественные ценности — это ценности экономические, социальные или технические, духовные ценности как основополагающие ценности любой цивилизации оказались невостребованными. Мирное сосуществование христианского и мусульманского мира возможно, но без доминанты «избранности», «канонизации» этики протестантизма, разделяющей тревогу по поводу навязывания чуждых ценностей³. Перспективной является реализация проекта гуманистического глобализма, основанного на воплощении в жизнь идеи становления многополярного и многоликого сообщества стран, народов и культур в отличие от его зеркального варианта «конфронтационного полицентризма». Человечество должно объединяться на основе согласования интересов и взаи-

¹ Межуев В.М. Освобождение духа. М., 1991. С.270.

² Коган Л.Н. Социология культуры. Свердловск, 1992. С. 64.

³ Мусеев Н.Н. Универсум. Информация, общество. М., 2001, С. 20.

¹ Коган Л.Н. Социология культуры. Свердловск, 1992. С. 43.

мопроникновения ценностей, сосуществующих сегодня техногенного и традиционного миров. В качестве инструмента и основной формы достижения взаимопонимания, консенсуса и согласия выступает идея диалога культур»¹. В 1993 году принята «Декларация о глобальной этике», на втором заседании «Парламента религий мира». «Декларация формулирует основные положения глобальной этики, основные положения которой должны утвердиться в обществе. Основные принципы глобальной этики включают лучшие ценности основных религий и ценности, основанные на этих принципах «еще лишь предстоит воплотиться в сердцах людей и их деяниях»². Определены основополагающие принципы глобальной этики:

- 1) приверженность культуре ненасилия и благоговение перед всеми формами жизни;
- 2) приверженность культуре солидарности и справедливости экономического порядка;
- 3) приверженность культуре толерантности и правдивости;
- 4) приверженность культуре равноправия и партнерства между мужчинами и женщинами³.

«На протяжении последнего столетия человек все глубже погружался в причину кризиса, который во многом, за исключением одной существенной черты, напоминает прежние кризисы. Отличительная черта нашего кризиса — перемена в отношении человека к вещам и связям, созданным его трудом или при его косвенном участии. Эту особенность можно было бы определить, как отторжение человека от его творения. Человек отныне не может совпадать с миром, который есть создание его рук»⁴.

Исследователь проблемы гуманизма как универсальной модели ценностного бытия человечества Е.В. Гарпушин считает, что в современном мире не существует альтернативной модели: «Сохраняя преемственность в отношении позитивного ядра классического универсализма (принципы всеединства, целостности, общности), гуманистический универсализм призван преодолеть его недостатки — субстанциализм, абсолютизацию общего, абстрактный рационализм, редукционизм, жесткий детерминизм.

¹ Толстых В.И. Цивилизация и модернизация в контексте глобализации // Философия, наука, цивилизация. М., 1999. С. 276.

² A Global Ethic: The Declaration of the World religions. New York, 1995. p. 21—29, 36.

³ A Global Ethic: The Declaration of the World religions. New York, 1995. p. 38.

⁴ Бубер М. Два образа веры. М., 1995. С. 193.

Соответственно предстает образ нового универсализма со следующими чертами. Мир понимается как вечная и бесконечная идеально-материальная реальность, единое целое, универсальная система, состоящая из бесконечного множества взаимноизоморфных миров разных масштабов, форм и уровней развития. Ему свойственны движение, противоречивость, относительная иерархическая упорядоченность частей, их равнозначимость для гармонии и устойчивости целого»¹. Исследователь выделяет принципы гуманистического универсализма: *всеединство, он же принцип* универсальности, автономности, неопределенности, динамического (колебательного) равновесия, соревнования-синтеза, критического гуманизма, методологической сдержанности, осторожного обобщения, духовной свободы.

Ценностная парадигма современного мира формируется в условиях глобализационных процессов цивилизационного мира. Необходимо понять механизмы взаимодействия цивилизационных и культурных процессов, очевидным является факт, что общим в понимании цивилизации и культуры является проблема человека и основы его личности — ценностно-деятельностной парадигмы. Именно такая основа выявит общее и особенное в видении культурных и цивилизационных процессов в историческом бытии.

А.П. Федотов выделяет две тенденции развития современных процессов в цивилизации, он их рассматривает как глобальные процессы. По его мнению, результат глобальных процессов будет зависеть от ценностных и нравственно-мировоззренческих оснований, которые изберет цивилизация: «по социальной направленности глобализация может быть регрессивной, или „капитал-глобализацией“, и прогрессивной, или „разум-глобализацией“»². Для дальнейшего стабильного развития необходимы осознание приоритета нового типа ценностей, отказ от властной модели взаимоотношений и переход к модели доверия, а также отказ от стремления к обогащению как цели.

Необходимо также учитывать, что современный мир — это общество информационное, для которого ценности знания и скорость коммуникативных процессов представляет особое значение. XX век показал трагичность бытия человека, история

¹ Гарпушин Е.В. Универсализм как парадигма философии // Философия и общество. 2008. № 2. С. 89.

² Федотов А.П. Глобалистика: начала науки о современном мире. М., 2002. С. 40.

перестала зависеть от человека. Современная цивилизация столкнулась с проблемой идентификации личности и этно-национальных ценностей или глобальных общечеловеческих ценностей, с проблемой интеграции и дифференциации в культуре. В глобальном мире с особой остротой ставится проблема идентичности, человек не нуждается в Другом как способ существования. Среди всех видов идентификации сейчас актуальными становятся ценности культурной идентичности. Личность пребывает в двух состояниях: необходимостью удовлетворения эмоциональных потребностей в общении и понимании и предлагаемыми способами удовлетворения как функции через СМИ. Это приводит к нарастанию чувства отчуждения и делает невозможным формирование новых социальных общностей, которые бы решали нравственные, культурные потребности человека в общении и в идентификации с Другим.

Современное человечество столкнулось с новым явлением — массового, усредненного общества. Культуры до XX в. основывались на этнических ценностях, которые вырабатывались столетиями. Плюралистические и даже антагонистические ценности в национальных культурах органично вошли в культурный мир личности. Массовое общество и глобальный мир, который способствует омасовлению цивилизации, создает новую шкалу ценностей, новые смыслы и образцы поведения. Массовая культура порождена прежде всего развитием массовых коммуникаций, повышением доли образования в жизни человека, а также увеличением значения досуга и свободного времени в жизни людей. Она не требует от человека усилий по осмыслению происходящего, по инкультурации ценностей и смыслов, предлагаемых цивилизацией, порождает мифологизацию повседневного мира. Окружающий мир представляется не просто театральным, но этот мир без экзистенциальных проблем, разочарований и одиночества. Возникает вторичный мир — мир виртуальной реальности, который также выступает буферной зоной между человеком массового мира и реальным миром.

Массовое общество выполняет все функции этнических социальных миров: социальную, познавательную, организационную, этическую и т.д., но в отличие от мира этнических общностей он не встраивает человека в конструкцию мира, он не наделяет его функциями культуuroобразующими, а отчуждает человека, который, сталкиваясь с проблемами, даже не пытается их решить, уходя в мир массы и виртуальности. В России В. Со-

ловьев создал вариант ценностной парадигмы глобального мира, концепция всеединства, в которой были сняты проблемы отчуждения и одиночества, где в полной мере реализовано творческое начало, социализирующее и инкультурирующее личность, описывает цивилизацию на основе христианских ценностей, в которой восточная и западная цивилизация слиты в единое целое. Объединение цивилизаций произойдет на основе свободы и христианства. Богочеловечество соединит в себе божественное и природное и в результате будет достигнута теократия, как цель общественного процесса.

Общечеловеческие связи становятся утилитарными, гомогенизированными, обезличенными, что приводит к отчуждению личностей. Личности становятся герметичными, они не видят необходимости в общении, обмене ценностными образцами поведения.

Досуг предоставил современному человечеству не только свободу, но и возможность и потребность выбора. Проблема выбора неизбежно поставила проблему идентичности человека, поиск сущности личности, но выбор современного человека — это выбор по образцу, он не предполагает индивидуации человека, он его обезличивает и стандартизирует. В философии XX в. проблема идентичности и поиска человеком своего подлинного Я осмыслена многими философами, и все они отмечали или потерю собственных убеждений, традиций, коммуникабельности у Ортега-и-Гассета, отсутствие ответственности, потеря собственного Я в философии Ясперса, кризис культуры, отчуждение в экзистенциальной философии. Размытость и неочевидность функционирования структур мира лишает человека возможности самоидентификации, виртуальное пространство рождает чувство одиночества и покинутости. Трансформация человеческой субъективности. Происходит релятивизация этических ценностей, которая приводит к автономизации личности. Базовыми становятся ценности функциональные, ценности гедонизма. Наблюдается тенденция нарастающего разрыва между этикой и темпами развития науки и техники.

На данном этапе развития мы наблюдаем во многом неконтролируемость процессов цивилизационного развития, вызовы современности понимаются как стихийные, а ответы требуют немедленных и принципиально новых решений. Эти решения принимаются не просто стихийно, но и несогласованно разными институтами и сообществами, что только усугубляет непредска-

зуюемость дальнейших вариантов развития цивилизации. Отсюда вытекает необходимость принятия согласованной между различными странами концепции культурной политики. Новая культурно-ценностная парадигма и основанная на ней концепция культурной политики стали бы основой адекватных ответов, могли бы позволить решить многие проблемы современного мира или сделать политические, социальные и экономические решения более эффективными, а развитие цивилизации предсказуемым.

Проблема формирования культурной политики стала актуальной в XX в., когда государство стало контролировать экономические, социальные процессы. Введение культурной политики необходимо для формирования целостного и структурированного мировоззрения, расставления приоритетов в культурном развитии, определения целей развития государственного организма. Государственная политика необходима для расставления акцентов в деятельности институтов социального организма, унификации и стандартизации языка, образования, коммуникативных процессов. Первые министерства культуры формируются в 50-е гг. XX в. в СССР и во Франции, основные направления их деятельности: формирование целостного мировоззрения в рамках послевоенного мироустройства, поиск универсальных ценностных и управленческих начал, а во Франции — формирование идеологии мультикультурализма, с 80-х гг. это попытки демократизации культурной политики и поиски неолиберальных моделей, попытки перевода культуры в сферу коммерциализации.

Понятие «культурная политика» было введено в оборот на круглом столе ЮНЕСКО в Монако в 1967 г. В докладе «Политика в сфере культуры — предварительные соображения» под политикой в сфере культуры понимался «комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры». В этом контексте реализация политики в сфере культуры представляет собой «всю сумму сознательных и обдуманых действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей, посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время»¹.

¹ Cultural policy: a preliminary study. Paris, UNESCO, 1969. P. 5.

Д. Адамс и А. Голдбард выделяют следующие составляющие культурной политики: определение культурных ценностей, целей и приоритетов; программы инициатив и расходов, соответствующие этим целям, которые и воспринимаются собственно, как формирование культурной политики; мониторинг политики — процесс, позволяющий оценить культурное влияние каждого социального действия в свете установленных стандартов, которые и являются средством достижения установленной культурной политики¹.

Также они перечисляют направления деятельности государственной культурной политики: образование, играющее ключевую роль в определенной культурной политике, поскольку изучение культурной жизни сообщества людей является образовательным процессом; сохранение наследия (музейных коллекций, исторических зданий, живописи, музыкальной литературы, а также навыков ремесел и фольклора); распространение культурного продукта. Средства направляются на финансирование спектаклей, гастролей, трансляций, издательскую деятельность, сеть распространения или специальные события, создаваемые для охвата большей аудитории; творчество, что включает как работу творца, так и любого вспомогательного персонала, участвующего в культурном производстве; исследование, предполагающее проверку соответствия проводимой культурной политики поставленным целям и задачам; подготовка персонала, что предусматривает обучение творческих специалистов, администраторов и работников смежных областей.

Л.В. Востряков в своей статье, опираясь на исследования А. Моля, говорит о социостатических и социодинамических характеристиках моделей культурной политики. «Социостатическая модель описывает устойчивые цели культурной политики и ее институты. Она разделяется в свою очередь на три подгруппы: популистская, или демагогическая, целью которой является наибольшее удовлетворение культурных потребностей как можно большего числа людей, патерналистская, или догматическая, в соответствие с которой право и основные каналы распространения культурных ценностей принадлежат «административному совету», располагающему точной шкалой ценностей, существующих и создаваемых культурных благ. Политика в сфере куль-

¹ Adams D., Goldbard A. Basic Concepts: Modes and Means of Cultural Policy-Making (1995, 1986). URL : <http://www.wwcd.org/policy/concepts.html>

туры в этом случае служит целям определенной политической партии, религиозного течения или государства в целом. «Эклектическая», задачей которой является оснащение каждого человека индивидуальной культурой, представляющей собой неискаженное отражение, «хорошую» выборку из более общей гуманитарной и гуманистической культуры. В этом случае общество должно следить за тем, чтобы каждый из элементов культуры соответствовал культурным ценностям и распространялся пропорционально, в соответствии с частотой или «весом» этого элемента в общей культуре, принятой в обществе в данный момент. Социодинамическая политика в сфере культуры, в противовес социостатической, соответствует непрерывным изменениям и отражает новое содержание культуры в каждую эпоху. «Социодинамическая» политика, по А. Молю, имеет два направления: «прогрессивное» и «консервативное». В первом случае субъект такой политики стремится ускорить, во втором, наоборот, замедлить ход эволюции культуры¹.

Необходимо выработать новую систему, структуру ценностей, новый «этнос глобальной цивилизации». «Наша ответственность гораздо больше, чем мы могли бы предполагать, так как распространяется на все человечество»². Каждая культура должна выработать свою программу, свой ритм и процедуру вхождения в глобальный мир. Обязательно должна возрасти роль культуры и системы образования как системы передачи культурных ценностей, которая учтет нелинейность хода развития общества, устранения массовизации культурной среды, устранения примата материальных, гедонистических ценностей.

«Рациональное понимание делает возможной позицию равноправия всех «систем отсчета» (базовых ценностей) и открытости различных культурных миров для диалога. В этом смысле можно сказать, что развитые в лоне западной культурной традиции представления об особой ценности научной рациональности остаются важнейшей опорой в поиске мировоззренческих ориентиров, хотя сама рациональность обретает новые модификации в современном развитии. Сегодня во многом теряет смысл жесткое противопоставление многим идеям традиционных культур. Новые точки роста создают иную, чем ранее, основу для

¹ *Востряков Л.Е.* Культурная политика: основные концепции и модели. URL : <http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html>

² *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М., 1990. С. 324.

диалога западной культуры с другими культурами. У человечества есть шанс найти выход из глобальных кризисов, но для этого необходимо осуществить духовную реформацию и выработать новую систему ценностей»¹. Новая система ценностей должна учитывать плюрализм культур, выход из сложившихся рамок традиционализма, но необходимо учитывать негативный опыт инкультурации, взаимодействия ценностно различных культур. Таким образом, можно говорить только о диалоге как единственно возможной модели развития взаимодействия современных культур и выработке непротиворечивых ценностных оснований, которые бы не нарушали национально-целостную культурную основу цивилизации.

¹ *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и перспективы техногенной цивилизации // Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов. М., 2000. С. 26.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МИР ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ КАК ПРОЕКТ И РЕАЛЬНОСТЬ

Во все времена человеку было присуще чувство недовольства настоящим и стремление преобразовать его в лучшую сторону. Основываясь на понимании окружающей действительности, человеку было свойственно строить, а затем воплощать в жизнь проекты будущего. При реализации проекта, при его наложении на реальность возникала необходимость его корректировки, и соответственно рождался новый проект «светлого будущего». Таким образом, развитие общества, его прогресс можно понимать как перманентное выдвижение и осуществление таких проектов.

Применительно к России XX в. данный принцип был воплощен в построении коммунистического общества: недовольство самодержавным царским прошлым вызвало сначала зарождение и победу советского проекта. Призванный исправить ошибки прошлого, проект по созданию социализма получил почти 75 лет на собственную реализацию. В действительности, за эти годы многое было достигнуто: все инородцы России приобрели государственный статус и обрели письменность, на смену сплошной неграмотности пришло фундаментальное образование, индустриальный прогресс. Первым в космос полетел советский человек и первым построил атомный ледокол, запустил первый искусственный спутник Земли, создал первую орбитальную станцию, построил тысячи крупнейших промышленных предприятий. СССР лидировал в мире по объемам производства молока, масла животного, картофеля, пшеницы, яблок. Население СССР было самым читающим в мире. В стране не было безработицы.

Однако не существует единого универсального мнения всего народа. Разные группы людей могут преследовать совершенно разные интересы и цели, они будут согласны прибегать к разным средствам их достижения. На фоне воодушевления советским

проектом были те, кому был не по душе этот строй. Откровенные антисоветские настроения были подавлены, однако остался скрытый антисоветизм, представленный в произведениях, например, А. Иванова «Тени исчезают в полдень» 1963 г. или «Поднятой целине» А. Шолохова 1932—1959 гг. Со временем стало очевидным, что невероятные успехи Советского Союза были достигнуты перегибами. А. Солженицын писал в произведении «Архипелаг ГУЛАГ»: «Панамский канал длиной 80 км строился 28 лет, Суэцкий длиной в 160 км — 10 лет, Беломорско-Балтийский в 227 км — меньше 2 лет, не хотите?»¹. Одновременно с тем, как советский народ стал осознать «за чей счет» происходит осуществление коммунистического проекта, постепенно начинает нарастать общественное недовольство и разочарование. Оказалось, что проект нуждается в качественных переработках и постоянных пересмотрах. Так, первую работу над ошибками пришлось проделать еще самому В. Ленину, осуществляя переход от политики военного коммунизма к новой экономической политике (НЭП) еще в 1920-е гг. Вторая — принадлежала товарищу Сталину, итогом которой стало осуждение процессов коллективизации в статье «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» в газете «Правда» в 1930-м. Затем последовало осуждение культа личности вождя 1956 г. Однако и этого оказалось недостаточно. Советский народ нуждался в совершенно новом проекте, способном в одночасье покончить с проблемами прошлого. Таким проектом и станет постсоветская Россия.

Принято думать, что Моисей водил свой народ 40 лет по пустыне, дабы народились те поколения людей, которые не будут знать рабства. В данном исследовании предпринимается попытка проанализировать прошлое нашей страны сквозь веки, которые будут ознаменованы прежде всего рождением третьего поколения людей при новом общественном порядке — того поколения, которое не могло иметь прямых встреч с «темным прошлым» обновленного государства и хронологически весьма далеким от первых судьбоносных реформ (использование хронологической матрицы с шагом в 35—40 лет). Данный подход к исследованию общества реализуется прежде всего в целях установления некоторых особенностей и закономерностей развития общества, выявления принципов пересмотра и дальнейшей корректировки политических, экономических, культурных целей

¹ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. М.: ИНКОМ НВ, 1991. С. 60.

и задач, средств и возможностей, диктуемых временем, дополненных возможностью некоторого прогноза дальнейшего движения развития государства; в этом и будет заключаться новизна и актуальность данного исследования.

Производимый анализ политической, культурной и экономической составляющих советского и постсоветского общества будет основан на таких политических документах, как решения пленумов ЦК КПСС и съездов КПСС, посланиях президента Федеральному Собранию Российской Федерации и задокументированных свидетельствах очевидцев. Для более глубокого проникновения в социокультурный мир человека мы обратимся к языку повседневности, способному фиксировать и хранить в себе данные характеристики на протяжении долгого времени, а также произведениям отечественных поэтов и писателей.

С уверенностью можно сказать, что установившийся в 20-х гг. двадцатого столетия советский строй — совершенно новый социальный проект советского коммунизма, затронувший умы и сердца всех без исключения: от крестьянина и прачки до вновь образованного председателя компартии, вызвал немедленную реакцию. Настроения за и против советской формы правления государством быстро поделили общество на два лагеря. Многие, кого захватила волна революционного энтузиазма и чьи судьбы и надежды плотно переплелись с новой государственной политикой, готовы были отдать за нее свои жизни. И как будто движение государства навстречу народу было таким же всеохватным и откровенным. Конституции 1924, 1936, 1977 гг. в один голос твердили, что «вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР...»¹. Возможно, советский народ действительно сумел поверить в возможность управлять страной, а каждый гражданин нового великого государства — в собственную значимость и необходимость.

Для реализации основного проективного принципа «народной власти» была организована жесткая структура общества: на смену классовой (сословной) структуре пришла иная, не менее сложная и многогранная. Отныне любой советский человек объявляется прежде всего «суммой общественных отношений»

¹ Статья 2 Конституции СССР 1977 г. См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Изд-во «Известия Советов народных депутатов СССР», 1985. С. 8.

и обязуется входить в ряды октябрят, пионеров — для детей и молодежи, для старшего поколения — принадлежать профсоюзам (как передаточному звену между партией и человеком), КПСС, клубу интернациональной дружбы, общественному движению за мир, ДОСААФ (добровольному обществу содействия армии, авиации и флоту), спортивным, поэтическим, музыкальным и прочим советским обществам и союзам... Всего подобных организаций и обществ в СССР насчитывалось более 275¹. Для поддержания единственно одобряемого правительством вида идентичности «советский человек» необходимо было принадлежать не одному, а нескольким подобным сообществам. Нужно заметить, что вновь организованное правление быстро перестали устраивать общественные организации, функционировавшие при прежней власти. Были закрыты: вольная философская ассоциация («Вольфила»), русское ветеринарное общество, общество любителей мироведения, общество друзей оперной студии им. Станиславского, всероссийское общество фотографов, всероссийский союз поэтов, ассоциация легковых извозчиков, московское общество сельского хозяйства, почти все краеведческие общества...²

Отчасти подобная пропаганда советского строя делает свое дело, и товарищ И. Сталин в 1949 г. скажет: «...нам удалось повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого, капиталистического пути развития, от которого выигрывает лишь кучка богатеев-капиталистов, а громадное большинство крестьян вынуждено разоряться и прозябать в нищете, к новому, социалистическому пути развития, который вытесняет богатеев-капиталистов, а середняков и бедноту перевооружает по-новому, вооружает новыми орудиями, вооружает тракторами и сельскохозяйственными машинами, для того чтобы дать им выбраться из нищеты и кулацкой кабалы на широкий путь товарищеской, коллективной обработки земли»³. Пережив процессы коллективизации, раскулачивания, индустриализации,

¹ Список утвержденных Наркомвнуделом обществ (конец 1928 — начало 1929 гг.). ГАРФ. Ф. Р-393 (НКВД). Оп. 81. Д. 95. Л. 1—2. Архивы Российской Академии наук. С. 206. Приложение 3. URL : <http://www.argo.ru/?q=ru/i206>

² Соколов М. Долой стыд: как и почему режимы борются с общественными организациями // Forbes. URL : <http://www.forbes.ru/mneniya-column/istoriya/236744-doloi-styd-kak-i-pochemu-rezhimy-boryutsya-s-obschestvennymi-organizatsiyami>

³ Сталин И.В. Год великого перелома: К XII годовщине Октября / Сочинения. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 119.

голод, множественные репрессии, Великую Отечественную войну, начало Холодной войны, к указанному году страна действительно сумела укрепиться на пути «светлого советского будущего».

Литература, искусство и кинематограф также скоро откликнутся на основные идеи советской власти. «Тихий Дон» и «Поднятая целина», «Судьба человека» — романы М. Шолохова 1925—1959 гг. и их последующие экранизации, фильмы «Кубанские казаки» режиссера И. Пырьева 1949 г. и многие другие станут культурными символами прославляемого Советского Союза.

Тем временем за внешней и весьма показной бравадой советского благополучия и благосостояния скрывалась действительная реальность. Неверным будет утверждение, что советские идеи всецело завладели народом. В СССР всегда присутствовал «авангард» — те, кто не был согласен с государственными реформами. Их идеи, труды, произведения пополняли огромные контейнеры «антисоветчины». Ощущения несправедливости, унижения, обезличенности, заглупости, фальши, политического и общественного раскола, предчувствие неизбежности трагедии, к слову, всегда присутствующие в обществе, из легкой дымки в сентябрьском воздухе превратились в густой туман антисоветских восстаний и массовых беспорядков.

Новая, во многом искусственная советская культура, прославляющая советскую власть, советский строй, вытеснила, заменила собой вековые традиции, церковь, классовую структуру общества. Новая политическая система, отобравшая землю у крестьян и выдав данный поступок за исключительно благое начало, попыталась «вынуть» из человека чувство Родины, заменив его почитанием страны советов и партии.

По прошествии 34 лет после создания СССР на XX съезде КПСС в 1956 г. первый секретарь ЦК Н. Хрущев выступил с докладом, осуждающим культ личности Сталина¹. Оказалось, что советский народ настигло то страшное зло, с которым он боролся все это время. Неискоренимыми оказались отношение к вождю как к царю-батюшке (в душе своей советский человек так и остался «рабом») и колоссальное раздвоение государственной структуры на правящую элиту и простой народ. Необходима была работа над ошибками (третья по счету), которая помогла

¹ Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

бы советскому человеку благополучно перейти к своему будущему; было необходимо вновь превзойти себя. За этим последовала «Хрущевская оттепель», реабилитации политзаключенных, новые экономические реформы.

Эти сложные, переломные годы дадут такое общественное явление, как «шестидесятники». В число шестидесятников как раз и войдут первые два поколения людей, родившиеся приблизительно между 1925 и 1945 гг. — в эру сформировавшегося советского коммунизма. А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Б. Окуджава, А. Тарковский, М. Калатозов, Г. Данелия, Е. Леонов, И. Смоктуновский, Е. Евстигнеев, М. Ульянов, В. Высоцкий и многие другие. Их отношение к происходящему не было однозначным.

Преимущественно шестидесятники были выходцами из интеллигентской или партийной среды и довольно очевидной была их вера в коммунистические идеалы страны. Однако со временем часть шестидесятников перейдет в диссидентство.

Вскрывать правду о СССР придется В. Дудинцеву «Не хлебом единым» 1956 г., Д. Гранину в повести «Кто-то должен» 1969 г., А. Солженицыну в своем романе «Красное колесо», произведении «Архипелаг ГУЛАГ» 1958—1968 гг. и повести «Один день Ивана Денисовича» 1959 г., В. Шукшину, Г. Бакланову, В. Быкову.

А. Солженицын писал о советском режиме в своем художественно-историческом произведении «Архипелаг ГУЛАГ»: или «В панические (16-го и 17-го) октябрьские дни 1941 г., добиваясь указаний, он [Виноградов Б.М.] звонил — телефоны молчали, он ходил и обнаружил, что никого нет в райкоме, в горкоме, в обкоме, всех сдуло как ветром, палаты пусты, а выше он, кажется, не ходил. Воротился к своим и сказал: «Товарищи! Все руководители бежали. Но мы — коммунисты — будем обороняться сами!» И оборонялись. Но вот за это «все бежали» те, кто бежали, его, не бежавшего, и убрали в тюрьму на 8 лет (за «антисоветскую агитацию»)¹.

Сам М. Горбачев, генеральный секретарь ЦК КПСС, в 1985 г. поставил перед государством задачу создания новой модели общества — «социализма с человеческим лицом». Оказалось, что более 60 лет страна советов двигалась не в том направлении, да так, что нужно прибегать к реформированию всех политиче-

¹ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ, Т. 2. М.: ИНКОМ НВ, 1991. С. 205.

ских институтов, вновь преодолевать причины, препятствующие динамичному развитию экономики.

Необходимость перестройки экономики и политики, централизация власти, националистические тенденции, глубокие внутренние кризисы и конфликты, отставание во многих отраслях промышленности, Холодная война и гонка вооружений, растущее недовольство населения, «парад суверенитетов» — все это послужило причинами краха Советского Союза в 1991 г.

Почти в одночасье став постсоветским, человек с советским прошлым оказался перед лицом действительности с ее действительной экономикой, действительными внутригосударственными и межнациональными отношениями. Холодная война, межнациональные распри, многочисленные экономические реформы истерзали экономику государства. «Глубокое разочарование в прежних идеалах, которое если и присутствовало прежде в виде невнятных ощущений, вырвалось наружу, поглотив население новообразованной Российской Федерации. Советский человек не был готов оказаться постсоветским. Советское прошлое еще слишком доминировало в самом его мышлении, взглядах, условиях его жизни, стереотипах поведения, представлениях о мире. Советский человек вступил в постсоветское пространство (в том числе территориальное, политическое, экономическое) все еще охваченный... миром прошлого»¹.

Правомерно утверждать, что постсоветская Россия есть проект самого советского строя. Множественные реформы, осуществляемые в Советском Союзе в последние десятилетия, не помогли уберечь государство от переворота 1991 г. Советский народ требовал кардинальных перемен, не способных мирно сосуществовать с наличной политической, экономической советской действительностью. Это и подготовило почву к возникновению и осуществлению постсоветского проекта в обновленной России.

Говоря о современной России, мы часто уточняем: «постсоветская» Россия, дабы подчеркнуть некоторую последовательность исторического процесса и преемственность двух культур, двух общественных и политических систем. Отчасти потому, что, в очередной раз отвергнув свое прошлое, российский человек ока-

¹ *Хазиева Н.О.* Виртуальная реальность как пространство социализации: социально-философский анализ проблемы. Дис. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. Казань: ФГАОУ ВПО «Казан. (Приволж.) федер. ун-т», 2014. С. 109.

жется в культурной яме, что в современном мире может означать потерю идентичности. Еще одним веским доводом может служить то, что социализация подавляющего процента коренного населения современной России успешно протекала в эру социализма при иных ценностных ориентирах (благо и успех семьи, партии, равноправие в обществе, явный приоритет мышления над потреблением). Несмотря на всю их абстрактность, сегодня они выглядят более весомыми, истинным, тогда как большая часть современного общества ориентирована на потребление и сверхпотребление, сиюминутное удовлетворение собственных потребностей, на сиюминутное удовольствие.

Это довольно легко отследить, обратившись к языку повседневности. Советское время было полно воодушевляющих лозунгов: «К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!», «Партия — это ум, честь и совесть нашей эпохи», «Профсоюзы — крылья Советов!», «Догоним и перегоним!», «Планы партии — планы народа», «Жить стало лучше, жить стало веселее», «Миру — мир!», «Слава советскому народу!».

Лексикон советского человека за почти 75 лет правления советов пополнился множеством слов, весьма характерными из которых являются: авоська, агитация, пропаганда, дефицит, рога-тый и гармошка, фирма, варенки или техасы, батник, вертушка, пара, трешник, рваный, кодла. Чаще всего новые слова требовались для обозначения вещей обихода, определенного количества денег или того, что называть в обществе опасались. Говоря марксистским языком, советское общество вступает на новую ступень фетишизации объекта¹.

Постсоветское пространство изначально пестреет совсем иными не менее броскими фразами: «Нам нужна другая Россия!», «Голосуй или проиграешь», «Партия, дай порулить», «Россия для русских!», «Фашизм не пройдет!», «Выйди на улицу — верни себе город». Со временем они будут дополнены общественными: «Нам нужна великая Россия!», «Трудящимся — достойную зарплату!» или «Сначала зарплата, а потом квартплата!»; и рекламными: «Живи нефiltroванной жизнью», «Иногда тебе просто хочется немного „Кока-Колы“», «Большие кредиты для великих людей», «Будущее начинается», «Футбол — это семья», «Красивые воло-

¹ См. об этом: *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. сочинений. Т. 23. 2-е изд. С. 82. URL : <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/kapital1-01.html#p82>

сы — это не все, что тебе нужно для счастья, но с них можно начать», «Без звезд в рекламе связь дешевле», «Быть особенным. Каждую секунду», «Не такой, как все. Такой, как ты!», «Мы измеряем сотые доли секунды, которые отделяют победителя от участника».

Удачный ракурс исследования постсоветской повседневности можно подобрать, если взять за основу два понятия, ярко характеризующих противоречивое перестроечное время: «совок» и «новый русский». В первом выражается презрение к человеку за его приверженность к советским идеалам. Всем своим поведением, привычками, речью (*volens nolens*) он воспроизводит советский режим, советскую идентичность. В этом и может заключаться его опасность: после распада СССР советского прошлого стеснялись и уж точно не хотели его возвращения. Второй термин — «новый русский» — означает рождение человека абсолютно новой культуры. Данную генерацию вызывают к жизни принципиально иные цели и задачи, личностные и государственные. Этот стереотип, означающий стремительно разбогатевших беззаконников, быстро приобрел негативную окраску. Нового русского часто логически соединяют с процессами приватизации некогда нажитой совместным трудом собственности советских времен. Пройдет немного времени, и в постсоветской лексикон войдут такие понятия, как «крыша» «дележ», «разборки», «серая зарплата» и «черный нал».

Множественные конфликты 1988—1991 гг. между республиканскими и союзным законодательствами, так называемый «парад суверенитетов», и ставшие одним из ключевых факторов, приведших к распаду СССР, заложили основу нового проекта государственной политики на принятие Деклараций о суверенитете. В 1991 году проблема казалась решенной: состоялся выход из состава СССР всех республик, конфликтующих с текущей политикой. Однако почти сразу обострилась миграционная политика. Внутренняя миграция уступила место внешней. Каждый год на территорию РФ прибывает около полумиллиона трудовых или вынужденных мигрантов. Таким образом, проект свободных, дружески соседствующих республик на практике обернулся непреклонно увеличивающимся количеством национальных, этнических конфликтов как на территории России, так и за ее пределами.

Демократию можно назвать еще одной частью проектов позднесоветского и современного этапов развития российского госу-

дарства. Первые признаки гласности и демократизации проявились еще на советской почве (середина 80-х гг. XX в.). Демократия как политический режим, подразумевающий «власть народа», а точнее, принцип наделения всех граждан равными правами, ни в России, возможно, и ни в какой другой стране осуществим вполне быть не может. Современные средства информации и всеобщая история способны достаточно хорошо удостоверить нас в этом. Еще на заре советской власти в личной беседе Л. Каменев спросит Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина о том, как завоевать большинство в партии, на что И. Сталин ему ответит: «... совершенно неважно, кто и как будет в партии голосовать; но вот что чрезвычайно важно — это кто и как будет считать голоса»¹.

Размышляя о демократии вообще, социолог Р. Михельс точно подметит: «С точки зрения теории, защита вождями принципа «требовать подчинения масс» абсолютно очевидна и безупречна. Но на практике если и не выборы, то перевыборы вождей массами совершаются всегда при такой сильной обработке сознания и различных способах навязывания идей, что свобода принятия решения оказывается при этом в значительной степени подорванной. Нет никакого сомнения в том, что в процессе развития партии демократическая система сжимается в конечном счете до прав масс самим выбирать себе в данный период времени господ, которым они после их избрания обязаны оказывать послушание»². Новая форма современной политической идеологии, возможно, в разы сильнее предшествующей, заняла свои позиции, захватившая нас лестью о нашей значимости и необходимости: «... и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»³. Теперь в ее арсенале новейшие средства пропаганды. Силами тысяч постоянно обновляющихся политических деятелей она готова незамедлительно начать действовать.

О вполне реальных целях, задачах и достигнутых результатах установленной в 1991 г. демократической формы правления

¹ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Санкт-Петербург : Всемирное слово, 1992. URL : <http://lib.ru/MEMUARY/BAZHANOW/stalin.txt>

² *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 5, 9; 1991, № 4. URL : <http://v4.udsu.ru/files/1303479468.pdf>

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* К критике гегелевской философии права / Сочинения. В 50 т. Т. 1. 2-е изд. М. : Государственное издательство политической литературы. 1955. С. 422.

постсоветской Россией ежегодно повествует нам президент РФ. В 2003 году В. Путин сформулирует ценностные ориентиры российского общества в ежегодном Послании Федеральному Собранию: «Россия должна быть и будет страной с развитым гражданским обществом и устойчивой демократией. В ней в полной мере будут обеспечены права человека, гражданские и политические свободы. Россия должна быть и будет страной с конкурентоспособной рыночной экономикой. Страной, где права собственности надежно защищены, а экономические свободы позволяют людям честно работать, зарабатывать. Зарабатывать без страха и ограничений... И такой страной люди смогут не просто гордиться. Они будут приумножать ее богатство. Будут помнить и уважать нашу великую историю»¹. Однако в последующих Посланиях Федеральному Собранию он вынужден признать существование «замкнутого круга чиновничества» и «терроризма» налоговых органов по отношению к бизнесу»², сообщает о присутствии «недоверия к отдельным институтам государственной власти»³, о том, что «органы местного самоуправления то и дело сотрясают и коррупционные скандалы»⁴. Будет заметна тенденция в данных посланиях к возрастанию количества употребления президентом понятий с 2001 г.: «экономика», «фонд», «бюджет»; с 2004 г.: «библиотека», «искусство», «культура», «творчество»; в 2011 г. возрастет количество обращений президента к понятиям: «реформы» и «общества».

Не секрет, что идеологической может быть не только политика. Если понимать идеологию шире: как не просто «ложное сознание» или иллюзорную репрезентацию окружающей нас действительности, а как саму действительность. И «работать» в таком случае такая идеология (читай, реальность) будет при соблюдении основного правила: «незнания». Идеология «работает» до тех пор, пока люди, исполняющие ее принципы и законы, не подразумевают о ее существовании⁵, своими действиями постоянно

¹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2003. URL : <http://prohistory.ru/ru/documents/415>

² Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2005. URL : <http://prohistory.ru/ru/documents/417>

³ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2006. URL : <http://prohistory.ru/ru/documents/418>

⁴ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2014. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173>

⁵ См. об этом: *Zizek S.* The Sublime Object of Ideology. New York: Verso, 1989.

воспроизводя основные ее положения. В этом случае можно утверждать, что вся современная культура пронизана идеологическими предпосылками. Современная форма общественной идеологии использует все возможные средства: искусство, книги, фильмы, моду; не гнушается она и второсортной рекламой. Нам уже давно не говорят: «Думай, думай сам», нам говорят: «Действуй», «Потребляй», «За вас уже все продумали»: «Жизнь слишком коротка. Я не хочу ждать, я действую. Узнаю, чувствую, пробую, рискую, люблю — живу!..»

Проект освобождения советского человека от пут социализма и коммунизма, от пут крайней степени обезличенности и взаимозаменяемости в реальности обернулся свободой безграничного производства и сверхпотребления. «Общество потребления, — пишет Ж. Бодрийяр, — это также общество обучения потреблению, социальной дрессировки в потреблении, т.е. новый и специфический способ социализации...»¹. Современная структура мегаполиса, супермаркетов и даже наших домов является нагромождением товаров. Постсоветский человек, не сумев (и не желая) избежать очередной опасности, окунулся в жизнь с приставкой фаст (англ. fast — быстрый): фастфуд, фастмани, фаст как современная форма общения людей и пр. Вместе с реальным товаром он потребляет знаки, заключенные в товаре, а также сам процесс потребления сначала путем предвосхищения, а затем — ретроспективно, что свидетельствует о высокой степени психологичности самого процесса. Следовательно, как и прежде, стал востребован новый проект по исправлению совершенных ошибок и устранению вновь возникающих проблем.

Реализации проекта желаемого будущего всегда предшествует сложный и противоречивый процесс по его созданию, отладке и множественных последующих корректировок. Проект советского общества не был успешно реализован, так как не смог учесть мировой политики и экономики, предполагая собственную изолированность; не сумел правильно учесть и распределить средства по достижению намеченных целей — силы народа; не сумел исключить пропасть между правящей партией и народом. Без малого четверть века мы участвуем в реализации нового проекта постсоветской России, призванного исправить все прошлые ошибки и привести российского человека к благосо-

¹ *Бодрийяр Ж.* Общество потребления: его мифы и структуры. М. : Республика ; Культурная революция, 2006. С. 111.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

стоянию. Однако вновь требуется постоянный пересмотр самих основ данного проекта, так как основные его принципы и механизмы на российской почве дают совершенно иные всходы, чем, предположим, в странах Европы или даже бывших дружественных республиках. И тогда опять вспоминается предположение об уникальности российского пути развития, о несводимости его к примерам Запада или Востока. Не внешние или абстрактные ценности, принципы и механизмы их реализации должны быть положены в основу дальнейших, очевидно, неизбежных корректировок постсоветского проекта, а свойственные прежде всего российскому человеку, чтобы в свое время наш текущий проект не был замещен очередным проектом по созданию светлого будущего.

Русская культура имеет важное значение. Это несомненно, в особенности сегодня, когда человечество находится на переломном этапе своего развития, когда в новое «осевое время», ему нужно новое направление развития. Российские философы И.Т. Фролов, через изучение глобальных проблем современности, и В.С. Степин, критикуя техногенную цивилизацию, давно указали на необходимость таких изменений. А.А. Гусейнов в 2008 г. также говорил об этом с позиции этики. В современном мире та страна, которая выйдет на первый план в решении таких вопросов, будет определять и будущее человечества, выступая в главной роли в развитии мировой цивилизации, когда глобализация уже никем не может игнорироваться.

Движущей силой первой волны глобализации, которая началась в 1970-х гг., были транснациональные компании капиталистических стран. Во время перестройки в Советском Союзе и проведения политики реформ и открытости в Китае в социалистических странах начала формироваться рыночная экономика: они стали активно участвовать в международной торговле и проводить линию на демократизацию общества. В результате глобализация обрела сильную движущую силу и вступила в новый период своего развития. Вторая волна глобализации — в современную эпоху — связана с изменениями, происходящими в бывших социалистических странах.

По существу, современная глобализация распространяет индустриальную цивилизацию во всем мире, иными словами, проводит капитализацию мира. Это результат Холодной войны и мирной конкуренции между капиталистическими и социалистическими странами. Конечно, это не означает поражения социализма, проигравшим оказался только догматический социализм. История свидетельствует, что так называемая капиталистическая, индустриальная цивилизация является необходимой ступенью развития любого общества.

Ведущая сила современной глобализации — Соединенные Штаты Америки. Они считают, что являются победителем в Холодной войне, главным представителем человеческой цивилизации и стоят во главе современного мира. Многие американские ученые полагают, что история человечества завершилась капиталистической моделью развития, поэтому все остальные страны должны принять систему, возглавляемую США. Для России, Китая и других стран возвращение в общую европейскую семью или равный диалог с этими странами — лишь благое намерение, утопия.

Современная глобализация вызвала к жизни две важные проблемы. *Первая* — почти все развивающиеся страны участвуют в процессе формирования единой мировой рыночной экономики, везде наблюдается конкуренция. В связи с этим стали возникать различные конфликты: интересов, культур, идеологий и т.д. Конфликты происходят везде, но главным образом во взаимоотношениях между США и другими странами мира. США стремятся устанавливать правила в международных отношениях и руководить миром ради извлечения личной выгоды — это основной источник всех конфликтов между странами. *Вторая* — глобальные проблемы приобрели новое содержание. Вызовы, связанные с климатом, окружающей средой, демографией, ядерным оружием и терроризмом, угрожают существованию человечества. В связи с этим перед всеми странами стоит важная задача — поиск путей решения этих проблем с целью гарантировать существование человечества.

Вышеназванные проблемы не существуют изолированно друг от друга. Они объединены общей причиной — ценностными установками капиталистического общества. Пока акцент делается на материальных интересах и удовлетворении личных устремлений, лежащих в основе всей буржуазной культуры, между странами неизбежно возникают конфликты и глобальные проблемы.

Человечество нуждается в установлении единого мирового порядка в экономике и общественной жизни. Для этого разным странам необходимо научиться мирно сосуществовать друг с другом и с природой, соблюдать демократические правила в международных отношениях. Путь достижения поставленной цели — борьба (только так можно наладить реальный диалог). Однако цель этой борьбы состоит не в том, чтобы нанести удар по США или занять место этой страны в мире, а в том, чтобы завоевать уважение и добиться равных прав для других стран, установить демократию.

Первая проблема может быть решена в рамках капиталистической, индустриальной цивилизации, когда общие интересы всего человечества признаны всеми путем борьбы и примирения. Вторая проблема имеет более глубокие основания: она касается основных ценностей индустриальной цивилизации. Изменение этих ценностей — единственный путь решения существующих проблем. Глобализация в современном виде не может принести человечеству мир и создать гармонию, она уже завела его в тупик. Ситуация, на мой взгляд, намного опаснее, чем в период существования Советского Союза. Научно-технический прогресс может представлять собой эффективный инструмент улучшения климата и окружающей среды, но может и способствовать ухудшению ситуации.

В настоящее время цивилизация находится в поворотном пункте своей истории, поэтому необходим новый вектор развития.

В данном случае может раскрыться значимость русской культуры. Критика западной, капиталистической культуры — основная особенность и важное преимущество русской культуры. Причем эта критика не означает полного отрицания ценностей Запада, в ней содержится упрек западной культуре в игнорировании духовных ценностей человека. На наш взгляд, многие представители русской культуры наделены данной способностью.

Одна из значимых фигур в русской культуре — Ф.М. Достоевский. В «Легенде о Великом инквизиторе» (роман «Братья Карамазовы») он обозначил дилемму воли и свободы. В легенде подчеркивается значение духовных ценностей и содержится критика западной капиталистической культуры, потому что она умаляет духовные ценности ради удовлетворения материальных потребностей. Главная заслуга Достоевского состоит в том, что он раскрыл противоречивость добра и зла в душе человека, отметил, что жажда наживы заставляет человека продаваться (тем самым уничтожая свою личность, независимость, достоинство).

Ф.М. Достоевский — ярчайший представитель русской культуры. Многие русские мыслители впоследствии развили его идеи: критику западной буржуазной культуры, мещанства, заботу о судьбах человечества — это особенность русской культуры. Один из видных советских — российских философов И.Т. Фролов, развивая идеи Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, всесторонне исследовал революционные открытия в науке и технике и их результаты, обратился к глобальным проблемам, будущему

человечества и выдвинул идею нового гуманизма, связанную со свободой человека и совершенствованием его личности.

Сегодня мир нуждается в русской культуре, продолжении ее лучших традиций, развитии русской философии, которая является выражением русской культуры. Задача современных российских философов (совместно с философами из других стран) заключается в активной борьбе против худших традиций буржуазной культуры и стремлении развивать богатое наследие русской культуры и философии. Ценности русской культуры — это общие ценности всего человечества.

Только русская культура раскрыла противоречивую природу добра и зла в душе человека. Конечно, это очень важно, однако еще не значит, что Россия может в одиночку спасти человечество. Запад подчеркивает значение научной рациональности, Китай подчеркивает важность взаимоотношения между людьми, они (их культуры) тоже имеют жизненные значения для будущего человечества. В действительности сегодняшний Китай при помощи своей традиционной культуры постепенно повышает свое влияние в международных делах.

Русская культура очень благородная, но одновременно и имеет свои недостатки. Она носит характер аристократии, решительным образом отказывается от прагматизма, презирует мещанство. В этой связи она веками формировала своеобразный стандарт мышления, исходя не из реальности, а из благородных целей и желаний. С Петра Великого до Ельцина (за исключением нескольких периодов) русские всегда старательно перестраивали Россию в соответствии с каким-то привлекательным, но абстрактным, благородным идеалом. Это не могло помочь им в развитии экономики и общества, и в итоге благородный идеал превращался, как правило, в утопию.

Вот почему, как мне кажется, Достоевский, Пушкин, Толстой, Соловьев, Бердяев и другие не могут помочь России в развитии экономики. Как сказал философ В.М. Межуев, русским не нужна такая Россия, которая стремится к материальным интересам. Однако я считаю, что только на определенной материальной основе благородный идеал может превратиться в действительность. Идеал Достоевского, Пушкина, Толстого, Соловьева, Бердяева и большевиков благородный, привлекательный. Поэтому в современном мире очень много людей (среди них и я), которые любят русскую культуру. Но между идеалом и реальностью необходим мост. Искать этот мост — важная задача русских ученых.

ЦЕНзуРА КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ КИНО

С некоторых пор в России все чаще стали говорить и писать о тех ограничениях в сфере искусства, к необходимости которых призывает не только власть, но и само общество. Но что такое ограничения как не цензура, не важно в жесткой или мягкой форме она имеет место. Актуальность этой проблематики связана с тем, что спустя три десятилетия, после того как в нашей стране возникла гласность, а затем и отмена цензуры, в обществе и, подчеркнем это, именно в обществе стало заметно, что эйфория от гласности и свободы исчезла и возникает потребность какие-то явления, возникшие благодаря свободе, ограничить. Мы в данном случае сознательно делаем акцент на общество, поскольку все начинается именно с него. Мы просуществовали несколько десятилетий, когда, выражаясь языком В. Розанова, «начальство ушло». Оно, конечно, не ушло и не уходит, более того, если и уходит, то, как свидетельствует наша история, постоянно возвращается.

Учет этого обстоятельства позволяет точнее проследить циклическую логику в истории, в том числе и кино. Иначе говоря, в обществе возникло беспокойство по поводу той свободы без берегов, которая в некоторых случаях оборачивается деструктивными, разрушительными последствиями, что прослеживается и в кино. В. Фомин, уделивший много внимания обсуждаемой в данной книге проблеме, еще в начале 2000-х сформулировал следующее: «К сожалению, сегодняшнее российское кино, получившее возможность работать в условиях небывалой свободы, не сумело воспользоваться этой возможностью для творческого роста и умудрилось скомпрометировать идею свободного и бесконтрольного развития. Аморальность и вседозволенность, царящие в сегодняшнем российском кино, создают почву для инициатив по возрождению, казалось бы, раз и навсегда отвергнутого института цензуры»¹.

¹ Цензура — способ самосохранения нации или «гестапо для умов? // Новости Союза кинематографистов. 2001. № 6. 23 февр.

Возникшая ситуация оказалась чрезвычайно благоприятной для бюрократического реванша, который в настоящий момент в России происходит. Острым стал вопрос о воздействии тех произведений искусства, возникновение которых обязано свободе творчества, которой с таким трудом и с такими жертвами добивались на протяжении многих десятилетий. Естественно, что оставаться нейтральными по отношению к таким настроениям массы институты власти не могут. Они вынуждены на них реагировать. Об этом как раз и свидетельствуют возникшие позднее, уже в наши дни, дискуссии по поводу попыток властных инстанций наложить запреты на некоторые фильмы, спектакли, произведения литературы.

Вопрос оказался весьма острым, и на него ужеотреагировали и сами творцы, и критика, и общественность. В этой ситуации наука обязана активизироваться. В конце концов, в разрешении этого вопроса решающими должны быть не настроения массы и установки чиновников, а именно наука, на которую властные инстанции и должны опираться. Четко разработанные критерии того, как следует в данной ситуации поступать, способна предложить лишь наука. Хотя наука у нас сегодня находится не в лучшей своей форме, ведь чиновники, имея благие намерения, начали в этой сфере тоже действовать по своему усмотрению, тем не менее ученые продолжают работать, готовы работать и принимать участие в обсуждении острых проблем современности. В таких обсуждениях принимают участие не только критики и теоретики кино, но социологи, психологи и культурологи.

Однако деятельность по созданию научных трудов, в которых бы принимали участие одновременно и критики, и представители других научных дисциплин, до сегодняшнего дня практиковалась редко. Этому имеются причины методологического характера. В XX веке наука развивалась с уклоном в сторону дифференциации научных направлений и подходов, а ее развитие, связанное с интеграцией при решении каких-то вопросов, интересовало меньше. Это особенно касается гуманитарной науки и, в частности, наук искусствоведческого цикла. Однако совместная деятельность позволила бы воссоздать многоаспектную картину функционирования кино на протяжении трех последних десятилетий.

Конечно, при воссоздании частных аспектов кино этого времени каждый специалист пользуется своим подходом и соответственно языком. Но это не мешает, а, наоборот, способствует анализу самых существенных проблем, возникших в кинемато-

графической жизни этого периода. Понятно, что в какой-то степени данный труд спровоцирован попытками власти в последнее время начать жестко контролировать кинопроцесс и направлять его в русло, соответствующее создаваемой в последние годы государственной культурной политике. Иначе говоря, все свидетельствует о том, что после нескольких десятилетий невнимания государство вновь прибирает кино к своим рукам. Видимо, это начало нового периода в кинематографической жизни. Об этом же свидетельствует и утвержденный недавно Министерством культуры РФ документ «Основы государственной культурной политики».

Однако все предпринимаемые властью усилия вернуть контроль над искусством — лишь видимая часть айсберга. Невидимая ее часть связана с тем контактом, который существует между авторами и фильмами, с одной стороны, и публикой, т.е. обществом, с другой. Большую часть этого айсберга составляют настроения массы, которые в аргументированные доводы и требования оформляются далеко не всегда. Вот эти массовые настроения и их роль в кинематографической жизни в нашей стране практически не исследуются. По сути, это отдельная и почему-то постоянно закрытая отдельная сфера науки, которую ранее называли психологией масс, а позднее социальной психологией. Эта сфера имеет огромное значение для кино. Ведь не зря кино называют массовым искусством. Именно от настроений массы во многом зависит и отношение к кино в обществе, и его успехи, и его слабые стороны.

Очевидно, что в три последних десятилетия между кино и массовой аудиторией произошел разрыв. Имело место нарушение коммуникативных связей между кино и массовой публикой. Причин этого разрыва много. В отдельных случаях масса демонстрирует активное неприятие фильмов, выказывает возмущение, требует запретов. Этому удивляться не приходится, поскольку в XX в. такая ситуация носит универсальный характер и чисто русской проблемой не является. Еще в начале 30-х гг. Х. Ортега-и-Гассет, философ, которого в последние годы у нас много издавали, писал, что масса вообще не принимает все новое искусство. Писал он и об агрессии массы по отношению к искусству и о давлении массы на власть. Но, конечно, в России сложилась особая ситуация.

Таким образом, на повестке дня вопрос о необходимости ограничений оказывается весьма актуальным. Это означает, что

мы снова возвращаемся к постановке той весьма острой проблемы, которая сформулирована отнюдь не К. Марксом, под знаком идей которого Россия прожила несколько десятилетий, стремясь их реализовать в жизни. Тут скорее улавливается традиция Платона, усмотревшего первым в искусстве не только мощную воспитательную силу, но и таящиеся в нем и разъедающие нравы общества яды. Не пользуясь понятием «цензура», он, по сути дела, первым обосновал необходимость ограничений. Причем это касалось не только посредственных произведений, но и выдающихся шедевров. Тут следует учитывать, конечно, то обстоятельство, что Платона невозможно упрекнуть в симпатии к демократии. Его идеалы были связаны с консервативной Спартой, а не с Афинами, в которых процветало искусство. Так что его претензии к искусству связаны с его отношением к типу общества.

Что же касается К. Маркса, то по поводу свободы он-то как раз был весьма трезв и более точен. «Истинная, коренящаяся в самом существе свободы печати, цензура есть критика, — писал он. — Она — тот суд, который свобода печати порождает изнутри себя»¹. Как мы видим, цензуру как поединститут в функционировании медиа (хотя это суждение К. Маркса следует понимать не только как относящееся к медиа) К. Маркс связывал отнюдь не с государственными учреждениями, а с другим поединститутом в системе функционирования культуры, а именно с критикой. А критика — это ведь рупор прежде всего общества, а не функционеров. Правда, во времена советской власти приходилось наблюдать и такой тип критики, который цензуру дублировал, вынося приговор произведению до его публикации.

Суждение К. Маркса следует понимать так. Если цензуру соотносить с критикой, то это означает, что произведение не запрещается, а до общества доходит. Правда, при этом его появление сопровождается оценкой критики, иногда предельно отрицательной. Запрет в этом случае исключается. Но такое положение дел возможно лишь в том случае, если критика, действительно, тиражируя свои оценки в обществе и воздействуя на общество, осуществляет присущие ей функции.

С точки зрения марксизма и не только марксизма, критика в разрешении вопроса об ограничениях играет определяющую роль. Она вообще является чрезвычайно значимым поединститу-

том в кино как социальном институте. Ведь, казалось бы, раз цензура отменена, а это и оказывается точкой отправления для всех авторов этой книги, то тут бы как раз идею К. Маркса и реализовать. Ан нет, не получилось. Тот кризис кино, о котором говорили на протяжении трех последних десятилетий, в еще большей степени касается кинокритики. Казалось бы, в условиях постцензурного кино ей бы и активизироваться. Но не получилось. Кризис охватил и критику. Связь критики с публикой тоже оказалась нарушенной. Критика как значимый поединститут кино как социального института свои основные функции перестал осуществлять. Стоит ли удивляться тому, что произошло. Как говорится, свято место пусто не бывает. Функции критики взяли на себя чиновники, а учреждения, в которых сосредоточивалась критика, они за ненадобностью начали активно упразднять. А заодно и теорию, на которую опиралась критика и вообще научно-исследовательский блок в кино. В этой ситуации разбалансированности, отсутствия связи между разными поединститутами в кино, конечно, можно много наломать дров. Собственно, именно это составляет значимую грань кризиса кино.

Высказывая мысль о массе как о главном виновнике сложившейся в отечественном кино ситуации, мы как бы реабилитируем чиновников, которые в силу того, что именно им приходится принимать правовые и административные решения, демонизируются. Мы отнюдь не склонны снимать с них вины. Чиновники много наломали дров и в годы советской власти, и сегодня они по-прежнему готовы активно действовать, что, конечно, не может не вызывать опасения. Мы лишь пытаемся выявить глубинные процессы, которые не всегда становятся предметом осмысления, оставаясь латентными, но от этого не менее значимыми.

Когда приходится употреблять понятие «масса», то очевидно, что за ним следует шлейф отрицательных коннотаций, которыми мы обязаны в том числе и талантливому философскому эссе Х. Ортеге-и-Гассета. Между тем за настроениями массы стоит жизнь общества. Масса — это и есть общество, точнее, форма его существования, а уж в XX в. точно. Но не только общество. Масса имеет прямое отношение и к культуре. Она — хранительница архаических форм культуры, которые способны актуализироваться. Вот эта актуализация и приводит нас к цензуре. Только условимся: под культурой не следует понимать парадный фасад империи, что для нас привычно, и ее не следует отождест-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1955. С. 59.

влять с самыми высокими уровнями духовности, получающими выражение в некоторых кинематографических и не только кинематографических шедеврах.

Критики редко делают предметом анализа огромный массив фильмов, не отвечающих критериям высокого вкуса, делая вид, что его не существует. Между тем он существует и, более того, воздействует. Воздействует потому, что востребован, востребован массой. Не случайно в свое время выдающиеся филологи-«формалисты» в начале XX в., проявившие интерес к кино, пришли к необходимости изучать массовые формы искусства, в связи с чем показателен их интерес к социологии. Этот их опыт не то чтобы забыт. В киноведении верным ему всегда оставалась Н. Зоркая¹. Этот опыт сегодня востребован как никогда.

В конце концов, кино как минимум входит в четыре системы и, следовательно, предстает в четырех ипостасях. Кроме того, что кино — это вид искусства, это еще и средство коммуникации, причем массовой, и социальный институт, и значимая подсистема культуры. Если его исследование сводить лишь к рассмотрению его как вида искусства, то мы, пожалуй, не сможем разобраться в том, что такое свобода и соответственно несвобода творчества. Вообще, не можем разобраться в том, выражаясь языком В. Шукшина, «что с нами происходит».

Иначе говоря, чтобы разобраться в постцензурном кино, когда предмет, т.е. цензура уже не существует, нужно понять, а что же такое цензура. Почему цензуры уже не существует, а разговоры о ней не утихают. Наоборот, сегодня они вспыхивают с новой силой. В понимании этого поединства особых трудностей нет, поскольку в нашей стране мы в этом смысле имеем богатый опыт. Но цензура — это такой поединств, который требует осознания логики функционирования кино и как средства коммуникации, и как социального института, и как явления культуры. Оставаясь на уровне изучения кино лишь как вида искусства, мы осмысливаем лишь некоторые аспекты его функционирования.

Вот именно с этой комплексной точки зрения и следовало бы исследовать кино как социальный институт. В этом институте значимую роль играет публика, если под ней подразумевать не объект манипулирования, как это имело место раньше, а субъект, активно заявляющий о своих потребностях и запросах.

¹ Зоркая Н. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900—1910-х гг. М., 1976.

Колоссальный массив фильмов, пользующийся массовым спросом, востребован, но это совсем не означает, что он призван осуществлять лишь эстетические функции. Не изучая массовую публику, мы лишены возможности осознать самые разные функции кино. Этот массив фильмов востребован потому, что в своем развитии общество постоянно возвращается к тем состояниям, которые, казалось бы, в истории давно ушли в прошлое.

Не случайно некоторые наши философы совершенно серьезно пишут о возможных рецидивах варварства, от которого современные общества не избавлены¹. Еще в начале XX в., ссылаясь на Нибура и Гете, Д. Мережковский писал: «Высокая степень материальной цивилизации с низким уровнем идеальной культуры рано или поздно приводит ко всеобщему упадку и вырождению. Еще Нибур предсказывал грядущее цивилизационное варварство, которое грозит современной Европе. Гете на склоне лет с глубокой скорбью подтвердил это мрачное предсказание»². Вот этот возврат к варварским, архаическим состояниям получает выражение, в том числе и на экране. Кино позволяет эту агрессию, эти разрушительные инстинкты изжить.

Но эти социально-психологические функции кино осуществляет отнюдь не артхаусное кино. Эти другие фильмы, рассчитанные на массовый спрос, не могут не отпугнуть. Они осуществлены, но, видимо, далеко не все из них до зрителя дошли. Они забыты, их много, но они есть, чтобы размышлять об ограничениях в творчестве, необходимо о них знать. Знать о том, что выплеснулось, что в эпоху смуты, а такая смута для нас уже стала как бы перманентной, вышло из подсознания и получило выражение на экране, кстати, подчас в фильмах, созданных одаренными режиссерами.

Статью Л. Рондели портит лишь то, что автор в оценках некоторых, в том числе и значительных в художественном отношении, фильмов весьма прямолинеен, слишком эмоционален и, увы, поверхностен. Но ведь Л. Рондели не критик, он социолог. И он проделал весьма полезную работу, восполняющую существенный пробел. Кстати, его социологический этюд напоминает ныне забытый, но в начале XX в. весьма активно обсуждавшийся объемный том французского автора М. Нордау под названием «Вырождение». Эта книга — превосходный документ

¹ Мотрошилова Н. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010.

² Мережковский Д. Эстетика и критика. Т. 1. Москва ; Харьков, 1994. С. 124.

того взрыва, что в XIX в. имел место в либерализующейся Европе. Идеи М. Нордау имели широкий резонанс и в период первой оттепели в России, которая многое в два первых десятилетия XX в. в искусстве определяла.

К этому периоду, который мы называем Серебряным веком, понятие «оттепель» Д. Мережковский употребил первым. В статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» он констатировал: «Мы живем в странное время, похожее на оттепель»¹. Это была эпоха не только надлома, а уже и распада империи. А, как известно, искусство расцветает именно в неблагоприятные эпохи. Нашу эпоху тоже нельзя назвать благополучной. Но вот какое противоречие в связи с искусством подметил Ж.-Ж. Руссо. Он пишет, что подъему искусства сопутствует разложение нравов и вообще государств. Ж.-Ж. Руссо напоминал: как только в Египте родились философия и изящные искусства, он был завоеван греками, римлянами, арабами. По мнению философа, та же судьба постигла и Грецию. Этого не избежал и Рим. «Наконец, — пишет он, — эта столица мира, поработившая столько народов, сама впадает в порабощение и погибает накануне дня, когда один из ее граждан был признан законодателем изящного вкуса»².

Имеет ли подмеченное Ж.-Ж. Руссо противоречие какое-то отношение к той первой в XX в. оттепели, которую имел в виду Д. Мережковский? Конечно, имеет, и не только к первой, но и к последующим. Касаясь искусства Серебряного века и, в частности, стихотворения А. Ахматовой, в котором имеет место словосочетание «тоска самоубийства», академик А. Панченко утверждает, что эта «тоска самоубийства» была настроением всего этого периода, который обычно называют «русским Ренессансом» как выражением одной из первых в истории России XX в. оттепелей. А. Панченко недоумевает: все творцы Серебряного века были прекрасными людьми, но откуда у них появилась «тоска самоубийства»? Но разве только у них. Продолжая свою мысль, выдающийся филолог пишет: «Просто нация заболела».

В связи с недоумением академик не случайно напоминал о потребности культурологов выделить в истории каждого типа культуры разные фазы, вплоть до надлома и распада. Как известно, столь популярный в эти три десятилетия Л. Гумилев та-

кие фазы применительно к России тоже выделял. Эта мысль не прошла мимо внимания А. Панченко. «Просто нация заболела, — пишет он, — И эта всеобщая болезнь длится до сих пор, правда, с периодами некоторого выздоровления, например, в войну 1941—1945 гг., когда был национальный духовный подъем, к сожалению, неостребованный. Диагноз здесь поставить можно, но откуда зараза? Этого мы никогда не узнаем. Сын Н.С. Гумилева Л.Н. Гумилев нашел термин: „фаза надлома“. А вот откуда этот „надлом“? Непонятно, равно как непонятно, почему один человек живет долго, а другой — мало»¹.

Так или иначе, но оттепель, причем любая, имеет обратную сторону. Не случайно в эпоху постцензурного кино в науке проявился настойчивый интерес к танатологии, изучающей то, что З. Фрейд обозначил как влечение к смерти. Так, в начале 1990-х тема ухода из жизни оказалась и в самом деле актуальной. Неслучайно «Литературная газета» печатала подборку статей под общим заголовком «Захлестнет ли нас волна самоубийств?». Констатируя, что по данным за 1991 г. наивысший коэффициент самоубийств дала Россия, автор статьи пишет, что уход из жизни увеличивается в среде не только молодежи и стариков, но и женщин, хотя известно, что они расстаются с жизнью в 4 раза реже, чем мужчины².

Пора бы взглянуть на тот массив фильмов, что возник в эту эпоху, и под этим углом зрения. А что если это влечение становится коллективным? Но если такое возможно, то оно не может не получить выражения в искусстве, а значит, и в кино. Но соприкасаясь с сюжетами массового корпуса фильмов, невольно ставишь перед собой вопрос: а не функционировало ли постцензурное кино так, что слишком большой удельный вес в нем занял комплекс Танатоса? Тогда это документ времени, позволяющий приходиться к тем выводам, к каким когда-то, касаясь первой оттепели в истории России, пришел академик А. Панченко. Искусство не может быть лишь способом выражения танатологических настроений. Оно должно функционировать как сопротивление им и быть их преодолением. Иначе говоря, как явление культуры оно тоже должно осуществлять универсальную функцию культуры — способствовать выживанию целых наро-

¹ Мережковский Д. Эстетика и критика. Т. 1. Москва; Харьков, 1994. С. 137.

² Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 1. М., 1961. С. 48.

¹ Панченко А. Серебряный век и гибель России // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993—2013). В 3 т. Т. 3., СПб., 2013. С. 529.

² Голованов В. Летальный уход // Литературная газета. 1992. № 6. 5 февр. С. 12.

дов. Эту миссию кино как подсистема культуры тоже осуществляет. А с этим вопросом дело обстоит не столь оптимистично. Здесь не будет лишним напомнить о тех опасениях, которые высказывал А. Солженицын. Он писал, что мы вступаем в период необратимого вымирания славянских народов¹.

Что же касается М. Нордау, то он констатировал негативное воздействие всего нового искусства, которое он обозначал как болезнь и предупреждал европейский мир об опасности, исходящей от большого искусства. Может быть, при национал-социализме эти идеи М. Нордау и были взяты на вооружение, а авангардное искусство было названо дегенеративным и, следовательно, подлежащим запрету. Известная выставка так называемого дегенеративного искусства, устроенная в 1937 г. в Мюнхене, как раз об этом и свидетельствовала². Кстати, геббельсовский подход к цензуре, свидетельствующий о крестовом походе против искусства, может служить для нас уроком и предостережением. Впрочем, и в практике отечественной власти таких акций, которых необходимо опасаться, тоже можно отыскать немало.

Да, на поверхность истории масса выносит много комплексов, казалось бы, давно культурой преодоленных. Видно, что кино может быть формой выражения этих варварских комплексов. Хотя вопрос о воздействии весьма неоднозначен. Параллельно негативному воздействию фильмов, особенно на так называемую группу риска, здесь имеет место и позитивное воздействие, а именно катартический эффект фильма, когда происходит изживание агрессии. Ведь она могла проявиться в самой жизни в формах насилия, что человечество никак не может преодолеть и что в переходные эпохи, а мы как раз в такой эпохе и находимся, представляет настоящее бедствие. Тем не менее раз уж массе и ее настроениям в кинематографической жизни мы придаем значение, то в этом вопросе следует поставить точку.

Что бы там ни утверждал Х. Ортега-и-Гассет, имея в виду массу, масса — это не всегда выпадение из культуры. Она, как это ни покажется странным, тоже отражает жизнь культуры. Узвимость методологии изучения кино является то, что кинематографическую жизнь исследователи постоянно абстрагируют от логики функционирования культуры. Кстати сказать, именно этот

¹ Солженицын А. Публицистика. В 3 т. Т. 2. Ярославль, 1997. С. 116.

² Моссе Д. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. М., 2010. С. 58.

недостаток киноведения в данном труде успешно преодолевается, и это мы как раз и оцениваем в высшей степени положительно. Так уж повелось, что киноведческие исследования существуют сами по себе, изолируются от культурологической рефлексии. Методология киноведения, ориентирующаяся на анализ исключительно выдающихся произведений, а следовательно, исходящая исключительно из эстетических, а точнее, искусствоведческих критериев, приобрела инерцию на многие десятилетия.

Но если задуматься, то такая методология с самого начала была несостоятельной. Она продиктована государственной культурной политикой эпохи большевизма. Установка большевиков заключалась в том, чтобы в анализе кино избегать вопросов, связанных с социологией, социальной психологией, теорией культуры. В ситуации, когда зритель был превращен в объект и не представлял субъектом, а именно эта особенность характерна вообще для установок большевизма, это было понятно. Размышлять на эти темы избегали, и сосредоточивались лишь на чисто эстетической стороне дела. Власти так было удобно. Между тем от культуры кино не изолировано, хотя оно способно развиваться в других ритмах, нежели ритмы культуры. Оно способно опережать ритмы культуры или даже по отношению к ним запаздывать.

То, что оно может опережать ритмы культуры, существенно. Культура соотносится с коллективными ценностями. Но если ее функционирование будет соотноситься лишь с ними, то в ее функционировании получается статика, а не динамика. Динамизм в развитии культуры обеспечивается вторжением в нее субкультуры и индивидуальных ценностей. В художественном отношении это, конечно, прогресс. Но как их внедрить в культуру, которая в силу ее коллективных установок является консервативной. Консервативность вытекает из ее ориентации на коллективное начало. Это, конечно, один из самых острых вопросов, который, несомненно, объясняет в том числе и расхождение между фильмами и зрителями.

Как сформулировал Кант, творческие эксперименты гениального художника не имеют прецедентов. В них получает выражение не только культура, но и природа. Творческий эксперимент из культуры часто выпадает. Культура в целом какое-то время к нему оказывается неготовой. Культура, именно культура, а не масса, какое-то время, находясь в статике, к ассимиляции творчества гения не готова. Это творчество слишком свободно. Оно нарушает те

табу, которые обеспечивают стабильность социума и которым должны следовать все представители коллективного сообщества. Из этого, собственно, и исходил Платон, делая столь радикальные заключения об обязательном ограничении и контроле за искусством, а за ним и все его последователи, включая сюда и Хейса со своим кодексом, который ведь тоже является вариантом цензуры. Конечно, такой разлад между гением и культурой происходит не во всех типах культуры. В иных типах культуры такой радикализм смягчается. Но ведь даже в Америке, которая гордится ценностями демократии, пришлось все же на кодекс Хейса опираться.

Но было бы весьма поверхностным представление о том, что поскольку культура в силу своей соотносительности с коллективными ценностями консервативна, то она исключительно статична, т.е. находится в застое, что вообще нам очень знакомо. В том-то и дело, что в реальном функционировании культуры имеются два крайних полюса. Один из них — крайне консервативный, другой — исключительно инновационный. Каждый тип культуры, а таких типов культуры в мире когда-то Н. Данилевский насчитывал 10, называя их культурно-историческими типами (позднее последователи культурологического подхода, к которым относятся Шпенглер и Тойнби, насчитывали их уже больше), в своей продолжительной истории переживает и периоды стагнации, и периоды динамики, когда смягчаются или упраздняются табу, определяющие функционирование социумов, а вслед за ними и цензуру.

Такие динамичные эпохи обновления как раз и обозначаются знакомым нам словом «оттепель». Но в истории России оттепель — постоянно возвращающееся явление. По поводу оттепели, сопровождающей распад царской империи, мы уже цитировали Д. Мережковского. Об оттепели, начавшейся XX съездом КПСС и закончившейся отставкой Н. Хрущева, всем хорошо известно. Это в киноведении наиболее изученный период. Но ведь период «перестройки» тоже является оттепелью. Так уж получается, что история России разворачивается по принципу маятника — от заморозков к оттепели и от оттепели к заморозкам. Это придает нашей истории циклический вид.

Вот, например, серьезный историк кино Н. Клейман в истории отечественного кино вообще насчитывает сразу четыре оттепели¹. У него получается, что оттепель, начавшаяся 1955-м и закончив-

¹ Другая история советского кино // Н. Клейман. Формула финала. Статьи, выступления, беседы. М., 2004. С. 413.

шаяся 1968 г., — это последняя оттепель. Но последней она все-таки не была. Как свидетельствует суждение Н. Клеймана, киноведы уже близко подходят к такому представлению об истории кино, и это очень важно. Важно потому, что учет этого обстоятельства позволяет отойти от тех подходов в изучении кино, которые предпочитают критики, предрасположенные фрагментировать кинематографический процесс на десятилетия и на их самостоятельное, изолированное изучение. Хотя и сами киноведы осознают неадекватность и такой периодизации, и такой методологии. Так, И. Шилова справедливо сформулировала уязвимость киноведческой терминологии. «Беда в том, что мы все время мыслим историю искусства XX в. разбитой на какие-то микроэпизоды, между которыми словно бы нет внутренних связей, пытаемся объяснить последующее ближайшим циклом и совершенно не схватываем большие волны, не видим преемственности, споров, внутренних откликов»¹.

Если историю кино соотносить с историей культуры, в которой существуют особые ритмы, то у нас возникнет специфический к нему подход, особая и пока еще не используемая методология. Вот мы и подошли к одной из наиболее значимых проблем. Она связана с выявлением и обозначением переживаемого нами сегодня момента в истории и соответственно истории кино. Постцензурный период в кино охватывает целых три десятилетия, продолжаясь вплоть до сегодняшнего дня.

Как уже отмечалось, сегодня общество, кажется, ощущает необходимость что-то в этой логике изменить, что и делает разработку проблем государственной культурной политики актуальной. Но что и как изменять? Какие ограничения нужны и какие критерии для введения ограничений возможны? Да и вообще, возможно ли возвращение к ограничениям? Совершенно очевидно, что, находясь внутри кинематографического ведомства, этот вопрос не разрешить. Ясно, чтобы какие-то ограничения вводить, нужно исходить из ценностных ориентаций общества. Следовательно, необходимо, чтобы такие ценности были. Эта необходимость выводит за пределы кинематографического ведомства. Если вводить цензуру, то это будет означать, что провозглашенные ценности демократии упраздняются. Следовательно, тот период оттепели, который мы до сих пор переживали, заканчива-

¹ История кино как история культуры и как история людей // Н. Клейман. Формула финала. Статьи, выступления, беседы. М., 2004. С. 382.

ется и, следовательно, начинается что-то другое. И это другое необходимо назвать. Собственно, появившийся недавно документ «Основы государственной культурной политики» свидетельствует о том, что этот вопрос прояснится.

Если иметь в виду Россию, то это другое постоянно возвращается в форме империи. Так, в сталинский период под видом социализма империя возрождалась в еще более жесткой, чем царская империя, форме, увлекая Россию к наиболее древнему своему образцу — византийской империи. Кино отреагировало на этот крутой разворот фильмом С. Эйзенштейна «Иван Грозный». Но эта эпоха заморозков была преодолена, и наступила оттепель, сменившаяся в 70-е гг. новыми заморозками. «Вообще, недовольство кинематографом у высшего политического руководства, сколько я помню, — признавался В. Баскаков в интервью, опубликованном под названием „Как заморозили кинематограф “оттепели”, — было всегда. Все время случались “происшествия” или с какими-то фильмами или событиями кинематографической жизни. Но после отставки Хрущева, повторю, это вечное раздражение стало накапливаться уже в лошадиных дозах. Чувствовалось по всему: над кино сгущаются грозные тучи»¹.

Правда, принимаемые меры контроля, обращенные в том числе и против известных шедевров, сохранялись недолго. В 1980-е годы началась новая оттепель. О чем свидетельствует эта маятниковая логика нашей истории? Нас прежде всего интересует история как история культуры и, следовательно, логика развертывания культуры во времени. Интересует потому, чтобы точнее обозначить избранный для исследования период. Получается, что логика этой истории циклична. Вот почему не удивляет парадоксальное заявление Н. Клеймана о том, что «мы в каком-то смысле находимся сейчас на витке 1921—1922 гг., перед тем, как игровое кино осознало свою функциональность»². Но это если иметь в виду исключительно периодизацию кино. А если рассматривать кино в культурологической перспективе, то здесь возникнут новые параллели и парадоксы. Кстати, если в 1920-е гг. кино обрело свою функциональность, то вот что касается трех последних десятилетий, то оно ее совершенно утратило.

¹ *Фомин В.* Кино и власть. Советское кино: 1965—1985. Документы, свидетельства, размышления. М., 1996. С. 135.

² История кино как история культуры и как история людей. С. 389.

Возврат к консервативным установкам, что становится благоприятным для цензуры, конечно, каждый раз приводит к ущемлению искусства, которое мы обычно связываем с творческим экспериментом. В этом мы следуем установкам модерна, понимаемого в философском смысле, т.е. тем установкам, что были провозглашены в эпоху Просвещения, из которой вырвались все последующие революции, преследующие утверждение либеральных ценностей и, следовательно, свободу творческого самовыражения. Во второй половине XX в. в связи с постмодернизмом началась переоценка установок модерна. Оказалось, что модерн, который почти был обожевлен (а уж в русской-то революции точно, здесь политика даже предстала в сакральном, т.е. в почти в религиозном духе, и, кстати, это во многом определяло и установки массы по отношению к кино, и творчество самих режиссеров), сыграл деструктивную роль.

Модерн не делал ставку на культуру. Он ее разрушал. Как утверждает Ж. Бодрийяр, сегодня этим идеям следует лишь Америка. «...Американцы, отгороженные океаном, просторы которого сделали из них что-то вроде острова во времени, сохранили в целостности и сохранности утопическую и моральную перспективу мыслителей XVIII в. или даже пуританских сект XVII в., трансплантированную и укрытую в надежном месте от всех исторических перипетий»¹. Вот этот модерн по-американски мы сегодня и наблюдаем на Ближнем Востоке.

Россия — страна, имеющая особый дар ассимиляции опыта других культур. Революция 1917 г. — демонстрация проекта модерна. Но ведь и эта революция, и вообще европейский модерн в целом привели к тому, что масса как производное к тому же еще от перехода от доиндустриальных обществ в индустриальные была втянута в процесс социального обновления и, следовательно, оказалась за пределами культуры. Однако каждый исторический процесс, который радикально изменяет формы жизни, своим следствием имеет прорыв консервативного начала, который, как уже отмечалось, является одним из крайних полюсов культуры. Эта консервативная стихия в России взяла с рубежа 1920—1930-х гг. реванш, чем, кстати, воспользовался Сталин, реабилитируя средневековый византийский комплекс империи.

Поскольку этот комплекс вырывался из подсознания масс, сталинская империя обладала гипнотической силой, которая

¹ *Бодрийяр Ж.* Америка. СПб., 2000. С. 166.

не иссякла вплоть до сегодняшнего дня. Его рецидивы проявляются в сегодняшней ситуации. Она этот комплекс и возродила, и укрепила. Он оказался настолько мощным, что даже после надлома и распада этой империи, упакованной в марксистскую терминологию, он продолжает быть в нашей истории основной перманентной реабилитации периодов заморозков. В этом смысле позволительна и еще одна параллель. То, что мы сегодня переживаем, сближает нас с 1970-ми гг., когда продолжался откат от оттепели. Когда это происходит, приходится вновь и вновь ставить вопрос об ограничениях и соответственно о цензуре. Это было актуально в 1970-е гг., это актуально и сейчас.

Корнем же этой ментальности является и психология масс, и соответственно консервативный полюс самой культуры. В настоящий момент, т.е. в 2010-е гг., мы переживаем не постцензурный и не постсоветский период, а, может быть, как утверждают некоторые наши социологи, посттоталитарный период. Это означает, что, пересматривая и переоценивая имперское прошлое, мы пока еще оказываемся неспособными от него освободиться. Может быть, посттоталитарная эпоха — это все еще во многом тоталитарная эпоха. И, кстати, этот комплекс присущ не только России. Призывы к запретам и ограничениям в сфере искусства выражают ту ситуацию, когда мы находимся в апогее прорыва консервативного комплекса культуры. Период постцензурного кино трудно отделить от циклической истории нашей культуры.

Время этой культуры протекает в больших длительностях. Эти длительности и являются специфическим временем культуры. Находясь во власти медиа, ежеминутно информирующей нас обо всем, что происходит в мире, мы существуем и мыслим исключительно в кратких длительностях. Их давление оказывается настолько сильным, что так, собственно, представляется и история кино. К сожалению, локализация анализируемого периода мешает рассматривать этот период в пространстве истории культуры. Но без нахождения логики преемственности в кинопроцессе, т.е. логики, просматриваемой в больших длительностях, какие-то смыслы кино не прочтываются. А ведь в том, что сегодня происходит, проигрываются постоянно возвращающиеся и повторяющиеся формы, свидетельствующие об очень странной и прихотливой логике преемственности. Вот как хорошо сказала об этой логике философ П. Гайденко. «Русская смута, начавшаяся, вероятно, еще до первой революции, где-то в последние

десятилетия XIX столетия, судя по всему еще не закончилась, и конец XX в. в России возвращается к его началу»¹.

Когда раздаются призывы к необходимости ограничений в свободе творчества, то при этом исходят из того, что все, что в эти три десятилетия постцензурного кино было создано, является деструктивным. Мы очень легко поддаемся эмоциям, что оборачивается просто-таки массовыми эпидемиями, нередко приводящими к поспешным выводам и ошибочным действиям. Потом, когда культура возвращает инновационный полюс, все эти действия, казавшиеся какое-то время рациональными, приходится пересматривать и переоценивать. Но так ли уж мало в эти десятилетия появилось в искусстве того, что следует оценить позитивно? Да, конечно, были просчеты, например, с детским кино, которое в предшествующих десятилетиях было на очень высоком уровне.

Так, практика постцензурного кино обошла проблематику семьи. В переходной ситуации, когда развевался распад института семьи и брака, кино не только избегало этой темы, но, можно сказать, деструктивным процессам в этой сфере способствовало. Между тем если уж подражать Голливуду, к чему некоторые режиссеры сегодня склоняются, то стоило бы изучить и продумать ту высокую ауру семейных ценностей, которые в его продукции имеют место.

Тем не менее эти негативные последствия существуют параллельно позитивным. Как утверждает И. Прохорова в одном из своих интервью, в начале 1990-х гг., когда художественная жизнь освободилась от жесткой государственной опеки, произошел мощный культурный взрыв, смысл которого нами еще не до конца ясен. Она, в частности, ссылаясь на расцвет в эти три десятилетия поэзии, который она называет настоящим поэтическим Ренессансом, сравнимым только с Серебряным веком. Отмечает она и театральные бумы, появление новой генерации режиссеров европейского уровня. Однако вот ведь что интересно — этот ренессанс массовой публике неизвестен. Наблюдения И. Прохоровой — прекрасная иллюстрация к нашему тезису о том, что не все художественные эксперименты своевременно включаются в культуру. И. Прохорова не упоминает только о ситуации в кино. Но настоящая книга достаточно хорошо описывает сложившуюся в кино ситуацию. Разве не прекрасно то, что в постсоветском кино получила выражение женская творческая стихия?

¹ *Гайденко П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001. С. 8.

Режиссура отечественного кино обновилась за счет прихода в нее женщин. Правда, если уж поднимать тему гендера, как и влияния на гендерные процессы общественного обновления и того, какое выражение они в кино получили, то следовало бы осмыслить и то, что же происходит с мужской режиссурой. Если отвлечься от режиссуры и взглянуть на героев кино, то дефицит мужского начала тут очевиден. Феминизм есть не только выражение обретенной свободы, но и следствие процессов, связанных с утратой мужской витальности. Совсем не случайно экран заполнен персонажами с гипертрофированными мускулами, обладающими исключительной физической силой. По сути дела, это компенсация с помощью экрана той мужской витальности, которая в самой жизни становится дефицитной. Физическая сила явно не заменяет других достоинств.

Имеется и еще один позитивный фактор, связанный со свободой творчества в постцензурный период. Он касается втягивания в кинопроцесс того сегмента современной культуры, которая соотносима с молодежными субкультурами, в частности, с рок-культурой. С помощью рок-культуры отечественное кино пережило фазу ювенилизации. Так что не следует уж так демонизировать кино трех десятилетий, как это сделал в своем выступлении В. Фомин.

Конечно, субкультурные и индивидуальные прорывы оказались освоенными массой отнюдь не сразу. Как мы уже отмечали, они входят в культуру постепенно. Но это совсем не означает, что это исключительно маргинальные явления. Со временем то, что казалось маргинальным, принимает культурные формы. Это не отклонение от нормы, а опережение культурных процессов. Пожалуй, это естественная для культуры закономерность. Может быть, в России она предстает даже в гипертрофированных формах. На то есть причины. «Россия, — писал Н. Бердяев, — совмещает в себе несколько исторических и культурных возрастов, от раннего Средневековья до XX в., от самых первоначальных стадий, предшествующих культурному состоянию, до самых вершин мировой культуры... Все страны совмещают много возрастов. Но необъятная величина России и особенности ее истории породили невиданные контрасты и противоположности. У нас почти нет того среднего и крепкого общественного строя, который повсюду организует народную жизнь»¹.

¹ Бердяев Н. Судьба России. Опыты психологии войны и национальности. М., 2004. С. 71.

То, что произошло в ситуации краха империи в сталинской форме, явилось чем-то вроде бифуркации, т.е., как писал Ю. Лотман, взрыва. Но этот взрыв был взрывом империи, но не культуры. Последствия этого взрыва для культуры были в том числе и благотворными, обращенными в будущее. Последствие взрыва — вторжение в кинопроцесс таких форм, которые на предшествующих этапах истории кино были невозможны. Но вообще, в той тревоге, которая исходит от массы, на длительное время отвернувшейся от кино, есть рациональное зерно, делающее проблему ограничений весьма актуальной. Масса отвернулась от кино не только потому, что оно в эти годы стало синонимом чернухи, что в культуре появились формы, которые мы называем субкультурными и индивидуальными, к восприятию которых массовый зритель пока не готов. Тут есть веские причины, и они сегодня актуальны не только для России.

Кино не может не реагировать на процессы глобализации, а они, порождая общие для всего человечества формы, в реальности нередко принижают значение тех ценностей, в том числе художественных, которые присущи каждому культурно-историческому типу и которые важно сохранять, ведь они являются основой коллективной идентичности. Есть опасность, исходящая не от самой идеи глобализации, а от воплощения этой идеи в жизнь. Ведь в реальности она реализуется как вестернизация, а сегодня еще и как американизация. Необходимо сохранять все слои и уровни культуры, и не только потому, что культура есть самоцель и сама по себе ценность, а потому, что на их основе формируется коллективная идентичность, которую важно поддерживать. Разрушительные процессы угрожают выживанию, а функция культуры, способствующая выживанию, есть наиболее значимая и самая универсальная функция. Но функция формирования и поддержания идентичности является существенной функцией и для кино¹.

Какие бы аргументы в пользу цензуры или против цензуры ни выдвигались, все-таки следует ответить на вопрос: так нужны ли в кино ограничения или, другими словами, нужна ли цензура? Мы пережили длительный этап политической цензуры, хотя когда в 20-е гг. вводили цензуру, то клялись, что это временно. Но оказывается, нет ничего более постоянного, чем временное.

¹ Хренов Н. Кино в функции формирования и поддержания коллективной идентичности // Кино и коллективная идентичность. М., 2013.

Из этого негативного опыта функционирования цензуры, которая катком прокатилась по искусству, мы делаем выводы. Но мы теперь уже имеем богатый опыт и постцензурного кино. Это не может не делать нас мудрее и трезвее.

Что касается нашего ответа по этому поводу, то мы отвечаем на него, ставя функционирование кино в зависимость от установок и ритмов культуры. Как мы показали, культура функционирует то в сторону реабилитации своего консервативного ядра, то в сторону радикального обновления, следствием которого является отмена ограничений в творчестве. Искусство постоянно находится между этими двумя полюсами в функционировании культуры. При этом очевидно, что сама культура функционирует по типу цензуры. Она сама осуществляет функцию цензуры, то раскрепощая и расширяя потенциал искусства, то ограничивая его свободу. Поступая так, культура разрешает свою самую главную задачу — способствовать выживанию больших человеческих коллективов — культурно-исторических типов.

Получается, что сформулировать какой-то постоянный критерий ограничений невозможно. Поэтому даже кодекс Хейса приходилось постоянно смягчать. Не случайно Я. Голосовкер утверждал, что существует так называемый высший спасительный инстинкт культуры, который бессознательно пробуждается в экстремальных для общества ситуациях. «Высший инстинкт как инстинкт культуры, — пишет Я. Голосовкер, — вступает в борьбу с низшими инстинктами, добиваясь господства, чтобы спасти человека от гибели вследствие неудовлетворенности низших инстинктов, — он охраняет человека, спасает его»¹.

Если с этим согласиться, если культура сама осуществляет функции цензуры, то, может быть, посредники, которые наделали так много ошибок, вплоть до осуществления совета Платона по устранению вредных для общественной нравственности произведений, вообще излишни? Ведь именно они этот механизм контроля и скомпрометировали, доведя его до абсурда. Решение находилось в плоскости не культуры, а политики. Посредники, конечно, необходимы, но предполагается, что они обладают мудростью.

Но, говоря о посредниках, невозможно обойти вопрос о том, что именно в постцензурную эпоху наше кино вернулось к исходной точке, т.е. к рыночным отношениям. Кино стало бизне-

сом, каким оно и было в момент возникновения, т.е. в начале XX в. А включение кино в рыночные отношения продиктовало реабилитацию продюсера, в деятельности которого зачастую улавливаются явно непросветительские цели. Тут уж в силу вступают интересы не культуры, а бизнеса, а бизнес интересуется прибылью. Вот этот посредник, конечно, в эти три десятилетия зарекомендовал себя далеко не всегда с лучшей стороны. Но этот вопрос, конечно, требует специального исследования.

Раз кинопроцесс мы связываем с культурой, то нельзя не задаться вопросом, разве не лучше ли было, чтобы культура способствовала исключительно творческим экспериментам, которые без свободы невозможны, а, следовательно, культура только и должна поддерживать эту установку на свободу? Так, собственно, и решается вопрос, если исходить из того проекта модерна, который в эпоху Просвещения был вызван к жизни. Но так не получается, поскольку свобода становится основой в том числе разрушительных процессов. Какова же природа этих процессов? Дело в том, что логика функционирования культуры предполагает не только преемственность, не допуская разрывов. Здесь важны ее контакты с другими культурами, т.е. ассимиляция ценностей этих других культур. Конечно, в реальности ассимилируются лишь элементы этих культур, которые в своей культуре осуществляют позитивную роль, а, будучи заимствованными другой культурой, они могут иметь отрицательные и даже разрушительные последствия.

Почему это происходит? Потому что другая культура, в которой заимствуются какие-то ценности, в своем развитии может опережать культуру, которая заимствует у нее какие-то ценности. В культурном отношении она может быть более мощной и, как сейчас выражаются, более продвинутой. Ассимиляция ценностей другой, более развитой культуры может приостановить и приглушить развитие ценностей заимствующей культуры, не дать им развиваться как ценностям самобытным. Разве не это сегодня происходит, когда длительное время в прокате демонстрировались исключительно коммерческие американские фильмы, которым отечественные режиссеры, вступая в борьбу за зрителя, подражают? Отрицательный эффект, оправдываемый чисто коммерческими аргументами, тут налицо. Так что за эти три десятилетия функционирования постцензурного кино накопилось много проблем, которые необходимо решать с помощью науки.

¹ Голосовкер Я. Логика мифа. М., 1987. С. 136.

ОТ СОВЕТСКОГО К ПОСТСОВЕТСКОМУ КИНО И ОБРАТНО¹

2016 год в нашей стране был объявлен Годом российского кино...

В мае 1986 г. в Кремлевском Дворце Съездов состоялся 5-й Съезд кинематографистов СССР. Самый скандальный за всю историю существования Советского Союза. Когда на трибуну съезда поднимались выдающиеся деятели советского кино, такие как Сергей Бондарчук, Станислав Ростоцкий, Лев Кулиджанов и другие, их выступления сопровождалось топотом ног, хохотом, агрессивными репликами, попытками всячески унижить этих талантливых людей. Создавалось впечатление, что присутствующие в зале молодые кинематографисты, каждый из которых, считая себя гением, пытался «сбросить с корабля современности» этих немолодых, «заскорузлых», «консервативных» режиссеров. Молодые и не очень молодые люди, которые освистывали великих деятелей кино, полагали, что если им дать свободу деятельности, то они сдадут гениальные произведения, и только советская система организации кино мешает им проявить свои лучшие качества.

Сразу после Съезда среди этой «толпы» нашлись активисты, которые попытались сорвать мемориальную доску знаменитого советского режиссера Сергея Герасимова со стены ВГИКа. Единственный человек, который не побоялся встать на защиту выдающихся деятелей кино, был Никита Михалков, который заявил о том, что по-разному можно относиться к старшему поколению деятелей культуры, однако когда освистывают и «топчут» людей, создавших великие произведения, вошедшие в историю отечественной культуры, то такое поведение — ребячество. Покидая 5-й Съезд, Сергей Бондарчук предсказал две вещи: разрушение Советского Союза и деградацию российской культуры.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период»), проект № 15-23-21002.

В СССР делали много фильмов. И при всей цензуре и ограничениях создавались настоящие шедевры, авторами которых были не только великие режиссеры, но и великие композиторы, такие как Д. Шостакович, С. Прокофьев, Б. Чайковский, А. Шнитке и др. Неслучайно в американском городе Балтимор ежегодно в течение долгого периода в местном университете показывали фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский», однако музыка С. Прокофьева звучала «вживую» в исполнении местного симфонического оркестра.

Любопытен и тот факт, что в современной России самое большое количество фильмов, которые показывают на телевидении по праздникам, сделаны в советское время. Здесь достаточно вспомнить советских режиссеров, создавших великие фильмы на военную тематику, таких как С. Эйзенштейн, Г. Чухрай, С. Ростоцкий, М. Калатозов и др., а также классиков советской кинокомедии: Л. Гайдая, Э. Рязанова и Г. Данелии и др. Профессиональные режиссеры способны вспомнить не менее четырехсот советских картин, которые сегодня хранятся в Госфильмофонде и достойны внимания современного зрителя. Эта организация, продавая право на показ этих фильмов, зарабатывает деньги, которых хватает им даже на организацию фестивалей.

Сейчас хорошие декорации делает у нас только телевидение, обладая для этого финансовыми возможностями. Если в современном кинематографе стараются сэкономить на сценариях, декорациях, делают их «на коленке», то на телевидении по существу сохранилась советская система ответственности — там сценарий вначале утверждает продюсер, а затем над ним начинают работать профессиональные редакторы, которые сделают поправки, а специально обученные люди будут следить за тем, как будет воплощаться этот сценарий в реальности. Можно сказать, что нынешнее телевидение работает примерно также (в организационном смысле), как работал кинематограф во времена Советского Союза. Конечно, если проект не получает одобрения государственной организации, то автор может обратиться к частному инвестору, однако сейчас очень трудно найти такого спонсора потому, что крупные предприниматели крайне разочарованы качеством фильмов, в которые они вкладывали деньги с надеждой на то, что проект себя окупит.

Конечно, перемены в советском кинематографе были необходимы, и неслучайно к «рулю» управления кинематографом в конце 80-х гг. прошлого века пришли такие талантливые люди

как Тарковский, Климов, Шепитько, Соловьев и др., которые пообещали бороться с «бюрократами от кино», убрать цензуру, широко открыть «шлюзы» для молодых талантов... Однако, как любил говорить отечественный «златоуст» В. Черномырдин, «хотели как лучше, а получилось как всегда».

С той поры прошло 30 лет... и возникает вопрос: «Где же эти „гениальные“ режиссеры, которые освистывали своих учителей, и где же их великие картины?». В 90-е годы XX в. в период максимальной свободы в основном выпускались фильмы примитивные и низкого качества: сплошной криминал, секс, насилие, прославление идеалов западного образа жизни. Произошла резкая смена ценностей и идеологии. И только теперь российские режиссеры вдруг «прозрели» и поняли, сколько глупостей было сделано за эти 30 лет, и самая главная из них — разрушение системы российского кинематографа.

Режиссер С. Говорухин жалуется на то, что талантливые фильмы, которые, как ему кажется, представляют собой произведения искусства, провалились в прокате. По его мнению, создается крайне неприятная и опасная тенденция. Выход он видит только один: заменить «попкорнового» зрителя на думающего, сопереживающего и т.д. Но возникает вопрос: откуда взялся «попкорновый» зритель? Ответ простой: был воспитан на примитивном российском и голливудском кино, которые представляют собой развлекательный процесс.

Директор Мосфильма Карен Шахназаров прямо говорит о том, что необходимо вернуть систему «Госкино», которая существовала в советские времена, потому что при всех минусах этой системы она была эффективна. При этом он полагает, что необходим единый центр управления, который бы занимался всеми проблемами кино: финансированием, отбором проектов, технологиями и т.д. По мнению Шахназарова, у нас практически, как в СССР, полное госфинансирование кинематографа, однако в отличие от советского кино он нерентабельный. При этом количество фильмов, которые выпускаются в России, небольшое — всего 70—80 картин в год.

Особое значение Карен Шахназаров придает мощному редакторскому корпусу, который настойчиво искал бы и находил материал для достойных сценариев российского кино. Задача современного продюсера организовать процесс так, чтобы индустрия приносила прибыль, и начать нужно с работы со сценариями. Это то, что сейчас происходит на российском телевидении. Оно может

позволить себе потратить немало денег и времени на доработку сценариев для телевизионных фильмов. В советские времена, чтобы сценарий был утвержден для съемки фильма, необходимо было его дорабатывать не только для того, чтобы убрать нецензурную брань или секс, но и сделать фильм более насыщенным и интересным. А потому, считает он, сейчас необходимо восстановить цензуру, как это имеет место за рубежом, но цензуру не идеологическую, а позволяющую защищать моральные и духовно-нравственные ценности российского общества.

Пока Эльдар Рязанов в 70-е — 80-е гг. прошлого века работал с талантливыми сценаристами, такими как В. Дыховичный, Я. Костюковский, Г. Горин и др., он создавал яркие и любимые народом фильмы. Однако, как только он перестал с ними сотрудничать по разным причинам, он стал делать кино, на которое «без слез не взглянешь», т.е. очень слабое. Деньги на свои фильмы в течение последних 25 лет он находил с большим трудом. В своих выступлениях перед общественностью он постоянно жаловался на то, что выпил тонны кофе с предпринимателями, но ни от кого из них не получил и «гроша» на создание новых фильмов.

Министерство культуры РФ и Фонд кино в 2016 г. пытались добиться дополнительных отчислений с доходов кинотеатров и распространителей фильмов. Однако руководители телекомпаний, киносетей, продюсеры встали единой стеной с тем, чтобы не вводить новый сбор с проката картины, сославшись на то, что от этого пострадают кинотеатры и зрители, так как увеличится стоимость билетов, а потому снизится количество зрителей.

Существуют серьезные проблемы и в детском кино, на которое еще труднее получить финансирование, так как у спонсоров существует устойчивое мнение в его нерентабельности. В современных детских фантастических фильмах все взрывается, летит, стреляет. Дети привыкают к этому, деградируют и теряют способность воспринимать события вдумчиво, наслаждаясь игрой актеров. У детей формируется «клиповое» сознание и неспособность надолго сосредотачиваться на серьезных проблемах, которые рассматриваются в кино или книгах. Возникает легкое, поверхностное восприятие мира. Так рождается «попкорновый» зритель. Сейчас молодому поколению предлагают фильмы, в которых царствует хамство, наркотики и т.д.

Однако многие родители сопротивляются и, отслеживая состояние современного кинематографа, пытаются воспитывать

своих детей на великих советских фильмах и мультфильмах, на русской классике. Любопытно, что Япония закупила в России огромное количество мультфильмов, созданных в 50-е, 60-е, 70-е гг. XX столетия, считая, что их дети должны воспитываться на идеалах нравственности, доброты, красоты, духовности...

Другая проблема, о которой постоянно говорит режиссер Никита Михалков — кинопрокат: создание десятков тысяч новых кинотеатров, в том числе в малых городах и поселках, с тем, чтобы в любую точку России мог прийти качественный российский фильм. Он считает, что необходимо восстановить систему кинопроката, которая была в СССР, резко ограничить количество американских фильмов, воспевающих западную систему ценностей и противоречащих многим добрым традициям России. Это проявляется на примере семейных отношений звезд американского кино Брэда Питта и Анжелины Джоли. Все крупнейшие российские СМИ любили «смаковать» тему их взаимоотношений, навязывая российскому зрителю примитивный интерес к кинематографу. Максимально фокусируя внимание на жизни американских суперзвезд, СМИ тем самым формировали в сознании наивного российского зрителя отношение к отечественному кино как к чему-то вторичному.

По мнению режиссера Ю. Кары, существующая сейчас в России прокатная сеть финансировалась в 1990-е гг. американскими кинокомпаниями, чтобы показывать свои фильмы, а не наши, поэтому важно восстановить сеть проката, которая была в советские времена.

Конечно, особых успехов российское кино за последние 25 лет не имеет. За исключением побед на международных конкурсах А. Кончаловского, С. Сокурова, А. Звягинцева и Н. Михалкова. Вчетвером за последние 25 лет они получили два Серебряных льва на Венецианском кинофестивале (А. Кончаловский) и три Золотых льва на том же фестивале (С. Сокуров, А. Звягинцев и Н. Михалков). В то время как советские фильмы, особенно в 1960-е гг., доминировали не только в Европе, но и в Америке, пользовались огромным успехом у зарубежных зрителей и завоевали десятки высших наград на международных кинофестивалях. Поэтому в настоящее время огромное значение в современном российском кинематографе придается деятельности Госфильмофонда с его киносокровищами, интерес к которым возрастает с каждым годом. На фильмах из Госфильмофонда воспитывается не только новое поколение студентов ВГИК,

с помощью этих фильмов всегда можно воссоздать эпоху великого советского кино.

В 1959 году на экраны нашей страны вышел киношедевр М. Калатозова «Неотправленное письмо», который получил исключительно высокую оценку за рубежом и призы на международных кинофестивалях. Выдающийся американский кинорежиссер Френсис Коппола заявил, что фильм «Неотправленное письмо» вдохновлял его на создание своего знаменитого фильма «Апокалипсис сегодня».

В фильме М. Калатозова раскрывается трагическая история о том, как, рискуя жизнью, советские геологи в глухой тайге пытались найти полезные ископаемые. Создатели фильма вспоминали о том, что актеры снимались без дублеров, рисковали жизнью в ледяной воде и пекле пожара. Замечательный оператор С. Урусевский пробирался с камерой сквозь огонь, бурелом, пока во время съемок его не унесли на плащ-палатке с сердечным приступом. Знаменитой актрисе Т. Самойловой сильно обожгло руки. Великий актер И. Смоктуновский вспоминал о том, что во время съемок потерял сознание. Врачи диагностировали сотрясение мозга с частичным его охлаждением. Но сейчас многие думающие люди, наблюдая за современной реальностью, задаются проклятым вопросом: ЗАЧЕМ? Зачем советские геологи рисковали жизнью, а актеры своим здоровьем? Ибо полезные ископаемые сейчас принадлежат не государству, а частным лицам. Неужели ради них?!

Как считают многие специалисты кино, сейчас необходимо создать новую систему кинематографа, которая не позволяла бы американизировать нашу жизнь. Необходимо пропагандировать российскую культуру, идеи, героев. Российские режиссеры не должны подстраиваться под западный вкус и западные ценности. Российское кино, как мощная составляющая образования и просвещения, должно воспитывать в первую очередь молодого зрителя с тем, чтобы он знал и любил свою культуру и ее ценности. Российское кино — это та «мягкая сила», в которой нуждается современное общество.

ИНВАРИАНТЫ И УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ

Образно выражая *идею панкультурной цивилизации*, позволим себе воспользоваться символом **голубого цветка**, введенным немецким романтиком XVIII в. Новалисом для обозначения *всеобщего синтеза*, как якобы того прекрасного состояния мира, когда сливаются греза и реальность, природа и наука, жизнь и искусство. Подобное, на наш взгляд, может быть достигнуто лишь *в полном воплощении идеи* культуры. В данной идее, как и во всех, согласно принципу платонизма, идеях, заложено постоянное стремление объекта к своему пределу. Но культура, пока живо человечество, как и многие другие объекты, никогда не достигнет предела, вечно в основных тенденциях претерпевая становление, хотя и в сфере культуры случаются застои и откаты назад. При относительной и весьма трудной реализации людьми указанной мощной интенции вызревают культуруносные достижения.

Голубой цветок явился во сне герою главного произведения Новалиса, именем героя и названного: «Генрих фон Офтердинген». Отправляясь в путешествие, Генрих надеялся найти такой цветок, и он должен был его обрести, что автор замыслил изобразить во второй части романа, но она, к сожалению, осталась ненаписанной: выдающийся романтик рано умер.

Говоря о становлении культуры, нельзя забывать о человеке, ее деятельном субъекте. Перенося аллегория голубого цветка на идеальную картину торжества культуры в обществе, хочется подчеркнуть: такой цветок, даже в его незавершенном воплощении, не явится нам, если мы его в трудах не вырастим и не будем лелеять. Ты не вдохнешь его аромата, если за счет собственных усилий в достаточном объеме не усвоишь уже созданной культуры, если не научишься ею дорожить и по возможности не станешь ее обогащать. Культуруносное достояние *создается* духовными исканиями, трудом и творчеством человека как родового существа.

Как показали М.С. Каган и А.Н. Чумаков, с выдвигания эллинами термина «культура» началось осознание рукотворного характера рассматриваемого явления, а в XVIII в. из бытовой речи указанный термин перекочевал в философский язык (сохранившись и в обыденном) именно для обобщенного выражения того, что делает человек¹. Иными словами, деятельностное понимание явилось первым моментом отрефлексированности культуры и присуще теоретизированию вокруг нее во все времена. В отечественной философии и культурологии деятельностное понимание подчеркнуто проводится Н.С. Злобиным, М.С. Каганом, В.М. Межуевым, А.Н. Чумаковым, В.И. Добрыниной, В.И. Полищуком, О.В. Ромах и многими другими исследователями. Но общественная практика XX—XXI вв. понуждает внести, по меньшей мере, три свежих, при этом существенных момента в осознание деятельностной природы культуры. *Первый*: в качестве одного из вызовов, рожденных цивилизацией, обнаруживается необоснованность безоговорочных утверждений о том, будто культурой охватываются *все* рукотворные создания. Среди артефактов есть создания и антикультурного типа: вирусы и бактерии, выведенные для ведения биологической войны, асоциальные «темные» структуры вроде организованных преступных группировок и т.п., и т.д. Поэтому утверждения о деятельностной природе культуры нуждаются в разъяснении того характера, что воистину культуругенна лишь та деятельность, которая созидательна, а не разрушительна.

Второй. По зловещим просто причинам² необычайно важное, по смыслу спасительное значение приобретает окультуривание деятельности человека по отношению к природе соответственно ее современному состоянию. Предотвращение глобального экологического кризиса становится **императивом**. *Третий*: разработку вопроса о деятельностной природе культуры требуется гораздо более тесно, чем имеется в культурологической литературе, увязать с рассмотрением культуругенной активности со стороны субъектности. Надо подчеркивать опосредование складывания культуруносного достояния цивилизации формированием созидательных субъектных структур, желательно выявить виды таковых и составить их классификацию.

¹ Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. М., 2006. С. 99—101.

² См. об этом: Кацура А.В., Мазур И.И., Чумаков А.Н. Планетарное человечество: на краю пропасти. М., 2015.

Созидательность культуры предполагает определенную активность субъектов-деятелей, подготовку последних в условиях общественного организма путем воспитания, образования, профессиональной вышколаемости, самоформирования и самоидентификации. *Без развитых и активных* субъектов¹ нет и *культурного* общества. К их числу относятся как значительные индивиды (например, политические лидеры, общественники, личности, заметно себя проявляющие на поприще технического или художественного творчества, научных изысканий, социального вспомоществования, профессионалы высокого класса), так и субъектные структуры производственного, управляющего, социально-обеспечительного, информационного, образовательного, научно-исследовательского, правового, художественного, защитно-охранительного, досугового и иных видов. Появление некоторых из них в свое время носит характер изобретения, например, появление промышленных фирм, службы сестер милосердия, протестантской Армии спасения, детских деревень (учрежденных в XX в. Гнаймером), Общественной палаты РФ, медиативных структур в области права и в других областях.

Субъекты культуры функционируют, находясь в противостоянии антикультурным формированиям. Со времен античности культура рассматривается философами через противопоставление ее антиподу, под которым понимали то природу (кинники, скептики, Руссо), то цивилизацию (Тойнби, Шпенглер и др.), то бурлящую неостановимую жизнь (Зиммель). Мы предлагаем считать главным антиподом культуры *антикультуру*, природа которой пока слабо охарактеризована.

Понятие «антикультура» можно определить, как *организованное, отехнологиченное производство и использование антиценностей в интересах определенных субъектов*. К ней относятся, например, фашизм, деспотические режимы, теневая экономика, организованная преступность (в частности, пиратство, браконьерство), некоторые формы массовой культуры, травмирующие психику людей, манипулирование сознанием масс, преднамеренная систематическая дезинформация населения, тоталитарные религиозные секты, симулякрзация. Одна из трудностей разработки критериев отделения культуры от антикультуры заключается в нередко проявляющейся фиктивной культуранности по-

¹ И индивидуальных, и социально-групповых деятелей будем далее обозначать термином «субъект».

следней за счет ее довольно высокой отехнологичности, отработанности способов изготовления ее артефактов, проявления немалого мастерства при продуцировании ее форм и внедрении их в общественную жизнь. Антикультура обычно искусно маскируется под культуранность, она *тоже нечто возделанное, но лишенное «человеческого лица», по существу имеющее человекопротивную направленность*. Она асоциальна, антигуманна, так, порядки, царящие в религиозных тоталитарных сектах, разлагающе действуют на взрослых и подростков, попавших в их сети. Если культура созидательно-деятельна, то антикультура разрушительно-деятельна, и на ее основе формируется *субъект-разрушитель*, ибо активность воротил теневой экономики, вершителей организованной преступности, создателей кроваво-тоталитарных и жестоких авторитарных режимов, носителей направляемой в массы дезинформации и неблагоприятных деятелей других видов, в какие бы внешне привлекательные одежды она ни рядилась, в конечном счете разрушительна по отношению к устоям общества и тлетворна по отношению к личностям.

Противоречие между культурой и антикультурой в его конкретно-историческом выражении проходит через всю человеческую историю и является одним из основных противоречий современной эпохи. Поэтому в числе важнейших условий выполнения социально здоровыми силами культурогенной роли находится и такая практика, как организация блокирования и пресечения активности носителей антикультуры. Культура может существовать, только если ее субъекты активно противостоят как естественным разрушительным процессам, так и антикультуре, а также бескультурью.

Созидательно-деятельностное отношение субъектов к миру составляет один из базовых принципов объяснения и производства культурно-носного достояния. Не будем, однако, абсолютизировать творчество в качестве одного из начал культуры. Элементами созидательной деятельности являются далеко не только творчество и творческий труд, но и труд рутинный, порой монотонный. Культура кроме того поддерживается личностями и субъектными структурами, ее *осваивающими*. Она утверждается также путем воспроизведения, и ее репродуктивная составляющая может выражаться в традициях, бережном отношении к ценностям, продуцировании методов воспроизводства тех из них, воспроизводить которые возможно в принципе (уникальные произведения высокого искусства не воспроизводимы). Созидательность культуры оказывается синтезом творчества, рутинного труда, воспроизведе-

ния, кроме того освоения имеющегося наследия, в том числе антикультурного, с целью вырабатывать методы его блокирования.

Философия осмысляет отношение человека к сущему через отрефлексированность его отношения и к самому себе, условиям существования людей. Главный признак созидательности проявляется в создании и улучшении указанных условий, совершенствовании методов формирования личности как гуманного и созидательного существа. Т.В. Кузнецова в качестве «базисной логической структуры, которая в явном или неявном виде сохранится практически во всех концепциях культуры вплоть до самых современных», отмечает выраженную еще С. Пуфендорфом направленность культуры на «*улучшение природы*, которое в свою очередь приводит к *улучшению жизни*»¹.

В содержательном наполнении культуры выявляется то *благое*, что человечество силами своей активности берет от сущего и что оно привносит в него. Между тем представители *деятельностно-технологической* трактовки культуры главный признак окультуренности усматривают в *отехнологичности* человеческой активности, что нашло наиболее развернутое выражение в работах Э.С. Маркаряна. Авторы соответствующих толкований считают неправомерным «наделять культуру лишь положительными свойствами, а также привносить в ее структуру ценностные ориентации самих познающих субъектов»². При такой трактовке культура понимается как все «надбиологическое, т.е. как общественные технологии»³. Основным достоинством подобного подхода Э.С. Маркарян считает выдвижение в качестве критерия культуруносных объектов «объективно присущих им свойств, а не ценностных установок исследователя»⁴. Положительной чертой приведенной интерпретации является подчеркивание роли разработанных способов человеческой деятельности как высококачественных артефактов. Действительно, в способах деятельности может объективированно выражаться развитие человека, и способы продуктивной активности обычно эталонизируются людьми.

¹ Кузнецова Т.В. Философская теория культуры: этапы развития // Философские науки. 2003. № 7. С. 44.

² Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1983. С. 35.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 35.

Признавая определенные достоинства деятельностно-технологической трактовки культуры, выразим два возражения по поводу абсолютизации таковой. Первое. Культура в конечном счете редуцируется рассматриваемой концепцией к чисто объективному образованию, тогда как культура — явление *объективно-субъективное*. Она служит человеку материально, социально, духовно и является состоявшейся, если она освящена усмотрением в ней ценностей. Одним из условий ее формирования является придание ценностных *смыслов гуманистически ориентированной, продуктивной человеческой активности и артефактам, согласующимся с «человеческим измерением»*. Второй момент, вызывающий возражения. Если следовать деятельностно-технологической концепции культуры, тогда в чем-то важном последняя, хочешь — не хочешь, будет неотличима от антикультуры, которая, повторяем, нередко тоже отличается технологичностью: теневая экономика, организованная преступность, преднамеренно возделываемые тоталитарные режимы и т.п. весьма отехнологичены. Искусны, но не культурны, например, иезуитское плетение интриг, бюрократические умения вроде «потопить дело в волоките», «черный» пиар.

Из сказанного вытекает, что для выработки общего понимания культуры недостаточно признания только ее деятельностного характера и отехнологичности человеческой активности. В качестве атрибутивного признака культуры выявляется кроме того соответствие человеческой деятельности и поведения, а также их результатов «человеческому измерению». Еще И.Г. Гердер основание единства человеческой культуры усматривал в ее устремленности к некоторой общей, заданной самой человеческой природой цели — обретению истинной *гуманности*. Наличие или отсутствие гуманистичности служит проведению демаркации между культурой и отсутствием окультуренности. Выявляя культуруносные явления, надо учитывать, что кое-где бытовали и еще бытуют дикие нравы и обычаи, практиковались и практикуются пытки и изуверские казни, т.е. полностью принимать во внимание существование на Земле разнообразных не только гуманных, но и антигуманных, «черных» практик, некоторые из которых отехнологичивались и отехнологичиваются (например, уничтожение людей в газовых камерах фашистских концлагерей), которые нельзя относить к культуре.

И в советский, и в постсоветский периоды в отечественной философской и культурологической литературе весьма распро-

странено понимание культуры как *очеловечивания* мира. Об этом пишут В.М. Межуев, Л.П. Буева, В.Ж. Келле, С.Н. Иконникова, В.И. Полищук, А.Н. Чумаков, А.А. Оганов, В.С. Барулин, О.В. Ромах, Ю.М. Смоленцев, В.А. Кутырев, А.А. Кудишина и др., что не случайно. Гуманистическое понимание культуры обусловлено *общественной потребностью* в приковывании внимания субъектов к обычно сложно протекающему на практике очеловечиванию социальной среды и общественных отношений, интересом субъектов к изучению *опыта очеловечивания мира*, выявлению путей обретения такого опыта. *Целенаправленная гуманизация общественных и межличностных отношений составляет другой базовый принцип объяснения и производства культуры*. Ведущее направление ее развития в современных условиях заключается в развертывании в международном и внутригосударственных масштабах гуманных практик, а также в организованной борьбе социально здоровых сил за ликвидацию практик антигуманных: рабства, геноцида, дискриминации женщин, применения детского труда, насилия в семье, превращения живой военной силы в пушечное мясо и т.п. Социальная работа, соблюдение прав человека — эффективные современные пути утверждения гуманизма на практике.

Категория «культура» в социальном познании кристаллизуется и в связи с *необходимостью в выделении достояния среди произведенных и содеянных людей*. Человечество нуждается в особо глубоко освоении того, что среди им созданного может в качестве объективировано выраженного образца и ценности стать руководством к активности и составить опоры в дальнейшей жизнедеятельности людей, что желательно воспроизводить, беречь, накапливать и обогащать, т.е. в экспликации *позитивных накопленных* в условиях цивилизации. *Проведение субъектами ценностного отбора в качестве относительно самостоятельного направления духовного производства выступает своеобразным мирным способом социального утверждения, с одной стороны, и социального отвержения — с другой*. «Ценности, — полагает В.С. Степин, — санкционируют тот или иной вид деятельности и присущие ему цели»¹, т.е. ценности носят управляющий и регулятивный характер. Судьбы цивилизации напрямую зависят от того, что признается ценностями ведущими социальными силами и что в качестве ценностей

ими практически отстаивается. Аксиологический подход, как видим, составляет условие общественного прогресса и выявления содержательного наполнения культуры, которая представляет собой *опыт производства и освоения ценностей людьми*. **Поэтому культура судьбоносна**. Таким образом, *культура не сводится к общественно-исторической фактичности, она — нечто среди нее выделенное и освоенное в качестве достояния. Выявление достояния и опора на него субъектов в дальнейшей жизнедеятельности составляет одну из закономерностей формирования культуры*.

Однако культура утверждается сложными, противоречивыми и порой мучительными путями, атрибуты культуры поэтому суть *процессы их лишь относительной реализации*. Нельзя упрощать аксиологическое понимание культуры, ибо процесс идентификации ценностей труден и противоречив, что считать и что не считать ценностью часто составляет проблему, и вопрос о наполнении ценностного актива цивилизации никогда не бывает решен окончательно. Это тем более очевидно, что в развитии культуры по странам случаются откаты назад или относительно всего объема культуры, или относительно отдельных ее проявлений. Об откате культуры назад может свидетельствовать появление в стране немалого числа неухоженных, заброшенных земель, наступление в обществе нравственного кризиса, резкое возрастание преступности в стране и (или) на мировой арене. Обычно погибает тот общественный организм, который оказывается не способным оправиться от существенного подрыва в нем культуры.

Напрашивается вывод, что культура представляет собой постоянный процесс и становления, и выявления ее людьми, уже поэтому она не сводится к механической сумме достижений. Культуры совсем не освоенной актуально не существует. Если, скажем, какие-то литературно-художественные или музыкальные произведения, потенциально выдающиеся, не были во времена их создания поняты и приняты реципиентами, то они становятся актуально культуруносным достоянием лишь после того, как слушатель начинает их одобрительно, а порой и восторженно принимать (так произошло, например, с великими работами И.-С. Баха.). Это говорит о том, что культуруносное достояние продуцируется не только создателями культурной предметности и субъектами достойного поведения, но и теми людьми, которые культурой овладевают, способны ее понять и адекватно оценить.

Конечно, ценности, признанные в качестве таковых в определенный исторический период, могут оказаться мнимыми.

¹ Степин В.С. Философия и поиск новых ценностей цивилизации // Вестник Российского философского общества. 2005. № 4. С. 10.

Мнимые ценности способны долго торжествовать, завораживая массы, а то, что действительно заслуживает высоких оценок, может тоже весьма долго не получать их, будучи на время даже опороженным среди каких-то кругов общественности, и лишь в конце концов завоевывая признание. В Советском Союзе генетика, естественное право, русская религиозная философия XIX — начала XX в. были опорочены и преданы забвению. Более того, отечественные генетики и приверженцы немарксистских взглядов в своем большинстве были подвергнуты репрессиям и погибли в советских местах лишения свободы того времени. Названные проявления культуры возродились в России в настоящее время.

Ценности, бывает, девальвируются и ревальвируются. Несправедливо отвергнутое ранее может возродиться впоследствии благодаря, в частности, способности субъектов культуры давать квалифицированные как предметные, так и социальные оценки, видеть произведенное и содеянное в гуманистическо-мировоззренческом ракурсе, иногда проявляя гражданское мужество при отстаивании высокого смысла того, что можно отнести к *достоинству* человечества, нации, страны, сообщества.

Истинная культура по основной социальной направленности общечеловечна, но, как правомерно отмечает Л.А. Никитич, «общечеловеческая культура... — пока это всего лишь тенденция, несуществующий идеал»¹. Идеалы, однако, не пустые звуки: высокие идеалы направляют активность субъектов культуры. Планетарная культура человечества складывается очень медленно, нередко через борьбу, иногда кровавую, но непрестанно. В конце концов неправильные оценки исправляются, мнимые ценности развенчиваются, а то, что не было сразу и долго признанным, но заслуживает высоких оценок, их получает и вовлекается в культураносный оборот. Вооруженность субъектов идеей общечеловеческих ценностей в чем-то направляет и корректирует ценностный отбор.

Итак, культура созидательно деятельна, гуманистична: она **«неопалимая купина» гуманизма**. Культура также **ценностна**: одухотворена ценностным отношением ее реципиентов как к ее созданиям, так и к их создателям.

Здесь необходимо решительно возразить против определения культуры как системы ценностей. В частности, некоторые правоведы (Л.Л. Петручак и др.) понимают суть правовой культуры

как систему правовых ценностей. Подобные определения просто вредны, особенно если они преподносятся молодежи. Те, кому внушается такое понимание, могут не увязывать культуру с характером собственного поведения и деятельности, а также поведения и деятельности других. Мы, мол, можем вести себя как нам вздумается, культура находится где-то вне нашей активности, она витает над нею в качестве совокупности ценностей. Критикуемое понимание сути культуры отрывает ее от личности и ее дел, деяний, поступков. На самом деле, культура бывает явлена во плоти, если ее инварианты — не только ценностные понятия, а черты, качества личностей, их деятельности, поведения, результатов их активности и отношения к другим.

При этом культура в сфере общественных и личностно-индивидуальных отношений далеко не всегда проступает в чистоте, она может переплетаться и тесно соседствовать с бескультурьем и даже антикультурой. Человечество, к сожалению, живет не только культурой, но и антикультурой. Так, производство и накопление средств массового уничтожения людей относится к антикультуре, но оно в свое время (если иметь в виду термоядерное оружие) служило сдерживанию начала третьей мировой войны. Кроме того, в затрудненных социальных условиях некоторые лица с целью выживания, приспособляясь, вынуждены прибегать к антикультурным формам активности. Надо подчеркнуть и то, что способы и средства человеческой деятельности, а также пути решения социальных, экономических, политических, экологических, демографических и иных общественных проблем на практике не делятся дихотомически на ценностные и антиценностные. Между этими крайностями находятся компромиссы, «меньшее из зол», паллиативы, которыми при неоднозначных условиях приходится руководствоваться субъектам, и паллиативы тогда могут приобретать значение ценностей, хотя и не совсем бесспорных.

К инвариантам культуры следует отнести уже то, на что в предлагаемой статье выше обращалось внимание, — это *возделанность, созидательность, гуманистичность, ценностность, одухотворенность*. Есть и другие инварианты культуры: *программность, регулятивность, проблемность и проблематичность, «родовитость»*. Программность культуры заключается в закладывании в ее проявления программ и социокодов. В.С. Степин считает программность определяющим признаком культуры, он пишет о необходимости ее рассмотрения «как системы информационных кодов, закрепляющих исторически накапливаемый социальный опыт, который выступает по от-

¹ Никитич Л.А. Культурология. Теория, философия, история культуры. М., 2005. С. 19.

ношению к различным видам деятельности, поведения и общения... как их надбиологические программы»¹. Отсюда вытекает *регулятивность* культуры: программы склоняют или обязывают их адресатов к активности определенного рода. А более конкретно предписывающе-моделирующую роль выполняют такие специфические образования, как обязывания (в том числе императивы), запреты, дозволения, рекомендации.

Проблемность культуры коренится в стремлении субъектов найти достойный ответ на возникающие в обществе проблемы: управленческие, экономические, демографические, образовательные и иные. А *проблематичность* культуры выражается в далеком от фатальности характере ее утверждения, перебивке ее функционирования временами *декультуризации* то в одном, то в другом регионе, в остроте глобально стоящего в настоящее время вопроса о том, выживет ли она вообще. Культура проблематична и в силу постоянной незавершенности ее выявленности уже потому, что в общественной истории случаются периоды *размывания и переоценки ценностей*.

Разумеется, имеются *непреходящие ценности*: изобретения, произведения высокого искусства, научные открытия, великие философские учения, гуманное общественное служение, аксиомы права, подвиги, совершенные ради достижения истины и утверждения добра, героическое материнство, а также отцовство и др. Но и «вечные» ценности не утверждаются самостийно, они должны осваиваться новыми поколениями в индивидуальной жизнедеятельности, при этом, естественно, не автоматически, а благодаря труду, творчеству, подвижничеству, гражданским инициативам, благородному семьянинству субъектов.

Известно, что в культурологической литературе — особенно если авторами являются историки или социальные антропологи — весьма распространено широкое, так называемое *deskриптивное (описательное)* понимание культуры, которая предстает в нем, по заключению А. Флиера, как «конкретно-историческая форма бытия общества»² и «совокупность форм общественного бытия»³. Соответственно предмет культурологии представляется этим автором в качестве «исторической формы общественного бытия», всего того, что составляет картину конкретно-историче-

¹ *Степин В.С.* Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 63.

² Там же. С. 35.

³ *Флиер А.* Культурогенез в истории культуры // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 137.

ского общества¹. Аксиологизации понятия культуры при таком понимании, естественно, не происходит, а ее аксиологические основания фактически не принимаются. Можно ли говорить о выявленности таким пониманием критериев окультуренности?

Сторонники расширительно-deskриптивного взгляда на культуру претендуют на понимание ее во всей сложности. Так, Б.Н. Воронцов скептически отнесся к положению Д.С. Лихачева о том, что культура всегда этически и в ней есть только положительное. Воронцов считает, будто бы «нельзя, оставаясь верным культуре, одобрить одно и не одобрить другого...», что «даже маркиза де Сада со всеми его мерзостями нельзя отлучить от культуры, зачислить, скажем, по разряду „цивилизации“»². По существу, это призыв к тому, чтобы относить к культуре подряд все, что практикуется людьми, и тогда в культуру включают «как позитивные, так и негативные, нежелательные проявления человеческой активности (например, религиозные распри, преступления, войны)»³. Согласно такому пониманию, «культура, взятая в целом, объемлет не только „высокое, но и „низкое“, не только взлеты, но и падения, не только чистое, но и грязное; не только созидательное, но и разрушительное...»⁴.

Сторонники deskриптивного понимания культуры нередко в адрес аксиологической ее трактовки выдвигают то обвинение, будто бы отнесение к ценностям носит исключительно субъективный характер. «Субъективизм аксиологического взгляда на культуру, — считает А.С. Кармин — в сущности заводит его в тупик, а некоторые из его последствий вплотную сближаются с идеями национализма и расизма»⁵. Но кто, спрашивается, включает наряду с другими негативными явлениями идеи национализма и расизма в культуру? Как раз сторонники deskриптивного понимания⁶, ибо на основе рассматриваемого подхода происходит уравнивание культуры с общественной жизнью в целом.

¹ *Флиер А.* Теория культуры... С. 137.

² *Воронцов Б.Н.* Две культуры: культура этическая и культура эстетическая (к вопросу о сущности массовой культуры) // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. В 5 т. Т. 4. М., 2005. С. 268—269.

³ *Кармин А.С., Новикова Е.С.* Культурология. СПб., 2005. С. 14.

⁴ *Поздняков Э.А.* Философия культуры. М., 1999. С. 11.

⁵ *Кармин А.С., Новикова Е.С.* Культурология... С. 14.

⁶ Deskриптивное понимание культуры почему-то называется в указанной работе А.С. Кармина и Е.С. Новиковой «антропологическим» (см. там же, с. 15).

«Ценности, которые конституируют культуру, — подчеркивает П.С. Гуревич, — рождаются из недр человеческого бытия»¹, они выношены, а порой и выстраданы субъектами. Поэтому закрепленное в общественном сознании возведение в ценность в той мере, в какой в этом процессе выражаются интересы, страсти и духовность каких-то участников общественных отношений, обладает большой социальной значительностью. Вот почему нельзя относиться к возведенному в ценность как к чему-то такому, чем, якобы, нужно пренебрегать при определении содержательного наполнения культуры. Международным сообществом, гуманистической мыслью проделана огромная работа по выявлению определенных ценностей, с одной стороны, и антиценностей — с другой. В международных документах осуждены расизм, фашизм, национализм, геноцид, терроризм и т.п., некоторым из негативных явлений поставлены в таких нормативных документах юридические заслоны (например, организованной преступности, действующей в международном масштабе). Но в это самое время некоторые философы утверждают, будто ценностью можно считать все что угодно! Зачем же перечеркивать труд мирового сообщества по *точному* определению хотя бы части того, что ценностью не является?

Гуманистическая философия выводит в сознание мировой общественности признание *подлинными* ценностями той активности, тех деяний и произведений, которые соответствуют «человеческому измерению», критериям гуманизма, являясь добром, и предметным критериям высококачественной возделанности, являясь благом. *Аксиологическое ранжирование созданного, содеянного и намечаемого к производству в соответствии с «человеческим измерением» и качественной предметной возделанностью артефактов составляет еще один базовый принцип объяснения и производства культуры. Производство, освоение, оберегание, наследование и приумножение ценностей, а также благотворное распоряжение субъектов ценностным достоянием составляют сущностное качество культуры, один из законов ее утверждения.*

Опыт производства и освоения ценностей становится достоянием цивилизации. Сохранение и прогрессирующее развитие социума *не* имеет своим условием отказ от ценностного подхода к рассмотрению реальности и пассивное полагание на то, что, якобы, само собой сформируется в качестве «культуры», куда будет входить, по мнению некоторых исследователей, *все* произ-

¹ Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1995. С. 286.

веденное и содеянное, в том числе порча природы, «мерзости», злодеяния и дикости. Как справедливо замечает Л.З. Немировская, «войны, вражду, нищету, всякого рода ущемление свободы» не включишь в культуру¹. А.Н. Чумаков отмечает «важность подчеркивания» того, что «большинство исследователей соотносят с понятием «культура» не любую человеческую деятельность..., а только те его (человека) усилия, которые содействуют развитию человека, направлены на удовлетворение его материальных и духовных потребностей..., возвышают его... Культура во всех своих формах и проявлениях обладает позитивной ценностью...»². Условием поступательного развития общества является в числе прочего целенаправленное формирование субъектов, которые выявляют и осваивают подлинные ценности, дорожат ими и создают новые ценности.

Помимо дескриптивной среди многих историков, социальных антропологов и части *философов* распространена и другая парадигма, согласно которой происходит отождествление культуры с *общественным организмом*, и такое отождествление пребывает в рамках положения о *полилинейности* исторического процесса. Соответствующий подход отстаивали Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, в настоящее время его придерживается В.М. Розин. Однако, думается, что приравнивание культуры к специфическому общественному организму в целом влечет вывод о несопоставимости и несоизмеримости различных культур друг с другом, с которым нельзя согласиться. «Культуры, — пишет В.М. Розин, — это своеобразные устойчивые узлы и формы, в которых процессы эволюции и истории приобретают константный однородный характер. При гибели одной культуры и образовании следующей процессы эволюции и истории резко видоизменяются»³. Однако основные, т.е. *родовые формы общественной жизни*, при всех переменах сохраняются (если только какое-то общество вообще не распадается), меняются лишь их видовые и подвидовые проявления. В первую очередь именно родовые формы суть «устойчивые узлы» и «константы», и уже поэтому нет несопоставимых друг с другом общественных систем — при всем большом своеобразии их видовых и подвидовых модификаций. По степени развитости родовых

¹ Немировская Л.З. Культурология. История и теория культуры. М., 1992. С. 71.

² Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. М., 2006. С. 88.

³ Розин В.М. Теория культуры. М., 2005. С. 154.

форм общественной жизнедеятельности удобно сравнивать между собой общественные организмы.

Общественно-организменное понимание культур как относительно закрытых образований плохо согласуется с характером современной действительности, в условиях которой в международном масштабе ведущие субъекты мирового развития осуществляют экономическую интеграцию, а также развертывают (далеко не всегда успешно) такие объединительные процессы, как обеспечение экологической безопасности, соблюдение прав человека, контроль над ядерными вооружениями, борьба с организованной преступностью и др. Концепции замкнутых культур или цивилизаций, обоснованно считает А.С. Кармин, «оказываются непригодными для описания настоящего и будущего... Включение отдельных культур в единый мировой процесс означает, что для них больше нет ни независимости, ни замкнутости, ни цикличности, приводящей их к гибели. Они получают возможность развиваться, осваивая и модифицируя по-своему достижения других культур, и обогащать мировую культуру своими достижениями»¹. Но подобная коэволюция, безусловно, предполагает вызревание единых ценностей в глобальном масштабе, являющееся процессом длительным, сложным и противоречивым, что видно хотя бы из массовых манифестаций антиглобалистов — одного из явлений, спорадически потрясающих спокойствие в некоторых странах в современный исторический период. В условиях сложно происходящей глобализации медленно и весьма затрудненно идет складывание планетарной культуры.

На основе вышесказанного вызывает несогласие как дескриптивное понимание культуры, в соответствии с которым последняя сводится ко всей общественной жизнедеятельности, так и рассмотрение культур в качестве замкнутых общественных организмов. Обе указанные концепции не выявляют общих критериев окультуренности, и, на наш взгляд, специфика культуры в них не выражена.

Однако было бы наивно и неправильно просто отбросить как дескриптивное, так и общественно организменное понимания культуры, которые прочно вошли в часть культурологической (теоретической и исторической) литературы и некоторые учеб-

¹ Кармин А.С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вестник Российского философского общества. 2005. № 2. С. 54.

ные пособия, обладая рядом важных достоинств. Одно из них заключается во внимании антрополога к неповторимому своеобразию локализованных во времени и пространстве общественных устройств. К чести антрополога надо отнести также отсутствие склонности огульно осуждать то, что может показаться совершенно неприемлемым носителям иного общественного уклада. Настоящий исследователь обычно готов понять самобытные формы образа жизни какого-то народа и в состоянии уловить уникальную целостность конкретного общественного организма в многообразии его составляющих.

При проведении дескриптивного подхода к культуре выявляются устоявшиеся, весьма прочные формы общественного уклада. Поэтому осуществляющий рассматриваемый подход культуролог обычно объективен: идентифицируя культуру, он опирается на изучение объективированных, нередко при этом массовых явлений, присущих образу жизни страны, нации или народности. Однако отнесение к культуре при этом оказывается не оценочным, а *констатирующим*. С точки зрения аксиологического подхода, представить «мир через культуру» значит не просто выявлять своеобразие жизни народов, но и писать картину их общественного бытия в аксиологической окраске.

В отечественное обществоведение давно поступил запрос на объединение описательного и аксиологического понимания культуры. Так, Ю.В. Согомонов высказывает пожелание преодолеть «односторонность оценочно-субъективного и описательно-объективистского подходов»¹ к пониманию культуры. Ю.В. Согомонов подчеркивает роль в общественном развитии культурно-религиозных традиций, а также различий, справедливо критикует отождествление культуры и общества. В духе аксиологического подхода он мудро заключает, что «каждая фаза социогенеза постольку выражает меру совпадения культуры и общества, поскольку она содействует развитию сущностных сил человека. Она же характеризует и меру их несовпадения в той степени, в какой сдерживает и деформирует такое развитие...»². В пользу соединения «дескриптивной и нормативной (близкой к аксиологической) характеристик культуры»³ высказывается и Т.И. Ойзерман.

¹ Согомонов Ю.В. Введение в анализ понятия нравственной культуры // Нравственная культура: Сущность, содержание, специфика. Вильнюс, 1981. С. 19.

² Там же. С. 20.

³ Ойзерман Т.И. Существуют ли универсалии в сфере культуры? // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 56.

Аксиологическую и дескриптивную трактовки как противоположные надо синтезировать на основе принципа дополнительности, в процессе чего возможно усилить положительные качества каждой из них и сгладить их ограниченности. В частности, ценностный критерий идентификации культуры желателно дополнить критерием стабильности, если иметь в виду устоявшийся характер форм общественного бытия. Многие ценности, чтобы действительно быть таковыми, должны обладать и таким качеством, как прочная укорененность в общественном укладе, менталитете нации, они должны быть надолго принятыми среди форм общения. Выявление культурных артефактов возможно лишь на основе сравнительного анализа данных социально-антропологической дескрипции. Без владения указанным материалом затруднительно наладить продуктивное взаимодействие между странами и народами.

Родовые формы общественной жизнедеятельности со времени своего возникновения складываются как формы адаптации человека и общества к среде, а также как способы ее освоения и преобразования согласно потребности людей. Значит, *родовые формы общественной жизни — это культурные универсалии*, большей частью которых общество владеет с того времени, как становится цивилизованным. Выделяется два вида рассматриваемых родовых форм. Это либо довольно *сложные образования*, синтезирующие результаты многогранной активности людей и отвечающие разносторонним потребностям человека, как-то: субъектность, производство, труд, общественные отношения, общественный порядок и управление, поселения, коммуникации, образование, духовная жизнь, воспитание, медицина, досуг, право, мораль, искусство и т.д., и т.п. Либо родовые общественные формы — *это элементарные культурные универсалии*, в своеобразных формах присущие образу жизни всех неварварских обществ. К ним относятся такие непреложные константы бытовой и социальной жизни людей, как уход за телом и детьми, приготовление пищи, уборка жилища, погребение и поминовение умерших, этикет, обряды, игры.

Можно ли выделить такие родовые формы общественной жизни, которые в принципе и по существу вредили бы человеку и функционирование которых вело бы к деградации? Думается, что нет. Однако антикультурным содержанием могут наполняться их отдельные видовые и подвидовые разновидности. Это, например, агрессивные войны как подвид социальных отношений,

необоснованные репрессии как подвид негативных санкций в деле охраны общественного порядка, изуверские и публичные казни как вид уголовного наказания и способ общественного воспитания, тоталитарный общественный порядок как вид общественного порядка, телесные наказания как способ семейного и школьного воспитания. Есть цивилизованный рынок и есть базар, а также «дикий» рынок. Есть добыча полезных ископаемых, но есть и «золотая лихорадка» со всеми ее уродливыми атрибутами, есть научные эксперименты, но кое-где производятся и антигуманные — хотя и на теоретической основе — эксперименты над людьми. Имеются, что называется, правила цивилизованной игры: политической, экономической, биржевой, спортивной и т.д., но есть и «гонки без правил» почти во всех сферах общественной жизни. Есть произведения высокого искусства, например, прекрасные кинофильмы и мюзиклы, но есть кроме того «ужастики» и боевики, леденящие кровь мюзиклы, в которых дракулизм и вампиризм изображаются в качестве не только нормальных, но и притягательных для души явлений. По всему миру хоррорное искусство дает большущий кассовый сбор.

Некоторые общественные явления носят в рассматриваемом смысле амбивалентный характер: культура и антикультура в них сочетаются, но в то же время противостоят друг другу. Пожалуй, лучшая иллюстрация этого — экологически опасные отходы от производства полезных для людей изделий.

В родовом смысле культурные универсалии являются *константами общественной жизни*, хотя их исторически конкретное воплощение в видовых и подвидовых разновидностях нередко претерпевает изменения. Как созданные людьми сущности, родовые формы общественной жизни представляют собой достояние и накопления человечества в обустройстве людей во Вселенной, пролиферацию Сущего. В этом смысле культура *«родовита»*. Полагание культурных *универсалий*, т.е. родовых форм общественной жизни в один из центров внимания культуролога позволяет сблизить — согласно принципу дополнительности — аксиологический и дескриптивный подходы к культуре.

Родовые формы общественной жизни как ценностное достояние общества в зависимости от исторического времени и особенностей его творцов и носителей (наций, социальных классов и слоев, личностей, демографических, профессиональных слоев и др.) а также природных и социально-экономических особенностей

регионов воплощаются в специфических, крайне многообразных, иногда просто уникальных модификациях. То есть при несводимости культуры к обществу она тем не менее составляет плоть от плоти его родовых форм, а значит одновременно — и от национально-регионального, а также исторически-конкретного своеобразия его явлений. Поскольку внимание культуролога и социального антрополога часто бывает обращено в основном на родовые формы общественной жизни в их конкретно-историческом и региональном выражении, постольку согласно принципу дополнительности, сближаются аксиологический и дескриптивный подходы к культуре.

Однако, придерживаясь точки зрения о необходимости и возможности взаимодополнения аксиологического и дескриптивного подходов, мы все же остаемся в рамках аксиологического подхода, так как родовые формы общественной жизни рассматриваем в качестве изначально культураносных ценностей. Аксиологическое понимание культуры рождается из обостренной потребности участников общественных отношений в непрерывном повышении качества человеческой жизни согласно меркам блага и добра, в отыскании того объединительного в достоянии разных стран и народов, что позволяет с общечеловеческих позиций осуществлять дальнейшее окультуривание человечества.

«Заземляя» идею культуры, т.е. обращаясь к реальному положению дел, надо отметить, что в некоторых важных сферах жизнедеятельности современного социума состояние культуры является очень тревожным. Не исчерпывая всего перечня показателей резкого возрастания проблемности культуры, укажем на отдельные из них. Так, по идее успешное утверждение культуры предполагает умиротворение в сфере социальных отношений, но в настоящее время резко обострились многообразные противоречия в разных регионах, в частности, между богатыми и бедными, между странами и народами, находящимися на различных цивилизационных уровнях. Успешное утверждение культуры предполагает кроме того и даже в первую очередь налаживание гармонии между социальным и природным, искусственным и естественным началами жизнедеятельности людей, однако пагубное антропогенное влияние на природу приняло угрожающий характер. То есть сильно подорваны естественные основания цивилизации, что чревато, если не разрешить в достаточно скором времени острейших экологических проблем, гибелью жизни и человеческого существования.

Как видим, в настоящее время надо *спасать культуру* в ее существенных проявлениях, чему должна служить не только соответствующая практическая активность субъектов, но и теория культуры, как-то «слово», которое бывает вначале. Одно из ключевых положений, которое обосновывается в такой теории, заключается в понимании человека как родового существа, которое, являясь осененным духовностью деятелем, производителем и потребителем, а также созерцающим и периодически отдыхающим существом, нуждается в выявлении, освоении и накоплении того, что может стать руководством к активности, т.е. в сохранении и пополнении позитивных накоплений в условиях цивилизации, отрефлексированности достояния человечества, на которое можно опираться в дальнейшей жизнедеятельности. В целом основной тенденцией в историческом складывании культуры является утверждение ее созидательно-деятельностного, гуманистического и ценностного характера. Но в абсолютном выражении и полноте она существует только как *идея, культура складывается из суммы относительных культураносных достижений*, лишь бы активность субъектов не приобрела по преимуществу деструктивный характер, что прервало бы поступь культуры.

НАВСТРЕЧУ 13-Й ПЯТИЛЕТКЕ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЙ¹

Касательно вопроса об управлении культурой часто существуют две точки зрения: первая считает, что так как культура обладает идеологическим свойством, то не следует и нет необходимости втягивать управление в область культуры; другая точка зрения напротив считает, что по мере непрерывного пробуждения правового сознания общественности, а также непрестанного усиления тенденции к диверсификации субъектов в сфере общественных вопросов, следует как можно быстрее осуществить в области культуры переход от парадигмы администрирования к парадигме управления. Это не только будет способствовать решению различных проблем административного управления в области культуры региональными правительствами разного уровня, но еще более подчеркивает будущую демократическую направленность культурного развития.

В данной статье мы придерживаемся второй точки зрения. Признав необходимость управления культурой, далее отметим, что в период 13-й пятилетки ситуация в стране и в мире, с которой столкнется культурное развитие Китая, будет крайне сложной, поэтому страна должна приложить еще больше усилий для усовершенствования системы государственного управления культурой в надежде на то, чтобы согласовать его с общей целью «продвижения модернизации системы государственного управления и возможностей управления», выдвинутой на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва.

ВЫЯСНЕНИЕ ИСТОКОВ КОНЦЕПЦИИ «УПРАВЛЕНИЯ»

За прошедшие более 20 лет концепция «управления» (governance) все более и более чаще попадает в поле зрения общественности. Применяется для разъяснения или реконструкции некой

¹ Данная статья получила грант в рамках проекта 2012 г. «Культурное разнообразие и гармоничное общество» Государственного фонда общественных наук, серийный номер проекта 12&ZD011.

социальной реальности, один за другим появляются производные понятия, такие как: «глобальное управление», «управление страной», «общественное управление», «корпоративное управление», «управление в области окружающей среды» и др. Несмотря на то что это значительно обогатило и расширило содержание концепции «управления», но это также добавило трудностей в установлении четкого определения. Хотя, возможно, неясность концепции в определенной степени увеличивает силу ее толкования и расширяет область применения, однако эта расплывчатость ставит ее перед проблемой подтверждения законности существования.

Часто считается, что слово «управление» (governance) происходит от греческого *kybernan* и латинского *Gubernare*, означает контроль, вести или руководить. Таким образом, традиционное слово «управление» в основном синонимично слову «правление», обычно означает «правительство или его действия».

Но начиная с 80—90-х гг. прошлого века, по мере ускорения процесса глобализации, в особенности развития информационных технологий и транспортных средств, общественные вопросы становятся все более сложными и неопределенными. Если «править означает, что нужно быть уверенным в том направлении, куда ты идешь, более того нужно верить в свое направление, по меньшей мере надо заставить других поверить в это направление»¹, то каким же образом править над неопределенным миром? Вот почему западные ученые начинают вкладывать новый смысл в слово «управление», чтобы заменить концепцию «правления», которая часто перестает действовать во время реагирования на неопределенный мир.

Обычно считается, что доклад Всемирного Банка о развитии стран Африки к югу от Сахары 1989 г. ознаменовал собой появление концепции «управления» в современном значении. В этом докладе впервые упоминается о существовании «кризиса управления» в Африке, указывается, что управление — это «метод применения власти для развития и в регулировании экономических и социальных ресурсов в одной стране»². С тех пор концепция «управления» постепенно входит в поле зрения западных исследователей в области политологии, экономики, меж-

¹ Гаудин Ж.-П. Что значит управление / пер. Чжун Чжэньюй. Издательство литературы в области социальных наук, 2010. С. 3.

² Чжоу Янь. Теория глобального управления, в центре которой — Запад. URL : <http://www.people.com.cn/GB/guojij/24/20010227/404172.html>

дународных отношений и т.д. В особенности пользуется благосклонностью различных международных организаций и даже становится идеологической системой, которую ученые называют «теорией управления».

Возникновение концепции управления в современном значении связано с всемирной тенденцией к децентрализации власти, это также неизбежный результат реагирования на сложные ситуации правительств всех стран.

На уровне экономики, для того чтобы ослабить социальный кризис, вызванный застоем в экономике, в настоящее время границы между государственным и частным секторами постепенно стираются, появилась промежуточная зона партнерских отношений между государственным и частным секторами, более того, в общественной сфере начинается продвижение принципов управления предприятием.

На уровне политики все более очевидными становятся такие характерные черты власти, как мультиполярность, сложность и мобильность, люди постепенно осознают, что «государство больше не является центром всех дел»¹, даже появилась теория об отмирании национальных государств. Причина заключается в ослаблении доминирующей роли государства в традиционных экономике, торговле, социальном обеспечении и др. по мере непрерывного углубления глобализации, в особенности появления в большом количестве транснационального капитала, а также в новой системе международных отношений эта роль в настоящее время переходит к международным организациям и некоммерческим организациям комплексного или специального характера.

Однако мы не говорим, что с этих пор государство уже не играет никакой роли в принятии решений, это лишь означает, что ликвидирован монопольный статус государства в качестве субъекта управления общественными вопросами (commons), субъекты управления стали разнообразными: правительство, рынок, общество и даже индивид может стать субъектом, принимающим участие в управлении общественными вопросами.

В действительности, касательно вопроса о том, каким образом вести управление общественными делами, издавна существуют две противоположные точки зрения. Эти две точки зрения можно проследить в одном изречении Аристотеля: «К тому, что состав-

¹ Гаудин Ж.-П. Что значит управление / пер. Чжун Чжэньюй. Издательство литературы в области социальных наук, 2010. С. 7.

ляет предмет владения большого числа людей (commons), прилагается наименьшая забота. Люди заботятся более всего о том, что принадлежит лично им, менее заботятся они о том, что является общим». Поэтому, чтобы избежать «парадокса, в соответствии с которым стратегии, рациональные на индивидуальном уровне, приводят к результату, который иррационален с точки зрения коллектива»¹, первая точка зрения отстаивает «Левиафан» в качестве единственного способа, централизованное руководство, подчиняющееся правительству; а другая напротив считает, что, только осуществив приватизацию общественного имущества, можно добиться того, что отдельный человек возьмет на себя ответственность за это, тем самым избежав «трагедии общин».

Но исследователь политэкономии и одна из основателей школы теории общественного выбора, лауреат Нобелевской премии по экономике, американка Элинор Остром в своей знаменитой работе «Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности» напротив утверждает, что государственное регулирование и приватизация не являются единственными вариантами. А что она «предпочла бы формулировать ответы на вопросы, позволяющие расширять рамки ограничений для тех, кто изменяет правила игры, с тем чтобы они достигали результатов...»², иными словами, между правительством и частным лицом некоторые сообщества также могут посредством правил, определяющих коллективные действия, решать общественные вопросы, имеющие отношение к личным интересам, это путь управления общественными делами.

Э. Остром одновременно указывает на то, что если мы хотим осуществить регулирование и изменение системы управления внутри коллектива, то внешняя система является его обязательным условием: «В реальности коллективные и частные институты скорее перемешаны и взаимосвязаны, чем пребывают в изолированных мирах»³. Это требует соответствующего урегулирования

¹ Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности / пер. Юй Суньда, Чэнь Суйдун. Шанхайское издательство переводной литературы, 2012. С. 6.

² Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности / пер. Юй Суньда, Чэнь Суйдун. Шанхайское издательство переводной литературы, 2012. С. 9.

³ Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности / пер. Юй Суньда, Чэнь Суйдун. Шанхайское издательство переводной литературы, 2012. С. 19.

правительством своего места и функций, повторного рассмотрения сферы полномочий правительства, а также методов и путей осуществления политики. Другими словами, трансформация правительственных функций и появление различных самоорганизующихся сообществ или институтов предоставили механизм обеспечения для осуществления управления.

Если некий коллектив при условии разрешения внешней системы может самостоятельно управлять общими делами, то каким образом они должны проводить самоорганизацию? Ханна Арндт в своей работе «Пространство публичного и сфера частного» заново толкует аристотелевскую концепцию *zōon politikon*, и утверждает, что «человек — политическое животное». Под так называемым политическим животным она понимает: «Быть политическим, жить в полисе означало, что все дела улаживаются посредством слов, способных убедить, а не принуждением или насилием»¹.

Иными словами, «из родов деятельности, которые можно встретить во всех формах человеческого общежития, только две считались собственно политическими, а именно действие (*praxis*) и речь (*lexis*)»². А «так называемое действие есть отыскание нужного слова в нужный момент»³, следовательно, в этом смысле разумным способом самоорганизации должен быть диалог, проводимый в коллективе, более того, равноправный диалог, потому что, только построив диалог на основе равноправия субъектов, можно избежать «принуждения и насилия».

Таким образом, независимо от сложности и неустойчивости содержания концепции «управления» основной смысл ее теории можно выразить следующими словами: когда некая община решает общественные вопросы, имеющие отношение к личным интересам, посредством метода диалога между равноправными субъектами, определяет правила или варианты решения для коллективных действий и в конечном счете формирует или совершенствует новую парадигму социального управления, способную к самоуправлению и обладающую организационным потенциалом.

Такая парадигма управления, или назовем ее парадигма управленческого типа, противоположна традиционной парадиг-

¹ Культура и публичность / под ред. Ван Хуэй, Чэнь Яньгу. Саньянь, 1998. С. 60.

² Там же. С. 59.

³ *Остром Э.* Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности / пер. Юй Суньда, Чэнь Суйдун. Шанхайское издательство переводной литературы, 2012. С. 19.

ме правленческого типа. Между ними существует характерное различие: первая — это рыночно-децентрализованная, двусторонне взаимодействующая и гибкая система управления; вторая — это административно-централизованная, односторонняя без взаимодействия и закостеневшая система управления.

По мнению известного специалиста, в области стратегии менеджмента Генри Минцберга: «Доминирующая организационная система без обратной связи предполагала наличие жестких административных структур типа механистической бюрократии, это привело к истощению в большом количестве общественных ресурсов, при этом эффективность была крайне низкая. А двусторонне взаимодействующая гибкая система может, согласно ситуации, быстро принимать различные меры, остановив растрачу ресурсов, повысив эффективность»¹.

Более того, современное значение концепции «управления» включает в себя новый объект в системе ценностей и морали: гражданин, в определенном смысле выражающий «общий дух».

«Публичность прежде всего — это отрицание неравноправных классовых отношений и утверждение разнообразия общества, а не универсальное суждение: используя некие общие вещи, стереть все культурные особенности этого мира, разрушить все общественные действия, завоевавшие экономическую, политическую и культурную демократии, чтобы получить взамен усредненный в высшей степени мир, контролируемый капиталом»². Это означает, что возникновение концепции «управления» в современном значении в определенной степени случайно совпало с требованием культурной демократии и равных прав. Это дает повод к обсуждению следующего вопроса, а именно: возможно ли управление культурой?

ВОЗМОЖНО ЛИ УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРОЙ

Как уже говорилось, в 80—90-х гг. прошлого века в мире, ставшем с каждым днем сложнее и изменчивее, традиционная парадигма управления обществом правленческого типа постепенно утратила основание законности своего существования.

¹ *Востряков Л.Е.* Проблема выбора оптимальной модели культурной политики России.

² Культура и публичность / под ред. Ван Хуэй, Чэнь Яньгу. Саньянь, 1998. С. 2.

Таким образом, концепция управления привлекает всеобщее внимание только потому, что с внедрением множественных субъектов, а также механизма диалога можно сравнительно эффективно реагировать на сложные ситуации. Культура как таковая является сферой исключительно сложной и наполненной неопределенностью, управление культурой, весьма вероятно, станет образцом управления обществом.

С одной стороны, с точки зрения создающих субъектов в области культуры, согласно разграничению сферы культуры, изложенной в книге «Культура и экономика» Дэвида Тросби, «производители, распределители, потребители культуры или разработчики политики... все эти заинтересованные стороны создали „сферу культуры“, о которой мы говорим, т.е. те организации или люди в экономике и обществе, прямо имеющие отношение к производству, распределению или потреблению искусства и культуры»¹. К этим организациям или частным лицам могут быть отнесены работники культуры, коммерческие организации, некоммерческие структуры, учреждения общественной культуры, образовательные учреждения, правительственные органы, транснациональные организации, потребители и организации потребителей и т.д. Все эти организации и отдельные люди сформировали крайне сложную, взаимосвязанную, непрерывно взаимодействующую сетчатую структуру.

С другой стороны, объектами, которые затрагивает область культуры, являются культурные продукты и услуги, последние также обладают высокой степенью сложности. Часто считается, что культурные продукты и услуги передают потребителям «информацию символического характера», а под ней подразумевается «значение», о котором мы часто говорим. Другими словами, потребители потребляют не культурные продукты как таковые, а значения, которые они несут. Толкование и восприятие значения происходит в процессе распространения и обмена. После появления на свет культурного продукта, вероятно потребителю необходимо обратиться к специализированным посредническим структурам, чтобы понять значение, которое он представляет. Более того, в процессе обсуждения и обмена мнениями с другими потребителями достигается некая договоренность относительно культурной ценности данного продукта, таким образом формируется его «культурная цена», которую можно выразить

¹ Тросби Д. Культура и экономика / пер. И Синь. Издательство Северо-Восточного финансово-экономического университета, 2013. С. 23.

как «меновая стоимость, достигнутая сторонами путем переговоров в форме рыночной сделки»¹.

Таким образом, в определенном смысле, культурный рынок также является идеологическим рынком (*ideas market*). Нам очень сложно установить цену для идей, поэтому культурная ценность всегда выражается как сложная, многообразная, нестабильная и не имеющая объективных критериев оценки формация. Именно это должна выработать сфера культуры, но это также причина того, что можно управлять не чисто правовой системой.

Отсюда мы видим, что сфера культуры, стоящая перед правительством, отличается высокой степенью сложности, это предопределило то, что при выработке правительством культурной политики более подходит использование парадигмы управления обществом управленческого типа: «Таким образом, среди некоторых специальных политических решений несколько специалистов, обладающих компетенцией в какой-нибудь области культуры, приглашаются, чтобы вынести коллективное суждение о ценности культурного мероприятия в рамках политического решения, или применяется более демократический подход, можно посредством опроса общественного мнения или других способов узнать реакцию широких масс на некое решение культурной политики. Целью обоих вариантов является преодоление неопределенности частного суждения с помощью представительности коллективного мнения»².

Правительства разных стран по-разному понимают сложность сферы культуры, в соответствии с характерными особенностями в стране могут применить разные модели управления культурой. В этом плане мы также можем позаимствовать сравнительно зрелый зарубежный опыт и некоторые методы.

При обсуждении управления в области культуры большинство людей в первую очередь вспомнят США. Всем известно, что в первой поправке к Конституции США говорится о свободе слова и свободе творчества, и хотя США не учредили Министерство культуры, но нельзя не признать, что в стране с историей всего лишь нескольких столетий сформировалось действительно культурное общество³.

¹ Тросби Д. Культура и экономика / пер. И Синь. Издательство Северо-Восточного финансово-экономического университета, 2013. С. 24.

² Там же. С. 24.

³ Культура и публичность / под ред. Ван Хуэй, Чэнь Янгу. Саньянь, 1998.

Формирование в США культурного общества зависело не от так называемых органов административного управления в сфере культуры и их жесткой законодательной политики, а зависело от особой налоговой политики, проводимой правительством (например, посредством сбора налогов за посещение достопримечательностей, полное или частичное финансирование культуры), от бесчисленного количества фондов и подобных им некоммерческих организаций, имеющих особый юридический статус, от аналитических центров и механизма экспертной оценки сотен вузов, от предпринимателей, занимающихся благотворительностью, от деятелей искусств, обладающих рыночным сознанием и независимым духом. Все это сформировало основную организационную структуру государственной системы управления культурой в США.

Кроме того, целый ряд организационных принципов и методов реализации в области культуры США формируется в условиях, когда различные культурные субъекты участвуют в общественных делах, только после подтверждения эффективности на практике постепенно внедряются в сферу культуры, и в конечном счете становятся правилами коллективных действий, которые соблюдаются всеми.

Возьмем к примеру фонд Форда — это один из самых первых основанных в США фондов, который в процессе финансирования различного рода культурных структур самостоятельно выработал эффективную «политику культурных мер». Например, технику пропорционального распределения пожертвований, прием стабилизирующей роли, систему целевых фондов, систему экспертной оценки и др. Особенности такой политики являются рациональность, специализированность и акцент на реальную эффективность, а также она может гарантировать возможность устойчивого развития финансируемых структур. В настоящее время эта «политика культурных мер» уже стала соблюдаемым всеми руководящим принципом для многих американских культурных учреждений, включая общественные.

В отличие от более рыночной модели США многие страны Евросоюза, например, Великобритания, предпочитают строить свою государственную систему управления культурой при помощи создания полуофициальных посреднических организаций в сфере культуры. Как страна со свободным рынком старой школы, Англия до 30-х гг. XX в. в основном относилась безразлично к культуре и искусству. В преддверии Второй мировой войны,

осознав важность роли культуры в поднятии духа нации, Англия начинает раздумывать о том, как включить культуру в государственную систему управления. Но она не пожелала в отношении культуры прибегать к государственной протекционистской модели управления по принципу «добиваться результатов без промежуточных звеньев», как, например, Франция, Германия и Россия.

Поэтому Англия начинает «всеми силами создавать модель, способную мощно продвинуть культуру, в то же время способную пресекать прямое вмешательство в культуру государства, партий, работающую по принципу «нельзя не контролировать, но и нельзя много контролировать»¹. Таким образом позднее сложился общепринятый принцип «вытянутой руки» (arm's length), которого придерживались при разработке культурной политики в таких развитых странах, как: Голландия, Канада, Австралия, Австрия, Бельгия, Финляндия, Швеция, Швейцария и многих др., и который на самом деле также является основным принципом создания системы управления культурой.

Так называемое понятие «вытянутой руки» первоначально означало позицию в строю, когда солдаты отделены друг от друга одинаковым расстоянием. Вошедшее в сферу культуры, это правило главным образом имеет два значения: первое больше указывает на опосредованную модель управления при выделении средств государством на культуру; второе — такая модель управления требует, чтобы государство в сфере культуры приняло соответствующую систему административного управления децентрализованного типа.

С целью претворить этот принцип в жизнь в 1945 г. Англия основала Совет по делам искусств Великобритании, который считается «первой в мире посреднической организацией, воплотившей принцип вытянутой руки»². Постепенно он превратился в Совет по делам искусств, сотрудничающий с правительством на всех уровнях. Эти организации имеют две характерные особенности.

Во-первых, организации такого рода часто получают правительственные поручения, предоставляют правительству консультации по культурной политике и даже разрабатывают ее, зани-

¹ См. «Обзор современной культурной политики развитых стран», составленный Центром исследований культуры при Китайской академии общественных наук.

² <http://www.ifacca.org/> — IFACCA.

маются подготовкой конкретных решений для осуществления культурной политики; одновременно берут на себя ответственность за реализацию части правительственных ассигнований для конкретных культурных учреждений.

Во-вторых, организации такого рода часто образуются из независимых экспертов в области искусства и индустрии культуры. И хотя они принимают правительственные поручения, но независимы в исполнении должностных функций, часто не имеют подчиненных отношений с правительствами разного уровня. Тем самым возможно сохранить непрерывность развития культуры, избежать чрезмерного административного вмешательства и воздействия от споров между партиями¹.

Вопрос о том, как управляют культурой развитые страны, не заслуживает особого внимания, но если это страна с переходной экономикой, в особенности такая, как Россия, которую многие западные люди считают влиятельной страной, пытается внедрить парадигму управления в общественную сферу, то этот факт нам стоит изучить. В «Синей книге об общественных организациях: Отчет об общественных организациях Китая (2014)» было упомянуто, что согласно докладу Общественной палаты РФ 2012 г. в стране зарегистрировано в общей сложности 19 218 гражданских и религиозных неправительственных организаций.

Многие коренную причину распада СССР сводят к национальному вопросу. С этой точки зрения, Россия, в основном унаследовавшая от бывшего СССР политические традиции, кажется должна проявлять высокую чувствительность к вопросам национального и религиозного характера. В действительности все так. Накануне президентских выборов 2012 г. В. Путин опубликовал 7 статей своей предвыборной кампании, в том числе 2-я статья называлась «О национальном вопросе России», тем самым он поставил этот вопрос впереди вопросов экономики, политики, общества, безопасности и внешней политики. Это в полной мере объясняет, насколько важное значение имеет национальный вопрос для современной России.

Но в решении вопросов, касающихся судьбы страны, российское руководство не прибегает к военной силе для поддержания устойчивости, а пытается опереться на концепцию управления и некоммерческие организации. В статье «О национальном во-

¹ См. «Обзор современной культурной политики развитых стран», составленный Центром исследований культуры при Китайской академии общественных наук.

просе России» В. Путин говорит о том, что «Россия многонациональная страна, гармоничные и стабильные отношения между народами — это основа возрождения и подъема России, стране необходимо, чтобы общественные организации играли роль стабилизаторов»¹.

За последние годы Россия в плане развития некоммерческих организаций проделала большую работу. Например, «президентская субсидия», учрежденная на средства, выделенные из федерального бюджета, главным образом оказывающая поддержку некоммерческим организациям из разных сфер, включая культуру, искусство и др., более того каждый год лимит финансирования по-прежнему непрерывно увеличивается.

Ситуация в нашей стране имеет свои особенности, после 18-го съезда КПК были обозначены приоритетные области: экономика, политика, культура, общество, экология, т.е. «пять как одно целое». В настоящее время по-прежнему больше обсуждаются вопросы политического управления и экономического управления, а проблемы управления культурой мало затрагиваются. В действительности управление культурой в деле реализации «пять как одно целое» и гармоничного развития играет важную роль, один из индикаторов, позволяющий оценивать равномерное развитие политики, экономики и общества в нашей стране. Следовательно, система управления культурой является органической частью государственной системы управления.

В традиционной системе управления культурой нашей страны преобладают органы административного управления в области культуры, сами организующие культурные мероприятия. С момента проведения реформы культурной системы в 2003 г. заметно сократились методы «самоделания» культуры. Но в действительности в сфере культуры нельзя «администрировать», потому что «администрирование» означает использование общих, недифференцированных правил при стандартизации и руководстве разной деятельностью в области культуры. Часто возможно игнорирование характерных особенностей социально-культурного развития разных регионов, принятие одинаковых решений в различных ситуациях легко может привести к неразумному распределению ресурсов. Следовательно, переход от «администрирования»

¹ Синяя книга об общественных организациях. Отчет об общественных организациях Китая (2014) / гл. ред. Хуан Сяойун. Издательство литературы в области социальных наук, 2014. С. 247.

к «управлению культурой» является неизбежной тенденцией углубления реформы культурной системы.

Изучив ситуацию с реформой системы культуры и культурного строительства в нашей стране за 10 лет, нетрудно заметить, что эта тенденция ясно показывает, что, во-первых, проведение реформы системы культуры в 2003 г. посредством таких методов, как «отделение административных учреждений от бюджетных учреждений», «отделение функций государства и предпринимательства», в основном способствовало осуществлению правительством трансформации от «организации культурных мероприятий» до «администрирования», еще более проложив путь для перехода к «управлению в области культуры».

Неадминистративный подход является важным шагом на пути к «управлению культурой». За последние годы Китай непрерывно усиливает динамику процесса «неадминистративности» бюджетных организаций. На 3-м съезде ЦК КПК 18-го созыва было выдвинуто предложение о том, что нужно «продвигать регулирование отношений и процесс «неадминистративности» между государственными бюджетными учреждениями и компетентными органами».

Наряду с этим Китай начинает усиливать независимость различных некоммерческих организаций. Например, в 2014 г. Министерство гражданской администрации объявило «Комплексную программу по отделению отраслевых ассоциаций, торговых союзов от административных органов», разработанную совместно с Комитетом по развитию и реформам и др. В программе говорится, что до конца 2015 г. необходимо добиться всесторонней реализации отделения отраслевых ассоциаций, торговых союзов от административных органов.

Во-вторых, в нашей стране некоторые регионы уже начали осознанно искать местные пути для осуществления управления культурой. Проанализировав опыт культурного строительства в провинции Чжэцзянь за последние 10 лет, можно увидеть, что в настоящее время провинция Чжэцзянь переходит от руководства к управлению культурой. В том числе можно отметить практику проведения мероприятия «Сеять культуру», с помощью которого активно развиваются способности к самоорганизации у общественности.

Начиная с 2008 г., провинция Чжэцзянь каждый год выделяет специальный фонд в 15 млн юаней на проведение мероприятия «Сеять культуру в деревнях и селах», организует тренинг обучаю-

щих групп из соответствующих органов для работы в деревнях, организует курсы по разным направлениям, например: танцы, театр, наука и техника, гигиена и др., проводит форумы, лекции, а также инструктаж на месте и обучение деревенских культурных отрядов. Основные кадры в области литературы и искусства достигают нескольких десятков тысяч людей.

В своем исследовании мы заметили, что мероприятие «Сеять культуру» постепенно меняет пассивную позицию народа в предоставлении общественных культурных услуг, уходит небрежное и безразличное отношение, теперь народ желает, рад и готов активно участвовать. Это будет способствовать полному раскрытию и мобилизации активности, инициативности и креативности участия народа в культурном строительстве и затем формированию эндогенного механизма в культурном строительстве.

В-третьих, на 3-м съезде ЦК КПК 18-го созыва была выдвинута стратегическая цель о «продвижении модернизации системы государственного управления и способностей управления», которая для различных некоммерческих организаций «открыла путь вхождения институционализации в публичную сферу управления, ее превращения в главный субъект в системе управления»¹. Очень часто такие организации образуют основу и корень государственной системы управления культурой.

За последние годы в истории развития некоммерческих организаций в нашей стране произошло несколько подъемов, когда их количество и масштабы были значительно увеличены. Согласно «Статистическому бюллетеню о развитии социальных услуг за 2013 г.», изданному Министерством гражданской администрации 17.06.2014, вплоть до конца 2013 г. в стране в общей сложности насчитывалось 289 000 общественных объединений, 255 000 частных некоммерческих учреждений. Вплоть до конца 2014 г. в стране всего было 4044 фонда².

Китай в развитии некоммерческих организаций проделал огромную работу. Например, чтобы снизить порог получения разрешений для некоммерческих организаций, на 3-м съезде ЦК КПК 18-го созыва было четко указано, что четыре вида не-

¹ Синяя книга об общественных организациях. Отчет об общественных организациях Китая (2014) / под ред. Хуан Сяюун. Издательство литературы в области социальных наук, 2014. С. 1.

² 4-й квартальный отчет за 2014 г. Министерства гражданской администрации КНР «Статистические данные о социальных услугах». URL : <http://files2.mca.gov.cn/cws/201501/20150129172531166.htm>

коммерческих организаций, включая благотворительные, могут напрямую зарегистрироваться в Министерстве гражданской администрации, без необходимости поиска соответствующих руководящих учреждений; правительство поощряет выход на международную арену различных некоммерческих организаций, например, в 2005 г. была основана Ассоциация содействия международным обменам китайских неправительственных организаций, цель которой заключается в создании международной площадки и предоставлении стратегии для неправительственных организаций Китая.

Таким образом, наша страна уже проложила путь в деле управления культурой, совершенствование государственной системы управления культурой должно считаться дальнейшим прогрессом реформы культурной системы. Это вовлекает нас в рассмотрение следующего вопроса: Китай скоро вступит в период «13-й пятилетки», каким образом он должен усовершенствовать государственную систему управления культурой?

НАВСТРЕЧУ 13-Й ПЯТИЛЕТКЕ: КАКИМ ОБРАЗОМ УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЙ

Китай в ближайшее время вступит в ключевой переходный период 13-й пятилетки, условия в мире и за рубежом становятся сложнее день ото дня. Нам необходимо заново определить роль культуры в экономическом и социальном развитии, посредством непрерывного совершенствования системы государственного управления культурой, чтобы полностью раскрыть активную роль культуры в новом этапе глобализации в эпоху интеллектуальной экономики.

Несмотря на то что в разных странах модель строительства системы государственного управления культурой не совсем одинакова, но на основании современного значения концепции «управления» и базового опыта стран в управлении культурой мы по-прежнему можем сделать концептуальное описание ее составных элементов и основных особенностей.

Первое — это концепция, нужно совершенствовать систему государственного управления культурой, по существу не только необходимо, чтобы правительство изменило восприятие и концепцию о благоприятном общественном порядке, но и еще тре-

буются развитие и установление сознания о культурном равенстве, культурных правах и культурной демократии среди разных субъектов в сфере культуры, включая простых людей.

Второе — это институциональный механизм, нужно совершенствовать систему государственного управления культурой, в корне нужно усилить строительство двух институциональных механизмов. Во-первых, строительство управленческого механизма децентрализованного типа в области культуры, чтобы обеспечить вхождение различных специализированных и социализированных сил в сферу общественной культуры; во-вторых, уделять внимание формированию долгосрочного механизма, способного координировать и выражать множественные интересы современного общества, чтобы обеспечить функционирование, а также порядок и жизнеспособность сферы культуры, образованной множественными субъектами.

Третье — это субъект, нужно совершенствовать систему государственного управления культурой, в корне требуется, чтобы правительство отказалось от своего монополистического статуса в сфере общественной культуры, а также необходимо обучать и поощрять участие множественных субъектов в строительстве общественной культуры. Как отмечалось выше, сферу культуры образуют многие субъекты, включая работников культуры, коммерческие организации, некоммерческие организации, учреждения общественной культуры, образовательные структуры, правительственные органы, транснациональные организации, потребителей, организации потребителей и др. Согласно современному значению концепции управления, все эти частные лица и организации являются субъектами, которые должны участвовать в управлении культурой.

Хотя Китай в плане управления культурой уже добился определенных успехов, необходимо и далее совершенствовать строительство системы государственного управления культурой. В период 13-й пятилетки мы должны усилить работу по следующим направлениям.

Во-первых, правительство должно коренным образом изменить концепцию правления, продвигать изменение должностных функций, последовательно отказаться от своего статуса производителя и поставщика общественных культурных продуктов и услуг монополистического характера.

Согласно общей закономерности рыночной экономики, те продукты и услуги, которые обладают такими характеристиками,

как не допускающий исключительности, общность потребления (экстерналиа), трудность измерения (специфичность или информационная асимметричность), ограниченная избирательность (естественная монополия) и др., являются общественными благами, остальные напротив являются обычными личными благами. Хотя «в культурных продуктах и услугах „личный характер“ формы и „публичный характер“ содержания часто бывают смешаны»¹, но на основании общего закона экономики мы по-прежнему можем все культурные продукты и услуги разделить на два больших вида: общественные и частные.

Вообще говоря, коммерческие культурные организации должны предоставлять частные культурные продукты и услуги, некоммерческие культурные организации должны предоставлять общественные культурные продукты и услуги. С 2003 года экспериментальная реформа культурной системы в нашей стране позволила разделить бюджетные учреждения в области культуры на два типа: «общественно-полезные культурные учреждения» и «операционные культурные индустрии».

Правительству необходимо последовательно отказаться от своего статуса «производителя и поставщика» общественных культурных продуктов и услуг монополистического характера, ввести механизм конкуренции в сферу общественной культуры, продвигать социализацию и коммерциализацию общественных культурных услуг, и затем реализовать современный социально-организационный метод в области культуры. Так называемый современный социально-организационный метод подразумевает, что нужно по возможности избегать проведение правительством и партией организационной работы и класть в основу организационного метода коммерциализацию и социализацию.

Во-вторых, управление культурой требует активного развития «культурных некоммерческих организаций», снятия ограничений для различных институциональных механизмов, чтобы способствовать их реальному превращению в один из субъектов культурного развития.

В «Решении» 3-го съезда ЦК КПК 18-го созыва впервые было предложено «развивать культурные некоммерческие организации». Под так называемыми культурными некоммерческими ор-

¹ См. доклад под названием «Исследование реформы культурных бюджетных учреждений Китая» Государственного комитета по развитию и реформе по теме «Исследование реформы китайских бюджетных учреждений».

ганизациями подразумеваются организации, независимые от правительственной системы, созданные не с целью коммерческой выгоды, а сформированные добровольно обществом, участвующие в строительстве сферы общественной культуры.

Со времени реформ и открытости культурные некоммерческие организации получили определенное развитие, но в плане количества и масштаба они по-прежнему сравнительно отстают. Более того, их общее состояние можно выразить следующими словами: без средств, без силы, без жизни, без влияния.

Причины, приведшие к этому состоянию, конечно, частично связаны со сложившейся в нашей стране традицией пожертвования и с недостаточным вниманием к благотворительности в сфере культуры у общественности. Но главная причина по-прежнему кроется в проблеме создания институционального механизма, главным образом включая следующие факторы: из-за того, что культура обладает идеологическим свойством, культурным некоммерческим организациям получить разрешение труднее, отношение к ним более строгое¹; из-за того, что культурные некоммерческие организации в значительной степени зависимы или ограничены правительством, не сформировался механизм функционирования с рыночной конкуренцией²; из-за того, что в нашей стране еще не сложился регулирующий механизм общественного характера, ориентированный на работу с культурными некоммерческими организациями, это привело к ухудшению внутри них саморегулирования и снижению степени доверия со стороны общества³.

Таким образом, хотя в Китае пик создания некоммерческих организаций и тенденция к децентрализации во всем мире, а также возникновение современного значения концепции «управления» пришлось почти в одно время, но в процессе развития некоммерческих организаций в нашей стране существуют множество проблем. Основная причина этого заключается в незавершении реформы институциональных механизмов, следовательно, решающим фактором в развитии некоммерческих организаций в сфере культуры является снятие ограничений для институциональных механизмов.

¹ *Востряков Л.Е.* Проблема выбора оптимальной модели культурной политики России.

² *Тросби Д.* Культура и экономика / пер. И Синь. Издательство Северо-Восточного финансово-экономического университета, 2013.

³ См. «Обзор современной культурной политики развитых стран», составленный Центром исследований культуры при Китайской академии общественных наук.

В-третьих, управление культурой требует активного продвижения реформы общественно-полезных бюджетных учреждений в сфере культуры, открытия и поощрения социальных сил к участию в строительстве общественно-полезных бюджетных учреждений в сфере культуры, начатого государством, и даже поощрения части условных культурных бюджетных учреждений трансформироваться в некоммерческие организации.

Основное отличие некоммерческих организаций от бюджетных учреждений в сфере культуры заключается в том, что они обладают большей социальной и рыночной гибкостью и приспособляемостью в плане институционального механизма. В условиях традиционной системы культурные бюджетные учреждения не имеют проблемы и давления свободной конкуренции, но только «когда предприятия находятся на открытом рынке, люди могут предположить, что внешняя конкуренция будет способствовать развитию предпринимателями эффективной внутренней системы». Иными словами, только когда культурные бюджетные учреждения достаточно подвержены коммерциализации и социализации, мы можем ожидать, что они покажут инновационные достижения в системе управления.

Несмотря на то что во время проведения реформы культурной системы в 2003 г. уже была указана необходимость формирования «структуры культурной индустрии, при которой возможно совместное развитие различных форм собственности при доминировании общественной собственности», а также мы видим, что сфера общественных культурных услуг постепенно открывается для закрытой экономики, но отмечается высокий порог при вхождении закрытой экономики в сферу культуры, множество ограничений. Все это значительно повлияло на реформу внутреннего механизма культурных бюджетных учреждений, еще более может препятствовать трансформации условных культурных бюджетных учреждений в культурные некоммерческие организации.

В действительности, разрешение вхождения закрытой экономики может способствовать внедрению в культурных бюджетных организациях способов управления современных предприятий и концепцию развития о справедливой конкуренции. Это будет полезным для их реформы в плане подбора кадров, распределения, механизма стимулирования и социального обеспечения, и далее создаст условия и базу для их трансформации в некоммерческие организации. Поэтому устранение системных ограни-

чений для вхождения закрытой экономики в сферу общественной культуры по-прежнему является важным.

В-четвертых, управление культурой требует уважения в полной мере культурных потребностей поставщиков общественных культурных продуктов и услуг, основной целью является развитие культурно-субъектного сознания у общественности.

При модели снабжения традиционного управления культурой для общественности сложно обозначить свои потребности. Люди часто используют те ресурсы, которые им приготовило правительство, но так как нет четко обозначенных общественных потребностей, то правительство также не может обеспечить эффективное культурное снабжение. Управление культурой напротив требует полного уважения разнообразных культурных потребностей общественности. Каждый человек имеет право выражать свои потребности, а также группа людей посредством коллективного обсуждения сформировать общие потребности.

Это эффективный путь к гражданскому обществу. Когда мы проводили исследование строительства культурных залов в провинции Чжэцзянь, то заметили, что художественное творчество — это способ, который наиболее близок к жизни людей, а также способ, позволяющий людям наиболее легко участвовать в нем. Самым главным является то, что если правительство будет главным образом оказывать финансовую поддержку и инструктировать, а деревенские жители будут сами решать проведение конкретных мероприятий и форму организаций, то это будет способствовать постепенному изменению чувства вовлеченности в чувство права голоса, а также будет способствовать формированию субъектного сознания у граждан и развитию способностей к самоорганизации.

Более того, управление культурой, укоренившееся в фундаменте общества, имеет важное значение для реконструкции деревенского и городского обществ, по сути представляет реконструкцию всего образа жизни китайцев среднего достатка поздней эпохи, этот образ жизни возможно станет образцом новой цивилизации.

Необходимо подчеркнуть, что при нынешних институциональных условиях в нашей стране по-прежнему требуется различать структуры, специально занимающихся идеологической пропагандой от электронных средств массовой информации и др., обладающих определенной естественной сферой монополии. В этих сферах правительству по-прежнему необходимо усиливать контроль, привлекать общественное мнение касательно

культурных продуктов с содержанием высокого качества, чтобы формировать культурную идентификацию.

Но что касается остальных обычных сфер культуры, то необходимо полностью раскрыть ведущую роль рынка в распределении культурных ресурсов, постоянно вносить новшества в способы производства и поставки общественных культурных продуктов и услуг, при этом делая акцент на коммерциализации, привлекать к широкому участию общества и народа, непрерывно совершенствовать государственную систему управления культурой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В общем, управление культурой может стать точкой приложения силы и прорывом в продвижении модернизации системы государственного управления и способностей управления, которая в свою очередь является важным путем для осуществления «китайской мечты».

Председатель Си Цзиньпин в начале своего правления выдвинул концепцию «китайской мечты», которую мы должны рассматривать не только как политический лозунг и призыв, а как уверенность в нынешние успехи и надежду на будущее развитие Китая. В истории Китая был блестящий период, когда «все страны явились ко двору, смотрели свысока на все страны». С. Хантингтон считал Синскую цивилизацию, в центре которой Китай, единственной сохранившейся до наших времен древней цивилизацией. Однако в период новой истории не только прежняя Китайская империя пришла в упадок, став «великим больным Восточной Азии», но и те зависимые страны, некогда по своей инициативе выбравшие «путь китаизации», теперь непреклонно продвигают «декитаизацию». Подъем культуры и демократии в Южной Корее является прекрасным тому примером.

Сегодня по показателю ВВП Китай обогнал Японию, заняв второе место в мире, военная мощь страны соизмерима с военной мощью таких держав, как США и Россия, но вопрос заключается в следующем: добились ли мы осуществления «китайской мечты»? Кроме тех африканских стран, нуждающихся в финансовой поддержке Китая, есть ли другие страны, явившиеся ко двору?

Напротив, мы видим, что политика реформ и открытости в настоящее время входит в «глубоководную зону», социальные противоречия и проблемы с каждым днем становятся острее

и резче, поддержание устойчивости стало главной гарантией всестороннего углубления реформы. Международное положение страны также не вселяет оптимистичности, угроза милитаризма со стороны правого крыла Японии, враждебность некоторых стран в Юго-Восточной Азии и даже то, что США вновь вернулись к Тихоокеанскому плану — все эти факторы могут стать негативными, способными повлиять на мирное возвышение нашей страны.

Это позволяет нам думать, что если «китайская мечта» лишь означает укрепление «жесткой силы», то мы можем с гордостью сказать, что мы достигли того берега. Но в действительности, если мы будем опираться только на экономику и военную мощь, игнорируя культурную привлекательность, то мирное возвышение Китая будет лишь вызывать в других странах опасения или даже неприязнь.

Поэтому сможет ли Китай вновь стать для мира культурным примером, сможет ли вновь продемонстрировать для мира образ жизни и модель развития, заставляющие людей восхищаться и стремиться. Этого ждет с надеждой «китайская мечта», этого ожидают «два века», еще более на это надеется мир ради мирного возвышения Китая. А управление культурой является важным путем, ведущим к культурному примеру.

При помощи культурного управления люди приобрели способности к самоорганизации, самоуправлению, а эти способности являются обязательным условием претворения в жизнь демократии. Демократия или нет — это важный показатель, оценивающий, является ли политика одного государства цивилизационной. Самое главное — с помощью управления культурой можно в полной мере дать толчок творческим силам и потенциалу всех соответствующих субъектов в области культуры, а также способствовать возрождению китайской культуры, ее превращению в мягкую опору социально-экономического развития Китая, ее «выходу за границу», чтобы показать миру ключевые ценности и духовную концепцию страны.

Вспомним слова президента Кеннеди, когда тот разрабатывал американскую культурную политику, что США заслужили уважение всего мира не только благодаря их мощи, но и культуре. Сейчас мы также можем сказать, что, непрерывно совершенствуя систему управления культурой, Китай имеет возможность добиться мирового признания, соответствующего его положению великой державы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаудин Ж.-П.* Что значит управление / пер. Чжун Чжэньюй. Издательство литературы в области социальных наук, 2010.
2. *Чжоу Янь.* Теория глобального управления, в центре которой — Запад. URL : <http://www.people.com.cn/GB/guojj/24/20010227/404172.html>
3. *Остром Э.* Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности / пер. Юй Суньда, Чэнь Суйдун. Шанхайское издательство переводной литературы, 2012.
4. Культура и публичность / гл. ред. Ван Хуэй, Чэнь Яньгу. Саньянь, 1998.
5. *Востряков Л.Е.* Проблема выбора оптимальной модели культурной политики России.
6. *Тросби Д.* Культура и экономика / пер. И Синь. Издательство Северо-Восточного финансово-экономического университета, 2013.
7. Обзор современной культурной политики развитых стран. Доклад, составленный Центром исследований культуры при Китайской академии общественных наук.
8. <http://www.ifacca.org/> — IFACCA.
9. Синяя книга об общественных организациях. Отчет об общественных организациях Китая (2014) / гл. ред. Хуан Сяойун. Издательство литературы в области социальных наук, 2014.
10. 4-й кварталный отчет за 2014 г. Министерства гражданской администрации КНР «Статистические данные о социальных услугах». URL : <http://files2.mca.gov.cn/cws/201501/20150129172531166.htm>
11. Исследование реформы культурных бюджетных учреждений Китая. Доклад Государственного комитета по развитию и реформе по теме «Исследование реформы китайских бюджетных учреждений».

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

По мере разворачивания процессов глобализации, затрагивающих все без исключения аспекты человеческой жизни, неизбежно происходит так называемая «компрессия» мира², основными факторами которой являются: ограниченность пригодного для жизни пространства, активный рост человеческой численности, расширение транспортных сетей и появление новых видов транспорта, а также стремительное развитие и распространение информационных технологий и информационных сетей, замкнувших мир в единое информационное пространство: «в результате формирующейся глобальной информационной среды мир становится беспрецедентно коммуникационно тесным, прозрачным, доступным»³. Вследствие данных процессов произошло резкое увеличение межкультурных контактов, способствующих росту общей напряженности, в свою очередь обусловленной наличием культурных различий: языковых, конфессиональных, нормативных, различий на уровне традиций и т.п.

В условиях тесного взаимодействия представителей различных культур вопросы налаживания коммуникации, установления межкультурного диалога приобретают все большую актуальность⁴. В этом отношении можно сказать, что одним из базовых элементов культуры, через который в свою очередь проявляется ее уникальность, является язык. Но что такое язык? Обратимся к философскому словарю: «Язык — знаковая система, использу-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-23-21002 «Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период».

² *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. London, 1992. P. 21.

³ *Щенникова Н.В.* Языковой фактор глобализации // Век глобализации. 2015. № 2. С. 119.

⁴ *Чумаков А.Н.* Культура в условиях глобализации : философский аспект // Культурная политика России: актуальные аспекты : коллективная монография / под ред. А.Н. Чумакова. М. : Проспект, 2015. С. 12.

емая для целей коммуникации и познания... Язык складывается стихийно и постепенно, его история неотделима от истории владеющего им народа. В языке сосредоточены опыт многих поколений, особый взгляд целого народа на мир. С первых лет жизни, втягиваясь в атмосферу родного языка, человек не только усваивает определенный запас слов и грамматических правил, но и незаметно для себя впитывает также свою эпоху, выраженную в языке, и тот огромный опыт, который отложился в нем»¹.

Итак, одной из основных функций языка является коммуникативная, поскольку именно через язык от поколения к поколению передается вся культурная информация, весь социальный опыт и знания о прошлом, что в свою очередь ведет к сохранению групповой идентичности и целостности ее бытия. Как уже было отмечено в приведенном выше определении, язык также выполняет функцию аккумуляции всего культурного опыта конкретной этнической группы — носителя, включая традиции, устои, обычаи — все то, что служит регуляторами поведения внутри культуры. Язык, таким образом, выполняет функцию формирования человеческих групп, подчеркивая их идентичность. Помимо коммуникативной язык выполняет также и обратную — этнодифференцирующую, декоммуникативную, защитную функцию, выступая в качестве невидимого барьера, не позволяющего «чужаку» войти в пространство другой культуры; язык отделяет «чужих» от «своих». Именно эта его особенность представляет наибольший интерес в контексте установления и выстраивания глобальных взаимоотношений в современном обществе, выступая в качестве «спойлера» межкультурного диалога. Язык по отношению к культуре также выступает в качестве своего рода аккумулятора, хранителя, транслятора, кроме того язык еще и мощнейший идентификатор, объединяющий в одну единую социальную общность своих носителей и одновременно отделяющий носителей других языков. Тесную взаимосвязь между языком и культурой подчеркивает в том числе и факт появления такого научного направления, как «лингвокультурология».

Человек в силу своей социальной природы в той или иной форме нуждается в коммуникации с себе подобными, не случайно и то, что слова «общество» и «общение» являются однокоренными, а его синоним — «коммуникация» в переводе с латыни

¹ *Философия : Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М. : Гардарики. 2004. С. 816.*

означает — «общий». Фактически язык служит своего рода инструментом культуры, благодаря которому происходит процесс инкультурации каждого нового члена в данное общество; язык также выполняет мировоззренческую функцию, формируя в сознании определенную, свойственную для носителей конкретной культуры картину мира, благодаря чему окружающий мир становится более систематизированным и понятным.

Язык, таким образом, занимает очень важное место в структуре культуры, выполняя роль своего рода кровеносной системы организма-культуры. Русский философ и филолог А.Ф. Лосев также отмечал важную роль языка в качестве ключа к пониманию сущности и «души» народа: «Слово — не звук и не знак просто. Слово есть орган оформления самой мысли, следовательно, и самого предмета, открывающегося в мысли. Слово и язык есть орган всенародного самосознания»¹. Действительно, одно и то же слово, произнесенное в разных культурах, может нести в себе различный смысл и иметь различное значение для носителей данной культуры. В этом и заключается сложность перевода, в процессе которого зачастую теряется глубина, смысловое наполнение, несущее в себе культурный текст.

Интересную закономерность, подтверждающую наличие тесной связи между языком и картиной мира, отмечает известный российский лингвист С.Г. Тер-Минасова: «Наблюдая более 30 лет за преподавателями иностранных языков, которые постоянно подвергаются их воздействию, я могу утверждать, что русские преподаватели кафедр английского, французского, немецкого и других языков приобретают определенные черты национальной культуры тех языков, которые они преподают»². Именно поэтому в современном обществе, учитывая глобализационные тенденции, все больше растет спрос не на обычных переводчиков, а на специалистов по межкультурной коммуникации, владеющих знанием специфики и традиций той культуры, с представителями которой устанавливается контакт.

Овладение все большим количеством людей английским языком, безусловно, играет позитивную роль в установлении межкультурных контактов, однако оказывается, что владение единым языком общения недостаточно, поскольку как отмечают

¹ *Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.А. Тахо-Годи ; общ. ред. А. Тахо-Годи, И.И. Маханькова. М. : Мысль, 1993. С. 90.*

² *Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2008. С. 50.*

некоторые исследователи: «...даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур»¹. Здесь важно внести некоторое уточнение: поскольку за каждым языком стоит вполне определенная культура, и, как мы уже показали, овладение тем или иным языком неизбежно ведет к усвоению определенных культурных основ, то можно сделать вывод о том, что со временем существующие культурные различия, о которых говорилось в приведенной цитате, будут нивелироваться. В процессе изучения и овладения языком человек одновременно проникает и в культуру, относящуюся к данному языку; это актуально как для родного, так и для иностранного языка. В этом отношении изучение в масштабах всего человечества какого-то одного языка ведет к принятию и надстройке над каркасом родной культуры, ценностно-мировоззренческих основ другой культуры, что в свою очередь представляется позитивной тенденцией в условиях глобализующегося мира, создавая дополнительные точки соприкосновения и взаимопонимания.

С вопросом о важности наличия у культуры собственного языка связаны потребности ее носителей в уважении, подчеркивании их культурной самобытности и уникальности. Понимание роли языка и его значимости для сохранения культуры достаточно хорошо осознается, например, в современной Франции, сущность проведения языковой политики которой привела к созданию в 1966 г. Высшего Комитета по защите и расширению языка (в дальнейшем Высший комитет по французскому языку), в 1996 г. создана Делегация по французскому языку при Министерстве культуры, а в 2001 г. — Делегация по французскому языку и по языкам Франции. Не удивительно, таким образом, что, несмотря на то, что на территории Франции проживает большое количество мигрантов — представителей других культур, властями проводится культурная политика, направленная на культурную интеграцию на базе французской культуры.

Согласно исследованиям, проведенным английским ученым Дэвидом Крайсталом², один язык выходит из обращения каждые две недели, что по подсчетам исследователя при сохранении данной тенденции может привести в начале ХХII в. к исчезновению более чем 90% существующих ныне языков (в относительно не-

¹ *Теп-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008. С. 10.

² *Crystal D.* Language Death. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. P. 271.

давнем прошлом на планете насчитывалось порядка 7000 самостоятельных языков). А поскольку, как уже отмечалось, «именно язык в первую очередь служит показателем различия культур», можно также ожидать сокращения в мире количества различных локальных культур: «... сегодня с уверенностью можно говорить о том, что культурное разнообразие планеты имеет тенденцию к сокращению»¹. Проблемой исчезновения языков серьезно занимается международная организация ЮНЕСКО, которой были приняты два базовых документа по защите и сохранению языка: «Всеобщая декларация о культурном разнообразии» (Париж, 2001) и «Соглашение о выживании и угрозе исчезновения языка» (Париж, 2003).

Несмотря на наличие на этот счет больших опасений, сокращение количества языков на планете представляется естественным историческим процессом², непосредственно связанным с процессами глобализации, в условиях которой интеграция человечества на основе единого культурного основания и, как следствие, единого общечеловеческого языка, видится необходимым следствием интеграционных процессов. Важно подчеркнуть, что речь здесь не идет о тотальной унификации: уникальность и колорит национальных культур, равно как и языков, безусловно, должны быть сохранены, но наличие второго (а может быть, и первого по значимости) языка для общения в глобальном мире является объективной необходимостью, поскольку в противном случае установление диалога культур становится весьма затруднительной задачей. Исходя из всего вышесказанного, тезис о том, что «Многообразие культур в мире в значительной степени зависит от языкового многообразия»³, представляется достаточно убедительным, равно как верно и обратное: от многообразия культур в значительной степени зависит многообразие языков.

Отсутствие единого для всех людей языка международного общения, безусловно, является большой проблемой для процессов коммуникации. Вопросами необходимости создания единого языка занимался советский ученый Э. Сवादост, результаты работы которого нашли отражение в монографии «Как возник-

¹ *Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен. СПб.: СПбКО, 2009. С. 32.

² *Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014. С. 264.

³ *Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен. СПб.: СПбКО, 2009. С. 29.

нет всеобщий язык?»: «Нашим далеким предкам разноязычье казалось проклятием злых сил, тяжким наказанием разгневанных богов, как о том рассказывают древнейшие сказанья и легенды. Одна из них — легенда о Вавилонском столпотворении — получила известность во всем мире и нередко! вспоминается в наши дни» ... «Отсутствие общего языка ослабляет силы людей»¹.

Проблема необходимости наличия у человечества общего языка получила активное развитие начиная с середины XX в., в том числе в 1954 г. в Организацию Объединенных Наций со стороны членом так называемого эсперантского движения была направлена петиция от 16,5 млн человек 78 стран. У идеи создания единого языка было не так уж и мало сторонников: «... крупнейшие лингвисты: Г. Шухардт, И.А. Бодуэн де Куртене, А. Мейе, М. Коэн, Э. Сепир, О. Есперсен» ... «многие всемирно известные художники слова, писатели: в России — Лев Толстой, Максим Горький, Илья Эренбург, на Западе — Анри Барбюс, Герберт Уэллс, Бернард Шоу; сторонниками ее были и Ромен Роллан, Эптон Синклер, на Востоке — Лу Синь»². Интересно, что это же время является временем зарождения межкультурной коммуникации как научного направления, а также началом активного обсуждения глобализационной тематики, что в свою очередь свидетельствует о взаимосвязанности между этими явлениями.

В то время как в области техники человечество достигло значительного прогресса, кардинально изменившего систему мировых связей и взаимоотношений, сфера языка и коммуникации на данный момент сильно отстает, она как бы «подтягивается» за общим прогрессом, и связано это во многом с тем фактом, что язык — это не просто знаково-символьная структура, а сложная культурно обусловленная система, усвоение которой невозможно в отрыве от усвоения культурных основ, лежащих в языковой основе. Если в XXI в. результаты распространения английского языка как языка международного общения уже можно проследить, то о восприятии языковой ситуации еще в 70-е гг. XX в. хорошо говорит следующая цитата: «... человечество по-прежнему говорит на тех языках, основы которых были заложены в доисторический период, и продолжает оставаться так же раздробленным в языковом отношении, как столетия и тысячелетия назад»³.

¹ Сवादост Э. Как возникнет всеобщий язык? М.: Наука, 1968. С. 6.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 13.

Говоря о современных тенденциях в языковой сфере, представляется важным отметить положительные примеры выработки единой языковой основы в ряде профессиональных областей: прежде всего это сфера информационных технологий с едиными для всех специалистов в данной области языками программирования (html, php, c++ и т.п.). Единство языковой формы прослеживается во многих профессиональных областях, взаимодействие в которых носит международный характер: будь то диспетчерские службы транспортных средств или сфера медицины. Создание единых систем счисления или обозначения также является примерами реализации потребности человечества в коммуникации.

По мнению Сवादоста: «Международное двуязычье и тем более международное многоязычье человечеству совершенно не нужно»¹, однако с данным тезисом можно не согласиться, поскольку современный этап развития глобализации с укоренившейся тенденцией на глокализацию предлагает компромиссный вариант: с одной стороны — сохранение национальной культурной специфики, а с другой — усвоение и принятие общечеловеческих глобальных основ. Все это дает основания говорить о допустимости и предпочтительности формата двуязычия в отношении к каждому конкретному культурно-социальному образованию, т.е. речь идет о сохранении национального языка и одновременном усвоении единого общечеловеческого, роль которого на данном этапе все больше играет английский язык. Распространение единого языка можно образно представить в виде лавинообразного процесса: «чем больше людей пользуются тем или иным языком, тем больше других людей его изучают, чтобы также пользоваться им»².

Попытки искусственного создания международного языка насчитывают сотни проектов, однако большую известность среди всех остальных языков получил язык, разработанный в 1887 г. Людовико Заменгофом: язык «эсперанто». Основной причиной неудачи подобных проектов, несмотря на их высоко моральную и этическую составляющие, которые, казалось бы, должны были стимулировать их активное распространение по всему миру, являлось, как было позже установлено, отсутствие в их основе культуры, на базе которой строился бы данный язык: «...эсперанто не получает распространения и обречен на умирание

¹ Сवादост Э. Как возникнет всеобщий язык? М.: Наука, 1968. С. 123.

² Там же.

в первую очередь потому, что за ним нет живительной почвы — культуры носителя»¹. Дело в том, что все эти языки создавались искусственно, и в их построении отсутствовала столь необходимая культурная основа. Из всего сказанного следует, что единый общечеловеческий язык возможен только в случае наличия общечеловеческой культуры, которую этот язык и будет в себе нести, отражать.

В книге «Язык и межкультурная коммуникация» на тему о взаимозависимости между языком и культурой говорится следующее: «Языки умирают, когда исчезает народ, говорящий на этих языках»². Однако с этим можно не согласиться, поскольку язык умирает скорее в связи с умиранием самой культуры, с которой он составляет своего рода тандем, что в свою очередь не обязательно связано с исчезновением ее носителей, а может быть обусловлено их переориентацией на другую культуру (например, с деревенской на городскую), которую в свою очередь «обслуживает» другой язык. Точно так же, как человек не может быть человеком без культуры, а культура не может существовать без своего носителя — человека, человек не существует и вне языка, равно как и язык вне человека. Язык формирует человека, служит своего рода кодом, через который человек воспринимает и усваивает культурные алгоритмы и программы. Можно сказать, что культура «программирует» своих носителей посредством языка.

Многими исследователями подчеркивается первостепенная значимость для объединения в единую социальную группу: общности территории проживания и наличие единого языка общения. Распространяя данный подход в отношении всего человечества можно сказать, что для его объединения в единое социокультурное образование (хотя бы на уровне идентичности — «человечество») необходимо наличие единого языка, поскольку общность территории уже изначально обусловлена границами планеты Земля. Здесь также важно отметить тот факт, что в мире в течение XX в. и по сей день наблюдается тенденция по сокращению количества различных языков, с увеличением количества англо-, испано- и франкоговорящих людей. В аспекте процессов глобализации данная тенденция представляется положительным явлением.

¹ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008. С. 31.

² Там же. С. 87.

Обратимся к культурной политике постсоветской России в ее языковом аспекте. Языковую политику вообще и России в частности следует понимать как некую совокупность или систему мероприятий, проводимых государством или различными социальными институтами. Основные аспекты проводимой языковой политики нашли свое отражение в таких нормативно-правовых актах, как Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации», Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».

Для иллюстрации сложившейся языковой картины современной России обратимся к истории. В начале XX в. русские составляли не более половины всего населения России. В 1920-е годы десятки различных языков национальных меньшинств использовались как в учреждениях культуры, так и в системе управления. Но с течением времени ситуация начала меняться в сторону распространения русского языка по всей территории СССР, а к 1938 г. для всех граждан изучение русского языка стало обязательным. К 50-м годам это привело к ситуации, когда русский язык фактически превратился в официальный язык. Во многом этому также поспособствовала реформа школьного образования, направленная на распространение русского языка в образовательных учреждениях и отмене функционирующих на местных языках школьных систем. Вплоть до 80-х гг. данная тенденция сохранялась, пока проводимая Горбачевым политика не привела к созданию благоприятных условий для проявления и выхода наружу накопившейся национальной напряженности, что в итоге завершилось распадом СССР.

Стоит отметить, что по причине многонациональности входящих в состав Российской Федерации народов, вопрос сохранения национальных языков, а также их отношения с государственным языком, является достаточно актуальным и требующим выработки единой языковой политики. В силу того, что Россия так или иначе включена в мировой процесс глобализации, ей также свойственны различные мировые тенденции, в частности, тенденции постепенного исчезновения национальных языков, языков малых народов и т.п.

Во второй половине XX в. со стороны международного сообщества отмечается обращение внимания к проблеме сохранения и защиты языков национальных меньшинств, что находит свое выражение в различных политических соглашениях как европейского, так и международного уровня. Данные механиз-

мы регулирования формируются в виде «мягкого права», что напрямую не обязывает государства к обязательному их выполнению. Среди таких документов прежде всего выделяются: «Всеобщая декларация языковых прав человека», утвержденная в 1966 г. ЮНЕСКО; «Декларация о правах коренных народов», принятая ООН в 2007 г.; «Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», принятая Международной организацией труда в 1989 г.; «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод» 1950 г.; но наиболее важными в контексте данной темы являются: «Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств» 1995 г., и «Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств» 1992 г. Стоит отметить, что упомянутые выше конвенции становятся нормой права только после ратификации (утверждения) ее в парламенте конкретной страны.

Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств была ратифицирована Российской Федерацией в 1998 г., что обязывает руководство государства и власти региональных субъектов соблюдать такие права народов, относящихся к национальным меньшинствам, как возможность получать и передавать информацию на своем языке, использовать его при обращении во властные органы и структуры, а также возможность изучения и преподавания на национальном языке в образовательных учреждениях, расположенных на территориях компактного проживания меньшинств.

Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств была подписана Российской Федерацией в 2001 г., однако на данный момент документ не был ратифицирован, в соответствии с чем он не имеет юридической силы. Среди крупных европейских стран, также не ратифицировавших Хартию, кроме России также остается Франция, которая традиционно проводит политику культурной унификации, интегрируя вновь пребывающих представителей иных народов и культур во французское общество¹.

Факт отсутствия ратификации со стороны России зачастую объясняется исследователями данного вопроса исходя из объективно сложившейся картины языкового многообразия на терри-

тории Российской Федерации: по примерным подсчетам на территории государства проживает порядка 160—180 различных этносов, а общее количество используемых языков и наречий приблизительно равно 239, что по своей сумме превышает количество языков, попадающих под действие Хартии в ратифицировавших ее странах.

Проблема исчезновения национальных языков в масштабах государства достаточно остро осознается современными специалистами, не случайно по аналогии с Красной книгой исчезающих языков, издаваемой ЮНЕСКО, в России издается словарь-справочник «Красная книга языков России». Важно также отметить, что национальные языки в основной своей массе изучаются в местах проживания их коренных носителей, на них также пишется и учебная литература, однако в силу того, что в дальнейшем, после окончания образовательных учреждений, люди сталкиваются с отсутствием пользования данным языком в среде старшего поколения, язык постепенно умирает, переставая быть языком общения.

С точки зрения глобализационных процессов можно отметить, что данная тенденция не может трактоваться как однозначно негативная, поскольку с точки зрения налаживания глобального взаимодействия, понимания, а также культурно-цивилизационной унификации может рассматриваться с положительной стороны. В вопросе о существовании в современном мире того или иного национального языка небольшой в глобальных масштабах социальной группы можно привести некую аналогию с персональным компьютером, не имеющим подключения к сети «Интернет»: безусловно, на нем можно работать, но работать локально, в отрыве от мировых трендов, потоков информации, в том числе от возможности получения системных обновлений.

Еще раз подчеркнем, что язык очень важен для культуры и сознания его носителей, и его утрата неизбежно ведет к ситуации трансформации, а порой и забвению самой культуры, однако речь не идет о тотальной унификации и обезличивании мира. В силу географического детерминизма, ментальности проживающего на конкретной территории населения даже в условиях использования общего для всех людей языка национальная специфика будет сохраняться на протяжении достаточно длительного времени.

Обратимся к информации, отражающей динамику языковой картины на территории России (табл. 1).

¹ Языковая ситуация в Европе начала XXI в. : Сб. обзоров / отв. ред. Н.Н. Трошина. М. : РАН ИНИОН, 2015. С. 165.

Таблица 1

Динамика распределения владения русским и иностранными языками в 2002 и 2010 гг. (по данным всероссийской переписи населения¹)

№	Язык	Доля, среди указавших владение языками, 2002 г. %	Доля граждан, владеющих данным языком от общего количества граждан 2002 г. %	Доля, среди указавших владение языками, 2010 г. %	Доля граждан, владеющих данным языком от общего количества граждан 2010 г. %	Прирост с 2002 — по 2010 г. %
1.1	Русский	99,18	98,21	99,41	96,25	-3,56
2.2	Английский	4,84	4,79	5,48	5,30	8,90
3.3	Немецкий	2,01	1,99	1,5	1,45	-28,50
4.4	Французский	0,49	0,49	0,45	0,43	-12,6
5.5	Испанский	0,08	0,08	0,11	0,11	35,97
6.6	Китайский	0,04	0,04	0,05	0,05	19,39
7.7	Итальянский	0,04	0,04	0,06	0,06	53,59

Стоит, однако, подчеркнуть, что данная статистика не отражает информацию о том, является ли указанный при опросе язык родным, так же, как и степень его владения. Что касается русского языка, то можно предположить, что отрицательный прирост как в процентном отношении, так и по численным показателям носителей русского языка (более чем 5 млн человек), может быть объяснен уменьшением количества людей, относящих себя по национальному признаку к русским. По данным переписи 2002 и 2010 гг., количество «русских» уменьшилось на 4 872 211, т.е. практически на 5 млн человек².

Значительный прирост в процентном отношении отмечается по языкам, распространенным в Республике Дагестан (ботлихский, багвалинский, тиндинский, арчинский, годоберинский и др.), а также по языкам: киргизский, персидский, узбекский, таджикский. Данная тенденция может быть объяснена идентификационными процессами и восстановлением традиционности

¹ Всероссийская перепись населения 2002. URL : <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

Всероссийская перепись населения 2010. URL : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

² Всероссийская перепись населения 2002. URL : <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

Всероссийская перепись населения 2010. URL : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

в северокавказских регионах с одной стороны, и трудовой миграцией из стран средней Азии с другой.

Если же мы будем говорить непосредственно о приросте по количеству владеющих языком человек, то первое место здесь по праву занимает английский язык (618 988 человек). Приведем также информацию динамике количества лиц, владеющих языком (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численного распределения по владению русским и иностранными языками в 2002 г. и в 2010 г. (по данным всероссийской переписи населения¹)

№	Язык	Количество лиц, владеющих языком 2002 г., человек	Количество лиц, владеющих языком 2010 г., человек	Прирост с 2002 — по 2010 г., человек
1.1	Русский	142 573 285	137 494 893	-5 078 392
2.2	Английский	6 955 315	7 574 303	618 988
3.3	Немецкий	2 895 147	2 069 949	-825 198
4.4	Французский	705 217	616 394	-88 823
5.5	Испанский	111 900	152 147	40 247
6.6	Китайский	59 235	70 722	11 487
7.7	Итальянский	54 172	83 202	29 030

Для иллюстрации картины, отражающей ситуацию владения иностранными языками, также приведем данные опроса, проведенного Фондом общественного мнения в 2013 г. Как показывают результаты опроса, около 57% россиян хотя бы на минимальном уровне владеют иностранным языком²:

- 1) английский (38%);
- 2) немецкий (19%);
- 3) французский (3%);
- 4) испанский (1%);
- 5) другие языки (суммарно 6%).

В соответствии с Конституцией РФ государственным языком на всей территории России является русский язык, однако все республики, входящие в состав РФ, наряду с русским вправе устанавливать свой государственный язык. Как показывает прак-

¹ Всероссийская перепись населения 2002. URL : <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

Всероссийская перепись населения 2010. URL : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

² Результаты опроса «Владение иностранными языками». Фонд общественного мнения. URL : <http://fom.ru/posts/10998>

тика, руководители различных автономных округов на основании собственных законов также устанавливают свои государственные языки, даже несмотря на отсутствие данного положения в Конституции. Таким образом, в отношении проводимой политики по вопросу сохранения языков народов России можно говорить о следовании принципам равноправия и уважения.

По данным переписи населения 2010 г., в России используется около 277 языков и различных диалектов. В системе образования в качестве языка, на котором проходит обучение, используются 30 различных языков. Здесь стоит отметить, что в основном речь идет о школьном этапе образования: порядка 47% детей малочисленных народов Севера изучают родной язык в качестве отдельного предмета и лишь 3% в качестве факультатива¹. На уровне же средне-специального и высшего образования обучение, за редким исключением, осуществляется исключительно на русском языке. О том, правильно это или нет, можно достаточно долго спорить: с одной точки зрения, данная языковая политика направлена на интеграцию представителей различных народов, населяющих Россию, в единое социальное пространство, с другой — речь идет о негативных последствиях разрыва между школьным образованием на родном языке и дальнейшим его отсутствием, в том числе и в жизни, поскольку происходит потеря собственной идентичности и постепенное забвение национальных языков, а как следствие, и самой национальной культуры.

Государство в данном отношении придерживается политики, в соответствии с которой преподавание исключительно на национальном языке в системе образования, в особенности на уровне высшего образования, может привести к формированию неподготовленных к жизни в социуме граждан. При этом само сохранение и поддержка национальных языков закреплены в Указе Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.».

Главная проблема исчезновения языков в большей степени связана с отсутствием «языковой наследственности», когда язык не передается от одного поколения другому, нежели с уменьшением числа носителей того или иного языка. В условиях распространения глобализации и сопутствующего ей процесса урбани-

¹ Всероссийская перепись населения 2010. URL : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

зации, когда молодое поколение стремится к цивилизационным благам в города и крупные региональные центры, перспективы сохранения языка национальных меньшинств представляются трудно осуществимыми. При сохранении наметившейся тенденции в достаточно близкой перспективе множество языков прекратит свое существование по мере смены одного поколения другим. В этом отношении следует отметить, что данный процесс не может быть расценен как однозначно негативный, по ряду своих следствий можно говорить и об обратном, скорее речь должна идти об объективно-историческом процессе глобализации и прямых следствиях ее распространения.

Внешняя политика и сложившаяся геополитическая обстановка, в особенности в отношениях между Россией и США, привели к тому, что если на 2013 г. Россия занимала 31-ю позицию по уровню владения английским языком, в 2014 г. — 36-ю, то уже в 2015 г. — была на 39-м месте из 70 возможных в рейтинге стран по владению английским языком, составленным компанией EF (Education First)¹. Приведем информацию о динамике индекса владения английским языком по годам:

- 2011 — 32 (45,79);
- 2012 — 29 (52,78);
- 2013 — 31 (51,08);
- 2014 — 36 (50,44);
- 2015 — 39 (51,59).

По мнению Максима Пескина, специалиста крупного кадрового агентства SEB SHL Russia & CIS, невысокие показатели России прежде всего обусловлены «культурной обособленностью нашей страны»². По его мнению, принципиальное отличие русских людей от европейцев в аспекте изучения английского языка заключается в том обстоятельстве, что в России язык зачастую учат исключительно из прагматических соображений, в то время как в Европе многие учат английский язык лишь для того, чтобы на уровне культурной идентичности ощущать себя настоящим европейцем.

Подводя некий итог рассмотрения специфики языковых аспектов культурной политики, проводимой в России, следует подчеркнуть две ее базовые составляющие:

¹ Индекс владения английским языком (EF EPI). URL : <http://www.ef.ru/epi>

² Половина россиян владеет иностранными языками // Российская газета. URL : <https://rg.ru/2013/07/24/yazik-site.html>

1) культурную политику по вопросам поддержки языков национальных меньшинств и их отношения с русским языком, можно ее обозначить как «внутреннюю». В этом вопросе, как показывают результаты проведенного анализа, руководство страны пытается найти золотую середину, когда языкам меньшинств уделяется особое внимание и предоставляются условия для их сохранения, при сохранении ситуации закрепленного в качестве официального государственного языка — русского языка. Данная политика по ряду своих аспектов расходится с проводимой языковой политикой Европейских стран и некоторыми нормативными документами, регламентирующими ее осуществление, что в свою очередь объясняется спецификой использования на территории РФ большого количества языков национальных меньшинств;

2) культурная политика в части соответствия общим трендам изучения языка международного общения, ее можно обозначить как «внешнюю». В этом аспекте можно отметить, что Россия за некоторыми оговорками следует общемировым тенденциям развития системы межкультурной коммуникации, что в свою очередь лежит в русле разворачивая процессов глобализации: «57% россиян хотя бы на минимальном уровне владеют каким-либо иностранным языком; как правило, это английский (38%) или немецкий (19%)»¹. Безусловно, изучение иностранного языка в России идет постепенно, и процент людей, владеющих им, растет от года к году не столь быстро, однако тенденция имеет положительную динамику.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

¹ Половина россиян владеет иностранными языками // Российская газета. URL : <https://rg.ru/2013/07/24/yazik-site.html>

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Образование, как и другие сферы общественной жизни, выполняет важнейшую функцию в формировании, воспитании человека, отвечающего запросам времени. Система образования в обществе складывается в соответствии с особенностями текущего времени и поэтому в образовательном процессе не может быть раз и навсегда заданного набора принципов и методов, законов и правил. Как правило, постоянно изменяющиеся общественно-политические и социально-экономические условия и вызовы времени, обуславливая общую тенденцию развития, вносят в нее свои коррективы. Здесь имеется своя диалектика общего и единичного, традиции и новации, достигнутого и желаемого.

С философской точки зрения, понятие образования наряду с другими, например, как воспитание, формирование, просвещение, социализация указывает на один из важнейших моментов общего процесса формирования целостной личности. Дело в том, что в системе «человек — общество» можно выделить самые разнообразные коммуникационные каналы и связи их взаимодействия. Человек, в обществе вступая в разные связи и отношения с другими, наделяется определенными качествами и формируется как личность, становится способным выполнять функции, соответствующие запросам и интересам общества. Иными словами, согласно научной методологии в ходе такого взаимодействия и именно в общественной среде происходит формирование человека как личности, как создателя и потребителя произведенных материальных и духовных благ. В этом смысле понятие формирования оказывается значительно шире, чем образование, воспитание, просвещение, нацеленные на достижение более конкретных целей и задач.

В то же время на практике можно заметить применение понятия образования в разных смыслах. В более специфическом

смысле, это вооружение учащихся знаниями, умениями и навыками, в ходе которого происходит передача выработанных веками культурных и исторических традиций народов. Примерно в таком смысле применял теоретик и деятель образования XX в. Джон Дьюи другое понятие — обучение, понимаемое как выработка навыков самостоятельного мышления у представителей всех возрастных групп. В широком смысле образование понимается не только как сугубо учеба, вооружение знаниями, но и как просвещение, воспитание, в ходе которых формируются лучшие качества, необходимые для жизни и деятельности человека.

Как известно, характер и содержание системы образования в обществе обуславливается историей страны, историческими традициями и обычаями народа. Она складывается на основе географических условий, климата, социальной инфраструктуры и включает в себя различные организации и учреждения, призванные обеспечить практическую реализацию принятых программ, установок и социальных норм. Кроме того, всякая система образования, как правило, располагает специально подготовленными кадрами и необходимой материальной и инфраструктурной базой. При этом основное содержание образования определяется конкретными целями и задачами общества и власти в формировании человека и какими полномочиями наделяются организации и учреждения, призванные обеспечить этот процесс. А также многое зависит от конкретных социальных условий, полноты инфраструктуры и от того, как учитываются географические и иные факторы.

Система образования в обществе создается государственной политикой, ею определяется структура, цели, задачи и издаются законы об образовании. В новейшей истории Российской Федерации закон об образовании был принят 21.12.2012 (Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; далее — Закон об образовании). В нем в качестве предмета регулирования указываются общественные отношения, возникающие в сфере образования, а также реализация прав человека на образование, обеспечение государственных гарантий и создание условий для этого. В законе даны толкования основных понятий, применяемых в системе образования: образование, воспитание, обучение, образовательный стандарт, образовательная программа, педагогический работник, учебный план, инклюзивное образование, отношения в сфере образования и т.д. В качестве базовых принципов государственной политики и правового регули-

рования отношений в сфере образования выделены: обеспечение права каждого человека на образование; гуманистический характер и недопустимость дискриминации в этом деле; единство образовательного пространства на территории Российской Федерации; светский характер и свобода выбора получения образования; обеспечение права на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности; демократический характер управления образованием.

В Российской Федерации право на образование гарантируется независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии и убеждений. Также властными полномочиями федеральных органов государственной власти гарантируются общедоступность и бесплатность. Федеральная государственная политика в сфере образования вырабатывает общую политику, определяет основные принципы, обеспечивает правовое регулирование и гарантии реализации права человека на образование, а также наделяет определенными полномочиями федеральные органы в разработке и принятии учебных программ и государственных стандартов. Далее, учитывая многонациональный характер Российской Федерации и отмечая как важнейший принцип единство образовательного пространства на территории страны, закон об образовании особо подчеркивает необходимость защиты и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов. Подтверждая данное положение, в законе полномочиям субъектов Федерации посвящена специальная статья.

Многонациональность России сложилась исторически, поэтому система образования не может не отражать данное обстоятельство. Реализация общих положений государственной политики всегда происходит в конкретных социальных условиях и конкретных регионах. Последние представляют собой исторически сложившиеся края, области, губернии и республики. Каждый регион имеет свои особенности, обусловленные географическими условиями, типом хозяйственной деятельности, полиэтничностью населения и многими другими параметрами. В этом отношении особо выделяются регионы, представляющие собой национальные республики. Проживающие в них нации, этнические группы, малочисленные народности имеют свой язык, обычаи, традиции, исторические корни.

Полномочия регионов в сфере образования вытекают из общих положений и соответствуют основным принципам, целям

и задачам определенных федеральных законов. К ним, например, отнесены: государственный контроль за деятельностью организаций, осуществляющих образовательную деятельность на территории субъекта; лицензирование и аккредитация образовательной деятельности; финансовое обеспечение; контроль за расходованием средств и т.д. Такая регионализация общих положений и принципов, правовой базы и практических полномочий способствует более детальной выработке и реализации системы образования применительно к условиям региона. Отсюда вытекает важный принцип национально-региональной системы образования как закономерное требование времени для формирования всесторонне подготовленных, компетентных, творческих людей.

Республика Саха (Якутия), хотя население меньше одного млн человек, по масштабам своей территории (более 3 млн км²) и богатым природным ресурсам является одним из крупных регионов Российской Федерации. В ней проживают представители более ста наций и народностей. Якутия с момента своего вхождения в состав Российского государства в XVII в. прошла большой исторический срок и накопила уникальный опыт совместного проживания с другими народами. За эти годы суровые географические условия, фактор совместного проживания местного населения с русскими и другими народами, смена исторических эпох и общественной системы сформировали неповторимые особенности этого региона. Все народы, населяющие республики, выработали свой язык, неповторимые исторические традиции и образ жизни, менталитет.

Сегодня в республике проживает 958 291 человек. Из них представители титульной нации (якуты) составляют 48,7%, русских 36,9%, коренные малочисленные народы — 4,2%, остальное — единичные представители этносов. Положительная динамика наблюдается в росте численности малочисленных народностей: эвенков 21 008 человек (2,2%), эвенов 15 071 (1,6%), долганов 1906 (0,2%), юкагиров 1281 (0,13%), чукчей 670 (0,07%) (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., Роскомстат, 2011 г.).

Для организации образовательного процесса Республика Саха (Якутия) как субъект Российской Федерации, основываясь на Конституции Российской Федерации и Законе об образовании, принимает свой закон об образовании. Республиканский закон регулирует особенности функционирования системы об-

разования и разграничивает полномочия республиканских органов власти и органов местного самоуправления, действующих на территории республики. С целью обеспечения прав человека с учетом региональных социально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных особенностей разрабатываются специальные государственные и авторские программы образования, где особо выделяются организационно-педагогические и языковые проблемы. Принятием специальных программ гарантируется получение образования на русском и якутском языках на территории республики, создается условие для преподавания и изучения языков коренных малочисленных народов севера, которые по статусу являются официальными языками в местах их компактного проживания.

Региональной особенностью в организации системы образования является огромная территория республики (свыше 3 млн км²) и соответственно чрезвычайно редкая плотность населения. Данное обстоятельство делает необходимым создание в слабонаселенных районах малокомплектных и даже так называемых кочевых школ. Малокомплектные школы создаются в районах, удаленных от других образовательных организаций и расположенных вне транспортной доступности, предусмотренные соответствующими правилами и нормативами. Для создания таких детских учреждений в начальном звене требуется численность менее 40 обучающихся, а для начального и среднего образования — 110 обучающихся.

Предметом особой заботы являются кочевые школы (их в республике 9). Они создаются в северных районах республики, где, как было сказано, очень низкая плотность населения, большая удаленность поселений от районных центров. Естественно, в таких условиях не могут быть созданы школы с наполняемостью классов по общему нормативу. В свою очередь кочевые школы в зависимости от условий создаются по разным моделям. В одних случаях они работают по типу малокомплектных школ, в других — учитель выезжает на место непосредственного проживания детей и работает с ними. В тундре в оленьих стадах дети обычно кочуют вместе с родителями, а учитель передвигается между стадами, так он может охватить больше детей. Иногда для детей, не владеющих родным языком, в форме «летних кочевых школ» организуется погружение в среду языка, обычаев и традиций кочевого образа жизни своего этноса. Иными словами, согласно республиканскому закону «О кочевых школах», принято-

му в 2008 г., такие школы создаются для повышения доступа детей к начальному этапу образовательного процесса, в конечном счете — для сохранения и развития малочисленных народов Севера.

Если рассмотреть динамику развития школьного образования в республике, то можно заметить огромный скачок по сравнению с прошлой историей народов северного края. Приведем некоторые примеры. В начале XX в. на каждую тысячу человек населения Якутии в ее отдельных округах, например, в Вилюйском приходилось 3, Верхоянском — 2, Колымском — 1,7 учащихся начальных школ. В 1910 году в двух общеобразовательных средних учебных заведениях (реальное училище и женская гимназия) было 422 учащихся. Спустя полвека, в начале 70-х гг., было 95 средних школ и только в старших классах (9—11 классы) обучалось 7028 учащихся. Кроме того, в этот период работали 237 восьмилетних школ. Сегодня в республике функционирует 649 школ, из них 51 (7,8%) работает в городских условиях, 598 (92,2%) — сельские.

Через системы образования государство осуществляет профессиональное обучение для нужд отраслей народного хозяйства. В последнее время постоянно налаживается подготовка кадров через сети среднего профессионально-технического образования. После долгого забвения как в целом в Российской Федерации, так и в республике, эта система возрождается, а в Правительстве создано Министерство профессионального образования, призванное осуществлять управление в сфере профессионального образования для подготовки по профессиям рабочих и должностям служащих с учетом потребностей производства. Высококвалифицированные кадры с высшим образованием получают подготовку в вузах республики и в центральных вузах страны. Впервые высшее учебное заведение — педагогический институт — было открыто в 1934 г., затем в 1959 г. он преобразован в университет. Сегодня университет получил статус федерального и в нем молодые люди получают подготовку по естественно-научным, инженерно-техническим, общественно-политическим и социально-гуманитарным специальностям. Кроме того, многие обучаются в центральных и зарубежных вузах.

В создании работающей структуры образования, в ее совершенствовании и главным образом в реализации современной науке и практике приходится решать довольно сложные теоретические и практические вопросы. Затронем некоторые из них.

Несмотря на кажущуюся очевидность существования в многонациональной стране в рамках общей системы образования и национально-региональной системы, на деле возникают вопросы, как соотнести одно с другим, в каких рамках и пределах должна существовать последняя. Иногда вопрос упирается в понимание самого понятия регионального — насколько оно научно или это только искусственно созданный конструкт, который при желании легко и как угодно можно деконструировать.

В условиях России понимание регионального еще совпадает с национальным, что добавляет дополнительную трудность. Дело в том, что некоторые регионы Российской Федерации представляют собой национальные республики. Понимание сути последних неоднозначно. В наше время в исторической науке некоторые специалисты, да и в политической сфере порой пытаются доказать нелегитимность статуса национальных республик, считая их искусственно созданными образованиями. Как они полагают, возникновение в свое время национальных республик было ошибкой прошлого, мол, они были созданы искусственно на основе коммунистических идеологических и политических устремлений. Видимо, не все, что создано государством в прошлом в советское время, плохо, как некоторые однозначно утверждают. В науке, как известно, сугубо эмоциональные или излишне политизированные подходы не помогают постижению истины.

Что касается национальных республик, то они исторически возникли на объективной основе как решение реальных вопросов быта, образа жизни наций, как забота о сохранении их языка, культуры, равноправия и т.д. Существование наций, многочисленных этносов в то время было объективным историческим фактом, а придание статуса республик этим образованиям являлось формой решения национального вопроса. В этом смысле республики возникли на реальной, объективной основе и, исходя из тех условий, они явились наиболее приемлемой формой решения жизненных проблем этнических образований. Поэтому в научном плане создание национальных республик базируется не на политизированных желаниях и устремлениях отдельных или даже группы людей. Сказанное в равной мере относится и к регионам, не являющимися национальными республиками, ибо они тоже возникли на реальной основе и имеют свои особенности, отличные от национальных образований.

От научного понимания сути национально-регионального зависит и понимание его соотношения с общенациональным (го-

сударственным). В одинаковой мере неприемлемы как абсолютизация, так и недооценка роли национально-регионального и даже его противопоставление к общенациональному. Объявление национально-регионального и общенационального (государственного) без необходимых научных обоснований не более чем конструктом, как это иногда делается, ведет к пониманию региональной и государственной идентификации личности только условным дискурсом, нарративом или просто символическим обозначением. С таким же успехом и чувство региональной, национальной, общенациональной (государственной общности) общности объявляется искусственными, произвольным мысленным конструктом.

Так или иначе, всякая мысль или положение, выраженная в словах, понятиях, есть своеобразный мысленный конструкт. При этом такой конструкт может иметь реальную основу, т.е. выражать объективно существующее явление. Но он может быть просто условным конструктом, фантазией, мифом, если при этом нет реального объекта. Ведь даже всякую небылицу, выраженную в словах и по-своему аргументированную, тоже можно назвать конструктом. Поэтому трудно согласиться, когда без основательного разъяснения тиражируется известная фраза антрополога Бенедикта Андерсена о нациях как «воображаемых сообществах». Данное утверждение легко можно перенести и на понимание всякого региона и считать его просто воображением или желанием людей.

В функционировании национально-региональной системы образования довольно сложным вопросом остается определение ее объема и компетенции в рамках общей системы. Как правило, в связи с изменениями исторических условий концептуальные положения и конкретные параметры системы меняются, возникают новые стандарты обучения. Так было в начале 90-х гг. прошлого столетия, когда произошло изменение общественно-политической системы в России. Все это отразилось на жизни национальных республик и соответственно в национально-региональной системе образования. Исчезла концепция единой советской школы с едиными учебными планами и программами, и взамен объявлен принцип демократизации, децентрализации управления и финансирования до уровня республик в составе Российской Федерации.

В тех непростых условиях, в начале 90-х гг. XX в. в республике Якутия разрабатывается и принимается «Концепция обновле-

ния и развития национальных школ». В ней были отражены пути собственного развития общего среднего образования, обозначены приоритеты национально-республиканского компонента. В качестве основополагающего принципа образования подчеркнута «реализация демократического и конституционного права обучения и воспитания учащихся на их родном языке» (См.: *Жирков Е.П.* Как возродить национальную школу. М., 1992. С. 18). В Концепции предусматривалось введение в школах нового учебного предмета — «Национальная культура народов Якутии», издание и перевод учебников на якутский и другие языки народов республики, вопросы кадрового, правового и материального обеспечения. Как назревшая потребность была указана подготовка для классов с родным языком обучения вариативных учебных программ и учебников по русскому языку. А для школ с русским языком обучения предлагалось создание условий для изучения по желанию учащихся и родителей языка коренного населения региона.

Концепция была одобрена на международной конференции «Национальная школа: концепция и технология развития» в марте 1993 г., прошедшей под эгидой ЮНЕСКО. В решениях конференции специально подчеркивалось: «Концепция обновления и развития национальной школы Республики Саха (Якутия) предусматривает введение в обучение культурного и национально-регионального компонента, базирующегося на природно-климатических, экологических, народно-хозяйственных характеристиках региона, социальных, психологических особенностях населения... имеет несомненную ценность, ибо только на основе обобщения полученных в регионах страны результатов можно построить федеральную политику в области образования, правильно решить проблемы сохранения единого образовательного пространства» (См.: *Национальная школа: концепция и технология развития.* М., 1993. С. 9).

В образовательной деятельности на всех уровнях возникают и довольно сложные вопросы, непосредственно не связанные с проблемами национального и регионального, но оказывающие на них свое влияние, в то же время выходящие за их пределы. Вступление России, не имеющей опыта либерализации и коммерциализации в сфере образования, в так называемый болонский процесс вызвало серьезные проблемы. В определенной мере в образовании возникла аналогичная ситуация с внедрением в стране в 90-е гг. XX столетия американской модели экономической ре-

формы. Теперь по истечению определенного времени становится понятно, каким ошибочным решением руководства страны было бездумное копирование экономического опыта, пригодного в других условиях.

Вступая в «Болонский процесс» в начале XXI столетия, Россия приняла обязательство внедрять в стране европейскую систему образования. Безусловно, то, что лучший европейский опыт нужно принимать, но и, разумеется, не только европейский. Более того, в рамках Европейской Культурной Конвенции много делается для повышения роли образования и культуры, в укреплении основ европейских ценностей и позиций гражданского общества. Но речь в данном случае идет об очередном копировании опыта, пригодного только в определенных условиях. Вероятно, как нам кажется, надо было позаботиться, так сказать, о творческом подходе к чужому опыту, видимо, вполне можно было разработать свой адаптационный механизм внедрения. Много споров среди педагогической общественности, и не только педагогической, вызывает единый государственный экзамен (ЕГЭ) в школах и повальное увлечение тестированием, превращение его в чуть ли не главный измеритель уровня овладения знаниями у учащихся школ и студентов вузов.

Внедрение положений «Болонского процесса» в образовательных учреждениях, как считают многие специалисты, внесло много неоправданных новшеств. Это они связывают с возникновением многих лишних структур, увеличением чрезмерной бумажной работы, сбором всевозможных сведений, составлением отчетов. Все это обрушилось как на школьного учителя, так и на преподавателя высших учебных заведений. Сказанное, конечно, не связано только со вступлением России в «Болонский процесс», здесь во многом печать наложила сама эпоха в целом. По своей природе либерализм, рыночные отношения ориентированы на конкуренцию, прибыль, успех. Порой достижение желаемого результата, иногда любыми средствами, становится ведущим принципом практической деятельности. Здесь речь идет о результатах, желательных сугубо для участников конкурентной борьбы. Средства достижения тоже бывают разными, но речь в данном случае идет о таких средствах, которые не совсем согласуются со здоровым представлением о них, т.е. о средствах, не соответствующих моральным принципам и правовым нормам.

Национально-региональный принцип организации образовательного процесса дает возможность увидеть особенности каждо-

го региона, что очень важно для понимания других и установления взаимоотношения с нами. В составлении учебных программ и государственных стандартов по тем или иным учебным дисциплинам возникает необходимость найти баланс и определить уровень усвоения материала и количество времени для преподавания на общенациональном и региональном уровнях. Сказанное прежде всего относится к преподаванию языков, в нашем случае русского и якутского языков как государственных на территории Якутии и языков малочисленных народностей Севера как официальных языков в местах их компактного проживания.

Изучение предмета «Национальная культура» в школах республики дает возможность учащимся поближе ознакомиться с глубокими корнями родной культуры, что в ней всегда имело место взаимодействие христианских и языческих начал, что природа Севера, какая бы суровая она ни была, у нее имеются свои безусловные достоинства. Ибо природа Севера — это не только холодный климат и сравнительно бедная растительность, она еще включает то, что водится в озерах и реках, живет в лесах и тундре, и самое примечательное — это то, что находится под землей (алмазы, уголь, нефть, железо и т.д.). Все это становится предметом особой гордости, источником воспитания патриотических чувств, экологических и этических представлений и отношений к природе.

Как и в любой другой национальной республике, в преподавании гуманитарных дисциплин в качестве базовых ценностей кроме общечеловеческих, общенациональных используются традиции, обычаи, фольклор, народная мудрость этносов Севера. В частности, в школах и в дошкольных учреждениях в воспитании широко используются сюжеты народного эпоса Олонхо. Последний в 2005 г. решением ЮНЕСКО был объявлен шедевром нематериального духовного наследия человечества. Для детей по мере их взросления знакомство и изучение эпоса постепенно усложняется, так сказать, идет по принципу от простого к сложному. Если в младшем школьном возрасте дети в эпосе лучше воспринимают иллюстрации в виде картин, книжки-альбомы, диафильмы, мультфильмы, то в более старших классах идет знакомство с каноническим текстом. Школьник через текст Олонхо, конечно, и через другие жанры фольклора проникает в дух времени, постигает художественное видение, образность мышления. В жизни Олонхо еще исполняется как песня, поэтому он вместе с текстом и исполнением превращается в театр одного

актера. С помощью преподавателя дети учатся и этому искусству. В дальнейшем школьники постепенно созревают для восприятия сложного духовного мира героев, нравственного смысла их подвига и философского значения эпоса в целом.

Среди гуманитарных наук большой познавательный и творческий потенциал содержит преподавание истории в образовательных учреждениях. В национально-региональной системе образования соблюдается определенный баланс в освещении событий всемирной, российской и национальной истории. Это дает возможность правильно расставлять приоритеты и оценивать происходящие в мире процессы, при этом не противопоставляя и не утверждая верховенство национального над федеральным. Конечно, в оценках событий истории республики не все было просто и гладко, однако в конечном счете всегда находился необходимый баланс. Создание и популяризация общенациональной и региональной идентичности личности достигается именно через сбалансированное освещение соотношения между содержанием, отражающим общенациональную (государственную), региональную (национально-региональную) и локальную специфику.

Кроме рассмотрения национально-регионального в рамках общенационального (государственного) имеется еще более широкий исторический контекст — это региональное, взятое в значительно широком масштабе, как, например, история Европы, история Азии и т.д., т.е. имеется еще и всемирный контекст. Понимание истории своего народа в рамках всемирной истории дает возможность верно определить его место среди других, правильно оценить его историю, уровень и потенциал развития. Именно такие подходы могут быть реализованы в создании единого учебника по истории, о котором сейчас много говорят.

Понимание истории своего народа, страны и соотнесение их с историей других народов и стран также помогает человеку определить свое место в постоянно меняющемся мире. Через это человек приходит к пониманию значимости фундаментальных ценностей, таких как толерантность, справедливость, гуманизм, взаимопонимание и доверие между народами. Условиями благополучия человека, народа, страны являются идея объединения, а не разъединения народов, идея активной борьбы с несправедливостью и насилием, терроризмом, космополитизмом и этноцентризмом и всякого рода преступными деяниями.

Излагая особенности национально-региональной системы образования применительно к республике Саха (Якутия), мы хоте-

**ТРАДИЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

ли показать, как образование наряду с другими важнейшими сферами общественной жизни помогает выработать определенный образ жизни, менталитет, отношение к другим, толерантность у народов северного края. Совершенствование системы способствовало активному использованию интерактивной информационно-технологии, внедрению вариативных методов.

Сохранение за республикой имиджа одного из устойчиво развивающихся субъектов Российской Федерации в определенной мере можно рассматривать как результат влияния и анализируемой нами сферы. Такой имидж за республикой сложился, можно сказать, давно. В 1995 году по инициативе ЮНЕСКО наша республика как стабильно развивающийся регион и веками накапливавший неопределимый опыт совместного проживания представителей разных народов стала организатором международной конференции по толерантности «Терпимость во имя взаимопонимания и согласия». По итогам работы конференции был принят основополагающий документ — Меморандум «Терпимость, взаимопонимание и согласие», который вошел в историю как документ ООН большого духовно-нравственного и политического значения. В Российской Федерации после этого Правительством для системы образования была принята специальная государственная программа по толерантности. Как бы сегодня к ней ни относились, на наш взгляд, идея толерантности остается одной из великих гуманистических идей современности. В условиях роста конфликтной ситуации в мире широкое ее использование в образовательной системе становится одним из требований времени.

Современная система образования пронизана противоречиями вековых традиций и непрерывных реформ, пытающихся следовать ритму общественных изменений. Планирование, структурирование, контроль приводят систему в устойчивое, упорядоченное состояние, в то время как инициатива, новаторство, образовательные эксперименты толкают ее к неустойчивости и к хаосу нелинейной системы. Именно состояние хаоса наиболее характерно российскому, в особенности дагестанскому образованию сегодня.

В настоящее время система образования в России в целом соответствует классической модели, истоки которой восходят к европейской научной педагогике конца XVIII — начала XIX вв. Эта традиционная модель предполагает, отталкиваясь от школьной базы, перейти учащемуся к самостоятельному усвоению знаний, ценностей и умений более высокого порядка по сравнению с ранее освоенными. Тем не менее современное российское образование носит явно выраженный информационный характер и базируется на репродуктивном обучении или воспроизведении готовых знаний. Содержание учебных дисциплин базируется преимущественно на естественных науках и включает в себя лишь проверенное временем знание, поэтому обращено в прошлое. Классический тип мышления, соответствующий этой модели, следует из механистической картины мира с установкой на однозначные решения реальных проблем. Ярким выражением этой модели предстает переход российского образования к Болонской системе.

Сошлемся на очередной и, как всегда, сопровождающийся скандалами и сенсациями цикл школьных тестовых испытаний 2013 г. в России, известных как ЕГЭ. Рособнадзор подвел некоторые предварительные итоги массового тестирования школьников. Они вновь породили массу противоречивых взглядов

на их эффективность, начиная от абсолютного восхваления как объективного и беспристрастного инструмента селекции для дальнейшего обучения в вузах и заканчивая столь же абсолютным нигилизмом в оценке результативности такой работы. Во всех без исключения регионах России ЕГЭ себя не оправдывает в главном: хотя показатели количественные растут, из года в год ухудшается качество образования. Сам экзамен сопровождается массовыми нарушениями. «Всего в регионах зафиксировано более 800 случаев нарушений, допущенных должностными лицами при обеспечении и проведении государственной (итоговой) аттестации в форме ЕГЭ», — сообщают в Рособнадзоре. Среди основных нарушений — ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, повлекшее нарушение процедур ЕГЭ — пользование мобильными телефонами, опубликование участниками ЕГЭ фрагментов КИМ; ослабление контроля за организацией и проведением ЕГЭ, недостаточная организация разъяснительной работы, ошибки и нарушения при работе с базами данных участников ЕГЭ.

По данным ведомства, наибольшее количество нарушений выявлено в Северо-Кавказском и в Центральном федеральных округах. Дисциплинарные взыскания наложены на 276 человек, к административной ответственности привлечены 432 человека¹.

В числе регионов-нарушителей традиционно лидирует Дагестан. По словам министра образования и науки РД число высокобалльников (от 80 до 100 баллов) превышает прошлогодние рекорды по биологии — в 2 раза, по математике — почти в 4 раза. Перепроверка более 2 тысяч работ по биологии выявила около 600 списанных с Интернета. Специалисты разного профиля, имеющие отношение к ЕГЭ, предлагают меры, способные привести его организацию в соответствие интересам общества. Предлагается, например, сделать ЕГЭ добровольным, дать выпускнику несколько попыток сдачи экзамена, превратить результаты в конфиденциальную информацию, поручить проведение ЕГЭ негосударственным структурам, разрешить вузам выбор вариантов вступительных экзаменов.

Нынешнее состояние образования в республике нельзя объяснить без краткого обращения к его истории. В Дагестане и других национальных республиках Северного Кавказа веками

¹ http://www.riadagestan.ru/news/in_russia/rosobrnadzor_opublikoval_spisok_lits_dopustivshikh_narusheniya_na_ege/ — РИА «Дагестан» Новости.

внедрялось мусульманское образование, прервавшись на менее чем столетие советской власти. Сегодня его пытаются возобновить, когда наряду со светским образованием в ряде сельских районов функционирует начальная школа (мактаб), представляющая собой учебное заведение при мечети, или же занятия проходят в самой мечети. Учебная программа базируется на чтении Корана и обучения письму на арабском языке. Учебные программы не удивляют разнообразием. Помимо чтения и письма ученики проходят арабскую грамматику, хадисы пророка Мухаммада, основы математики и т.п. И такого рода учебные заведения в XXI в. продолжают открываться, стимулируясь не государством, а сложившейся на мусульманском Востоке давней традицией, когда состоятельные люди благотворительность проявляли именно в сфере образования.

Первые медресе возникли в Дагестане более тысячи лет назад — в конце XI в., и со временем они были почти в каждом крупном селении. К началу XX в. в Дагестанской области насчитывалось 853 мусульманские школы с числом учащихся в 5719, тогда как в 26 светских школах, открытие которых началось только с присоединением к России, обучалось всего 1896, из которых в сельской местности, где проживало 95% населения — 493 ребенка, в том числе 25 девочек¹.

Система исламского образования в Республике Дагестан ныне включает в себя 14 исламских вузов (более 2600 студентов) с 43 филиалами (более 2400 студентов), 132 медресе (среднее учебное заведение) (более 4400 учащихся), 278 мактабов (начальные школы) (около 4000 учащихся) с общим числом обучающихся около 14 000 человек. Нынешние олигархи или просто «новые дагестанцы» не спешат ремонтировать разваливающиеся со времен советской власти школы или построить взамен новые, но в угоду исламу готовы строить или финансировать мечети, мактабы, медресе и исламские вузы. Таким образом, в регионе исламское образование ныне развивается достаточно интенсивно, можно сказать, что исламские учебные заведения современного Дагестана стали составной частью общероссийской и международной исламской образовательной сети. Религиозные организации в Республике Дагестан имеют законодательные, матери-

¹ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 2004. С. 588—590.

альные и финансовые возможности для обучения религии всех желающих, подготовки кадров духовенства.

Согласно закону РД «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях» исключительное право на создание учреждений профессионального религиозного образования для подготовки служителей культа и религиозного персонала имеют республиканские религиозные организации, прошедшие государственную регистрацию, например, на сегодняшний день — Духовное управление мусульман Дагестана. Учреждения профессионального религиозного образования, т.е. религиозные вузы, их филиалы, проходят, как правило, обязательное лицензирование в управлении лицензирования, аккредитации и надзора в сфере образования Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки. 12 исламских вузов из 14 имеют действующие лицензии от Министерства образования РФ. Все три теологических вуза также имеют лицензии от Министерства образования РФ. Предполагается, что государство через Министерство образования и науки РФ будет финансировать работы по составлению и изданию учебно-методических материалов, учебников и учебных пособий по религиозным дисциплинам. На образовательный процесс в исламских учебных заведениях Республики Дагестан зарубежные фонды и общественные объединения влияния не оказывают. Но по-прежнему значительным остается количество дагестанцев, обучающихся в зарубежных исламских учебных заведениях. Всего, по разным оценкам, количество выехавших на учебу составляет более 1000 человек. Наибольшее количество обучающихся, по имеющимся сведениям, находится в Сирии (256 человек), Египте (185), Турции (140), Пакистане (96), в Саудовской Аравии (59), Иране и других странах. Несколько десятков человек обучаются в таких странах, как Иордания, Тунис и др. Одной из причин отъезда остается невозможность получить в Дагестане навыки разговорной арабской речи.

В 2007 году в Махачкале создан Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки (СКУЦИОН). Его учредителями являются Институт теологии и религиоведения (г. Махачкала), Дагестанский исламский университет (бывший СКИУ), Чеченский исламский институт им. Кадырова и Ингушский исламский институт. Разработаны более 15 различных учебных программ по религиозным и светским дисциплинам. («Пророческая деятельность и жизнеописание Проро-

ка», «Намаз», «Религиозная философия», «Хадж», «История арабского языка», «Корановедение», «История арабских стран», «Хадисоведение», «Тасриф», «Исламское практическое право», «Исламская теология», «Закят», «Каллиграфия» и др.).

В ИУЗ не преподаются светские учебные дисциплины, только в ДИУ им. М. Арифа в г. Махачкале (с 2004 г. функционирует кафедра гуманитарных дисциплин), в ИУ им. Ашъари в г. Хасавюрте, ИУ им. имама Шамиля в г. Кизилюрте преподаются некоторые общеобразовательные дисциплины. К большому сожалению, светские предметы, включенные в учебные программы большинства дагестанских исламских учебных заведений, на деле являются попросту декларацией, так как преподавание их, как заявлено при получении лицензии, не ведется. Происходит это в силу различных причин, как объективных — отсутствие финансирования, так и субъективных — неприятие или игнорирование так называемых светских наук (ильм ад-дунья).

Тенденция развертывания в Дагестане исламского образования вносит в общую ситуацию с культурой и образованием свои негативы. В общественном сознании формируется негативный образ светских наук как синонима никчемных знаний. Кроме того, учебные программы и дисциплины, их содержание и методы преподавания остаются традиционными и обращены в прошлое. Дискредитируется подготовка квалифицированных преподавательских кадров на фоне исламского образования — абсолютное большинство преподавателей дагестанских исламских учебных заведений являются выпускниками тех же дагестанских вузов или мадраса или же получили свое образование, обучаясь индивидуально. Несмотря на это, мусульманское духовенство Дагестана постоянно и настоятельно ставит вопрос о введении в учебные программы государственных школ республики преподавания основ ислама. Основными его аргументами являются: ислам — религия большинства дагестанцев; необходимость воспитания детей в духе традиционного ислама в противовес попыткам внедрения ваххабизма и других форм экстремистской идеологии; уже идущее на практике внедрение в некоторых российских школах основ православной культуры и др.

Закон РД «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях», как и соответствующий федеральный закон (Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»), допускает включение в учебные программы государственной системы образовательных

учреждений по согласованию с соответствующими органами образования дисциплин, связанных с изучением истории мировых религий, религиозной морали, этики и нравственности, при условии, что изучение этих дисциплин в государственных и муниципальных образовательных учреждениях будет осуществляться без совершения религиозных культовых действий (ст. 8). В последние годы дагестанским Научно-исследовательским институтом педагогики разработан, а министерством образования и науки РД введен в учебный процесс ряд факультативных программ, курсов, таких как «История мировых религий», «Религия и ее памятники» и др. Однако духовенство настаивает на внедрении, хотя бы факультативно, именно уроков ислама, а не религиозно-научных дисциплин, отношение к преподаванию которых даже в государственных вузах республики у мусульманского духовенства в основном негативное.

Действительно, в исламских учебных заведениях особое внимание уделяется морально-нравственному воспитанию студентов. В них культивируется уважительное отношение студентов друг к другу, отсутствуют проблемы наркомании, алкоголизма, сквернословия, курения, преступности. В этом отношении исламские учебные заведения на порядок выше светских учебных заведений республики. Однако дагестанская система религиозного образования в целом не смогла противостоять и дать отпор ваххабитской идеологии и фактически проиграла в этом идеологическом противостоянии. Ваххабиты оказались более подготовленными и эрудированными.

Говоря о негативных тенденциях дагестанского образования, нельзя обойти и проблему «учитель — ученик», которая имеет свои истоки в гносеологическом «субъект-объектном» отношении. Кто является подлинным субъектом учебного процесса? Как уходить от авторитарных традиций, превращающих воспитуемого и обучаемого в простой сосуд знаний и нравственных ценностей? Как перейти от ученика-реципиента и ретранслятора информации к деятельному и активному познающему субъекту? Каково место в современном образовании педагогики сотрудничества? Как вписать в нее традицию раздельного обучения мальчиков и девочек? Подобный круг вопросов решался в традициях мусульманского, а затем и советского образования весьма неэффективно. Во всех исламских учебных учреждениях в основе учебной программы лежало главным образом изучение текста Корана, хадисов, а также особое внимание уделялось раз-

витию памяти. Исследователи, в том числе на примере Дагестана, отмечают также заметный консерватизм системы традиционного мусульманского образования, господство в нем схоластических методов преподавания, преобладание духа религиозного фанатизма и нетерпимости и т.п.¹ Так что, типичному воспитаннику мусульманской школы было далеко до самостоятельно деятельного, творчески активного и вдумчивого субъекта познавательного процесса. Более того, многие негативы общественно-политической напряженности имеют основательную почву в консерватизме и догматизме мусульманского образования.

Изложенные традиции и тенденции препятствуют дагестанскому образованию вписаться в современное образование, которое ныне в цивилизованном мире становится своеобразным комплексом, осуществляющим непрерывное обучение на всех уровнях с опорой на новую образовательную парадигму. И.А. Александров утверждает, что новые образовательные модели должны ориентироваться «на новую педагогическую формулу обучения: знания — умения — навыки — понимание знаний — творчество»². Существенное преобразование картины мира на рубеже тысячелетий свидетельствует о наступлении качественно новой эпохи. Очевидно, что «модель образования XXI в. должна претерпеть кардинальные трансформации и ориентироваться не на прошлое (консерватизм), а на будущее (футуризм) человеческой цивилизации, также меняющей свою парадигму (модель) развития»³. Основными чертами новой парадигмы, по мнению разных авторов, должны стать: смена основного смыслового знака образования «рационализм» на знак «культура»; переход от репродуктивной модели образования, работающей на воспроизводство и стабильность имеющихся общественных отношений, к продуктивной, гуманистической, культууроориентированной модели⁴. Основной тенденцией образования на современном этапе должны оставаться его гуманизация и гуманитаризация.

¹ См. об этом: *Каймарзов Г.Ш.* Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001.

² *Александров И.А.* Философская концепция высшего образования : к постановке новых образовательных моделей // *Философия образования.* 2002. № 5. С. 59.

³ *Урсул А., Романович А.* Всемирный саммит по устойчивому развитию : итоги, надежды, перспективы // *Alma mater (Вест. высш. Школы).* 2003. № 4. С. 4.

⁴ *Валицкая А.П.* Культуротворческая школа : концепция и модель образовательного процесса // *Педагогика.* 1998. № 4. С. 12.

Идеи самоорганизации, саморазвития, самоопределения, самореализации и самоактуализации, провозглашенные синергетикой, гуманистической философией и психологией, оказались особенно востребованными в современной социокультурной ситуации, что определило появление **лично ориентированной концепции образования**, сущность которой заключается в следующем: человек рассматривается как сложная саморазвивающаяся система, признается уникальность и неповторимость каждой личности и траектории ее развития, ее самооценности. Это предопределило переоценку целей образования, которая сместилась с информатизации личности на создание условий и помощь в развитии и саморазвитии личности в целом, на понимание мира и самого себя, самоопределение в окружающем мире и культуре.

Суть образования в рамках **культуроцентристской концепции образования** (Е.В. Бондаревская, А.С. Запесоцкий, С.Ю. Курганов, Н.А. Люрья) не наполнение памяти некоторым объемом информации и даже не развитие интеллекта, а воспитание «духовного инстинкта», который поможет личности обрести высший смысл жизни. В этом случае результат образования — духовность личности как абсолютная ценность человеческой жизни, основа целостности и душевного здоровья человека¹. Эта концепция «предполагает понимание образования как важнейшего социального института культурной преемственности; расширение гуманитарного ядра образования путем органичного включения в образовательный процесс духовно-нравственного потенциала российской культуры; возвышение роли воспитания как механизма формирования «культуры жизнеспособности» — психологической и нравственной готовности жить и работать в быстро меняющемся мире, как способа выращивания творческой личности, сознательного субъекта социально-культурных преобразований; оптимальное сочетание профессионализма и универсализма; ориентацию на принципы партнерства и социальной ответственности, на приоритет гуманистически и демократически ориентированных социальных технологий»².

Эти новаторские концепции особо актуальны в условиях нынешнего преподавания гуманитарных дисциплин в российском образовании, когда нарушаются пределы использования инфор-

мационных технологий и тестовых методик организации ЕГЭ по истории, обществоведению, литературе и др. дисциплинам. Применение современных информационных, виртуальных технологий в образовательном процессе — и мощный источник обеспечения доступности учебной и научной информации, и средство упорядочения учебно-педагогического и воспитательного процесса, и эффективный рычаг прямой и обратной связи преподавателя и обучаемого, и надежный определитель вклада каждого члена коллектива в общую копилку успехов, и продуктивное средство визуализации механизмов усвоения знания и т.д. Речь идет о чрезмерном увлечении внедрением информационных технологий и тестовых методик в учебный процесс, бездумном и формальном подходе, необходимости соблюдать меру в этом вопросе. Иначе происходит своего рода технизация и технологизация мышления, когда информация и информированность человека стали подменять его интеллект, способности глубинного осмысления всей драматургии бытия. Существующая практика тестовой унификации не подходит под стандарты социально-гуманитарного образования, не учитывает в полной мере ее специфики.

Во-первых, очевидно, что социально-гуманитарное знание не поддается столь же однозначной формализации, как естественно-научное. Известно, что строгая и полная формализация невозможна даже для математики, где, казалось бы, нет никаких пределов. А что можно говорить об эффективном применении формализованных методик обучения в социально-гуманитарном познании, если существуют такие ограничения в математике? Во-вторых, специфика социально-гуманитарного знания выражается еще в том, что в нем не действует традиционная «двузначная», математическая или, как ее называют, Аристотелева логика. В социально-гуманитарном же знании действует иная содержательная многозначная или, как ее часто называют, диалектическая логика. Еще одним, третьим аргументом в защиту своей позиции является следующая особенность социально-гуманитарного знания. Мы имеем в виду разделение на номотетическую и идиографическую стратегии в методологии познания, введенные еще представителем неокантианства Вильгельмом Виндельбантом для характеристики специфики естественно-научного и гуманитарного знания. Четвертый важный аргумент — хрестоматийным и общезначимым является вывод о наличии в социально-гуманитарном знании не только механизмов объ-

¹ Запесоцкий А.С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. 2002. № 2. С. 323.

² Там же. С. 324.

яснения, но и понимания. Пятая особенность социально-гуманитарного знания, которая также не учитывается при современной практике тестирования в рамках ЕГЭ, — это его принципиальная диалогичность и, если хотите, полилогичность. В-шестых, существующая практика тестирования сводит до минимума возможности эмоционального воздействия на обучающихся, особенно с использованием слуховых каналов связи людей. В-седьмых, далеко не все, особенно в гуманитарной сфере можно передать словами. Знаменитая фраза Ф.И. Тютчева из стихотворения *Silentium!* «Мысль, изреченная есть ложь» в полной мере отражает факт существующего расхождения между метафорой слова и содержанием мышления. Восьмой аргумент связан с еще одной особенностью социально-гуманитарного знания — трансцендированием. Именно трансцендирование, хотя и не дает содержательно точного и конкретного знания, как научно-познавательная рациональность, но может выявить такие нюансы бытия, которые недоступны традиционным формам постижения мира и человека. Девятый аргумент, который позволяет понять методологические трудности применения тестовых методик, особенно на заключительных, экзаменационных стадиях обучения: в гуманитарном знании не действуют привычные нам критерии истинности. Ведь гуманитарное знание — не только форма научно-теоретического знания, но и форма мировоззрения. Любое мировоззрение глубоко лично, уникально, оно не укладывается в прокрустово ложе каких-либо общезначимых схем.

Способствует ли внедрение формализованных методик преподавания гуманитарных наук приобщению студентов и школьников к навыкам ценностного измерения хотя бы в пределах своей будущей профессии? Мягко говоря, не совсем. И одна из главных причин такой ситуации в системе высшего образования — это «научоподобное», субъектно-объектное их преподавание. Такое гуманитарное уподобление схемам науки, как в свое время отмечал выдающийся советский философ М. Мамардашвили, должно быть запрещено в системе образования. Преподавание гуманитарных наук в форме субъектно-объектной связи, где на одном полюсе — преподаватель как носитель абсолютной истины, а на другом — слушатель, которому остается ловить «жареных рябчиков абсолютной истины», есть только средство распространения единомыслия по тем или иным мировоззренческим стандартам. Всевозможные модные тестовые модели преподавания только усугубляют ситуацию. И гуманитарные и социальные

науки как свободное сосуществование различных форм знания должны преподаваться, изучаться только в форме субъектно-субъектного диалога, и только таким образом возможна подлинная наука о человеке и обществе.

Таким образом, не только традиции исламского образования, но негативы современного светского, в особенности социогуманитарного, образования осложняют отношения Дагестана с остальной частью России, препятствуют вхождению в единое российское и мировое пространство культуры и цивилизации¹. При этом мы хорошо понимаем, что ориентиры единого образовательного пространства для Дагестана определяются с учетом не только общецивилизационных и российских параметров, но и пролегают через кавказские векторы. Становление единого образовательного пространства в регионе Кавказа и его последующее вхождение в мировое, на наш взгляд, предполагают ряд культурных предпосылок.

1. Народам региона — при всей очевидной общности их исторических судеб — предстоит осознать свои глубинные, ментальные основания и определить духовный монолит, задающие направление и характер развития их культуры и образования. Потребуется совместные усилия ученых и политиков, отвечающих за духовное развитие общества, для осмысления цивилизационной перспективы и выработки общественного идеала.

2. Поскольку вхождение в единое мировое образовательное пространство народов региона предполагает установление диалога культур и традиций, обычаев и ментальностей, религий и педагогических систем, надо иметь в виду, что западный путь цивилизационного развития, в том числе европейские педагогические традиции, может оказаться неприемлем в условиях геополитического столкновения в Каспийском регионе западной, восточноевропейской, китайской, мусульманской и индуистской культурных и образовательных традиций. По прогнозам политологов, в ближайшую четверть века с не поддающейся компромиссам остротой сойдется Запад против не-Запада, а конкретнее — против исламского и буддийского миров, близость ценностных сознаний которых между собой в несколько раз превосходит степень стыкуемости культурных идеалов каждого из них с европейскими².

¹ См. об этом: *Билалов М.И.* Единое образовательное пространство // Глобалистика. Энциклопедия / ред. И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2003. С. 326—327.

² См. об этом подробнее: *Билалов М.И.* Восток и Запад в едином образовательном пространстве // Философия образования. 2006. № 3. С. 8—13.

3. Примечательно и определено для рассматриваемого региона и то, что сегодня педагогика и философия образования должны ориентировать школу на отказ от таких западных ценностей, как абсолютизация роли рационального в духовной жизни, приоритета практического успеха в деятельности человека, переоценки личностной свободы и соответствующим образом истолкованного гуманизма, которые на Западе уже отходят на второй план, а в восточных и мусульманских культурах никогда не были первичными ценностями. Однако, став участниками Болонской декларации, суть которой заключается в формировании единого европейского образовательного пространства и общеевропейской системы образования, на наш взгляд, российские регионы стимулировали влияние этих ценностей в ущерб оправдавшим себя историческим традициям.

4. Образовательная и культурная политика Дагестана, как и всего мусульманского Кавказа, должна исходить также из того, что в условиях плюралистически формируемой субъектности человека и все возрастающего допуска к ее содержанию ценностей Восточной культуры как атрибутивных параметров человеческого духа создается ситуация свободного подбора соответствующего варианта спектра культурно-образовательных идеалов входящих в регион народов. И здесь важно сохранение и отстаивание подлинно перспективных, а не любых своих гуманитарных ценностей и педагогических идеалов. Так, вряд ли перспективно такое наследие времен империи Омейядов и Аббасидов, как раздельное обучение по половому признаку, акцент на запоминании текстов, на схоластических методах преподавания, авторитарных традициях в мусульманской педагогике, превращающих обучаемого в «сосуд знаний»... Для образования в мусульманских странах и в XXI в. являются проблемой эффективные и перспективные субъект-объектные отношения в познании и образовании, переход от ученика-реципиента и ретранслятора информации к деятельно-активному субъекту познания, к педагогике доверия и сотрудничества.

Задача культурной и педагогической преемственности обучения и воспитания, быть может, самая сложная в проблеме нахождения образовательного базиса. Ведь глобализация, с одной стороны, стимулирует процессы обновления в высшей школе, а с другой — разрушает традиционные структуры и функции, и не только системы образования, но ценности этнической культуры. В том же Дагестане идеологи и представители интеллекту-

альной элиты склонны к приукрашиванию исторического прошлого коренных этносов, идеализации их обычаев и традиций, к преувеличению их роли в перспективах образования, но, как известно, даже общепризнанные духовные ценности неодинаково значимы для народов. Если коллективная ответственность, уважение к старшим, патриотизм для восточных и мусульманских культур первичны как ценности, то для Запада — вторичны или даже несущественны. Менее, но все же заметны противоречия восточного и мусульманского духа между собой — высоко оцениваемые буддизмом миролюбие, сохранение среды, святость пахотной земли, карма не столь смыслоложивны для мусульманина.

5. Нельзя забывать также, что для Кавказского региона важно и то обстоятельство, что в современном образовании все значимей становится религиозная тенденция. Если западная католическая традиция полагает в качестве цели образования воспитание деятельно-активной личности, то в восточноевропейской православной культуре акцент делается на духовное развитие, а в исламе — на идеи самосовершенствования. Эти идеи, развитые в книге ал-Газали «Воскрешение наук о вере» как необходимость этического воспитания наряду с обучением в образовательном процессе, не являются единственно значимыми в современном мусульманском мире. Особенности национального ума и этнических составляющих познавательной культуры восточных народов во многом, во всяком случае более, чем у европейцев, детерминированы религиозными традициями. Современное образование должно выступить той сферой социальной жизни, где осуществится синтез всех трех позитивных религиозных тенденций, тем более что во всех культурах религия обладает достаточно высоким авторитетом. Плодотворный союз религий во имя эффективного образования должен воспрепятствовать распространению ложных представлений друг о друге: в частности, популярное в христианском мире обывательское мнение об агрессивности и жестокости исламских установок отвергается объективным анализом, но все же находит своих адептов даже в научной среде. Следовательно, сама проблема терроризма и стыкуемая с ней общественным мнением проблема столкновения религий и цивилизацией должны стать глобальной заботой образования и просвещения.

Сегодня Европа переживает перемены, сравнимые разве что с промышленной революцией. Цифровые технологии, биотехнологии, развитие коммуникационных сетей, расширение торгов-

ли — все это дает больше возможностей для развития личности, но и содержит огромный риск. У людей появляется больше свободы в формировании своего образа жизни, однако это налагает на них все большую ответственность за свою собственную жизнь. Все сильнее увеличивается разрыв между теми, кто преуспевает на рынке труда, постоянно поддерживая и обновляя свои навыки, и теми, кто безнадежно отстает, не поспевая за стремительно растущими профессиональными требованиями. Все эти перемены можно в сумме описать как переход к «обществу, основанному на знании» или информационному обществу, т.е. такому, где основу экономики составляют нематериальные товары и услуги, где знания и умения приобретают первостепенное значение. Непрерывное образование рассматривает процесс обучения как постоянный континуум «от колыбели до смерти». И его основой служат те базовые навыки, которые человек получает в молодости. В информационном обществе эти навыки должны быть пересмотрены и расширены. К ним надо добавить умение учиться и желание продолжать свое обучение самостоятельно.

Однако все эти факторы и обстоятельства экономики и культуры сегодня не принимаются во внимание в образовательной политике, и организация образования во многом подвластна инерции и формальности. Подготовка педагогических кадров в Дагестане десятилетиями осуществляется исходя из того, что в аулах и селах не хватает учителей физики, химии, истории, русского или английского языков и т.п. И несколько наших ведущих вузов, не сбавляя обороты, принимает и выпускает сотни историков, физиков, математиков... А их как не было в районах, так и не появляется. И все знают главную причину — низкая оплата труда школьного учителя. Вузы здесь работают вхолостую. Кроме того, соображения, которые ложатся в основу ежегодных цифр приема в вузы, вот уже много лет одни и те же: установки федерального Министерства образования и науки, запросы республиканских министерств (в первую очередь образования), престижность и модность специальностей, по которым традиционно высок конкурс, и т.п.

Говорят также, что нам не хватает юристов и экономистов, а те, которые в огромном числе в безработных ходят, просто качеством не вышли... Но уже много лет мы наблюдаем, что сотни и тысячи выпускников этих направлений образования лишь насыщают коррупциогенные сферы нашего общества и усиливают и без того высокую напряженность в обществе. Это передается

в вузы в виде мнимых потребностей неподготовленной к обучению молодежи и тяги ее всеми правдами и неправдами к этим модным специальностям, а затем и в школу — вплоть до выпускных ЕГЭ зараза коррупции прочно оседлала среднее образование.

Необходимо в разы сократить прием на традиционные факультеты и направления или радикально изменить их содержание новыми специальностями и специализациями, связанными с информационными технологиями. Скажем, учитель физики может быть подготовлен с дополнительной специальностью «информатика», математик — со специальностью «компьютерная безопасность»...

Высоко ценю значимость базового математического и естественно-научного образования для мировоззрения и научного становления ученого, но мы должны понимать, что в силу резкого возрастания производительности технического труда за счет широкого использования компьютерных и информационных технологий число занятых в материальном производстве специалистов данного профиля неуклонно снижается. В то же время тенденция к гуманитаризации и гуманизации образования еще в советское время зафиксировала поворот современного общества к ценностно ориентированной науке и образованию. И сегодня в философии науки расставлены многие точки над *i* и выработан новый понятийный аппарат, отражающий явные поворотные тенденции в науке.

Очевидна, например, необходимость «экологического императива» в научной, технической и производственной деятельности человека. Без экологической и социально-гуманитарной экспертизы научно-технических проектов ныне немыслимы не только крупное производство, но и малый технический бизнес, что требует немалого числа специалистов совершенно нового профиля. Экологическая этика устанавливает нормы взаимоотношений между человеком и природой, предусматривающие нравственные основания природопользования. В развитых странах общепризнано, что ею должны овладеть почти все работающие, но соответствующей культуре надо обучать. Интенсивность процессов информатизации в современном мире и связанное с нею обострение психологических проблем, синдрома информационной усталости также требуют предельного сближения между техническими и гуманитарными науками, и это должно быть отражено в вузовском образовании. Сегодня предьявляется все больше праксеоло-

гических, валеологических и социальных требований к создаваемому искусственному объекту, человеко-машинному взаимодействию, что невозможно без философии, психологии, педагогики; посредством гуманитарного образования общество все больше обращает внимание также на негативы максимизации функции полезности. Все это связано с необходимостью подготовки для производства совершенно новых специалистов с основательным гуманитарным образованием.

Конец XX и начало XXI в. ознаменовались качественным вплетением научных знаний в личностные, социальные и культурные параметры познающего субъекта. Через понятия геосреды и этносферы наука и образование пытаются зафиксировать совокупность внешних факторов, которые могут придавать законам строения и развития общества различные особенности, при этом на поведение человека заметно влияет некий устойчивый инвариантный для различных эпох и этносов комплекс психических и поведенческих черт — пассионарность. Как особый вид энергии, как мера активности этнических коллективов или как поведенческий императив индивида пассионарность фиксирует то влияние человека на природу и социум, которое, безусловно, должно учитываться в науке — не только в гуманитарной, но и естественно-научной и технической. Клонирование и нанотехнологии, виртуалистика и коэволюция объединяют в своих объектах реальности самой разной природы — физические, психологические, социальные, политические и т.п., конкретизируя, таким образом, сопряжение антропоцентрической и космоцентрической перспектив исследовательской деятельности. Во всем этом проявляется не только сближение идеалов естественно-научного и социально-гуманитарного познания, но и кризис идеала ценностно-нейтрального исследования, и во весь рост встает проблема идеологизированной науки. Происходит кошунственное и недопустимое для классической науки доминирование даже в естествознании норм, эталонов, приемов, методов и идеалов социогуманитарного познания. Все эти еще в недавнем прошлом не прогнозируемые трансформации в науке должны найти адекватные последствия в высшем и среднем образовании, в широком общественном сознании и культуре социума.

В Дагестане необходимость резкого увеличения приема в вузы на экологические, психологические, философские специальности очевидна и потому, что в нашем обществе происходят бурные и не всегда позитивные трансформации... Необходимость

повышения экологического сознания и соответствующей поведенческой культуры не нуждается в обосновании — надо спасать флору и фауну Дагестана, даже его высокогорные аулы утонут скоро в грязи и антисанитарии. Психологическое просвещение должно способствовать изменению культуры взаимоотношений дагестанцев, постепенно устранять из нашего духа горячность, нетерпимость, категоричность и другие негативные элементы менталитета. А подготовка еще в недавнем прошлом экзотических специалистов — философов, политологов, социологов, культурологов, религиоведов — сегодня, как никогда и нигде, актуальна на Северном Кавказе и в Дагестане. Все наши общественно-политические трагедии, дестабилизирующие социальное бытие и уносящие сотни и тысячи жизней мирных людей в последние десятилетия, обусловлены не природной агрессивностью или генетической тягой к экстремизму коренных народов региона, а имеют характер идейно-мировоззренческих истоков и разногласий, которые в цивилизованном обществе должны быть отрегулированы и согласованы в научных, аудиторных, партийных и политических дискуссиях. Для этого, как показывает жизнь, недостаточно немногочисленной интеллигенции из перечисленных специалистов, нужен массовый выпуск соответствующих лиц с качественным высшим образованием.

В России, в том числе и Дагестане, перешли на изучение нового обязательного предмета в школах, в рамках которого ученики смогут получать знания по основам религиозной культуры и истории мировых религий; предмет будет называться «Духовно-нравственное воспитание». Кто будет этим в школе заниматься? Нам говорят: переподготовим столько-то учителей за столько-то времени и за такие-то средства. Все это напоминает очередную нереализуемую утопию, и в результате благое намерение может обернуться массовым проникновением в общеобразовательную школу примитивизма и мракобесия. Ведь много лет в средней школе мы пытаемся решить предыдущую подобную проблему, но до сих пор с 6 класса до выпускного на недопустимо низком уровне преподаются обществоведческие разделы — экономика, право, культура, логика, этика, эстетика, история религии... Давно пора приступить к подготовке соответствующих педагогов. Выпускники этих специальностей сегодня нужны не только образовательным учреждениям, но и нашим аппаратам правительства и народного собрания, министерствам культуры, образования, информации, национальных отношений и внешних связей,

по молодежной политике, Комитету по делам религии и их ведомствам... Не физики, филологи, историки или представители других частнонаучных знаний там должны трудиться, а те, кто знает современные общественные отношения, социальную структуру общества, психологию личности, культуру, религию, политику, кто ориентируется в тенденциях информационного общества и глобализации...

Эффективность образования физика или юриста реализуется в основном на практике, а психолога, культуролога и философа — не только в профессиональной деятельности, но и в быту, в общении с малыми и большими социумами... Безработный физик или юрист, как правило, превращается в человека, потратившего силы и время на малопродуктивное для души и духа образование, тогда как даже не нашедший работу по специальности представитель перечисленных гуманитариев подготовлен для самодостаточного в духовном плане, личностного и микроструктурного функционирования, ценен для социокультурного развития общества.

Таким образом, общегуманитарная профессиональная подготовка бесприоритетна и для самой личности, и для государства. Вот почему в общем числе принимаемых в вуз их доля должна быть значительна.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ): ПРИНЯТЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

Республика Саха (Якутия) — один из наиболее малонаселенных районов Российской Федерации, характеризующийся суровым резко-континентальным климатом. Расположена на северо-востоке Азии (Сибири): площадь — 3 083 523 км², протяженность с севера на юг — 2500 км, с запада на восток — 2000 км, охватывает три часовых пояса. Численность населения 955 580 человек, городское население — 64,94%. Коренное население Республики Саха (Якутия) — якуты, эвены, эвенки — составляет 53,7%, причем непосредственно якутов — 49,9%. Остальные — это русские, украинцы, татары и представители многих других национальностей.

В настоящее время здесь временно проживает несколько десятков тысяч мигрантов из бывших республик СССР, которые активно работают на стройках, заняты в торговле (обеспечивают республику фруктами) и никаких признаков межнациональных конфликтов, признаков расизма или дискриминации в республике нет. В Якутске несколько действующих православных храмов, функционируют также католическая и протестантские церкви, мечеть. Есть старые мусульманское и еврейское кладбища, работают десятки национальных общин. Выходит много газет и журналов на русском и якутском языках. Представители бывших республик СССР охотно едут в Якутию на заработки. Что касается представителей национальностей, проживающих здесь в течение столетий и десятилетий, то какие-либо конфликты между ними тем более отсутствуют.

В социальной и культурной жизни республики присутствует определенный догматизм, но он является наследием институтов СССР, где долгое время использовалась жесткая идеология, которая формализовала культуру и образование по многим параметрам. В посткоммунистический период и при активном включении республики в процессы глобализации, многие из этих

барьеров рухнули, однако другие оказались достаточно живучи и превратились в элементы культурного кода, продолжая сохраняться до сих пор.

Рост бедности и социальной несправедливости присущ республике Саха (Якутия) в такой же мере, как и в современной России в целом. Расслоение на бедных и богатых очень заметно по статьям в прессе и Интернете, поведению отдельных лиц, разнице в заработной плате и т.д. Все это сказывается и на развитии культуры и образования. Жителям сельской местности, для того чтобы дать своим детям высшее образование, приходится идти на большие жертвы.

Факторов, которые могли бы привести к росту терроризма и насилия в Республике Саха (Якутия) практически нет. Большую роль в противостоянии этим факторам играет образование всех уровней, которое для народа саха (якутов), проживающего в самых северных регионах планеты, на северо-востоке Азии было всегда важным приоритетом в жизни. Еще в XVIII в. в Якутске при монастыре была открыта школа для «обучения грамоте славяно-российской» и приходское училище. В XIX столетии в Якутске, население которого не превышало нескольких тысяч человек, были основаны духовная школа при монастыре, преобразованная позднее в духовное училище и духовную семинарию, епархиальное женское училище, уездное училище, мужская классическая прогимназия, преобразованная затем в реальное училище, казачья школа, женская гимназия, учительская семинария. Женская гимназия имела очень хорошую репутацию, в ней учились девочки из многих городов Восточной Сибири. В городе работали библиотеки, книжные магазины. В 1934 году в Якутске был открыт педагогический институт, а затем на его базе в 1956 г. — Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова. В 2010 году этот университет преобразован в Северо-Восточный Федеральный университет.

50 и более лет тому назад жители сельских местностей Якутии, отправляли своих детей учиться в город Якутск. Для этого детям часто приходилось преодолевать огромные расстояния, поскольку площади этих местностей превышают 3 млн км². Часто ради детей, чтобы они могли получить высшее образование, селяне продавали все, что имели (недвижимость, домашний скот).

В советское время после 1920 г. в республике, как и во всем Советском Союзе того времени, была поставлена задача устранения неграмотности населения. Неграмотность населения в Яку-

тии была полностью ликвидирована к 1973 г., республика добилась всеобщего среднего образования и по числу специалистов с высшим и средним образованием вышла на передовые позиции. В течение всего советского периода и вплоть до настоящего времени развитию средней школы в республике придавалось большое значение. Роль учителя имела огромное образовательное и культурно-общественное значение особенно в сельских школах. Учитель, завуч, директор школы имели большой авторитет среди населения, как представители интеллигенции. В Якутии широко известны семейные династии учителей, когда несколько поколений из одной семьи работали в сфере образования. Многие народные учителя своим самоотверженным трудом прославили школы, где они работали.

В советское время, особенно в городах, обучение шло в основном на русском языке. В 1990-е годы начались поиски путей национального возрождения народов Республики Саха (Якутия) и встал вопрос о переменах в сфере образования. В результате коллективной работы специалистов разных направлений и учреждений республики была создана Концепция национальной школы, в которой учитывалось стремление коренных народов к развитию и сохранению родного языка, познанию истоков и тенденций национальной культуры. Концепция национальной школы установила приоритет национально-регионального компонента в образовании. В марте 1993 г. по инициативе ЮНЕСКО и Министерства образования РФ в Якутске была проведена международная конференция по проблемам развития национальных школ, в которой приняли участие специалисты из многих стран Европы, Америки и Азии.

Правительством республики принимаются меры по развитию образования: выделяются средства для осуществления международного сотрудничества и приобретения современного учебного оборудования, компьютерной техники, реализуются меры по значительному повышению заработной платы работников системы образования. В итоге воплощения этой концепции в жизнь молодежь стала приобщаться к культуре и традициям народа. Одновременно шел процесс взаимодействия с другими культурами и народами. В связи с тем, что были поставлены задачи более эффективного изучения иностранных языков, еще в 1990-х гг. были открыты саха-бельгийская, саха-турецкая, саха-корейская школы.

В республике действует сеть детских музыкальных школ, создана Высшая школа музыки. Она имеет учебные корпуса и кор-

пус-интернат для проживания учеников. На базе этой школы был создан ансамбль скрипачей «Виртуозы Якутии», который известен своими выступлениями не только в городах России, но и во многих других странах. Талантливая молодежь может получать образование также в Художественном училище, из которого вышли многие известные художники республики, которые признаны на российском и международном уровне. В январе 2000 г. году был создан Арктический государственный институт искусств и культуры, который готовит кадры для всей Восточной Сибири. Здесь учатся представители Республики Алтай, Хакасии, Тувы, Эвенкийского и Таймырского муниципальных образований, Камчатского и Красноярского краев.

Начиная с 1990-х гг. в республике открыты школы, в которых обучение идет по авторской программе (конечно, на базе существующих стандартов образования), используются оригинальные эффективные методики обучения, например, есть школы экологической направленности. Учащиеся активно участвуют в различных олимпиадах и конференциях.

Поскольку в республике уделяется большое внимание развитию начального и среднего образования, то выпускники средних школ становятся конкурентоспособными при поступлении в престижные вузы Российской Федерации. Обычно они стараются поступить в высшие учебные заведения Москвы, Санкт-Петербурга и других городов с известными вузами. Многие также получают образование за рубежом. Например, в последнее время молодежь получает образование и в Китае. Надо отметить, что среднее образование в Республике делает акцент как на образовательный компонент, так и на воспитательный. Молодежь не отличается агрессивностью, она толерантна к другим культурам, национальностям, как и все население республики.

Проблемами совершенствования образования много занимался первый президент Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаев, рассматривая ее на уровне государственной политики. Вследствие этого была проведена перестройка всей системы образования с учетом новых возможностей, требований времени, перспектив развития. В 1992 году при президенте республики был создан Департамент по прогнозированию, подготовке и расстановке кадров. Благодаря этому много способной, талантливой молодежи отправилось учиться в центральные вузы страны.

Образовательная политика в эти годы строилась по трем главным направлениям: обновление и развитие национальной шко-

лы, реорганизация системы среднего и высшего образования, подготовка научных кадров и специалистов в сферах инноваций и высоких технологий. Далее был решен ряд социальных проблем: повышены размеры стипендий, введена система доплат к стипендиям старшекурсников и отличников, а также введена республиканская система оплаты труда работников науки и высшей школы. Установлена система доплат за ученые степени, защиту кандидатских и докторских диссертаций. Были учреждены государственные стипендии для молодых научных сотрудников и лиц, работающих над докторскими диссертациями. Осуществлена идея по целевой подготовке 100 аспирантов для укрепления потенциала педагогической науки. Для этого провели отбор способных к научной деятельности учителей из якутской глубинки и направили их за счет республики в аспирантуры центральных вузов страны. В данное время большинство из них защитили кандидатские диссертации и ведут научно-методическую и преподавательскую деятельность в системе среднего и высшего образования.

К инновационным идеям образовательной политики следует отнести то, что была создана сеть президентских школ (всего 36 школ), на базе которых была попытка реализации новых педагогических идей, технологий и образовательных систем. Выпускники этих школ (на 80—100%) поступают в высшие учебные заведения страны и за рубежом. Они победители и призеры конкурсов и олимпиад регионального, российского и международного уровня.

В связи с тем, что территория республики вовлечена в осуществление мегапроектов, таких как строительство нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан», строительство железной дороги до Якутска, а также деятельность компании «Сургутнефтегаз», было отправлено около 200 молодых ребят учиться инженерным специальностям в Томский политехнический колледж и другие вузы. В связи с реализацией этих мегапроектов обнаружилась нехватка профессиональных рабочих рук. Поэтому с 2007—2008 гг. в средних профессиональных учебных заведениях было открыто около 20 новых технических специальностей. Здесь надо было преодолеть стереотип мышления родителей, которые традиционно настраивают детей на любое высшее образование.

Якутский государственный университет, который эффективно работал с 1956 г., в настоящее время получил статус федерального университета. Со 2 апреля 2010 г. федеральное государ-

ственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» (СВФУ) — многоотраслевой вуз, в котором обучается около 20 000 студентов. North-Eastern Federal University, NEFU.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова является одним из 9 федеральных вузов страны, которые ориентированы на решение геополитических задач и удовлетворение кадровых потребностей крупных межрегиональных инвестиционных проектов. Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова готовит высококвалифицированные кадры, способные к самостоятельной творческой и практической деятельности, способные генерировать знания и внедрять инновационные технологии мирового уровня.

По состоянию на 01.10.2012 профессорско-преподавательский состав насчитывает 1434 штатных преподавателя, из них 139 докторов и 718 кандидатов наук. В состав университета входят 11 институтов, 8 факультетов, 3 филиала — Политехнический институт в г. Мирный, Технический институт в г. Нерюнгри и Чукотский филиал, который был открыт в конце 2010 г. в г. Анадырь. Университет располагает развитой инфраструктурой научно-образовательного комплекса, располагает современным оборудованием для развития фундаментальных и прикладных исследований. В составе университета работает 6 научно-исследовательских институтов.

Материально-техническая база СВФУ включает 40 учебно-лабораторных корпусов, Нохтуйский полигон, стадион и легкоатлетический манеж «Юность», бассейн «Долгун», лыжную базу, комбинат питания. В студенческом городке имеются современные комфортабельные общежития для студентов общей жилой площадью 88340 м², обустроенные согласно требованиям времени. Студенческий профилакторий «Смена» позволяет ежемесячно отдохнуть и получить медицинское обслуживание 100 студентам университета. В фондах научной библиотеке СВФУ более 1 300 000 единиц хранения. В культурном центре «Сергеляхские огни» 740 посадочных мест — самый большой зрительный зал в республике. В университете установлены давние и прочные связи со многими ведущими образовательными учреждениями мира: налажен обмен преподавателями и стажерами, проводятся совместные конференции и симпозиумы. Для проживания иностранных студентов и преподавателей выделен один блок нового общежития на 162 места.

Развитие СВФУ ориентировано на формирование завершённой инновационной цепочки — «фундаментальные исследования — прикладные НИР и ОКР — технологические работы — опытное производство — серийное производство». Кроме того, будет сформирован инновационный пояс СВФУ из предприятий, коммерциализирующих результаты исследовательской деятельности. Создана Ассоциация «Северо-Восточный университетский образовательный округ», в составе которой 59 школ республики, Чукотского автономного округа и Магаданской области. Основой Ассоциации стала сеть президентских школ — передовых образовательных коллективов, ведущих инновационную деятельность.

Таким образом, СВФУ станет реальным центром социально-гуманитарных, этнокультурных, исторических исследований, полигоном по разработке и практической апробации новых социально-гуманитарных практик, обеспечивающих сохранение и развитие культур народов Севера-Востока России и циркумполярных территорий. Он станет центром интеграции образования, науки и производства и призван обеспечить высококвалифицированными специалистами растущую экономику всего Дальнего Востока.

Ректор СВФУ Е.И. Михайлова предлагает пять основных направлений дальнейшего развития университета.

1. Глобальная конкуренция за талантливых и одаренных студентов.
2. Внедрение новых систем и методов для воспитания творческих студентов.
3. Усиление роли профессора СВФУ как главного фактора становления федерального университета.
4. Повышение роли сотрудников (УВП, АУП) как созидательных структур для эффективного управления.
5. Преобразование университета в интеллектуальный центр, «фабрику мысли».

Еще одним крупным образовательным и научным центром в республике является Якутская государственная сельскохозяйственная академия (ЯГСХА), в которую входит 5 факультетов (ветеринарной медицины, агротехнологический, инженерный, юридический, экономический) и 2 филиала в городе Олекминск и поселке Октемцы. Число обучающихся студентов — 5909. Доля сельскохозяйственных специальностей составляет 71%, экономических — 22%, гуманитарных — 5%, переработка лесных ресурсов — 1,2%, природообустройство — 0,8%. Имеется институт

повышения квалификации и переподготовки кадров, слушателями которого являются главы муниципальных образований РС(Я), сельхозтоваропроизводители, специалисты и работники АПК, учителя агропрофилированных школ. Практические занятия осуществляются на базе демонстрационных площадок по табунному коневодству, скотоводству, оленеводству, растениеводству, механизации.

Все эти изменения и планы, связанные с качественным ростом, внедрением новых технологий, расширением и углублением образовательных структур, позволяют надеяться на эффективное развитие образования в Республике Саха (Якутия), ожидать от будущего новых достижений и позитивных изменений.

Развитию гуманитарных наук в республике придается большое значение и уделяется повышенное внимание. Прежде всего это связано с Северо-Восточным Федеральным университетом, где работают институт Зарубежной филологии и регионоведения, институт Языков и культур народов северо-востока РФ, факультеты гуманитарной направленности (филологический, исторический), межфакультетская кафедра философии. С ними тесно взаимодействуют Педагогический институт и Институт психологии, кроме того определенные контакты в этой гуманитарной сфере имеются с научными институтами Олонхо, Востока, А.Е. Кулаковского, Перспективных технологий в образовании, Повышением квалификации педагогов, Арктическим инновационным центром, Музеем археологии, этнографии и истории высшей школы.

В настоящее время в СВФУ работает более десяти диссертационных советов, находящихся в настоящее время в стадии переформирования, значительное внимание уделяется актовым лекциям, читаемым профессорами университета по наиболее актуальным гуманитарным и социально-общественным проблемам современности. Проникновению гуманитарной мысли в студенческую среду способствует широкая сеть научных кружков и студенческих научных конференций, к участию в которых приглашаются все студенты университета.

Таким образом, несмотря на определенные трудности, присущие развитию России в целом, ситуация в Республике Саха (Якутия) остается позитивной и имеет значительный потенциал для дальнейшего развития. Это связано также с глубокими традициями в области образования, имеющимися в республике.

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: ОТ НАЦИОНАЛЬНО-ЛОКАЛЬНОГО К НООСФЕРНО-ГЛОБАЛЬНОМУ

Образование в таком национальном регионе, как Республика Бурятия, отражает в целом общие тенденции развития образования в России, но имеет некоторые особенности, зависящие от культурно-исторических условий бытия народов этого региона. Как известно, процесс образования осуществляется в контексте определенного типа культуры. В образовательной парадигме Республики Бурятия можно выделить следующие аспекты, выражающие единство общего и особенного.

1. Связь образования с культурной традицией, стремление человека быть способным к межкультурной коммуникации и к усвоению ценностей новой глобальной цивилизации.

2. Изменение модели обучения: от знаний о природе к воспитанию ценностного отношения к ней, от национально-локального к ноосферно-глобальному.

3. Ориентация на ценности глобального и регионального устойчивого развития.

Цель модернизации образования в Республике Бурятия — формирование ноосферного типа личности, способной к реализации концепции устойчивого развития.

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Сначала мы хотели бы остановиться на трех основных источниках, определяющих специфику современной образовательной парадигмы республики: это межкультурный диалог, сакрализация озера Байкал и интронизация эпоса «Гэсэр».

Межкультурная коммуникация. Республика Бурятия — мультикультурный сибирский регион, где (по данным переписи населения 2010 г.) проживают представители свыше 100 националь-

ностей, а различных вариантов этнической самоидентификации насчитывают 190. Республику Бурятия можно рассматривать как место встречи и диалога между Западом и Востоком. Поэтому принципы межкультурной коммуникации играют ведущую роль в совершенствовании национальной системы образования. С начала этого столетия в вузах Бурятии началось преподавание межкультурной коммуникации как отдельной дисциплины. Приобрел широкую известность международный образовательный проект Бурятского государственного университета «Мультикультурное образование в современном мире». На протяжении 10 лет Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств совместно с Монгольским государственным университетом культуры и искусства проводят ежегодную научно-практическую конференцию «Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии».

Феномен транскulturации связан с виртуализацией культурных пространств. Глобальное пространство культурного взаимодействия интенсивно расширяется и развивается в сети «Интернет», где государственные, расовые, национальные, цивилизационные, личностные границы стираются. Учащиеся школ, студенты и все желающие постичь культуру других народов активно общаются в сети «Интернет».

Открылись новые возможности для деловых, образовательных, научных, туристических поездок в зарубежные страны. Особенно это коснулось приграничных стран — Китая и Монголии. Это резко повысило потребность в знании китайского, тибетского, монгольского языков. Вузы Бурятии отреагировали на эту потребность, открыв специальности «Регионоведение», «Английский и китайский языки», «Бурятский и монгольский языки». Сегодня китайский и монгольский языки входят в программы обучения как обязательный предмет экономических и других специальностей.

Западные языки и в советский период нашей истории всегда были обязательным учебным предметом. Один из иностранных языков — английский или французский — изучали все школьники Бурятской автономной Советской Социалистической Республики. В последние два десятка лет особенно вырос спрос на знание английского языка. Причиной этому послужили новые коммуникационные технологии, возможности учебы за границей. Следует отметить, что около 70% бурятской молодежи продолжают изучение английского языка в высших учебных заведе-

ниях г. Улан-Удэ. В Бурятском государственном университете и Восточно-Сибирском государственном университете технологий и управления готовят профессионалов в области преподавания западноевропейских и восточных языков, выпускают переводчиков и референтов со знанием языков. Хорошее знание иностранных языков и основ межкультурной коммуникации способствует повышению социальной мобильности бурятской молодежи, ее адаптации к условиям глобализации.

На основе идеологии межкультурной коммуникации Министерством образования и науки Республики Бурятия разработана и реализуется республиканская программа «Формирование установок толерантного сознания». Программой предусмотрено решение следующих задач.

1. Разработка и реализация комплекса эффективных мер по формированию толерантного поведения, противодействия экстремизму и снижению социально-психологической напряженности.

2. Разработка и внедрение в систему образования Республики Бурятия программ и учебных материалов, направленных на воспитание подрастающего поколения в духе миролюбия, веротерпимости и толерантности.

3. Реализация комплекса мер по налаживанию и повышению эффективности межэтнического и межконфессионального диалога и воспитанию гражданственности и патриотизма среди населения Бурятии.

Следует также заметить, что функцию межкультурной коммуникации выполняет и буддийское образование, сосредоточенное в дацанах. Оно способствует расширению и углублению знаний о философии, медицине и культуре Индии, Китая, Японии, Тибета и других стран Востока. Ценность образования занимает очень высокую позицию в буддийской культуре. Под влиянием буддизма в этнической Бурятии сформировался культ образования. Буддийская философия оказала и оказывает большое влияние на формирование ценностных установок толерантного сознания. Как известно, Республика Бурятия выделяется среди других национальных регионов Российской Федерации более высоким уровнем толерантности и контактности.

Современная бурятская модель буддийского образования строится на основе «пяти буддийских наук». Цель образования — формирование высоко нравственной личности, характеризующейся духовным возвышением потребностей человека и этическим от-

ношением к окружающей среде. В этом отношении буддийская педагогика органически вписывается в систему требований ноосферной стратегии образования Республики Бурятия.

Сакрализация озера Байкал. Межкультурный диалог является важнейшей предпосылкой охраны озера Байкал — участка Всемирного природного наследия ЮНЕСКО — и реализации международного проекта устойчивого развития Байкальской природной территории.

Специфической особенностью образовательной парадигмы Республики Бурятия является этико-экологическое воспитание в целях устойчивого развития Байкальской природной территории. Главный его вектор — формирование благоговейного отношения к мировому природному достоянию — Священному Байкалу, которое формируется на основе понимания самоценности экосистемы озера Байкал, глубокого осмысления его значения с научной, этической и эстетической точек зрения.

Байкал — уникальная эколого-эстетическая система, вызывающая трепетное эмоциональное состояние у всех, кто способен оценить его красоту и величие. На основе сакрализации озера Байкал сформированы образовательные курсы в рамках социальной философии, истории бурятской литературы, фольклористики, социальной экологии, этнопедагогике, этнопоэтики и др. дисциплин. В школах и вузах Республики Бурятия на примере изучения Байкала выстроена целая система учебных курсов, циклов лекционных и практических занятий. Внедряются модели экспериментального обучения, основанные на принципах экологической этики.

Значительный вклад в экологическое образование школьников вносит предмет «Байкаловедение», целью которого является обучение основам природопользования и природоохранной деятельности на основе знаний в области естественных наук. Большую популярность завоевал у педагогов и учащихся средних школ комплект учебных материалов «Байкальский сундучок», разработанный в рамках проекта ПРООН «Каждая капля имеет значение». Основной целью учебного пособия является повышение осведомленности и обогащение детей знаниями о Байкале, а также детальное изучение Байкальского региона. Иллюстрированные материалы о флоре и фауне Байкала, географии озера и его жителях не только предоставляют познавательную информацию, но прививают гордость и любовь к родному краю, стремление защищать Байкал как жемчужину планеты. Учебно-

методические комплексы и образовательные программы сегодня ориентированы на формирование бережного и нравственного отношения к природе. Исключительно ценным ресурсом для формирования экологической этики и экологической культуры учащихся являются мифологические дискурсы, в основе которых находится образ Священного Байкала.

Интронизация эпоса «Гэсэр». К числу ценностных оснований образовательной парадигмы Республики Бурятия относится художественный мир героического эпоса «Гэсэр». Это выдающийся памятник устного народного творчества, имеющий более чем 1000-летнюю историю.

В Гэсэриаде мы находим императив гармоничного существования всего живого на земле, совместного развития человека, природы и общества. Природная среда, описанная в эпосе, представляет собой картины растительного и животного мира, географических характеристик как комплекса условий жизнедеятельности человека на раннем этапе исторического развития общества. Согласно Гэсэриаде, жизнедеятельность древнейших бурят-монгольских племен была основана на естественном образе жизни, здесь звучит лейтмотив единения человека с природой. В эпосе мир природных объектов включает такие системы, как космос, земля, огонь, вода, горы, степь, лес, культ солнца, луны, планет и звезд. Указание географических мест связано с конкретным пространством, определенной местностью, поэтому можно встретить ассоциации с реками Ангарой и Леной, озером Байкал, Саянскими горами и т.д.

В ритуальных обрядах предметы природного мира служили символами-тотемами. Горы, деревья, пещеры и другие объекты естества представляют собой места поклонения. Древние традиции и ритуалы глубоко экологичны, поскольку человек не мог представить иное отношение к тому, что составляет основу его жизни и мировоззрения. Природа давала кочевнику и охотнику еду, одежду, кров, орудия, силы. Он получал от нее свою жизненную энергию, ощущал себя под покровительством сил природы и поэтому одухотворял их.

Бурятские исследователи Гэсэриады выделяют следующие функции природы: защитную, креативную, коммуникативную, сигнификативную (природа как целостная система значений), нормативную, релаксационную, духовно-целительную, эстетическую. Эти функции природы, монументально и красочно описанные в эпосе «Гэсэр», конгениальны современным представ-

лениям о коэволюции человека и природы. Поэтому через осмысление этико-экологических идей эпоса «Гэсэр» можно реализовать ценности ноосферы и устойчивого развития.

В нашей республике богатейший мифологический материал Гэсэриады постепенно включается в программы общего образования. Примером может служить деятельность Бурятского национального лицея, Национально-гуманитарного института Бурятского государственного университета и т.д. В бурятских школах этико-экологический потенциал Гэсэриады трансформируют в учебно-дидактический материал через создание материальных и информационных объектов: составление модели игры, викторины, создание электронных ресурсов, дизайн индивидуальных страниц в Интернете, видео и слайдовых презентаций. Мы полагаем, что более широкое и глубокое изучение Гэсэриады будет способствовать этизации отношения человека к природе, к пониманию истины бытия и «Веления Космоса» (Н.К. Рерих).

«Правильно изучать все циклы легенд Азии, — писал русский художник Н.К. Рерих, — так можно прийти до древнейших учений, связанных с Сибирью как самой неизвестной исконной частью Материка». Древние легенды подсказывают нам путь переосмысления образовательной парадигмы Республики Бурятия: от космополитического духа эпоса «Гэсэр» к пониманию планетарно-космического значения Сибири, Байкала, Байкальского региона как объектов всепланетного партнерства и международного этико-правового регулирования.

НООСФЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ КАК ЧАСТИ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ СИБИРИ

Глобализирующаяся Сибирь. Еще в прошлом веке немецкий философ О. Шпенглер спасение мира связывал с «грядущей сибирской цивилизацией». Известный европейский ученый Фритьоф Хансен называл Сибирь «страной будущего». «Мы давно ощущаем в себе, — пишет сибирский писатель Валентин Распутин, — Сибирь как реальность будущего, как надежную и близкую ступень предстоящего возвышения. Чем станет это возвышение, мы представляем смутно, но грезится нам сквозь контуры случайных картин, что это будет нечто иное и новое». Сибирский ученый В.А. Коптюг отмечал: «При огромной перенаселенности многих

стран мира огромные пространства Сибири остаются неосвоенными и незаселенными. Это обстоятельство нельзя не учитывать в разработке стратегии развития Сибири и внешней политики РФ». Сибирь является ресурсной кладовой всего мира; она располагает огромными запасами углеводородного сырья, древесины, угля, цветных металлов, водных и гидроэнергетических ресурсов (в пределах от 10 до 20% от мировых ресурсов). Однако современный рынок природных ресурсов и факторов производства на территории Сибири не способствует формированию модели устойчивого развития на Востоке России. В условиях отсутствия конкуренции российские компании действуют на территории Сибири весьма неэффективно, поскольку существующий экономический механизм и институциональные условия не принуждают их снижать издержки производства, экологические и иные риски. В целом Сибирь не располагает в достаточной мере ни современными технологиями экомодернизации, ни финансовыми и трудовыми ресурсами, ни институциональными условиями глобального устойчивого развития.

Сегодня мировой капитал не находит себе должного применения. Мировая экономика характеризуется чрезмерным ростом виртуально-финансового и спортивно-развлекательного секторов сферы услуг. Инвестиции в создание экономической инфраструктуры Сибири будут способствовать возрождению реального сектора мировой экономики. Вполне вероятно, что Сибирь станет геоэкономической осью мира, а Байкальский регион — центром геоэкономики. Перефразируя М.В. Ломоносова, можно сказать: не только российское, но и мировое могущество прирастать будет Сибирью.

Сибирь — это мировой транзитный регион, естественный транспортный мост между Западной Европой и Восточной Азией. В «Стратегии Сибири 2020» подчеркивается, что Сибирь в первой четверти XXI в. должна стать территорией концентрации нового транспортного строительства. Определены конкретные сроки проектных и строительных работ по семи крупным транспортным проектам. В научных и деловых кругах России широко обсуждается идея создания высокотехнологичной, высокоскоростной транспортной системы, соединяющей Западную Европу с Восточной Азией и Северной Америкой. В будущем Россия может выступить в роли конструктора всепланетного объединения народов единой транспортно-коммуникационной системой.

Сибирь — это геочивилизационное пространство, где нет ни избыточного потребления, ни избыточного народонаселения. Это край этнокультурного разнообразия и «Контактной цивилизации», где живы коммунитаристские начала и принципы. Согласно закону коэволюции общества и природы, существуют корреляционные зависимости между социально-нравственными качествами человеческой общины и природно-географическими параметрами региона. Перефразируя Карла Маркса, можно сказать: сибиряк живет природой. Логично предположить, что именно геоэкологические условия жизни предопределили такие качества сибирского социума, как соборность и контактность, солидарность и справедливость, т.е. социальные качества, наиболее релевантные модели устойчивого развития. Сибирь — это материк с гигантским пространственным потенциалом. Свободные территории Сибири — экологически чистые, не подверженные природным катаклизмам — являются стратегическим ресурсом планетарного масштаба. В переводе с тюрко-монгольских языков слово «сэбэр» означает «чистое место». Сибирь и на самом деле может и должна стать символом чистой планеты, форпостом устойчивого развития мира. Сибирь может и должна стать «эликсиром молодости» для всего человечества, очагом формирования новой ноосферно-экологической цивилизации.

Наша позиция такова. Необходимо разработать космополитический проект устойчивого развития Сибири как Общего Дела Человечества. Данный проект, на наш взгляд, должен включать (как минимум), следующие программы:

- программу освоения нового, шестого технологического цикла (по Н. Кондратьеву), предусматривающую приоритетное развитие науки, образования, здравоохранения;
- социальную программу, направленную на преодоление бедности и неравенства, чудовищного разрыва (и раскола) между богатыми и бедными слоями населения. Нынешнюю социально-экономическую ситуацию в Сибири можно охарактеризовать так: нужда среди богатства;
- энергоэкологическую программу, предусматривающую, в частности, освоение альтернативных источников энергии;
- программу развития «зеленой экономики» или «чистого производства»;
- транспортную программу, предусматривающую строительство высокоскоростных и высокотехнологичных полимагистралей Евразия — Америка, Западная Европа — Китай;

- программу развития экологически чистого сельского хозяйства, предусматривающую строительство агрогородов, экопоселений, искусственных биосферных оазисов и т.д.

Стратегия образования. Важнейшим условием реализации данного космополитического проекта является разработка ноосферной стратегии образования. Именно эта стратегия, на наш взгляд, и должна стать ценностным основанием и основным содержанием модернизации системы образования Республики Бурятия как части глобализирующейся Сибири.

Реализация ноосферного образования в целях устойчивого развития в Республике Бурятия предполагает реализацию следующих положений.

1. Пересмотр всех учебных программ, образовательных стандартов и т.п. под углом зрения изучения проблем устойчивого развития Сибири, Байкальского региона.

2. Существующая система оценок знаний, умений и навыков должна быть пересмотрена с учетом параметров и индикаторов устойчивого развития, рекомендуемых в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, в документах ЮНЕСКО, в политических декларациях конференций ООН по устойчивому развитию и т.д.

3. Помимо своей традиционной функции — передачи знаний — ноосферное образование будет выполнять и иную функцию — предвидения и прогнозирования будущего. Каждый преподаватель, ведущий ту или иную дисциплину, должен использовать вероятностные знания, альтернативные сценарии, поисковые прогнозы.

4. Поскольку новая система образования будет основываться на идее глобализирующейся Сибири, то возникает необходимость в расширении межкультурной коммуникации и международного сотрудничества.

Научные основы новой стратегии образования — предмет исследования кафедры ЮНЕСКО по экологической этике при Восточно-Сибирском государственном университете технологий и управления.

В заключение еще раз подчеркнем, что концептуальной основой модернизации образования в Республике Бурятия является космополитический проект устойчивого развития глобализирующейся Сибири.

*Б.С. Галимов, Г.Г. Салихов,
Р.М. Валиахметов, А.М. Багаутдинов*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В НАЧАЛЕ XXI В.

В современном мире растет роль и значение образования как одной из важнейших составляющих человеческого развития. Образование расширяет возможности человека, масштабы и спектр социального выбора, формирует качество жизни. Возможность получения образования, соответствующего потребностям личности, является одной из главных жизненных ценностей. Рост экономики и инновационный прорыв могут быть достигнуты только на прочном фундаменте образования, которое должно быть доступным, качественным, удовлетворяющим потребности населения и экономики.

Данные переписи за последние годы по уровню образования показывают существенное улучшение образовательного потенциала населения Республики Башкортостан, особенно в области профессионального образования. Доля лиц с начальным и средним профессиональным образованием выше, чем в среднем по России (18,3% против 12,7% для начального, 28,3% против 27,2% для среднего). Доля лиц с высшим профессиональным образованием в республике по-прежнему ниже, чем в России (11,7% против 16%), однако этот разрыв сократился за период между переписями 1989 и 2002 гг.

Существенно вырос уровень профессионального образования молодого поколения до 30 лет. Именно среди молодежи до 30 лет наиболее заметно сокращение разрыва между республиканскими и среднероссийскими показателями. Однако в средних возрастах уровень образования заметно ниже среднероссийских показателей, хотя именно это поколение пока составляет основу трудовых ресурсов республики.

Первоочередной задачей любого общества является обеспечение государственных гарантий получения дошкольного образования. Система дошкольного образования призвана обеспечивать адекватное возрастным особенностям развитие детей, которое

позволило бы ребенку успешно продолжать обучение в начальной школе и на последующих ступенях образования. При этом акцент должен ставиться на создании равных стартовых возможностей обучения в начальной школе для всех без исключения детей, независимо от места проживания и принадлежности к социальной группе. Исходя из этого, система дошкольного образования должна быть достаточно гибкой, отвечающей социальным запросам родителей, принадлежащих к разным социальным группам и слоям населения.

Система дошкольного образования рассматривается сегодня и как один из факторов улучшения демографической ситуации. Увеличение рождаемости невозможно без предоставления женщинам твердых социальных гарантий устройства ребенка в дошкольное образовательное учреждение с тем, чтобы они могли вернуться к трудовой деятельности. Для реализации демографических задач система образования должна стать общедоступной, место в дошкольном образовательном учреждении должно быть предоставлено в реальные сроки.

Современная система дошкольного образования Республики Башкортостан представляет собой многофункциональную сеть образовательных учреждений. Однако за годы реформ количество этих учреждений и число посещающих их детей значительно сократилось. Сокращение учреждений было связано прежде всего с их перепрофилированием, изменением форм собственности, передачей в ведение других организаций и учреждений. Результатом стало то, что по охвату детей в возрасте 1—6 лет программами дошкольного образования республика находится на 10-м месте из 14 регионов ПФО. В 2007 году данный показатель составлял 59,2% против 58,6% в 2006 г.

Многонациональный состав населения республики обуславливает необходимость развития сети национальных дошкольных образовательных учреждений. В национальных детских садах образовательный процесс организован на башкирском, татарском, чувашском, марийском, удмуртском языках. В 2008 году в республике функционировало более 1,2 тыс. национальных ДОО с контингентом обучающихся 33,1 тыс. человек. По сравнению с 2006 г. их количество увеличилось на 188, а контингент детей, изучающих свой родной язык, — на 2,4 тыс.

С целью социальной поддержки семей, в которых имеются дети, посещающие детский сад, в республике осуществляется выплата компенсации части родительской платы за содержание

ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования.

Несмотря на положительные тенденции в системе дошкольного образования Республики Башкортостан, по многим параметрам, таким как объем бюджетного финансирования, материально-техническая оснащенность, социальная защищенность, оплата труда и профессиональная подготовленность педагогических кадров, она значительно уступает другим ступеням образовательной системы.

Вопросом, требующим решения, является острая нехватка мест в дошкольных учреждениях. Численность детей, посещающих ДОУ, в 2007 г. возросла по сравнению с 2006 г. на 3,2 тыс., а детей, нуждающихся в устройстве, — на 9,3 тыс. Очередность на получение места составляла в 2008 г. 42,6 тыс. человек, в том числе 22,6 тыс. человек в г. Уфе.

Необходимо подчеркнуть, что показатели охвата детей дошкольным образованием существенно различаются по типу поселения. Более 80% дошкольных учреждений в городах работают с перегрузкой, что в свою очередь отрицательно сказывается на качестве предоставляемых образовательных услуг и состоянии здоровья детей. В 2007 году обеспеченность местами в дошкольных образовательных учреждениях в городских поселениях составляла 54,8%, а охват детей — 67,7%. На селе — 50,5% и 47,5% соответственно. Таким образом, дошкольные образовательные учреждения в городах были переполнены на 12,9%.

Данные о численности детей в возрасте 1—6 лет показывают, что ситуация с обеспеченностью детей детскими дошкольными учреждениями может и далее усугубляться, особенно в городах, если не будут приняты соответствующие меры.

Продолжает оставаться нерешенной проблема обеспечения системы дошкольного образования педагогическими кадрами. В 2006 году уровень обеспеченности составлял 97,9%, в 2007 г. — 94,7%. Нуждается в улучшении материально-техническая база детских садов. В 868 ДОУ (48,2% учреждений) требуется капитальный ремонт, 89 (4,9%) находятся в аварийном состоянии. Актуальными остаются проблемы обеспечения доступности и качества дошкольного образования, предоставления равных возможностей для детей, проживающих в сельской местности. Главным же барьером доступности дошкольного образования на селе стала платность предоставляемых услуг.

Ключевыми задачами в развитии общего образования являются повышение его доступности, качества и эффективности. Процесс обновления общего образования в Республике Башкортостан в последние годы осуществлялся в контексте ведущих направлений модернизации системы российского образования.

Происходит повсеместное распространение лицеев, гимназий, учебных заведений с профильными классами. Этот процесс приобретает все большие масштабы под воздействием, с одной стороны, расширения запросов рынка труда, с другой — стремления родителей и учащихся к наиболее полному удовлетворению образовательных запросов.

С 2004—2005 учебного года в школах республики вводится профильное обучение на основе нового базисного учебного плана. За 2005—2008 гг. количество обучающихся в профильных классах увеличилось с 5,8 до 17,7 тыс. человек. С 2003—2004 учебного года одним из направлений эксперимента по введению профильного обучения являлась апробация новой системы итоговой аттестации учащихся 9 классов. Ее результаты способствовали осознанному выбору дальнейшего пути получения образования, а также учитывались при формировании профильных классов на старшей ступени общего образования. Новая процедура проведения экзаменов, рейтинговая система оценивания, контрольно-измерительные материалы в новой форме позволяют более объективно и дифференцированно оценивать знания учащихся.

В целях более активного привлечения школьников к познавательной, научно-исследовательской и творческой деятельности проводятся республиканские олимпиады, турниры и конкурсы.

Башкортостан является одним из немногих субъектов Российской Федерации, где в соответствии с региональным законодательством общеобразовательные учреждения обеспечиваются бесплатными учебниками. В процессе обучения подрастающего поколения значительная роль отводится педагогическим кадрам. Изучение динамики кадрового состава выявило как позитивные, так и негативные тенденции. Проявлением негативных тенденций стало уменьшение численности педагогических работников, а также увеличение доли учителей пенсионного возраста. За последние пять лет она возросла на 1,7% (с 7 до 8,7%). Это объясняется прежде всего низкой закрепляемостью выпускников вузов и ссузов в общеобразовательных учреждениях.

Для обеспечения качества образования важен профессиональный уровень педагогов. В последние годы наблюдается увеличе-

ние доли учителей с высшим педагогическим образованием. Растет число педагогов, аттестованных на высшую и первую квалификационные категории, в 2007 г. данный показатель составлял 79% от общего количества аттестованных.

Для повышения эффективности обеспечения образовательных учреждений республики квалифицированными педагогическими кадрами реализуется комплекс мер по совершенствованию системы непрерывного педагогического образования, закреплению молодых педагогов и педагогов с высоким творческим потенциалом, повышению престижа педагогической профессии, усилению социальной поддержки педагогических работников.

В целом по РБ удельный вес учащихся общеобразовательных учреждений снизился за последние шесть лет на 27%; учителей — на 13%. Численность учащихся в гимназиях и лицеях напротив возросла: в 2007 г. она была одной из самых высоких в ПФО: 73,4 тыс. (15,8%) учеников.

Несмотря на снижение контингента учащихся общеобразовательных учреждений, явившееся следствием демографического спада, актуальной остается проблема недостаточного развития инфраструктуры общего образования. Башкортостан занимает первое место в ПФО по доле учащихся, занимающихся во вторую смену. В 2007—2008 учебном году она составляла 18%, в то время как в Чувашии — 3%, в Татарстане — 4,4%. Эта проблема в большей степени характерна для городов республики, где доля таких учащихся составляет 27,2%. Несмотря на снижение общей численности учащихся школ, ожидается рост числа учащихся в начальной школе в городах, что еще больше обострит проблему.

Продолжает оставаться актуальной проблема обеспечения образования равного качества в разных типах населенных пунктов. Сельская школа пока не может обеспечить для своих выпускников равного по качеству с городской школой уровня общего образования, что обуславливает неравные образовательные возможности для продолжения обучения в системе профессионального образования, особенно высшего.

В последние годы особое внимание уделялось оптимизации сети начального и среднего профессионального образования, кадровому обеспечению отраслей экономики и социальной сферы республики, совершенствованию целевого приема в вузы и ссузы, развитию непрерывного профессионального образования, укреплению материальной базы учебных заведений, совершенствованию форм интеграции образовательных учреждений,

промышленных предприятий и исследовательских институтов в учебно-исследовательские комплексы.

В области профессионального образования наблюдается изменение структуры профессиональной подготовки. По сравнению с 1990 г. к 2007 г. число обучающихся в учреждениях начального профессионального образования (НПО) снизилось в 2 раза, в среднем профессиональном образовании выросло в 1,6 раза, в высшем профессиональном — в 3,2 раза.

Показатели приема на разные уровни профессионального образования свидетельствуют о быстрых изменениях тенденций. Их анализ позволяет сделать вывод, что в последние годы только высшее образование демонстрирует устойчивый рост численности обучающихся: контингент обучающихся возрос в 3,2 раза. Набор на начальное профессиональное образование в республике в 2000—2004 гг. стабильно держался на уровне 31—32 тыс. человек, в 2006 г. он составил только 16,8 тыс., а в 2007 г. — 16,5 тыс. человек. Уже сейчас предприятия испытывают нехватку квалифицированных рабочих и инженерных кадров.

С 2004 года снижается набор в учреждения среднего профессионального образования. Однако сравнение показателей за более длительный промежуток времени показывает, что с 1990 по 2007 гг. число обучающихся возросло в 1,6 раза.

Прирост получающих среднее и высшее профессиональное образование (ВПО) произошел за счет увеличения платного обучения, и главным образом в государственных образовательных учреждениях. В 2007 году 40,7% учащихся ссузов, 59,0% студентов вузов обучались на платной основе. Изменение структуры профессиональной подготовки является следствием сочетания коммерческих интересов образовательных структур в условиях недофинансирования сферы образования со стороны государства, с одной стороны, и изменившихся образовательных ориентаций населения, с другой.

Таким образом, в последние годы сохранялась тенденция снижения уровня востребованности населением образовательных услуг, предлагаемых учреждениями начального и среднего профессионального образования, уменьшения контингента и приема обучающихся в них. Одновременно сохранялся рост потребности в высшем образовании, что отражалось в увеличении численности обучающихся на данной ступени профессионального образования.

Система начального и среднего профессионального образования. Существенной характеристикой современной образова-

тельной сети Республики Башкортостан является многообразие видов начальных и средних профессиональных учреждений, позволяющее удовлетворять образовательные потребности молодежи.

Основными направлениями развития системы начального и среднего профессионального образования были: поиск новых моделей развития; обеспечение условий для качественной подготовки специалистов и рабочих кадров; совершенствование регионального содержания образования; организация работы по анализу востребованности и трудоустройства выпускников; продолжение работы по оптимизации сети, объемов и профильной структуры подготовки в соответствии с потребностями республиканского рынка труда; поддержка и развитие инновационных процессов и инновационного педагогического опыта; выявление и поддержка одаренной, талантливой молодежи; усиление олимпиадного движения.

Вместе с тем есть и проблемы: к примеру, в 2007 г. 56% выпускников государственных ссузов, обучавшихся на очном отделении, было трудоустроено по специальности; 15,8% — не по специальности; 5,8% — не трудоустроено. В 2007 году были открыты новые направления подготовки, акцентировалось внимание учреждений на организации работы по анализу потребностей рынка труда, положении выпускников на рынке труда и их трудоустройства. Продолжалась работа по целевой подготовке специалистов в ссузах по заявкам администраций муниципальных районов республики. В государственные учреждения СПО, действующие на территории РБ, был осуществлен целевой прием абитуриентов из субъектов Российской Федерации.

С целью повышения эффективности использования бюджетных средств и учета потребностей реального сектора экономики осуществляется оптимизация профильной структуры подготовки кадров. В ссузах технического профиля был сокращен прием по непрофильным, дублирующим или маловостребованным на региональном рынке труда направлениям подготовки, прекращен бюджетный прием по некоторым специальностям.

В рамках реализации программ создаются условия для формирования многоуровневой подготовки кадров, разработаны модульные программы по рабочим профессиям для высокотехнологичных производств, закупается оборудование для подготовки специалистов по направлениям, входящим в перечень критических технологий. Для концентрации ресурсов на перспективных направлениях подготовки кадров в соответствии с потребностями экономики ведется работа по созданию многоуровневых учебных заведений.

По ряду показателей республиканская система образования в последние годы достигла заметных успехов. Она занимает лидирующие позиции в Приволжском федеральном округе:

- по объемам инвестиций, направленных на развитие образования, — 1-е место (2-е место — Татарстан, 3-е — Самарская область);
- по объему платных образовательных услуг — 1-е место (2-е место — Татарстан, 3-е — Самарская область);
- по числу учреждений начального профессионального образования — 1-е место (2-е место — Татарстан, 3-е — Пермский край), численности учащихся в них — 2-е место (1-е — Пермский край, 3-е — Татарстан);
- по приему учащихся и выпуску квалифицированных рабочих кадров учреждениями начального профессионального образования — 1-е место (2-е место — Пермский край, 3-е — Татарстан);
- по числу учреждений среднего профессионального образования — 2-е место (1-е — Нижегородская область, 3-е — Пермский край);
- по численности учащихся учреждений среднего профессионального образования — 1-е место (2-е — Нижегородская область, 3-е — Татарстан);
- по численности студентов высших учебных заведений — 4-е место (1-е — Татарстан, 2-е — Нижегородская область, 3-е — Самарская область).

Современная сеть образовательных учреждений республики включает в себя более 4800 разнопрофильных учреждений, где обучается и воспитывается около 900 тыс. учащихся и студентов, работают около 200 тыс. педагогических работников и обслуживающего персонала. По строительству новых школ и реконструкции действующих Башкортостан занимает лидирующие позиции в стране. Практически каждая десятая из ежегодно вводимых в стране школ расположена на территории Башкортостана. Каждый год в республике открываются более 40 новых и реконструированных объектов образования, большая часть из которых — сельские. За последние пять лет построено и реконструировано 210 образовательных учреждений на 29,5 тыс. мест, 18 дошкольных образовательных учреждений.

Развитие высшего профессионального образования. За годы реформ в республике существенно повысились возможности для получения высшего образования. Это произошло как за счет уве-

личения числа государственных высших учебных заведений, открытия в них новых специальностей и направлений, роста приема обучающихся, так и развития негосударственного сектора высшего образования.

В 2008 году подготовку специалистов с высшим профессиональным образованием осуществляли 12 самостоятельных государственных учреждений высшего профессионального образования, 18 филиалов вузов, головные учреждения которых расположены в других регионах Российской Федерации, и 4 негосударственных вуза.

В Республике Башкортостан, как и в других российских регионах, в последние годы складывается образовательное пространство, имеющее свои особенности и специфику. Разветвленная система образования включает учреждения дошкольного, общего, начального, среднего, высшего, послевузовского и дополнительного образования, что обеспечивает непрерывность, многоуровневость и разнообразие в удовлетворении образовательных потребностей. Однако в сложившейся системе образования имеется ряд проблем, не позволяющих в полной мере развивать человеческий потенциал.

Таким образом, основными проблемами в области образования в Республике Башкортостан являются:

- недообеспеченность городских поселений дошкольными образовательными учреждениями, недостаточный охват дошкольным образованием детей в сельской местности;
- сохраняющийся разрыв между сельской и городской общеобразовательными школами в качестве обучения и в возможностях подготовки к продолжению образования на более высоких ступенях;
- несоответствие требованиям рынка труда структуры профессиональной подготовки как по ее уровням, так и по группам специальностей;
- сокращение системы начального профессионального образования;
- снижение доступности качественного профессионального образования для ряда групп населения (сельских жителей, малообеспеченных слоев, семей с одним родителем и некоторых других);
- серьезной проблемой остается отсутствие необходимой преемственности уровней дошкольного образования и начального общего образования, а также начального общего и основного общего образования. Усугубляются проблемы разрыва

преемственности уровней общего образования и высшего профессионального образования.

Приоритетными направлениями деятельности в сфере образования, которые повысят возможности для развития человеческого потенциала, являются:

- в системе дошкольного образования — повышение общей доступности дошкольного образования как в городских, так и сельских населенных пунктах путем увеличения числа дошкольных учреждений и социальной поддержки малообеспеченных групп семей, особенно на селе;
- в системе общего образования — преодоление разрыва между сельской и городской общеобразовательными школами в качестве обучения и в уровне подготовленности выпускников к продолжению образования, получению специальности в системе профессионального образования, особенно высшего;
- в системе профессионального образования — развитие системы начального профессионального образования путем увеличения числа образовательных учреждений и приема в них обучающихся, совершенствование структуры подготовки по специальностям; приведение структуры подготовки профессиональных кадров по уровням и специальностям в соответствие с запросами рынка труда, экономики республики; создание системы независимой оценки и контроля качества обучения на всех уровнях образования, прежде всего высшего профессионального образования.

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В ЧУВАШИИ

Чуваши — древний и уникально живучий народ. У него дважды — в VI в. в Азии и в XIII в. на Волге — «красная корова (война) съела книгу» и оставила этнос без истории и государства.

Чувашская Республика также уникальный субъект Российской Федерации, в котором сохранившаяся удивительным образом национальная черта «аптраманлых» (жизнестойкость) определяет специфику всех сфер жизнедеятельности чувашского народа.

На начало 1960—1961 учебного года в 1067 общеобразовательных школах (291 начальная, 397 восьмилетних, 168 средних, 204 школы рабочей и сельской молодежи, заочная школа взрослых и 6 школ для детей с дефектами развития) обучалось 199,9 тыс. человек. В 2011—2012 учебном году в 481 дневной общеобразовательной, 11 вечерних, 17 специальных общеобразовательных школах обучалось 125 921 школьник.

Число городских и сельских профессионально-технических училищ к 1965 г. возросло до 17. В 2012 году количество учреждений начального профобразования осталось то же — 17. В 20 средних специальных учебных заведениях численность учащихся составляла 7766 человек.

В 1965—1966 учебном году в 3 вузах Чувашии обучалось 10,4 тыс. студентов. В 1967 году открыт Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. К 2012 году высших профессиональных учреждений стало 24 (5 самостоятельных вузов и 17 филиалов).

Дошкольных образовательных учреждений к 2012 г. осталось вдвое меньше прежнего — 435 (399 детских садов и 36 школ-садов). В 20 школах-интернатах и 3 детских домах воспитываются более 3 тыс. детей, из них половина — дети-сироты. В семьях граждан на воспитании находятся 2 тыс. усыновленных и 2360 подопечных малышей.

Такова сеть и динамика функционирования школ Чувашской Республики. Об их работе ежегодно печатаются солидные

(до 200 страниц) доклады Министерства образования и молодежной политики ЧР.

Мы в своих ответах коснемся лишь некоторых «болевых» точек воспитательной и образовательной системы республики.

Трагические исторические события, слабое хозяйственное и социально-экономическое развитие края за последнее тысячелетие определили невысокий уровень жизни чувашей. Тем не менее, не имея просторных полей и стратегических полезных ископаемых, в советский период республика успешно развивала крупное производство федерального и мирового значения (хмелеводство, свиноводство, птицеводство, электроаппаратура, машиностроение, хлопчатобумажная мануфактура). Но возврат в 1990-х гг. к стихийному капитализму резко изменил социальную и производственную картину, отбросил массу населения на десятилетия назад в нищету.

Согласно итогам 2006 г., Чувашии отведено 78-е место по среднему душевому ежемесячному денежному доходу, 79-е место по размеру пенсий, 74-е место по номинальной заработной плате, 63-е место по ВРП (валовому региональному продукту) на душу населения. В 2007 году Чувашия по безработице занимала 68-е место. Под лозунгом приватизации разорены колхозы, артели, совхозы и крупные предприятия. Под видом оптимизации и модернизации закрыты сотни сельских школ, школы искусств, музыкальные школы, детские сады. Прекратили работу Чувашский национальный лицей им. Г.С. Лебедева, школа-гимназия Чувашского госуниверситета им. И.Н. Ульянова, Ядринская национальная гимназия, Республиканский лицей-интернат, Дом творчества в Кувшинке, Дома художников и писателей в Чебоксарах.

Несмотря на это, Чувашия — республика, где сохраняется позитивная динамика развития человеческого потенциала (33-е место). Как отмечают авторы программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», «Чувашская Республика демонстрирует среднесбалансированный подъем, который достигается преимуществами гуманитарных параметров и занимает среднюю позицию среди регионов России»¹.

По объему ввода жилья на человека республика заняла 4-е место, по строительству дорог и газификации она отличилась не только в Приволжском федеральном округе, но и в России.

¹ Регионы в России : социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009. С. 658—667.

Официальная пресса умеет оправдывать власть и находит много поводов для восхваления. *«Усилия республиканской власти в последние 15 лет направлены на развитие человеческого капитала, следовательно, на развитие образования, здравоохранения и всей социальной инфраструктуры региона (жилье, дороги, энергоснабжение и т.д.). Республиканская власть (имеется в виду правление президента Н.В. Федорова) является действенным фактором, инициирующим социально-экономические и инновационные процессы. Ею поставлены достаточно амбициозные задачи превратить республику в один из наиболее динамичных регионов и вывести его на европейский уровень развития»¹.*

К сожалению, амбициозные задачи все еще далеки от воплощения в жизнь. На 2014 год безработица не искоренена, доступность жилья невысокая, в очередях в сад — сотни детей, хотя Глава Республики М.В. Игнатъев в последние годы усиленно занимался этой проблемой, ежегодно открывая более десятка садов, и по этому показателю вывел Чувашию в число десяти лучших регионов России.

Каковы основные факторы, которые привели к росту расизма и других форм дискриминации в вашем регионе в течение последних 50 лет?

В Чувашском крае нет проблемы расизма. Смело можем подчеркнуть, что в регионе нет межэтнических проблем и всплесков национализма. Чувашский менталитет и традиционная этнорелигия тысячелетиями проповедуют «равенство всех народов под луной и солнцем». Среди российских регионов национальные республики Поволжья и Приуралья (Чувашия, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Башкортостан) относятся к группам «наименьшего риска» в плане этнической и расовой дискриминации.

Однако само наличие десятков коренных народов, входящих в состав Российского государства, своеобразные взаимоотношения разноязычных и многоконфессиональных его подданных всегда были камнем преткновения для монархии и главенствующего Синода Российской империи, партийной номенклатуры Советского Союза и остаются злободневными для правительства современной Российской Федерации. Проблемы, связанные с межэтническими отношениями, национальными характерами, этническими стереотипами поведения и менталитета российских

¹ Чувашская Республика. Социокультурный портрет / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. Чебоксары, 2011. С. 183.

народов влияли и влияют на государственную, в том числе и образовательную, политику.

На почве ущемления прав «инородцев» временами возникают политические трения и судебные процессы. Выпады российской верхушки против «государственности» национальных субъектов, двуязычия в титульных республиках, давление на этнорелигии и другие факты, наподобие продвижения лозунгов «Россия для русских» или «единонациональная Россия», непременно вызывают глухое недовольство этносов. Нужно отметить, что Президент РФ В.В. Путин в последних своих статьях и Послании Федеральному Собранию учел фактор этнических ментальностей и проявил понимание необходимости строительства моногражданственности на основе полиэтничности страны. Поддержка власти позитивных взаимоотношений этноментальностей, гражданственности и законности на огромном асимметрично полиэтничном пространстве России сразу же стала отражаться на решении практических проблем перехода общества к демократическому социально-правовому государству.

Но признаки этнической дискриминации со стороны федеральной власти в регионах наблюдаются повседневно. На рубеже 1980—1990-х гг. этнический патриотизм, не оцененный по справедливости и названный обвинительным прозвищем «национализм», стал одной из причин распада СССР. Распад Советского Союза наглядно продемонстрировал, какой мощью и глубиной обладает этническая идентичность и этническая ментальность. Каждый из российских народов и народов СНГ в XXI в. с удвоенной энергией продолжил поиски самобытной, этнически окрашенной судьбы.

Однако до сих пор в России непринадлежность к русскоязычной нации на практике означает разные стартовые возможности и разные ресурсы для развития этнокультуры, СМИ, школы и осуществления индивидуальной карьеры. Деление российских народов на «великие нации» и «национальные меньшинства», неодинаковое распределение национальных доходов и ресурсов не соответствуют нормам гражданского общества и не способствуют равному развитию этносов.

По замыслам российских государственных деятелей, демократия в России должна устранить этнические особенности. Такая постановка проблемы обостряет вопрос о ценности национальных культур, традиций, языков.

Этноментальные характеристики многих российских народов (например, татар, башкир, чуваш, бурят, калмыков, балкар, че-

ченцев, ингушей) не соответствуют европейским классическим представлениям о гражданственности. Жесткая корректировка, насильственная деформация менталитетов российских народов через СМИ, образование, воспитание приводят к нигилизму, нивелировке этнических, духовных, культурных особенностей населения, без которых этносы превращаются в безликую толпу. Результаты школьных и вузовских преобразований последних десятилетий демонстрируют низкий уровень знаний выпускников и высокий уровень их гражданской незрелости и социальной пассивности.

Жертвовать этнической ментальностью, духовностью, культурой, языком, выстраданными веками и сохраненными в неимоверных страданиях, ради провозглашения новомодных выгод и весьма сомнительного «равенства прав личности» российские народы не могут и не будут. Каждый чуваш с детства знает, что «если чуваш пропадет — мир пропадет» (*«Чеваш п.тсен т.нче п.мет»*). Поволжские и кавказские народы помнят о своих общинных, гражданских «вечевых» формах управления родиной и умеют защищать сородичей.

В современной России процветают «верхи» и прозябают «низы», отдаляются по уровню жизни сверхбогатая олигархическая и нищая трудовая части населения. Естественно, простой человек делает выбор не в сторону насильно навязываемых квазигражданских ценностей, а предпочитает этнические традиции, поскольку этническая принадлежность не зависит от его социального положения или материального благополучия и в самые трудные времена спасает от гибели и деградации.

Продолжается этноязыковая дискриминация, выражающаяся в невозможности социального функционирования родного языка. В школах часы, отведенные на чувашскую словесность, сокращаются в пользу дисциплин «Физическая культура» и «Основы православия», чувашские учебники не переиздаются десятилетиями.

Языковая политика в Чувашской Республике строилась на основе закона «О языках в Чувашской Республике» (*принят 27.10.1990*). Появились новые редакции закона, урезающие права чувашского языка — важнейшего маркера, объединяющего этнос. Таков ответ республиканской власти на внесение чувашского языка экспертами ЮНЕСКО в группу исчезающих языков.

Реального чувашско-русского двуязычия (билингвизма) в республике нет. На территории Чувашии фактически чувашский язык не имеет статуса государственного и не реализует свои функции.

Чувашский язык, будучи родным языком абсолютного большинства населения республики, из-за отсутствия четкой национальной политики правительства и прозелитизма Министерства образования интенсивно теряет авторитет у подрастающего поколения.

Материалы опросов подтверждают обоснованность беспокойства исследователей, деятелей культуры, учителей и родителей по поводу практического применения чувашского языка. Проблема сохранения языка в других регионах проживания чувашей является одной из обсуждаемых тем в среде творческой интеллигенции, активистов Чувашского национального конгресса, Совета чувашских старейшин, Чувашской народной академии наук и искусств. В Чувашии проживает около половины этноса, а другая часть — во многих областях и республиках страны, компактно — в Татарстане, Башкортостане, Ульяновской, Самарской, Тюменской областях, в Сибири. Проблема критически остра. Так, только в Самарской области за перестроечное время чувашские школы с 140 насильно сократили до 60.

Следует четко отметить, что сохранение и развитие языка напрямую зависят от преподавания его в школах и вузах, от политики **государственных** органов. Закрытие единственного лицея для одаренных детей, закрытие факультетов чувашской филологии в университетах, неоправданные изменения в правилах орфографии, бесконечная критика преподавателей чувашской словесности и культуры, проведение показательных судов над журналистами-защитниками родного языка сами по себе говорят о ситуации в республике и покрывают дегтем многие другие позитивные усилия власти.

Каковы основные факторы, которые привели к росту догматизма в его различных формах в течение последних 50 лет?

Чиновники всегда и везде противостояли свободомыслию и по природе своей привержены догматизму. Тоталитарно-большевистская страна, забывая Ленинские заветы, защищающие трудового человека, долгие послевоенные годы жила по строгим инструкциям и Госплану. Воспитанники вождей-«ленинцев», руководившие страной в конце XX в., «Философских тетрадей» Ленина в руках не держали. Они учились у заграницы ненавидеть трудовую Россию. Алчным правителям на руку была девальвация общечеловеческих ценностей — долга, ответственности, добросовестности, трудолюбия, служения на благо Родины. Правящая партия большевиков поэтому потерпела позорный крах от рук своих внуков и по заслугам попала в черный список истории.

Говорить о каких-то других формах догматизма в российской действительности нет никаких оснований. Страна бурлила, бурлит и будет стремиться к восстановлению народной справедливости. Чуваши обладают обостренным чувством равенства и справедливости, и оно является главным сдерживающим фактором распространения догматизма в республике.

Консервативно-догматичной можно считать сохраняющуюся в чувашах и в XXI в. психологию инородцев, т.е. нерусских народов, имеющих второстепенное значение по сравнению с русскими, сформировавшуюся у малых народов во времена Российской империи. Не лучше было положение «младшего брата» при «старшем брате» в СССР. Хотя дружба народов декларировалась на образовательно-культурном и информационном уровне, национальная самобытность регионов, различия в традициях и обычаях перекрывались волонтаристской партийной идеологией. Этническая ментальность жестко подавлялась как проявление признаков национализма. Русификацию инородцев при царях, «социалистический интернационализм» при Советах и современный лозунг «За единую российскую нацию», без сомнения, нужно рассматривать как примеры негативной типизации российских народов.

Среди тюрков и финно-угров России для чувашей до сих пор характерна самая низкая самооценка. Тому есть причины. Сравните: предки чувашей в XIII в. под огнем и мечом потеряли руническую письменность и государство Волжскую Болгарию, под знаменами Пугачева в XVIII в. не смогли отстоять религиозную самобытность и национальные имена, деды-вожаки в 1920-х гг. по недоразумению отказались от Ленинского проекта «Большой Чувашии» (Чувашстана), так и теперь руководители республики растерянно стоят на развилке истории. В республиках же исламского направления (Татарстан и Башкортостан) и финно-угорской группы (Мари Эл, Мордовия, Коми, Удмуртия) в годы перестройки сложился иной — смелый, позитивно устремленный настрой.

Этнонигилизм (пренебрежение родной историей и культурой, традициями и обрядами, ощущение этнической неполноценности, ущемленности, стыда за представителей родного этноса) продолжает наблюдаться в среде чувашской молодежи, особенно ярко — в районных центрах и городах. На фоне этноиндифферентности (равнодушия) основной массы населения, включая и интеллигенцию, этнонигилизм молодежи не снижает, а усиливает антиэтническую деятельность органов управления.

Каковы основные факторы, которые привели к росту бедности и социальной несправедливости в вашем регионе в течение последних 50 лет?

Бедность России и Чувашии во второй половине XX в., бесспорно, есть результат послевоенной тотальной разрухи. В годы **Великой Отечественной войны** более 208 тыс. уроженцев Чувашской Республики воевали на фронтах с фашистскими оккупантами. Из них больше половины не вернулись домой. Все силы республики — до последнего хлебного мешка и последнего рубля — были отданы фронту.

Во время Великой Отечественной войны из западных и центральных районов страны в Чувашию было перебазировано более 20 промышленных предприятий. На многих станках под снегом и дождем безропотно, героически работали подростки и девушки. Таков менталитет чувашского народа.

В 1950—80-е гг. среднегодовые темпы прироста общего объема продукции промышленности в Чувашии опережали общероссийские. Чувашия из аграрной стала индустриально-аграрной республикой. К 1970 году было построено и введено в действие 26 крупных промышленных предприятий, в том числе **чебоксарские хлопчатобумажный комбинат**, заводы электрических исполнительных механизмов, электроизмерительных приборов, тракторных запасных частей, «Чувашкабель», **алатырские заводы «Электроприбор»**, «**Электроавтомат**», **канашские заводы электропогрузчиков**, лакокрасочных и пластмассовых изделий. В 1970 году началось строительство **Чебоксарской ГЭС**, в 1972 — Чебоксарского завода промышленных тракторов. Вошел в строй Новочебоксарский химический комбинат.

Интенсивный рост промышленности и ликвидация «бесперспективных» деревень привели к значительной миграции населения в города, что резко сузило круг носителей чувашского языка и культуры. С начала 1960-х гг. с подачи генерального секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева школы республики перешли к обучению учащихся на русском языке. Из школ райцентров и городов чувашский язык изгнали полностью. Резкое изъятие родного языка из образовательного процесса привело к утрате большинством его носителей основ грамотности и народных традиций. Особенно в трудном положении оказались школы и учителя чувашской диаспоры.

С 1991 года начался спад производства. Неудачные попытки реформирования экономики, переход к дикому рынку привели

страну в кризисное состояние. В особенно трудной ситуации оказалась Чувашия, не обладающая природными ресурсами и крупными добывающими предприятиями. Республику ограбили столичные олигархи и оставили народ у разбитого корыта. Это была вторая после Отечественной войны волна полного обнищания трудового класса.

В сложные годы рыночных реформ республиканские власти (в отличие от Татарстана и Башкортостана) не сумели сохранить достигнутого уровня жизни и человеческого потенциала. Бурное реформирование аппарата административного управления, систем образования, здравоохранения, хозяйствования, которое ведется в последние 15 лет республиканскими силами при федеральной поддержке, значительного облегчения населению не дало. Тем не менее В.В. Путиным Чувашия наряду с Белгородской областью была названа лидером среди регионов России по реализации национальных проектов. Значит, плохо было не только у нас.

Уровень доходов населения, оплата труда в Чувашии как были, так и остаются намного ниже российских средних показателей.

Каковы основные факторы, которые привели к росту насилия и терроризма в вашем регионе за последние 50 лет?

Чувашская Республика относится к наиболее безопасному региону России. Она достойно, без больших потерь выдержала постсоветское бремя произвола и бандитизма. Рост терроризма в Чувашии не зафиксирован. Чуваши толерантны и терпеливы как никто в мире. В их ментальность заложена аксиома, что «бессмысленно плевать против ветра».

Но это не значит, что народ удовлетворен своим положением. Несправедливости были, есть и ждут исправления. Например, в Чувашии этнорелигия запрещена полностью. Результаты исследования чувашских благословений и молитв после цензуры опубликованы в искаженном виде. Под видом перерегистрации была закрыта чувашская религиозная община. Ликвидировали старейший журнал «Ялав» («Знамя»). В официальной прессе нет места диалогу. Чувашское национальное радио не транслируется в Чебоксарах. Малейшие замечания в адрес власти предержавших или конструктивно-критические выступления в оппозиционной печати непременно приписываются к экстремизму и подвергаются преследованию.

От своеволия судов, чиновников, новоявленных нуворишей, преступности и бедности в России пока не защищен никто.

В России коррупция, криминал и мафия продолжают править вакханальный бал. «То, что в Москве сегодня хлопнуло, завтра в Чебоксарах повторится грохотом», — говорят чувашаи.

Показательно, что в республике по мере стабилизации экономики и общественно-политической жизни наблюдается существенное снижение негативных явлений. Правительство нового главы республики М.В. Игнатьева более внимательно прислушивается к голосу народа. Ему, например, в 2013 г. удалось мирно развести предмайданный конфликт, возникший вокруг президиума и исполкома Чувашского национального конгресса.

Наблюдения показывают, что этнический аспект существования многонационального населения Чувашии не является почвой для насилия и терроризма. В основе чувашского мировоззрения лежит принцип гуманности, традиционные учения проповедуют мир и труд, честь и равенство. Показательной характеристикой этнических установок и ценностных ориентаций чувашей по отношению к другим народам является, к примеру, доброжелательное отношение к смешанным бракам.

О чувашском терроризме говорить не приходится. Для чувашей нехарактерно агрессивное решение проблем, нападение на противника или уничтожение обидчика. В чувашском правосудии действует реликтовое явление «типшар» — суицид как форма наказания обидчика, преступника. Слово «тип» объясняют от арабского «тебб» — погибель, пропадь; следовательно, «типшар» — «неодолимая беда».

Чувашский «типшар» совершается, когда невинно пострадавший или оскорбленный желает доказать свою невиновность и видит, что общество не реагирует на его доводы, а виновник правдой и неправдой избегает наказания. «Типшар» нельзя рассматривать как признак бессилия и смирения, согласия с несправедливостью. Скорее всего, это доказательство своей правоты или молчаливо «кричащий» протест, личный приговор над отступником или преступником, не желающим нести ответственность за поступки или пренебрегающим чужой судьбой ввиду своей недостижимости со стороны закона или невозможности доказательства его вины. Согласно чувашской религии, сардаш, морально-психологическое давление вследствие «типшара», более значим, чем гнет тюремного заключения или палочного наказания.

«Типшар» в чистом виде в XXI в. среди чувашей встречается редко, но среди подростков и мужчин зрелого возраста проявления «типшара» с социально-политическими мотивациями встре-

чались не раз. В 2000-х годах совершили публичные акты самосжигания на центральных площадях в Чебоксарах и Москве предприниматель, правоохранник, лидер чернобыльцев.

В отличие от многих регионов в республике не отмечено наличие каких-либо национал-шовинистических, антисемитских явлений. Чувашское национальное движение имеет тенденцию решения конкретных национально-культурных и просветительских проблем, а не удовлетворение политических или межнациональных амбиций.

Терроризм в Чувашию может быть привнесен только извне. События 1990-х гг., связанные с проведением первого съезда Чувашского национального конгресса, организации Союза краеведов, принятия закона «О языках в Чувашской Республике» и выборами первого президента республики, показали, что в Чувашии имеются некоторые заинтересованные силы, искусственно разжигающие групповые и межэтнические конфликты.

Постоянный рост инфляции, нестабильное финансирование бюджетных учреждений и организаций, криминализация и коррупция, приватизация мигрантами базаров и рынков, резкое усиление разрыва в жизненном уровне разных социальных групп населения, осязаемое экономическое отставание Чувашии от ряда соседних республик и областей сказываются на умонастроении людей, и именно это может стать причиной народного протеста.

Полиэтничность общества многими ошибочно воспринимается как главный источник трений и конфликтов. Наоборот, этнические общности, объединенные территорией, жизненным укладом и исторической судьбой, обладают необходимыми объективными и субъективными предпосылками для всестороннего сотрудничества, взаимопомощи и взаимопонимания.

Социальное поведение человека типизировано, оно подчиняется нормам, выработанным обществом. Поведенческие стандарты трансформируются, унифицируются под влиянием информации по истории и культуре соседних народов. В полиэтничном Поволжском регионе этнополитическая ситуация спокойная, потому что исторически обусловленное совместное проживание этносов с разными менталитетами и культурными традициями воспринимается как естественная норма.

Гораздо сильнее на стабильность и толерантность поведения народов действует фактор социально-политический. Например, чуваша, марийцы, мордва, удмурты и другие инородцы неприхотливы, исполнительны, послушны, толерантны потому, что за во-

семь веков колониального рабства и официального чернословия у нерусских народов в русском государстве сформировался новый образ мышления, новый инстинкт самосохранения — без максимализма, экстремизма, на основе постоянного, кропотливого, фанатичного созидания вместо разрушения. Угнетенное настроение и подневольное положение народов слилось с национальным характером и одинаковыми формами самозащиты.

В настоящее время положение осложняется наступлением центральной власти на статус этнических регионов. Национальные республики в соответствии с Федеральной Конституцией являются суверенными государствами, имеющими свои конституции, свое законодательство, свою государственную атрибутику, свою территорию. Иными словами, национальная республика — это государство в Федерации. В Конституции Чувашской Республики¹, принятой Государственным Советом ЧР 30.11.2000, в п. 1 ст. 1 главы 1 «Основы конституционного строя Чувашской Республики» сказано: «Чувашская Республика — Чувашия есть республика (государство) в составе Российской Федерации». В пункте 1 ст. 6 отмечено, что «Чувашская Республика несет ответственность за сохранение и развитие культуры чувашского народа и содействует развитию культуры всех народов, проживающих в республике». Таким образом, чувашский народ, получивший свою государственность, объявлялся нацией, т.е. исторически высшим типом этнической общности, для которой характерны единство территории, экономической жизни, культуры и национального самосознания.

Наличие государственности, общего языка и культуры, собственной территории — неперенный признак нации. Коренные народы национальных республик обоснованно именуется титульными нациями. Однако Законом Чувашской Республики от 24.05.2012 № 37 «О внесении изменений в Конституцию Чувашской Республики» п. 1 ст. 1 Конституции Чувашской Республики слово «государство» изъято. Теперь Чувашия — просто республика. Какие последствия будет иметь для чувашского народа это политическое решение, догадаться нетрудно. Ответственность и часть депутатского корпуса возмущены «беспределом в Госсовете» и выражают протест². Чувашский националь-

¹ Конституция Чувашской Республики. Чебоксары, 2011. С. 5.

² Максимов Н. Оппозиция воюет с беспределом в Госсовете // Справедливая Россия — Чувашия. 2013. № 6. Апрель. С. 1—2.

ный конгресс в 1990-х гг. не согласился с изъятием из паспортов графы «Национальность», в 2013 г. вынес специальное решение с требованием восстановить определение государственности в Конституции ЧР. Наступление федеральной власти на малочисленные этносы, на их условную суверенность выглядит взбалмошной проделкой старшего брата по отношению к младшим.

Таким образом, «в современной России угрозу социально-политической стабильности представляют не межнациональные конфликты, а нарастающая социально-политическая напряженность как прямое следствие распространения ксенофобий и усиливающейся дискриминации меньшинств», — констатирует О.А. Лиценбергер¹.

Какова роль образования (начального, среднего и высшего образования) в увеличении явлений, упомянутых выше?

Русская и советская, в том числе и чувашская, педагогика никогда и никаким образом не служили целям дискриминации, расизма, насилия, терроризма. В Чувашии эта проблема старшему поколению вовсе непонятна. Наверное, ее лучше понимают подростки и молодежь, напичканные через СМИ жестокими сюжетами новостей и телесериалов.

Образовательная сфера в республике обеспечивает доступность бесплатного образования для всех слоев населения. Много внимания уделяется борьбе с детской преступностью. Проводится продуманная государственная политика в сфере образования, утвержден программный документ «Стратегия развития образования в Чувашской Республике до 2040 г.».

Актуальными остаются в республике, впрочем, как и в ряде других регионов: невостребованность специалистов с высшим образованием на рынке труда; низкий уровень заработной платы специалистов; высокий уровень безработицы среди молодежи; несоответствие образовательной структуры выпускников структуре имеющихся вакансий; необходимость усиления связи профессионального образования и рынка труда.

Растет число учащихся, желающих продолжать учебу в 10–11 классах средней школы, увеличилось число школ с возможностями дифференцированного *обучения* и подготовкой к будущей профессии, число школ с изучением новых предметов гуманитарного цикла (право, экология, потребительское образо-

¹ Лиценбергер О.А. Восприятие властью этнокультурного и религиозного самовыражения // Вестник Российской нации. 2011. № 4–5. С. 233.

вание, экономика и др.). Увеличивается число студентов в учреждениях среднего и высшего профессионального образования — на 10 тыс. населения к 1998 г. оно достигло 237 студентов, что превысило общероссийский показатель (197). Открыты образовательные учреждения принципиально нового типа — гимназии, лицеи. Повылся интерес к чувашской культуре, истории, языку. Открываются новые востребованные специальности в вузах.

Однако многие пункты республиканской программы «Новая школа» (1997) остаются нереализованными из-за отсутствия материально-финансового обеспечения.

Как показывают результаты ЕГЭ, качественное развитие сельских школ все еще отстает от городских. Основная причина — малокомплектность, отсутствие методик обучения, недостаточность учебных пособий и отсутствие контроля знаний по региональным дисциплинам. А ведь было прописано, что «одним из способов повышения качества и эффективности образовательного процесса в сельской школе, ее научно-методического обеспечения является углубление национальных традиций в содержании образования, более активное включение обучающихся в родную этнокультурную среду, обеспечение свободного владения родным языком»¹.

Сложилась ситуация постепенного отчуждения населения от родного языка. С 1 сентября 1995 г. на чувашском языке велись занятия для 31 626 учащихся (14,4% общей численности), на татарском — для 1832 человек (0,8%). Спустя 6 лет на чувашском языке обучались 22 446 школьников (11,2%), на татарском — 1682 человека (0,8%). Обучение в школах на чувашском языке велось с 1 по 5 классы по всем предметам; на татарском — с 1 по 9 классы. Теперь картина изменилась. Как считал этнопедагог Г.Н. Волков, «национальная школа так и осталась на советско-коммунистической модели... мы имеем начальную чувашскую школу, а дальше наша школа не национальная и неполноценная»². Ныне обучение и воспитание на родном языке не остались ни в детских садах, ни в начальной школе.

Более того, необходимо учитывать, что современные дети и подростки — это поколение активных интернет-пользователей. Большую часть образовательной и социальной информации школьники

¹ Президентская программа «Новая школа» — в развитии // Народная школа. 1998. № 2. С. 35.

² Моисеев П.В., Никитина Э.В. Нация сохранит себя своей национальной школой (интервью с Г.Н. Волковым) // Народная школа. 2002. № 5. С. 8.

и студенты получают из Интернета. Народы, не имеющие во «всемирной паутине» своего этнического сектора на национальном языке, автоматически приобретают в глазах интернет-сообщества (что почти равнозначно мировому сообществу) статус бесперспективных в экономическом, политическом, управленческом и даже военном плане этнических групп, изолированных от культурных влияний и результатов научного поиска более развитых соседей.

Если затронуть проблему создания национальных доменов народов России, то чувашизация компьютерных сетей идет очень медленными темпами. Конституция Чувашской Республики на чувашском языке с официального сайта Чувашии набрана «самопальными» шрифтами и потому не читается. До сих пор не принято официальное соглашение о раскладке компьютерной клавиатуры для чувашского языка. Чувашское отделение «Википедии», открытое в 2004 г., имеет всего 46 активных участников и около 15 000 статей. При таком положении дел перспективы влияния информационной революции на развитие этнических компонентов чувашской культуры и образования невелики...

Отрадно то, что каждому гражданину в республике гарантировано общедоступное и бесплатное начальное, основное и среднее (полное) общее образование, начальное профессиональное образование, а также на конкурсной основе — бесплатное среднее, высшее и послевузовское профессиональное образование.

В среднем и старшем звеньях системы общего среднего образования 98% учителей имеют высшее образование, около 67% педагогов — квалификационные категории. В настоящее время их периодически радуют прибавками к зарплате. В школах и вузах сотни нововведений, идут непрерывные преобразования, совершенствования, обновления, но качество знаний учащихся и студентов катастрофически падает вниз. Школа — часть общества, и она не может быть иной, чем само общество.

Молодые и талантливые специалисты с высшим образованием из-за невозможности применения своих знаний на предприятиях и в организациях республики и низкой зарплаты в сфере интеллектуальной деятельности уезжают в столичные города (Москва, Санкт-Петербург), а в последнее время (благодаря усиленному изучению английского языка в школах республики) — и за рубеж (в частности, США). Многие из них не возвращаются на родину. Министерство образования и молодежной политики ЧР с ними связи не поддерживает — к сожалению, их вообще не берут в расчет при работе с национальными кадрами.

Какие идеи лежат в основе этого образования

Концепция государственной образовательной политики Чувашской Республики «Человек и образование в современном мире» (утверждена Кабинетом Министров Чувашской Республики в 1998 г.) представляет собой систему современных взглядов, принципов и приоритетов в вопросах образования и воспитания подрастающего поколения и является основой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления по решению стратегических задач образования.

Цель образовательной политики — создание системы, развивающей свободную, образованную, культурную личность, способную реализовать себя в соответствии с запросами изменяющегося общества.

Стратегическими задачами концепции определяются: социализация образовательных учреждений всех уровней; построение личностно-ориентированного содержания образования; оптимизация и рационализация сети образовательных учреждений; создание региональной системы непрерывного образования на основе преемственности и интеграции; создание нового финансово-экономического механизма деятельности системы; всемирное развитие национальной школы; обеспечение конкурентоспособности национальных кадров на отечественном и международном рынках труда.

Фундаментальные ценности системы образования: права и достоинство личности; общечеловеческие ценности; исторические и культурные ценности России и Чувашии; национальное самосознание; физическое и нравственное здоровье.

Принципы функционирования системы образования: демократизация; гуманизация и гуманитаризация; вариативность и дифференцированность; научность и преемственность; непрерывность и системность; учет этнокультурных особенностей народов Чувашской Республики; развивающий инновационный характер.

Управление образовательным пространством республики проводится через целевые государственные программы «Сельская школа», «Образование и здоровье детей», «Профессиональное образование», «Дети Чувашии».

Кардинальные изменения в обществе за последние годы резко отразились и на школе. В процессе бесконечных реформ в образовании создано много положительного, но и негативного набралось немало. Не без причины 23 августа 2011 г. в докладе

на традиционной августовской конференции учителей министр образования и молодежной политики Чувашской Республики В.Н. Иванов вспомнил о традициях: «Наш главный принцип — укрепление традиции и развитие инновации».

Каково место гуманитарных наук, философии, этики и прав человека в существующей образовательной системе региона?

В целях гуманизации школьного образования в конце XX в. принимались серьезные решения. Целенаправленно аттестуются вузы, обновляются программы и госстандарты средней школы, вводятся дисциплины этики, эстетики, культурологии, политологии, социологии, правоведения, религиоведения. Перекос получился с урезанием объема классики художественной литературы и сокращением часов чувашской литературы в школах региона.

Ученые обратили внимание на философские воззрения своих народов. В тематическом плане курса философии ЧГУ им. И.Н. Ульянова раздел «История отечественной философии» дополнена темой «Развитие философской мысли народов Поволжья и Приуралья». Усиление этнорегионального компонента обусловлено ростом национального самосознания малых народов, этнополитическими преобразованиями и поддержкой федеральным центром исследований по этнопроблематике. При Чувашском университете успешно функционирует школа этнической философии, основанная видным ученым, доктором философских наук, профессором Э.З. Феизовым (1928—2011). В 2010 году в Чебоксарах была проведена крупная Международная научно-практическая конференция «Методологические проблемы этнофилософии» (координатор — доктор философских наук, профессор В.А. Федотов), которая объединила ученых-специалистов из Санкт-Петербурга, Москвы, Ростова-на-Дону, Самары, Казани, Йошкар-Олы, Саранска, Саратова и других городов.

На фоне ускоряющегося процесса глобализации не только в сфере экономики и политики, но и в области культуры и образования, в условиях усиливающейся «вестернизации» российского образа жизни интерес к проблеме этнического менталитета, традиционным национальным ценностям, многовековому духовно-нравственному опыту этносов, народной философии неуклонно усиливается.

Стремление любого народа познать свою историю, сохранить культуру и привычный, жизнеобеспечивающий психологический склад — естественное желание. Если в жизни человека осознание своей принадлежности к определенному этносу (иными словами,

национальное самосознание или этническая идентичность), поиски специфических ценностей нации продолжают играть важную роль и оказывать серьезное влияние на отношения между людьми (от межличностных до межгосударственных), то развитие наук, анализирующих национальные проблемы с разных сторон (этнопсихологии, этнопедагогике, этносоциологии, этнополитологии, этнофилософии), а также знакомство с ними в высшей и средней школе безусловно необходимы.

Творчеству видных мыслителей чувашского народа XVIII—XX вв. (Е.И. Рожанский, Н.Я. Бичурин, С.М. Михайлов, М.Ф. Федоров, И.Я. Яковлев, Н.В. Никольский, Д.П. Юман, Г.И. Комиссаров и др.) отведено место в школьных учебниках. Философские взгляды видных литераторов (К.В. Иванов, М.К. Сеспель, П.П. Хузангай, Я.Г. Ухсай, Г.Н. Айги; С.В. Эльгер, Н.Ф. Ильбек, Ф.Е. Уяр, А.С. Артемьев, Ю.И. Скворцов), художников (А.А. Кокель, Ю.А. Зайцев, Паски Витти, В.И. Агеев, Ф.И. Мадуров) и ученых (Моис.Ф. Федоров, А.И. Петрухин, Г.Н. Волков, Э.З. Феизов, Н.А. Исмуков, А.А. Трофимов, А.К. Салмин, М.Р. Федотов, Н.И. Егоров) отражены в вузовских учебниках по чувашской литературе и национальной культуре.

Список тем рефератов для старшеклассников и студентов воспринят учащимися благосклонно. Многие их доклады по этнической культуре и этнической философии чувашей занимали призовые места на международных и региональных молодежных конференциях. Вот примерный перечень тем.

1. Проблема национального самосознания в отечественной философской мысли.
2. Этнорелигии народов Поволжья и Приуралья.
3. Общее и особенное в менталитете русского и чувашского (татарского, марийского и др.) народов.
4. Просветитель народов Поволжья И.Я. Яковлев о «чувашской натуре».
5. Проблема духовного и государственного возрождения и развития народов Поволжья в творческом наследии чувашских мыслителей Г.И. Комиссарова (Вандера) и Н.В. Никольского.
6. Философия «аптранмалех» (стойкости чувашского народа) в творчестве П.П. Хузангая и трудах А.П. Хузангая.
7. «Философия земли» в эпической поэзии народного поэта Чувашии Я.Г. Ухсай.
8. Философские и эстетические взгляды чувашского поэта Г.Н. Айги.

9. Роль языка в формировании национального сознания (по трудам Н.Н. Поппе, М.Р. Федотова и др.).

10. Проблема смерти и бессмертия человека. Японское хакири, чувашский «типшар» и др.

Есть ли позитивные изменения, которые дают вам надежду на будущее

Нерешенность и обострение социально-экономических, национальных, культурно-бытовых проблем в условиях ослабления идеологического и государственного диктата в конце 1980-х гг. способствовали зарождению общественных движений, выступавших за расширение прав республик и народов. В 1988 году в новом формате начал работать Центральный Совет чувашских старейшин, в конце 1989 г. был создан Чувашский общественно-культурный центр (ЧОКЦ), в 1991 г. — партия Чувашского национального возрождения (ЧАП), в 1992 г. — **Чувашский национальный конгресс** (ЧНК), делегаты которого представляли чувашское население республики и чувашскую диаспору. Положительно стабилизирующие результаты этих организаций налицо.

По-прежнему сохраняется направленность чувашской молодежи на здоровую семейную жизнь, причем ответственность за благополучие дома и семьи, как и раньше, берут на себя женщины. Не исчезла, несмотря на дикое законы рынка, природная толерантность чувашей, стремление к аккуратности и добронравию. До сих пор срабатывает противоречащая капиталистическим критериям общенациональная установка «вперед других не забегай, от народа не отставай».

Развитое чувство патриотизма, доверие к своим сородичам, признание равенства всех перед законом, приверженность к традициям, неконфликтность и миролюбие — эти стержневые ментальные качества чувашского народа практически не изменились, и это должно послужить исполнению позитивных стремлений нации.

Несмотря на сильное негативное влияние антиэтнического и безнравственного телевидения и Интернета, на процессы урбанизации и усилившиеся за последнее время миграционные потоки, чувашаи в зарубежье и в других регионах России сохраняют родственные и деловые связи с Чувашским краем, не теряют духовных основ, верны истокам и корням своего народа, узам родной земли.

Интернет дает возможность диаспорам прильнуть к родной культуре и родному языку через сайты, открытые на национальных языках энтузиастами этнокультуры, интернет-версии национальных печатных СМИ и онлайн-вещание национальных теле- и радиокompаний. К примеру, в чувашском мире пользуются высокой популярностью сайт К.Плотникова «Чаваш халах сайче» (*Чувашский народный сайт*), чувашская интернет-газета «Ирекле самах» (*Свободное слово*) и Национальное радио Чувашии в режиме онлайн. Под воздействием информационной революции традиционные элементы культуры модернизируются, постепенно проникая во «всемирную паутину» и демонстрируя немалый адаптационный потенциал к технологическим новшествам.

Радостная новость, открывающая интернет-перспективы для чувашского народа, — социальную сеть «ВКонтакте» наконец перевели на чувашский язык! От рождения этой идеи до ее воплощения прошло несколько лет. Включить интерфейс на чувашском можно, перейдя во вкладку «Настройки», затем выбрав пункт «Чавашла» в разделе «Региональные настройки».

Подобные факты дают надежду верить, что чувашаи «были при Адаме, есть и будут до конца мира».

Есть ли что-то, что вы хотели бы отметить в дополнение к вашим ответам на поставленные выше вопросы

В силу многих трагических событий история и культура чувашского народа запылнены во мгле тысячелетий. Целые пласты неизученного древнего богатства хранятся в устном и письменном творчестве народа. Но бедной Республике не до духовных ценностей, а для Российской власти чувашаи были и остаются лишь тихими инородцами, «сорной травой на русском поле», как твердил автор «Истории русского народа» писатель, издатель и историк Н.А. Полевой.

Наш вывод

Даже беглое исследование региона на основе статистических и социологических данных позволяет создать некоторый образовательный портрет Чувашской Республики. Чувашия занимает промежуточное положение между двумя оценками. С одной стороны — Республика законом сбалансирована, по многим аспектам поддерживается гуманистическое развитие человека. В этом плане совершено довольно много достойных дел.

С другой стороны — регион функционально притеснен, в нем лишь декларируется равенство рядового труженика и представителей высшего класса, равенство этносов в условиях федерализма. При социальном дисбалансе любое нарушение прав человека и гражданина вызывает недовольство. А это уже показатель реакции народа, его жизнеспособности, активности и желании творить и развиваться.

Для благоденствия Чувашии властям предстоит прислушаться к мнению масс и удовлетворить некоторые мизерные для государства, но насущные для этноса требования.

Ань Цинянь — доктор философии, профессор Народного университета Китая (Пекин, Китай).

Багаутдинов Айрат Маратович — кандидат философских наук, доцент Башкирского государственного университета.

Билалов Мустафа Исаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета.

Болдонова Ирина Сергеевна — доктор философских наук, доцент кафедры ЮНЕСКО по экологической этике при Восточно-Сибирском государственном университете технологий и управления, зав. кафедрой зарубежной литературы Бурятского государственного университета.

Валиахметов Рим Марсович — кандидат социологических наук, Институт Социологии РАН, Башкирский филиал.

Галимов Баязит Сабирьянович — доктор философских наук, профессор Башкирского государственного университета.

Данилова Вера Софроновна — доктор философских наук, профессор Якутского государственного университета.

Замараева Елена Ивановна — кандидат философских наук, доцент департамента социологии и политологии, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Кожевников Николай Николаевич — доктор философских наук, профессор Якутского государственного университета.

Лапина Татьяна Сергеевна — доктор философских наук, доцент (Москва).

Ли Хэй — доктор философии, профессор, Центр исследований культуры при Китайской академии общественных наук (Пекин).

Мантатов Вячеслав Владимирович — доктор философских наук, профессор, директор Института устойчивого развития, руководитель кафедры ЮНЕСКО по экологической этике при Восточно-

Сибирском государственном университете технологий и управления.

Махаров Егор Михайлович — доктор философских наук, профессор Якутского государственного университета.

Никитина Эрбина Витальевна — доктор философских наук, доцент Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Просеков Сергей Анатольевич — кандидат философских наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Салихов Гафур Губаевич — доктор философских наук, профессор, декан философского факультета Башкирского государственного университета.

Станьял Виталий Петрович — доцент Чувашского государственного педагогического университета имени Ивана Яковлева.

Серегина Татьяна Николаевна — кандидат философских наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Силичев Дмитрий Александрович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Стычинский Максим Сергеевич — ассистент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Трифонов Геннадий Федорович — доктор философских наук, профессор Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Трофимова Роксана Павловна — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Хазиева Наталия Олеговна — кандидат философских наук, старший преподаватель Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Института истории искусств Министерства культуры РФ.

Цзу Чуньмин — доктор философии, Центр исследований культуры при Китайской академии общественных наук (Пекин).

Цзя Сюйдун — научный сотрудник Центр исследований культуры при Китайской академии общественных наук, заместитель директора центра исследований культуры в г. Ляоян провинции Ляонин.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества, заслуженный профессор Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала «Век глобализации».